

АНТОН
Кучевский

ТАКАЯ РАЗНАЯ
ТЪМА

Беда не приходит одна, а на каждое зло всегда найдется... еще большее зло. Новая эпоха грядет — вот только в океан она пришла не с самыми добрыми намерениями. В то время как Пираты Морской Ведьмы сталкиваются с противником, превосходящим их по всем статьям, выживание становится первоочередной задачей. Как-никак, речь идет об океане Оси, и кораблю требуется ремонт, а также нечто, способное говорить на равных с опаснейшим оружием. Куда только не попадешь, чтоб добыть искомое...

Что есть: приключения, бои, магия, рунная технология, взаимодействие различных культур и взглядов, знакомство с некоторыми частями и особенностями мира Кихча, доселе не представленными, герои как новые, так и старые, уже знакомые.

Чего нет: пустого буквоедства, Великих Идей, любовной линии, густо кустящихся роялей (и редко кустящихся также нет), колец всевластия и мечей всерассечения.

И, да: 18+

Антон Ярославович Кучевский

Такая разная тьма

Глава 1. Ложный паралич

Мимо замка, по дороге, размякшей после недавних дождей, едет добрый молодец на игреневом коне. Странствующий рыцарь, стало быть. Латный доспех начищен, аж сияет, у бедра меч, возле седла щит пристегнут с гербом витиеватым. Я сижу у окна и жду, пока не поравняется со мной. Улыбнусь приветливо, конь с копыт — брык, молодец с коня — шмяк, да и удирать оба. Потому что пугающие легенды ходят о красоте леди Беккенбергской, а еще различные темные слухи и страшные сказки.

Что? Развлечений здесь больше нет. Когда добрейший король Фастольф Первый своей милостью подарил мне земли некогда сгинувшего сэра Олеада взамен на жалкую жизнь орденского рыцаря Кноббла, я и подумать не могла, чем в итоге обернется подобная затея. От титула я сразу же отказалась. Есть у меня эдакая неприязнь к дворянству, и вытравить ее непросто. Но, приехав на место, увязла по самые уши...

С моим родом занятий получить подобное благословление непросто. Видите ли, я — пират. Более того, я капитан пиратской команды, и плакаты с моим страшным лицом разной степени достоверности можно найти в доброй половине стран мира. Одним из немногих исключений стал Рид Ойлем, где мы долгое время сбывали награбленное.

Несколько месяцев назад меня пригласили в королевский дворец, сообщив, что Фастольф пропал, и они, долгое время пытаясь найти его самостоятельно, совсем отчаялись. И обратились за помощью к нескольким группам наемников, а также к Морской Ведьме Тави. Очень приятно, это я.

Короля нашли, живого и почти невредимого, передав его благодарным придворным. А взамен...

Замок Беккенберг. Когда мы, купив лошадей, всей командой приехали сюда, обнаружили лишь груды камней, отдаленно напоминающую жилое строение. На верхних этажах чьи-то кривые, но усердные руки сделали деревянные надстройки, видимо, служащие домом и крышей. Учítывая, что хозяйничала здесь банда отребья, в наших же интересах было покончить с ними как можно быстрее. Так и сделали. Перебили всех, заодно нашли еще немного денег, которые общим решением отложили на ремонт.

Работа по восстановлению замка унесла два месяца, как осенний ветер уносит сухой лист. Теперь это конструкция цельная, в три этажа с двумя островерхими башенками, заботливо сложенная заново из светло-серого камня. Хоть и массивная, но не укрепленная: замок для длительной обороны не предназначен. Все, что здесь есть из защитных элементов — солидная входная дверь из дубовых досок толщиной в два вершка, окованная поперек и по краям тонкими полосами железа.

Сейчас я вспоминаю доводы короля и сердито думаю, что меня поймали в силки. Только кажется, что подобный подарок от души щедр и дает неограниченную власть — на самом деле, владение участком земли или фьефом, как его иногда называют в южных странах, требует постоянного присутствия. И взваливает на плечи огромную ответственность, куда ж без этого.

Несколько человек из экипажа изъявили желание остаться при мне, другим я выделила земли, на которых они, распоряжаясь своей долей золота, могли заниматься чем угодно. Бывшее баронство включало в себя сто сорок семь акров плодородных земель, срединную часть реки Тиаллов, несколько скал у горы Рид и небольшой, жиденький лес. Кроме того,

мне теперь принадлежали двадцать пять деревень, с которых я должна собирать налог и отправлять его часть в столицу.

За два месяца я также организовала строительство при замке небольшого поселка, а на реке приказала поставить самую настоящую верфь. Можете представить мою радость, когда старпом Джад Стефенсон после всех необходимых замеров сказал, что Тиаллов годится для передвижения морских судов. Поэтому мы перегнали сюда «Храпящий», мою трехмачтовую марсельную шхуну, и помимо простых ремесленников, пригласили нескольких корабелов из города Порта-Винс, что в Аргентау. Пока я им платила, они занимались исключительно нашим деревянным другом.

Стоит упомянуть и о таинственной базе, на которой команду со мной во главе держали в плену. После обретения нового дома я сделала необходимые расчеты и поняла, что теперь резиденция Ордена, на которой добывали загадочное вещество, находится от нас на расстоянии чуть более четырехсот миль к северо-западу. Если по прямой считать, как птица летит. В связи с этим Фастольф за краткий срок получил множество гневных писем, указывающих, что на территории его государства без королевского разрешения Орден Нистоборцев учредил едва ли не каторгу с преступным умыслом.

Не знаю, как они решили этот вопрос, добром или угрозами, но, когда мы, изрядно соскучившись по морским волнам, вывели «Храпящего» в залив с загадочным названием Молот Теллода, то не обнаружили на старом месте ни следа тайной базы. Даже проверила, не иллюзия ли, но нет, похоже, Искатели действительно решили не рисковать добрыми отношениями с королем.

Старое ремесло мы пока задвинули в дальний угол. Денег сейчас столько, что лишь скука может снова погнать команду в рейд. Хватает и на новую одежду с утварью, и на строительство, и на то, чтоб съездить в крупные города да загулять хорошенько.

Таких имеется два — Карби к северу и Теккель в устье реки Тиаллов. Чаще всего навещаюсь именно в последний, он крупнее, там рядом море, есть кого позадирать, есть где выпить — в общем, чудесный город. А еще там величайший книжный развал, в котором иногда можно выудить настоящие сокровища для мага, еще не познавшего все тайны мира.

В глаза било неожиданно яркое осеннее солнце, когда я вывела из конюшни белую Разбойницу и набросила на спину седло. По статусу, мне следует кричать из верхнего окна замка «А подать-ка мне лошадь!», но конь — это почти как корабль. Сам на нем едешь, значит, сам и ухаживаешь, и седлаешь, и расседываешь, и скребком специальным вычесываешь. Почти рыцарский устав. А некоторые рыцари, как показывает мой опыт, сего благородного звания и вовсе недостойны.

Конюх боится меня, как демоны — Светлой сферы. Каждый раз хватается за обереги, но мужественно не покидает должность. Я его не слишком жалею, но вынуждена признать, что причина у него имеется, и не одна.

У меня длинные треугольные уши, торчащие в разные стороны, серая кожа, желтые глаза медового оттенка и отменная зубастая пасть, тонкогубая и широкая. Клыки и сверху, и снизу чересчур выступают наружу, а черные волосы, которые я вечно ленюсь часами расчесывать, подобно прочим замковым девам, только добавляют в облик темных красок.

А еще на спине треугольником растет черная короткая шерсть, нижним концом опускаясь между лопаток. И на руках, на тыльной стороне, небольшие пятна такого же меха — кровный подарок от матери-йрвая.

Ростом я значительно выше обычного человека — всего-то полвершка не дотягиваю до

двух метров, а еще ношу, несмотря на развитую фигуру, мужскую одежду, вечно ношусь с оружием и умею колдовать.

Хотя одеяние (а порой — и униформа) морских капитанов, вне зависимости от типа корабля, слабо разнится между собой, я все так же ненавижу шляпы. Излюбленный, просоленный океаническими ветрами и водой темно-красный кафтан, надетый поверх белой рубашки и корсета из плотной кожи, крепкие штаны, хорошие, качественные сапоги. В повседневной жизни — обычный пояс с подсумками, на борту — портупея. Мечи и различные колдовские реагенты прилагаются, так сказать.

Достаточно причин, чтоб шарахаться от леди Беккенбергской? Вполне.

Беспощадное гостеприимство соседей-аристократов мне уже давно надоело, хоть я и гостила у них под личиной юной, хорошенькой девушки. Беда в том, что мои воспоминания о грайрувском дворянстве ничуть не соответствовали местным порядкам.

Какой-нибудь захудалый виконт в столице империи всегда одет по последней моде, часто благоухает духами и следит за манерами и речью. Здесь же на застолье дворяне могли и кулаком в рожу друг другу двинуть, и чистоплотностью часто пренебрегали. Я же, несмотря на огромный запас терпения и отсутствие брезгливости, чистых людей и нелюдей люблю больше.

Даже на корабле у меня есть душ. Хоть и небольшой, он полностью отвечает непритязательным потребностям команды. В основном, на кораблях Кихча данное помещение отсутствует — в плотный деревянный корпус и так не все получается уместить, а тут и каюты на два места, и рунный двигатель у кормы, прямо под ютом.

Ко всему прочему, «Храпящий» все еще остается парусной трехмачтовой шхуной с гафельным вооружением. Его наивысшая скорость — двадцать пять узлов при попутном ветре и работе двигателя на полную мощность, и сомневаюсь, что хоть один из кораблей этого мира способен на такое.

Разбойница шла ровно, затем я похлопала ее по боку и перешла на неспешную рысь. Не люблю шпоры и не использую их. Лошадь — животное достаточно смышленное, чтоб обучиться простым командам. Умнее некоторых матросов военного флота, во всяком случае.

Мимо проплывали редкие деревья, однако, в основном, узкая дорога — две телеги не разминутся — вела мимо золотистых полей, где созревала основное «хлебное» растение Рид Ойлема, пагав. Крупные колосья с едва заметными снежно-белыми волосками по осени собирались и запасались в амбарах. Местечковые колдуны готовили обереги и заклинания от крыс, а из части зерна, естественно, гнали выпивку.

Между прочим, в Беккенберге есть неплохая лаборатория, где все еще получают дистиллированный спирт. Я закупаю понемногу, поскольку никогда не знаешь, где он понадобится — все отвары, настойки, черт, да едва ли не четверть алхимии построена на использовании спирта!

Сами алхимики тоже немало сделали для истории спиртных напитков. Эль, пиво, вино... все эти жидкости относительно безвредны по сравнению с отшибающей мозги дрянью, которая может быть создана на основе дистиллята. Так, постепенно, некоторые распространенные зелья превращались в горячительные напитки.

Не то чтоб я сильно понимала в алхимии, однако историю ее знаю неплохо. И на практике нередко приходится пользоваться снадобьями, которые можно достать только с помощью собственной лаборатории, так что хочешь не хочешь, а учиться надо постоянно. Те из команды, что приезжают в замок, все время подшучивают, что меня ждет позорная смерть

от груди упавших сверху книг. А я, можно сказать, только получила отдых.

Один Линд не подшучивает. Он лишен чувства юмора, напрочь...

Вот ирываешься между огромным хозяйством, учебой и стремлением куда-то вырваться. Благо, с первым помогает интендант — он теперь управляющий замка. Можно сказать, мажордом и коннетабль. Ведет учетные книги налогов и запасов, общается с крестьянами, последние несколько декад даже суды вершит.

Каждому — свое. Благодаря скрупулезному Сейтарру я имею возможность изредка прокатиться по округе, как сейчас вот. Фальшивыми обликами в своем владении не пользуюсь — интендант тщательно распространяет слухи, что на мне ужасное родовое проклятие. А так как я никого не казню и к порке прибегаю редко, можно сказать, что поступкам простые люди доверяют гораздо больше, чем внешности.

Сзади послышался топот копыт. Я инстинктивно опустила руку на пояс, но все же сначала оглянулась. Несясь во весь опор и нахлестывая темного коня поводьями, меня догонял Деррек, помощник боцмана. Слегка натянув повод, я остановила Разбойницу и даже развернула ее, с недоумением смотря на парня. Чем-то он обеспокоен...

— Капитан! У нас там что-то странное творится! — вместо приветствия прокричал он. Я удивленно приподняла бровь:

— Там — это где?

— В Подлесной! Кажется, боцмана паралич разбил!

— Идем, — кивнула я и резко развернула лошадь. — Заскочим в замок, возьму сумку с ингредиентами.

Подлесная — небольшая деревенька к югу от замка, там сто человек всего живут. Странно, что Ксам избрал для себя такую глухомань. С другой стороны, такому расsvистяю плевать. Может забросать тухлыми яйцами знатного господина в столице, а может стащить крынку с молоком у бедной семьи. Хотя, к его чести, обычно уловки Рыжего пестрят вычурными сложностями.

И вот сейчас его что-то настигло... проклятье? Порчу кто-то навел?

Никогда не снимала проклятий. Теорию знаю, благодаря терпеливым наставникам Академии, практики — шиш с маслом.

— Что с ним? — крикнула я. Пришлось перейти на галоп, поскольку Деррек не щадил свое животное.

— Припадочный какой-то. Сидели, рыбу ловили, его как скрутило! Один глаз зажмурил, второй выпучил, да одеревенел весь. Я его попытался разогнуть — да где там. Попросил односельчан присмотреть и пулей за вами, а в замке сказали, что госпожа только что изволили отъехать на прогулку...

— Странно, — сказала я, размышляя над его словами. — Не похоже на порчу. Он ничего не ел? Из того, что есть не полагается.

— А демон его разбери, капитан. Вы ж его знаете — все тащит в пасть, а потом животом мается. Можно побыстрее?

— Говорю же, надо заехать в замок. Все инструменты и снадобья там, без них я как без рук! Твердила ему, что когда-нибудь сдохнет из-за своей идиотской привычки, остолоп рыжий, — вздохнула я. Растений, способных вызвать подобный эффект, я не знаю, несмотря на смелое предположение. Иметь бы под рукой опытного травника, да нет в округе таких, кроме меня. А мой опыт в использовании флоры весьма мал и во многих случаях бесполезен. — И трогал ты его зря.

— Да черта с два оно перекинется, — в сомнениях крикнул Деррек.

— Надейся, — фыркнула я. — Графа позвали?

— Он в Теккеле. До города сутки пути, а замок рядом.

— Все равно стоило сдернуть его с насиженного места. Я гораздо лучше справляюсь с заживлением ран, чем с лечением неизвестных болезней. По крайней мере, не могу опознать ее по твоему описанию, Деррек, уж прости.

Помощник сделал пару кругов по двору, пока я рылась на полках. Пыль столбом стоит, так беспокоится. Наконец, вытащив на горбу увесистый мешок, я привязала его к седлу и одним движением запрыгнула на коня.

— Поехали! Ксам в последнее время не якшался с местными колдунами или алхимиками?

— Вроде нет...

— Так вроде или нет? Я не смогу ничего сделать, если не буду знать причину его паралича! — зло произнесла я, понукая бедную Разбойницу.

— Мы должны сделать хоть что-нибудь! — воскликнул он, поворачивая направо, мимо деревни. К реке едет, напрямик.

Что-нибудь сделаем, бесспорно. Вот только как бы не оказалось слишком поздно. Конечно, насчет «ничего не смогу» я погорячилась — есть один варварский метод, достойный степных племен. И, если я не смогу определить болезнь, придется использовать именно его.

Боцман красивого сине-черного цвета лежал на берегу реки. Брошенные снасти валяются рядом, вот только поплавки с крючками кто-то ушлый уже подрезал. Лицо Ксама перекошено, даже глазами не шевелит. И не дышит. Твою мать. У меня сердце замерло.

— Пока ты меня нашел, сколько прошло времени? — нервно спросила я Деррека. Тот задумался:

— Часа полтора.

То есть, он не дышит уже добрых два с половиной часа? Здесь только торжественное погребение поможет. Остается только слабая надежда, что оцепенение магическое — тогда он все еще жив. Вероятно, даже невредим. Вслух я объяснила:

— Сейчас посмотрим. Спешка ничем не поможет, Рыжий либо уже мертв и пребудет в таком состоянии до скончания веков, либо жив и останется жив до конца воздействия магии. Если это магия. Задержать дыхание на два с половиной часа даже киты не могут, я читала.

Нет. Я никогда не видела ничего подобного. Остается одно...

Развернув небольшой кожаный футляр, я достала оттуда резные костяные иглы. Специальный наговор, помогающий вернуть контроль над своим телом, хоть и забирает у человека или существа другой расы несколько лет жизни, но действует почти всегда. Да и с нашим ремеслом до старости точно никто не доживет. Укрыв мерцающей серебристо-голубой пеленой самую длинную иглу, я с силой вогнала ее под одно из левых ребер. Дальше действовать следовало быстро — иголки мелькали в воздухе, словно стрелы при крупном сражении. По правде говоря, боцман и выглядел теперь, как павший в том самом сражении.

Ксам закашлялся, затем выгнулся в воздухе, но я прижала его к земле, коротко бросив:

— Лежи. И за грудь не хватайся пока что.

— Угу, — просипел Рыжий. Из его шеи тоже торчали две иглы — одна позволяла вернуть власть над хребтом, другая пронзала трахею, позволяя дышать. Не слишком приятно.

Однако, несмотря на дикость метода, синева отступала с кожи. Я знала, что если уберу

хоть одну кость, все придется начинать сначала, поэтому приказала Дерреку держать ноги боцмана, а сама придавила коленом его грудную клетку.

— Если дернешься, укоротишь себе жизнь, — сообщила я, с тревогой глядя на него.

— Насколько? — слабым голосом поинтересовался он.

— На всю оставшуюся. Лежи.

— Лежу.

Я его таким смирным видела только во сне. Знаете, когда шаловливый хулиган с соседней улицы настолько умаялся, что заснул прямо в тени ближайшего дерева. И никто его не хочет трогать, иначе снова начнется...

Вообще, его жизнь и так укоротится, но я ему пока не скажу. Вдруг возмущаться будет? Да и пару лет всего, для нашего ремесла это пустяки.

Несмотря на боль, мучившую все его тело, боцман лежал неподвижно. Наконец, когда иглы почернели, вытянув всю гадость из организма, я торопливо повыдергивала их и сожгла в наспех сотворенном огне. Если задуматься, у Когтей Серрата есть и другое применение — то, от чего они избавили одного человека, может быть с успехом перенесено на другого. Но у меня нет врагов... ладно, кого я пытаюсь обмануть. Нет тех, кого бы я *настолько* ненавидела.

Дрянь, которая терзала Ксама, явно непроста. Если я не могу определить, что это, надо хотя бы выяснить, из-за чего могла возникнуть подобная болезнь.

Он открыл глаза. Белки покраснели от лопнувших кровеносных сосудиков, приглушив травянисто-зеленый цвет радужной оболочки. Осторожно втянул воздух, ощупал грудь и живот, затем опустил пальцы на шею. Потер, видно, что не в своей тарелке. Еще бы — сидишь, ловишь рыбу, и тут тебя настигает явление, категорически несовместимое с жизнью.

— И что это было? — спросил Ксам, измученным взглядом смотря на меня, но я только развела руками:

— Хочешь, верь, хочешь — не верь, но я то же самое хотела спросить. Ты в последнее время не подкладывал никому из могущественных старых волшебников булавки на любимое кресло?

— Почему именно могущественных и старых?

— Потому что я подобное наваждение первый раз вижу. Это не простое проклятие или порча, которые обычно снимают возложением рук за две-три секунды. Думаешь, зря тебя иголками тыкали?

— Значит, дело рук какого-то прожженного колдуна, говоришь, — растерянно повторил Ксамрий Ягос, затем покачал головой: — Нет, не припомню.

— У знахарки какой травы, может, украл? — продолжила я допрос.

— Да на что они мне?

— Может, это... шальная стрела? Сотворили на кого-то другого наговор, а он возьми и перекинься на Рыжего, — предположил помощник.

— Подобные заклинания всегда направлены. Случайности быть не может. Разве что образ, использованный в заклинании, был неточным. С другой стороны, подобные заклинания — а я почему-то уверена в том, что здесь поработал маг — можно применять вообще без цели, надо лишь иметь под рукой нужный предмет.

— Какой еще предмет?

— Любой, — усмехнулась я. — Сказки читал? Про заколдованные яблоки, про

веретено.

— Яблоки — это как раз в твоём духе, да, Ксам? — поддел боцмана Деррек. — Что-нибудь сожрать случайно. Мог даже не заметить.

Боцман задумчиво накручивал на палец тонкую леску из конского волоса. Несколько оборотов в одну сторону, затем снять и несколько в другую. Пожал плечами:

— Если и было, то я не помню. Капитан, а есть ещё варианты?

— Куча. Например, сунуться в древнюю сокровищницу, защищённую смертоносными ловушками. Искатели приключений наивно думают, что стоит обращать внимание только на шипы из пола да сдвигающиеся стены. А после того, как люди, что внезапно обзавелись несметными богатствами, через декаду умирают в своих постелях, высушенные до скелета, начинаются пересуды. Вообще, если говорить конкретно о проклятьях, они бывают весьма различны по своей природе.

— Например?

— Направленное, зональное, блуждающее, предметное. Четыре основных, также отдельной группой выделяют спящие — те, которые набирают силу только тогда, когда произойдет необходимое условие, заложенное волшебником, — пересказала я небольшой фрагмент из академических лекций, стараясь ничего не упустить. — Поэтому, сам понимаешь, определить очень сложно.

— Да уж, — буркнул боцман и почесал короткую «шкиперскую» бороду. — Непростая наука. А вдруг это не проклятье? Или оно было наложено на кого-то другого, а мне случайно досталось?

Я повела ладонью в сторону, драматично показывая, что мои усилия по объяснению тонких материй тщетны:

— Говорю же, случайности быть не может. Наговор, направленный на другого человека может достаться тебе только в том случае, если вы связаны особым ритуалом. И это не наша командная метка, все гораздо сложнее. Должна существовать особая связь, позволяющая скрепить воедино чувства, которые вы испытываете, она носит имя великого нейтрального мага Люгуса. Тогда все, что переносит одно существо, передается и другому — к сожалению, в том числе и болезни, эффекты заклинаний, таких, как сглаз или порча. Но не физические раны.

На этот раз сквозь загорелую кожу его лица проступил другой цвет — мертвенно-бледный. Тщательно подбирая слова, боцман спросил:

— И... вы сказали, та штука, что приключилась со мной, смертельна?

— Если рядом не будет умелого целителя — наверняка. То, что я вылечила тебя, не может через ритуал Люгуса повлиять на того, второго. Или вторую, — кивнула я, настороженно смотря на него. — Только не говори, что ты...

Глава 2. Родственные связи

Боцман, охваченный тревогой, поделился лишь одним словом. «Сестра».

Семь демонов ледяного вихря! Тот обряд, о котором я говорила, настолько редкий, что о нем знают лишь те, кто любил рыться в ворохе пергаментных книг Второго тысячелетия империи. Во-первых, он непрактичен. Собственно, основные недостатки я назвала еще при разговоре с боцманом. Желание знать, что близкие люди в порядке, очень благородно само по себе, но применять для этого давно забытую магию зарекайтесь раз и навсегда! Отца Ксам не знает, но идея, оказывается, была его. Безответственно отдать детей в руки молодой лесной ведьмы, чтоб «они всегда защищали друг друга» и «никогда не пренебрегали любовью к семье».

Во-вторых, нет способа его разрушить. Будь такой подвиг не по силам именно мне, я бы так и сказала, но рядом с описаниями болезни или порчи в литературе считается хорошей традицией давать и способ излечения. В пожухлом томе его не было. Только описание ритуала Люгуса, судя по дате внизу и архаичному языку, самым величайшим и написанное.

Боцман тоже остолоп. Нет бы заранее перевезти сестру в земли бывшего баронства, как только они достались нам. Он, видите ли, решил, что в Грайруве ей будет безопаснее. Да черта с два!

Да, я немного зла. И оскал этот предпочитаю прятать под личиной ледяного спокойствия. Очень нехорошо мне чувствовать себя беспомощной, очень не люблю и старательно избегаю данного ощущения. И ведь понимаю, что сделать ничего не могу, но гложет и гложет, как собака особо понравившуюся кость.

Конечно, я отдала приказ снарядить корабль. Решили, что доведем «Храпящий» до Теккеля, там загрузим еду и прямым ходом в Грайрув. Рискованно, конечно, идти в Зиммергауз сейчас, но я не столько боюсь за сестру Рыжего, сколько опасаясь, что в следующий раз судьба подбросит мне нечто, с чем я справиться не смогу. И верный человек умрет прямо на руках. Есть еще один набор Когтей, но лучше устранить первопричину...

Экипаж съезжался из окрестных сел быстро, с трудом приволокли вдрабадан пьяного Хога, бросив его на камбузе и подперев шваброй. Даже заботливо поставили рядом ведро. Справедливо решили, что проспаться всегда успеет, а приводить его сейчас в чувство — себе дороже. Кок с похмелья буйный.

Старпом, как и Граф, а также еще несколько матросов, предпочитает ошиваться в Теккеле. Я отправила ему предупреждение, чтоб подготовил груз провизии, Сейтарр заранее написал список того, что понадобится. Джад не слишком возражал, только спросил, к чему такая спешка. Вкратце объяснив, что боцман идиот, я дура, а жизнь, помимо золотишка в карманы, продолжает щедро подбрасывать нам пинки и оплеухи, я, кажется, удовлетворила его любопытство.

Как проходил диалог, спросите вы? Дело в том, что Джад, как и я, обладает Искрой — свойством организма, доселе не вполне изученным, которое позволяет колдовать. А два мага, если им известна внешность друг друга, могут воспользоваться мысленной связью. К сожалению, с простым человеком так связаться невозможно, однако и на том спасибо. Благодаря такой небольшой хитрости я без труда могу разделять команду на два отряда и координировать общие действия. Один у Нити недостаток — голова после нее раскалывается, как с похмелья. Никаким буйным поварам и не снилось.

А еще я, конечно же, поделилась мыслями с Алатором, хоть и зарекалась больше этого не делать. Поскольку мастер Алатор Схименц, некогда известный совершенно под другим именем — такой вредный и надменный старикашка, который до сих пор весьма дружен с моим отцом. Мне он ничем не обязан, более того, никогда не упустит случая пожуричь за избранную стезю. А у меня, между прочим, другого выбора и не было. Можно так сказать.

Однако, благодаря службе в имперской Тайной Канцелярии он просто кладезь различных знаний, не пользоваться которыми — явный признак непрактичности. Поперли его со службы после того, как на родине йрваев маг потерял руку. Кажется, ее откусило какое-то прожорливое растение из местных. Теджусс, место рождения моей матери, вообще опасное место, и ни в коем случае нельзя его недооценивать. Магия там работает из рук вон плохо.

К сожалению, Алатор знал о загадочной напасти не больше моего. На совет порыться в книгах я лишь пренебрежительно отмахнулась. Уже сделано. Я не могу чувствовать себя в замке, как дома, если не натащу туда книг, так что библиотека появилась еще в первую декаду. С тех пор она только пополнялась различными ценными экземплярами.

Так вот, в книгах ничего похожего нет.

Одно хорошо — Ксам больше не корчится в судорогах. Видимо, отступила болезнь, хотя бы на время.

— Нормально себя чувствуешь? — приблизившись, спросила я. Боцман сидел на свернутом в толстый бублик канате, с тревогой смотря в серое небо, укрытое одеялом облаков.

— Будем живы — не помрем, — скривился он. — Я за Узану переживаю.

— Теперь-то что волосы рвать... — проворчала я, опираясь спиной о грот-мачту. — Вспомни, я еще в первую декаду сказала — всех родственников лучше перевезти поближе. У меня эту землю даже последующие короли не имеют права отобрать: такую хитрую схему нарисовали придворные писари, что и не подкопаешься.

— Хорошо задним умом думать, — огрызнулся Ксам.

— Иди, командуй. А то на людей бросаешься почему зря.

— Если б на людей, — криво усмехнулся он, одновременно с опаской поглядывая на меня. Я даже сапогом в него не бросила. Рыжему надо прийти в себя, поскольку в последние несколько часов я наблюдаю на месте молодого, дерзкого парня какую-то выжатую тряпку.

— Капитан, может, по пути кого-нибудь выпотрошим? — пробегая, а вернее, пролетая на гике мимо, окрикнул меня Деррек. Русые волосы, как всегда, стянутые в хвост, развеваются на ветру. А господин речной ветер норовист и изменчив характером, как юная девица. И, хотя с парусами могут управиться три человека (что обычно и происходит на ночной вахте), лучше держать их в узде. К тому же, в реке сажать кого-то в корзину на грот-мачте нет резона — русло Тиаллова на редкость гористое. Куда ни глянь, всюду обширные холмы с буйными лесами, уже начинающими одеваться в цвета осени.

— Берешь удочку, ловишь рыбу, помогаешь Хогу готовить, — невозмутимо перечислила я порядок действий, который нужен для потрошения. Прекрасно понимаю, что помощник боцмана имеет в виду, однако до того ли? Грабить толстые купеческие суда, безусловно, весело, но разве у нас настолько мало денег, чтобы останавливаться по прихоти? Все же человека спасаем, а, возможно, и двух.

— Ну, капитан... — протянул он безнадежно.

— Чем быстрее доберемся до Грайрува, тем лучше. Если нас по пути не выследят

военные корабли, вообще замечательно.

— Так мы скоро сами станем толстыми купцами, — поддержал его Мархес. Несмотря на то, что этот смуглый низкорослый детина последние два месяца хвостом таскался за Линдом Тильманом, лучником, к отплытию он явился вовремя. А вот его наставника не видать. Я отрезала:

— Если прямо по курсу вдруг попадетсся торговое судно, так и быть, пошарим по трюму. Но не сверну ни на румб! Кстати, а где Линд?

— Черт его знает, — пожал плечами Мархес, проведя ладонью по лысой голове. — Кажись, опять наемничеством промышляет.

— Нет, я прекрасно понимаю, что, если он не на корабле, значит, где-то в другом месте. Но Джад сказал, что в городе лишь он, Граф, да братья где-то по портовым кабакам гуляют. Значит, нашего стрелка и там нет.

— Еще в залив не вышли, а уже проблемы... — буркнул чернобородый Шэм. Ворчунов, настоящих, готовых сутками сетовать на судьбу и на отрицательные черты всех окружающих, на шхуне трое — он, Нытик и кок. Оброс волосами, теперь из их центра торчит только нос, блистающий следами переломов, темные злые глазки и иногда доносится ворчание, вот как сейчас.

Почесав макушку, я решительно приказала:

— Стоп двигатель! Отдать якорь. И шлюпку спустите... хотя, демоны с ней. Только время зря потеряем. Якорь бросьте чуть ниже по течению.

Я сняла португею с мечами, один стальной, второй зеленый и прозрачный, затем добротный, почти не продуваемый морскими ветрами кафтан, и небрежно, поддев за пятку, сбросила сапоги.

— А не холодно сейчас купаться, леди? — насмешливо подал голос боцман.

— Иди к черту, — добродушно ответила я. — Мы бывали в таких местах, по сравнению с которыми вода Тиаллова осенью горяча, как только что сваренный суп!

И прыгнула вниз.

Вынырнула, жадно хватая воздух, уже в метрах двадцати от корабля. Хог запоздало заорал с камбуза:

— Обед!

А ведь всего-то надо было несколько минут повременить с водными процедурами.

Кок у нас мастерства изрядного, однако, в еде я неприхотлива — обычно жру, что дают. Люблю фрукты, особенно яблоки. То ли вкус нравится, то ли клыки постоянно чешутся. Орехи вот недолюбливаю, застревают в зубах.

Ну сейчас-то уже поздно возвращаться. Да и вода действительно холодная, второй раз уже подумаешь, прежде чем прыгать. Я погребла к берегу, не слишком стараясь преодолеть течение. На него и был расчет, корабль встанет на якорь ниже. Плаваю я неплохо, так что слово «утонуть» для моих безразмерных ушей звучит дико и неправильно. Как можно утонуть, если наше тело свободно держится на поверхности воды? Тем более, в реке, где и волн-то никогда не бывает.

У берега мягко, клубящийся ил обволакивает босые ноги. Когти, правда, цепляются за всякие корни и ветки, надо бы подпилить. Растительности у берега видимо-невидимо. Кажется, что некоторые деревья протянули свои щупальца прямо сюда, в воду, я то и дело на них поскользываюсь.

Кое-как схватившись за выступающие корни, подтянула себя на берег. Земля

вперемешку с мелкими камнями — в трех шагах, но уже здесь переплетающиеся отростки образуют некое подобие твердой суши. Села спиной к дереву, чтобы не продувало, и начала творить наговор.

Хоть Искра не позволяет поддерживать мысленную связь с теми, кто не владеет магией, существует множество всяких уловок, которые, пусть не так хорошо, все же могут ее заменить. Среди них есть штука, с помощью которой знакомые между собой студенты Академии подшучивали друг над другом. Называется Гир Руд, волшебник призывает призрачное животное и велит ему доставить сообщение. Откуда такое название для простенького ритуала? Не знаю.

Конечно, силы такого животного незначительны. К примеру, от Грен Тавая до замка Беккенберг ему не добраться, рассеется и растает в воздухе. А вот разыскать и вручить личное послание кому-нибудь в радиусе двухсот миль... кстати, обычно это не те животные, которые могут быстро и долго бежать, не уставая, а какая-нибудь лиса или пес. То есть, используя ассоциацию образов, заклинание больше ориентировано на поиск.

Так и на сей раз — под моими ладонями, щекоча кожу полупрозрачным светящимся мехом, возник призрачный лис, который пытливо уставился на меня. Интересно, чувствуют ли что-нибудь призраки? Особенно временно сотворенные?

— Найди человека, что зовет себя Линд Тильман, — строго произнесла я. — Передай ему, что корабль с командой ждет его в Теккеле, на быстром причале.

Думаю, больше ничего не потребуется. Они все понимают с лету.

А еще зверь Гир Руда не может преодолеть водную гладь, даже простенькую лужу. Именно поэтому мне пришла в голову мысль о несвоевременном купании. Ни разу не видела, чтобы подобные существа плыли по водной глади. Возможно, опасаются. Ищут брод или мост. Или просят ближайшего лодочника перевезти, а не то откусят ему голову. Кто знает, возможно, за пределами внимания мага они творят страшные вещи.

Но для меня-то главное, чтобы они доставили приказ. А там пусть хоть новорожденных детей пожирают, невелика потеря.

Отлепившись от дерева, я осторожно побрела обратно в воду. Здесь так лихо не спрыгнешь, как с фальшборта. «Храпящий» стоит, опустив паруса, в метрах пятистах ниже по течению. Дождается. Моряки относятся к кораблю, как к живому существу — во многом оно так и есть. Мы сами состоим из бесчисленного количества костей, жил, нервов, сосудов, так кто вправе отказывать в душе столь же сложной конструкции?

Кроме того, дух в нем и вправду имеется. Призрак в мачте, который никогда не выходит и не подает голос. Я бы и вовсе решила, что там никого нет, вот только вызвала его именно я, и в грот-мачту, теперь покрытую защитными рунами, он засел на глазах большей части команды. Пользы не приносит, хорошо, хоть не вредит. Правда, старпом жалуется, что у нас вертлюги железные ржавеют быстрее обычного, но кто знает, виновен ли в том Шамаша.

— Эге-гей! — закричали оттуда, едва я широкими взмахами разрезала водную гладь. — Капитан за бортом! Быстро приближается!

— Сматываемся! — громко хохотнул Турлей. Свой дом в столице королевства Рид Ойлем матрос продал, взамен выкупив неплохую винодельню в десятке миль к северу от замка. Постигает тонкости ремесла, можно сказать. Его товарищ, Оми, на подобные мелочи размениваться не стал, благоразумно сохранив столичную недвижимость. Насколько мне известно, сейчас сдает пару комнат в просторном особняке за неплохие деньги.

— Кому врезать? — недобро обозрела расхлябанное воинство я, едва только

перевалилась через борт. Магросы, оставив миски с едой, тут же прыснули кто на мачту, а кто и на нижние палубы. Ксам ограничился тем, что прыснул в ладонь. Боцману драпать — несолидно.

— Врежьте-ка лучше стаканчик, капитан.

Сейтарр, наконец сменивший дорогую одежду и туфли управляющего на привычный доспех из клепаной кожи и стальной шлем с плотно прилегающими очками, светился от счастья. Прости, дорогой, не я тебе такое увеселение придумала. Все сам. «Статус», «ущерб чести» и прочая чушь.

В деревянной кружке, которую интендант столь невнимательно окрестил стаканчиком, плескалось что-то горячее и пахнущее вином с пряными травами. С благодарностью приняв сосуд, я его осушила. Эх... хороша жизнь моряцкая, много в ней радостей, печалей, а еще есть совершенно незначительные мелочи, вроде этой «мика», которую придумали (или украли) в королевстве Дейн. После ледяного шторма или при усталости — нектар богов.

— Уф. Хоть один человек на этом корабле не зря свой паек проедает. Хог!

— Чо? — высунулась с камбуза круглая, плешивая и одноглазая башка.

— Жрать неси.

— Есть! — пробурчал он и скрылся за дверью, через минуту появился с резной деревянной миской, от которой исходил пар.

— Остальным — поднять якорь, паруса и полным ходом в Теккель.

Одноглазый он не потому, что потерял второй глаз в сражении или где-то еще, саррусы от природы такие. Там, где у обычного человека переносица, у сарруса или сарры крупный, обычно хмурый глаз. Кроме того, они превосходят остальные расы мира Кихча по росту, так что кок, в котором два метра да еще вершков восемь роста, самый долговязый и массивный из экипажа. Если выстроить всех в шеренгу по росту, за ним будет стоять Линд с его двумя метрами и вершком, а за стрелком — я.

Отобрав у Хога еду, принялась орудовать ложкой. Уха, хорошая, наваристая. Нечасто такую можно даже за королевским столом встретить. Да что там уху, вообще любой суп. Правители бульончик не любят, им подавай соловьиные язычки да в сметане. Или окорок вепря, добытый собственными руками, если король хочет выглядеть суровым.

С другой стороны, любимое блюдо ургахадского Владыки — обычная жирная домашняя утка, по-простецки засунутая в печь до румяной корочки. По крайней мере, так рассказывал Граф, а у него хватает знакомых среди аристократии.

— Как всегда, пальцы отгрызть можно, — сообщила я, откладывая посуду в сторону. — Как такой талант мог пропадать в захудалой лавчонке... где мы тогда стояли, Сейт?

— Да в Рьюманосте и стояли, если я еще мозги не отшиб, — пожал плечами интендант.

— Никогда не знаешь, как жизнь повернется, — пробасил Хог, тыльной стороной ладони утирая пот со лба. Камбуз тесный, и на нем обычно жарко. — Вообще-то я тогда хотел убить этого ублюдка Ульгема, да он удрал на корабль.

— Даже не буду спрашивать, за что именно. Только не говори, что ты недоволен нынешней работой, — ухмыльнулась я, продемонстрировав зубы во всю широкую пасть. Сейтарр хмыкнул:

— Он вечно недоволен. Дай Хогу бочку крепкого вина, ораву девок и мешок золота, он все равно будет возмущаться, что вино кислое, девки толстые, а монеты — недовес.

Те, кто слышал последнюю фразу, дружно загоготали.

И вправду, о ворчливости здоровяка можно легенды сочинять. Осталось найти того, кто

их будет слушать. Слишком занудные получатся.

— Может, смените одежду на более сухую? — снова подал голос интендант. Ишь, заботливый какой.

— На мне высохнет, — махнула рукой я. День-то осенний, но тепло еще не оставило мир окончательно. А вот на следующий месяц — месяц Гроз — суда обычно держатся в тихих бухтах да заливах. Рискнувшего выйти в дальнейшее плавание обязательно застигнет либо буря, либо одно из ужасных морских чудовищ. То ли брачный сезон у них в это время, то ли какой праздник всенародный. К сожалению, заклинаний для усмирения гигантских спрутов, левиафанов и прочей живности нет ни в обычных курсах Академии, ни в библиотеках. Так что, хоть меня и зовут Морской Ведьмой, никаких особых, связанных с морем или его обитателями сил в себе я пока что не обнаружила.

Значит, не в имени дело?

До Теккеля плыли всего сутки. Вниз по реке спускаться одно удовольствие, справятся даже дети. В основном, мы бездельничали — играли в карты, перебирали снаряжение, которое и без того держалось рабочими с маленькой верфи в идеальном состоянии, устраивали дикие шутки, которые обычного человека привели бы в ужас. Казалось бы, что смешного в игре в «колокол»? Подвесить над головой мирно дремлющего кока несколько больших котелков и из-за двери орать «Тревога! На нас напали!», дожидаясь характерного звона... а нам смешно.

А еще Нытик, тощий беловолосый юноша с острыми чертами лица, не сумевший за два месяца отожраться на деревенских харчах, прихватил с собой лук. Все бы ничего, да вместо стрел он использовал грубо отесанные жердочки с присосками на конце. Конечно же, высшим классом считалось вклеить ничего не подозревающему товарищу по команде такой присоской в лоб, после чего экипаж на время полностью терял боеспособность, а Нытик уклонялся от летящих в него предметов. Затем все повторялось, но с другой жертвой.

Надо мной тоже подшучивают, хоть и реже. Виновник розыгрыша знает, что, где бы он ни спрятался, кара его все равно настигнет. По мачтам я, конечно, карабкаться не буду, а вот заколдовать фалы так, чтобы они танцевали вокруг человека и клевали его тяжелыми, а иногда и мокрыми узлами — всегда пожалуйста. Или шерсть вырастить на лице. Муравьев могу наслать, так, чтобы они пробрались под одежду. Единственное спасение от такого муравейника — тут же броситься в воду, однако, в том случае, если тебя щекочут везде и без остановки, сделать подобный финт будет затруднительно.

Но матросы на шхуне «Храпящий» — храбрые ребята. Не боятся мести, а потому стоит всегда быть начеку.

Проснулась я около полудня, хорошо, хоть не на палубе, а в своей каюте. Тем не менее, все равно на полу. Как не крути, а за двадцать один год жизни спокойно спать я так и не научилась. Всегда ворочаюсь, долго не могу уснуть, а во сне то ли переборку лягаю, то ли еще что... кто там заикнулся про качку? В реке?

Причем, стоит мне задремать где-то, кроме своей койки (или кровати в замке), так сразу проваливаюсь в глубокий сон. Маги Дейна, как гласят слухи, умеют спать даже на битом стекле. Стоило бы наведаться, поучиться... либо там та же проблема, что и у меня, и ночевать в обычной постели им не дано.

Накинула сверху плащ и, щурясь от яркого солнца снаружи, проковыляла из каюты на нижнюю палубу. Долго отмокала под потоками прохладной воды, затем закрыла вентиль и почувствовала, что вполне готова прожить сегодняшней день не побитой собакой, а

разумным, отлично себя чувствующим существом. Для проформы пару раз провела щеткой с какой-то кисло-бодрящей эссенцией по зубам, хотя можно было бы обойтись магией. Да, маги настолько ленивы, что придумали для личной гигиены отдельные заклинания. Как по мне, обычная вода стократ лучше.

Теккель — город оживленный, как и положено быть солидному порту. Скажу больше, я была во многих странах, и везде порты похожи друг на друга. Длинные причалы, порой не прямые, а образующие сложные лабиринты самых замысловатых фигур. Поди найди в таком месте для крупного корабля. Конечно же, неизменный лес мачт и галдящие птицы, что вечно норовят задеть тебя крыльями по лицу. Таверны, рядами примостившиеся у берега. И никого не волнует конкуренция, хозяева не таскают друг друга за волосы. Ведь, когда самый сезон, обычно еще и не хватает мест.

Кроме того, торговые порты пахнут рыбой, пряностями, духами, кожей, деревом, сталью, ржавчиной, кровью, алкоголем, цветами, каменной пылью, животными, людьми... и подобное мощное сочетание с непривычки валит с ног любого непосвященного. Даже запах моря способен только сплестись с этой гаммой ароматов, но никак не перешибить ее.

Город известен своим «быстрым» причалом. Помимо тех, обычных, что со стороны залива, в устье реки имелся широкий выступ скалы, который неизвестные умельцы стесали до совершенно плоской, как тарелка, поверхности. Глубина прямо около него составляла метров десять, не меньше, а пришвартоваться туда могло сразу пять кораблей. Вот и повелось причал сдавать в аренду на краткий срок, до пяти часов. Мы так вообще пользовались им бесплатно, если были свободные места — довелось некогда оказать мелкую услугу дочери бургомистра.

Услуга, правда, заключалась в том, что мы, пьяные вусмерть, натолкнулись на неприятные взору лица и решили надрать сим лицам задницы. После небольшой потасовки Ойген совершенно случайно споткнулся о избитую юную деву, которая вышеупомянутой дочерью и оказалась. Не такое уж и нарочное спасение вышло.

Хотя выгоду свою мы извлекли, хе-хе.

— Гляди, ждут, — ткнул Сейтарр пальцем.

Бравые ребята ожидали корабль на совершенно пустом скалистом причале. Только огромные палы торчат из камня, да эти пятеро. У одного из палов уютно примостился груз — провиант, личные вещи, запасные части такелажа, бочка с маслом. Знаете, что главное в особенностях хранения бочки с маслом на судне? Осторожность. Если ее где-то не закрепить, или сделать это неправильно, в масле будет все. И попробуй его потом отдрай.

Пять непростых, весьма непростых мужчин. Джад Стефенсон, кличка «Толстый Джад». Первый завербованный член экипажа, тогда я еще думала заниматься охраной торговых судов, а не наоборот. Старпом, навигатор и вторая власть на корабле. Как и я, умеет колдовать, и мог достичь больших высот, но бросил Академию.

Плотно сбитый, среднего роста, черноволосый, коротко стриженный, но с тонкими бакенбардами и такой же полосой бородки вдоль челюсти, переходящей в усы. Узкоглазый, дейнское происхождение отца дает о себе знать. Вовсе не толстый, как ни странно — небольшое брюшко имеется, но, в целом, обычный коренастый парень чуть старше меня.

Ухмыляется, собака. У нас тут вроде как повод для беспокойства, а Джаду все нипочем. Хотя, судя по тому, что он в полном боевом облачении — восьмиугольный щит на спине, «стеклянный» наплечник и тяжелая секира в руках — к драке готов. Понять бы еще, с кем драться...

Рядом с ним братья Жамсби. Если остальная ватага выглядит серьезно, близнецы катаются по причалу и туют друг друга что есть мочи. Как бы в воду не свалились в пылу драки. Притрем бортом корабля к каменной скале, и поминай, как звали. Оба здоровенные, плечистые блондины, почти с меня ростом. Всегда готовы на риск, пусть даже смертельный. Например, убили скального тролля еще до вступления в мою команду, правда, переусердствовали. На отмашке Ойген стукнул по голове вельможу, который их и нанял, а тот возьми, да и помри.

А Тумас еще и несколько солдат его личной гвардии ранил, разгневанных гибелью господина. Посадили братцев за тот проступок, если не ошибаюсь, на двадцать лет в тюрьму города Москалл. А чуть больше года назад с тюрьмой случилось... страшное. Мы случились. В общем, взлетела она на воздух, спасибо Ксаму: и экипаж укомплектовали, и народ потешили.

С тех пор использовать сокрушительную силу Ойгена и Тумаса нам случалось не раз. Достаточно вспомнить, как они ледяных магов разметали на севере, правда, сами чуть не погибли при этом.

Да, говорят, что моряки рослыми не бывают, но мы и так — команда уродов. Еще один двухметровый, Линд Тильман. Невозмутимый, с лицом, и без того не слишком приглядным, но несколько длинных шрамов портят его окончательно. Высокий лоб, грива светлых волос, холодные светло-голубые глаза, нос, явно несколько раз перебитый, однако еще сохранивший форму. При всем том — массивная нижняя челюсть, оспины, толстые губы.

Не зря его прозвали Огром. К тому же, как и настоящие огры, он совершенно не... так, стоять, я уже упоминала о несчастной паре «Линд и чувство юмора». И неоднократно.

Зато лучник из него отменнейший.

И последний, но не по значимости — низкорослый Ульгем, великолепный фехтовальщик, бывший сын графа де Рьюманоста. Родственная душа, можно сказать. Правда, родители отреклись от меня по моей инициативе, дабы император Варанг не слишком лютовал, а Графа изгнали и лишили родового имени, оставив ему только меч.

На первый взгляд, такой меч не стоило и оставлять. Выглядит он, как широкий кусок тщательно отточенного железа, резко изогнутый назад в верхней трети. К тому же, в металле клинка есть две крохотные дырки, через которые продета шелковая нить белого цвета. И тяжесть его никак не предполагает, что таким оружием можно фехтовать. Но Граф справляется, да еще и как. Очень сноровисто и эффектно, я бы сказала.

Из команды он выделяется, как свет маяка в тумане. Если мы предпочитаем плотную одежду, кожаные доспехи, портупей, из многочисленных карманов которых удобно в решающий момент что-то достать, Граф презирает подобное мышление. Он одевается в легкие рубашки ярких цветов, с кружевными рукавами, неизменно с воротником в форме языков пламени. Носит черные или темные штаны, которые в море подворачивает почти до колен и тонкие мокасины вместо традиционных моряцких сапог.

Кроме того, заняв должность судового врача, он стал надевать банданы, неизменно в тон рубашкам. Возможно, это значило какую-то перемену в жизни бродяги, лишнего родового имени... однако, зная Ульгема, рискну сказать — пустить как можно больше пыли в глаза и есть основной смысл его жизни.

Глава 3. Дым на горизонте

— Я тут вспомнил твои извечные упреки и решил книжку открыть. Второй раз за жизнь, — иронично сказал Джад, облокотившись на фальшборт. — Знаешь, чего вычитал?

— М? — Посмотрев на него с интересом, я даже жевать прекратила.

— Тут, в заливе, около трехсот лет назад затонул крупнейший корабль из всех когда-либо построенных.

Пожав плечами, я ответила:

— Неудивительно. Несмотря на то, что сильных штормов тут не бывает, по глубине он иные моря за пояс заткнет.

— Мало того — залив назвали в его честь.

— погоди, ты хочешь сказать, что Молот Теллода — это не какое-то оружие Древних и не кузнечный инструмент одного из старых богов, а корабль?

— Так утверждает автор. Более того, в книге он приводит и чертежи корабля, и возможное место, где находились судостроительные доки тех времен.

— «Тех времен», — фыркнула я. — Как будто речь идет о Первой Эпохе. Три века назад — это, знаешь ли, не так много. Некоторые престарелые маги помнят «те времена». И что, на корабле был какой-то важный груз?

— Не думаю. Его только спустили на воду, доплыли до середины залива, и тут корпус не выдержал. Дал течь, а затем треснул пополам.

— Грустная судьба. Так каких он размеров был, получается?

Джад задумался, вспоминая:

— Там написано — двести метров в длину, около сорока в ширину. Мачты почти стометровые, композитные.

Удивленно приподняв бровь, я сказала:

— Да ну! Судно такого размера даже на стапелях долго не простоит. Рухнет под собственным весом. А любая крупная волна разнесет его в щепки.

Длина «Храпящего» — сорок пять метров, с бушпритом и рулем — сорок девять. Несмотря на то, что для шхуны корабль довольно крупный, сложностей в управлении им не возникает. Ночная вахта — всего четверо, хотя для небольшого экипажа и такое количество неслабо бьет по режиму сна.

Размер залива Молот Теллода, напоминающего вовсе не молот, а скорее, топор — более пятисот миль от Теккеля до Мурима, города на побережье королевства Аргентау. В глубину... неизвестно. До последней ойлемской войны, а состоялась она около семидесяти лет назад, было несколько попыток измерить. Однако дважды лотлинь рвался, а в последний раз пятисотметровая веревка с тяжелым грузом просто зависла в пустоте, полностью выбрав собственную длину.

Так что, поправка: неизвестно, но всяко больше пятисот метров.

Исследования глубин — вещь дрянная и до жути опасная. Это известно и без горячих сердец, которые жаждут проникнуть во все тайны мироздания, а уж с ними и подавно. Спустя несколько лет после образования телмьюнской магической Коллегии один из ее членов, история даже сохранила его имя — Тэкс Ньюмор — решил на собственном опыте проверить, насколько глубок океан Оси. Облек себя мощным защитным полем и стал погружаться в воду.

Я не имела чести знать его лично. Еще бы, полторы тысячи лет прошло. Но мужик был продуманный. Он рассчитал вес груза, который будет тянуть его ко дну, позаботился о быстром способе сбросить этот груз, подумал о защите, о связи с другими магами, наблюдавшими за экспериментом. Не говоря уже о том, что любой член Коллегии знает, как мгновенно преодолеть тысячи миль, и секрет этот охраняется весьма тщательно.

Но что-то пошло не так. На глубине в тысячу пятьсот тридцать две мили Ньюмор передал, что наблюдает странное движение в темноте вокруг себя, а затем его щит был мгновенно разрушен. Великий чародей даже не успел шевельнуть пальцами, судя по всему. И для защиты он пользовался не жалким цехембве, которому обучают на первом курсе стихийной магии, а Сферой Маджерелла. Если даже на нее упадет замок, тот, кто находится внутри, все равно останется жив.

Тем не менее, нечто страшное все же сумело преодолеть защиту опытного мага и убило его в доли мгновения. А Коллегия на долгие годы, столетия даже, запомнила — в глубины океана лучше не лезть.

Кто знает, может, Тэкс Ньюмор столкнулся с богом?

Брр. Изгнав из головы подобные мысли, прежде, чем они окончательно успели захватить сознание, я поежилась. Надо же подобное вспоминать в самый неподходящий момент. Как раз в самом центре Молота и находимся... как вылезет чудище, как цапнет пастью размером с город. И нет корабля.

Вообще, если перевернуть гору Рид и поставить ее верхушкой прямо здесь, думаю, она на треть уйдет в воду. Никакого лотлиня не хватит, чтобы такую глубину измерить — он станет слишком тяжелым под собственным весом.

Чуть больше суток на то, чтобы преодолеть воды залива. А в целом нам предстоит долгий путь, почти две декады. Пройти между двух материков в беспокойное Внутреннее море, затем обогнуть Грен Таваль и пересечь океан. При всем том желательно не попасться военным патрулям в море Зиммергауз, где оных полным-полно, и где-то спрятать корабль на то время, пока мы будем разыскивать Ксамову сестру. Боцман, правда, сказал, что она собиралась переезжать из родного Фэрчайлда на запад, в город Роксомм, о чем писала в последнем письме.

Нет бы ей рвануть куда-нибудь в Толлекс или Симвизир. До тех мест можно доплыть и через Пограничный океан, риск несоизмеримо меньше.

А самое досадное, что она может быть уже мертва. Смерть по ритуалу Люгуса не передается.

Через восемь дней мы увидели очертания Каменного Когтя, что означало лишь одно — дорога в океан открыта. Предыдущие дни плавания нам сопутствовала хорошая, ветреная погода, а уж штиля от Внутреннего моря не дожидаться никогда. Даже если поселиться на берегу и ежедневно наблюдать.

Погода стала портиться, ощутимо и довольно быстро. Как стая перелетных птиц, которая временами зависает на одном месте, образуя зловещие темные фигуры, над головой сгустились облака, которые спустя полтора часа превратились в самые настоящие грозовые тучи. Ветер тоже заметно усилился, хоть курс и полный бакштаг, но, будь это буря, паруса бы разорвало в клочья.

Мы не ведем бортового журнала, но, если б вели, несомненно, отметили бы непрекращающийся, многодневный ливень, который последовал затем.

Шторм, если он и был, обошел нас стороной.

У старпома нет отдельной каюты (досадное упущение при проектировке корабля, о котором мне не раз уже прожужжал уши сам Джад), и в дождь ему приходится либо пользоваться маленьким откидным столиком на нижней палубе, либо пропадать на камбузе. Учитывая, что каюту он делит как раз с Хогом, эти двое почти неразлучны, хотя саррус предпочитает на камбузе же и спать. И карты у Джада вечно засаленные, в отметках от кружек и непонятных пятен, однако читает он их с легкостью.

Тем не менее, сейчас он сидит у меня. Здесь и стол имеется, довольно большой для корабельной утвари, и работать можно спокойно. С боцмана причитается пара соленых острот на эту тему, да вот беда — нам плевать.

Я лежала на койке и безудержно зевала во всю пасть. Когда шторм — хотя бы есть огонь в душе, судно вертит из стороны в сторону, как ореховую скорлупку в горном ручье. Поспать в такие дни не особо получается. А от бесконечного дождя, выстукивающего дробь по палубе, только клонит в сон.

Заботливый интендант спрятал все бортовые и кормовые баллисты в специальные парусиновые чехлы, чтобы стальные части не слишком намокали. На палубе остались только рулевой и шесть человек из парусной команды. Даже впередсмотрящего сняли с мачты. Когда дождь стеной, смысла держать человека наверху нет.

— Мерзкая погода, — поделился наблюдениями Джад, усердно царапающий в записной книжке стальным пером. «Новинку», изобретенную Объединением Механиков Телмьюна лет сорок назад, уже успели принять повсеместно взамен опостылевших гусиных перьев — и клякс оно оставляет меньше, и пишет ровнее. Мне милее люминовые карандаши, но они имеют пакостное свойство стираться с бумаги.

— Да уж, и не говори. А некоторые мои столичные знакомые любили гулять под дождем, — в очередной раз зевнула я.

— Ну... так то студенты Академии, небось. У них не бывает ревматизма, да и любая простуда проходит за два дня. Как и у других обычных детей, — хмыкнул Джад.

— Да брось, «детей». Нас в пятнадцать только приняли на стихийный курс.

Старпом на секунду оторвался от записей и повернул голову ко мне:

— В возрасте десяти лет я не думал о том, нравится мне гулять под дождем или нет. Зато точно знал, что мне нравится гулять. Погода не имела значения. А гуляние под дождем — самое фанфаронство и есть, как по мне.

Я вздохнула, подложив руку под голову:

— Тоже правда. Чего ты там все пишешь?

— Сравниваю погоду. Мы сохраняли директрису от Каменного Когтя к Ургахаду в прошлом году, примерно в эту же пору, и тогда тоже был ливень.

— Зачем?

— Чтоб знать, чего ожидать. Когда выходить в плавание, а когда лучше переждать. Эх ты, а еще капитан, — насмешливо произнес он, снова уткнувшись в блокнот.

— У меня навигатор для этого есть. Правда, учитывая, сколько он времени проводит на камбузе, пора бы его в коки записывать.

— И охота вам травиться тем, что я приготавливаю?

— А ты совершенствуйся, — предложила я. — Смотри на еду, только как на ингредиенты будущего блюда. Чтоб Хог опять не жаловался, что кто-то сожрал половину провианта.

Снаружи, сквозь шум воды, донесся грохот. Я приподняла бровь, Джад вскочил и

распахнул дверь каюты, высунув квадратную башку. Сплюнул, закрыл дверь обратно.

— Что стряслось?

— Ямми мачту забодал. Поскользнулся на мокрой палубе и влетел, гремя доспехами.

Я закрыла тыльной стороной ладони лицо, проговорив:

— Ты ему говорил, что в дождь лучше снимать железо?

— Говорил. Раз десять.

— Сейтarr еще пятнадцать, и я с десятков. А Ямми, дубина, все никак не внемлет. Он думает, если вдруг свалится в воду, то сумеет быстро расстегнуть все ремни и крепления.

Сначала я предполагала, что Ямитус Зонг носит свой доспех исключительно из стеснения. Было бы чего стесняться — у него одна рука покалечена. Говорит, в детстве обварил едва ли не до костей, с тех пор, хоть и выросла, но развилась плохо. Вынужденный левша, правда, таскает в левой щит с лезвиями. Им же и сражается, отвлекая противника мечом, которым даже размахнуться не может.

Потом стала приглядываться. Да нет, не все так заурядно. У него болезненная привязанность именно к тем доспехам, которые большую часть времени на нем. Снимать броню Ямми может без труда, так что дело не в проклятии. Действует он по своей воле. Никаких эмблем или обозначений на металлических элементах нет, ни герба дворянского рода, ни клейма мастера.

И по сей день это одна из немногих загадок, которые мне не по зубам. Разговорить его никому из экипажа так и не удалось. Думаю, свои тайны молчаливый парень рано или поздно унесет с собой в могилу, случайно свалившись через борт. Да, в пренебрежении собственной безопасностью есть определенный шик, но столь фанатичное отношение к груди стальных пластин только вызывает лишние вопросы и подозрения.

— Если мои расчеты верны, дождь прекратится дня через два, — сказал старпом, захлопывая блокнот и оборачивая его в лоскут парусины.

— Откуда взял? — поинтересовалась я, ища под койкой сапоги.

— Сам придумал, — усмехнулся он, развернувшись вместе со стулом. — Подожди два дня и увидишь.

— Неужто тебя старый черт научил погоду читать? — уважительно спросила я, вспоминая свои уроки у пожилого шкипера.

— Кое-что он рассказал, остальное сам догадался. Цени, — поднял палец вверх Джад.

— И так увеличенную пайку жрешь, да еще и две доли добычи получаешь, — лениво парировала я. Спорить не хотелось, но надо же что-то возразить, чисто для проформы. Вместо ответа он хмыкнул, снял плащ с железного крючка и вышел навстречу водной стене.

Загадка для неравнодушных: что может быть хуже воды снизу и воды сверху?

Вода в трюме.

Я кое-как, чертыхаясь, натянула второй сапог, плащ проигнорировала — все равно потом сушиться — и смело шагнула за дверь. Ревущая и шипящая пелена накрыла с головой. Людям, да и всем остальным хорошо, им не так шумит. А мне, в силу особенностей строения ушей, барабанит прямо по ним, из-за чего во время сильного дождя я практически глохну.

— Капитан! — крикнул Линд, рослая фигура которого, укрытая темно-зеленым плащом, была едва различима на носу. Я сделала знак рукой, мол, не рви глотку напрасно, мне проще подойти, чем переспрашивать по сто раз, и направилась к нему.

— Присмотритесь, — указал он пальцем вперед. На горизонте виднелся горный кряж. Если место, где тучи смыкаются с такой же серой водой, границы которых сильно размыта

из-за дождя, вообще можно назвать горизонтом.

— Щит Корда, — недоуменно сказала я, повысив голос. Сама себя не слышу, демоны бы побрали этот ливень.

Щит Корда — огромная цепь гор, защищающих восточное побережье Ургахада. Собственно, там и побережья-то никакого нет — одни горы, которые с другой стороны заслоняют пару городов, а сразу же за ними начинаются великие и ужасные Хельмерские степи. Где мы не так давно гарцевали в обличье кентавров.

Корд — основной и, пожалуй, единственный бог саррусов. Они не держат жрецов или монастырей, однако богу воинской доблести, по убеждениям каждого одноглазого, они и не нужны. Молитвы возносятся мечом. Неудивительно, что в его честь назвали не просто гору, а целый кряж.

Хотя, на мой взгляд, гора Рид повыше будет. Раза в два.

Однако и Щит выглядит очень солидно. Правда, не сейчас — контуры едва виднеются. Да что там говорить, если с кормы нос корабля не сразу разглядеть можно! Что от меня Линд хочет?

— Нет, не Щит. Вон там, крохотная точка.

— Любезнейший мастер Тильман, — иронично сказала я, — я не то, что точку, я сами горы едва вижу. Это у вас зрение, как у сокола во время охоты, а мне дождь все же немножечко мешает. На что похожа твоя точка?

— Корабль, — уверенно сказал он. Я вздохнула.

— Ладно, пока Ксам спит — правьте туда.

Засовывать боцмана в ночную вахту через сутки меня надоумил Сейтarr. Он говорил, что так их гоняли первое время в имперской армии, и уточнил, что выматывает напрочь. Днем спится плохо, тем более, в любой момент может случиться тревога или еще что-то в этом роде. Так что, пока Рыжий занят или спит, ему недосуг волноваться.

Слабый ветер, заставляющий дождь идти немного наискось, и мощь рунного двигателя в итоге сумели аккуратно подвести нас к загадочному объекту, который плавно покачивался на одном месте. Линд оказался прав — это действительно корабль. Без огней, без единого человека на палубе. Отсюда еще не пойму, но, кажется, паруса порваны в клочья, и судно медленно дрейфует. Старый корабль, эдакая широкая двухпалубная «калоша», но парус...

Парус красного цвета. Вернее, те обрывки, которые можно отсюда разглядеть.

В мире Кихча красными парусами пользуется только Торговая Гильдия.

Могущественная и влиятельная организация на суше, они также обладают большим торговым флотом. Мы и сами нередко покушались на корабли Гильдии, они охраняются лучше, но и приносят больше добычи. Правда, держать собственный военный флот им никто так просто не разрешит, из-за этого гильдейским купцам вечно приходится нанимать ребят со стороны.

Кстати, про ребят со стороны. В борт «Храпящего» мягко ткнулся темный продолговатый предмет, который при ближайшем рассмотрении оказался куском фальшборта. Я присмотрелась, и увидела на беспокойных волнах еще с десятков подобных. При кораблекрушении самые тяжелые части судна обычно тонут, а вот такие остаются долго плавать на поверхности.

Рядом через борт перегнулся Джад, ткнул пальцем, привлекая мое внимание:

— Смотри, Тави. Они от разных кораблей.

Действительно, внимательные глаза старпома заметили то, что не рассмотрели мы с

Линдом — рядом плавало несколько досок фальшборта с резными перилами. Только на одном фрагменте перила выкрашены в белый цвет, а на втором — в темно-синий, почти черный.

— И чего? — не сразу поняла я.

— А того, что они в щепки разнесены. Торговый-то хотя бы на плаву держится, а это, вероятно, два корабля охраны.

— Не справились с управлением и приземлились на скалы? — предположил стрелок. Джад покачал головой:

— Вряд ли. Вообще, вся затея мне не по нраву. Может, возьмем курс прямо в Зиммер?

— Проверим, что с торгашом. Не думаю, что уйдет много времени, — возразила я, шурясь от ручьев воды, превративших волосы в какие-то черные водоросли.

Малым ходом приблизились к торговому кораблю. Линд и Шэм привычно закинули абордажные крючья, намотали на валы, стянув борта. Несколько досок треснуло и отвалилось, пришлось перебрасывать «кошку». Я с удивлением выискивала хоть что-то уцелевшее, но тщетно.

Реи перебиты, бизань-мачта сломана у основания, паруса снесены начисто, корма поменяла свои очертания. На корпусе ни ожогов, ни других следов стихийной магии, но потрепано судно изрядно. Много серьезных дыр размером с человеческую голову. Такое впечатление, что огромное и зубастое чудище решило перекусить, однако нашло деревянную скорлупку недостаточно изысканной для своего рациона. И выплюнуло, не прожевав.

Вцепившись в мокрое дерево, я спрыгнула вниз. И тут же едва не провалилась ногой в солидную продолговатую дыру.

— Вот неистовая сила, — потрясенно произнесла я, осматриваясь вокруг, — как он еще держится на плаву?

— Не знаю, но лучше поторапливаться, — проворчал Джад, приземлившись рядом. — Не ровен час, такая посуда может очень шустро пойти ко дну. Слышишь? Вся поскрипывает. И смотри — белый флаг на бизани.

Вращая головой, я все никак не могла понять — что особенного именно в этом корабле? Да, старое, едва не развалившееся от возраста корыто. Кто-то оказал ему услугу и окончил тяжкую жизнь в бою, но почему у меня вся шерсть на спине дыбом, как у напуганной кошки? Кусок паруса на задней мачте, который служит белым флагом?

— Я так понимаю, обыскивать его бесполезно? — донесся голос интенданта.

— Это верно. Отсюда унесли все, даже целые тросы подрезали. Даже...

— Люди, — негромко сказал Джад.

Вот оно. Кровавые пятна на палубе свидетельствовали о том, что здесь, наверху, явно разыгралось сражение. Но, если оно все же было — где трупы?

Морское чудовище потопило бы корабль полностью. Ему незачем вслепую шарить по деревянному корпусу сложной конструкции, легче разломать преграду и выловить уже в воде съедобные куски мяса.

Ограбление? Но зачем так изувечили судно?

Слева, за мокрым куском паруса, виднелись очертания зеленоватого стекла. Я осторожно пробралась по угрожающе скрипящим доскам, балансируя руками, и подняла бутылку с отбитым дном.

— Ага! «Вералис». Здорово живут... вернее, жили, — хмыкнул Джад, увидев знакомую этикетку. За все рейды нам лишь один раз попался ящик такого, да и то — половину капитан

торгового корабля успел вылакать. Больше не встречали, а жаль. Вкус был отменным. Когда, интереса ради, решили выяснить, где такое производят, нас ждал сюрприз. Мы невольно ограбили придворных ойлемского короля, ибо «Вералис» производится одной маленькой винодельней и поставляется прямо ко двору.

Такой вот финт судьбы. А спустя несколько месяцев мы отправились в безнадежную спасательную экспедицию и привезли оттуда почти целого короля, ага.

Отбросив выпуклый осколок в сторону, я медленно побрела обратно. Есть еще дела, а над загадкой пропавшего экипажа можно и позже поразмыслить. Кто-то сбросил трупы в воду? Не вижу резона. Зачем таскать тела, в угоду морским богам, что ли?

Корпус корабля резко вздрогнул, донесся очередной скрип, будоражащий душу. Мне показалось, или он на якоре?

Тот же вопрос я задала вслух.

— Ага, я вот тоже почувствовал, — подтвердил мои подозрения старпом. — Наверное, цепь сорвало, но она еще на креплениях. Вот и стал, глубина здесь не такая большая.

Я выругалась. Не по нраву мне, честно говоря, все эти загадки.

— Еще корабль! — подал голос Линд, на всякий случай забравшийся на мачту. Как он может что-то разглядеть в пелене низвергающейся с неба воды — не понимаю. — Только он и на корабль-то не слишком похож!

— А на что похож? — не понял Джад.

— Черт его знает!

Сколько не силилась увидеть то, о чем рассказывал лучник, так и не смогла. Но решение приняла — надо отступать. Еще на нас взвалит гибель команды и разграбление торгового судна. Обидно — никакой выгоды, а ответственность нести надо.

Краем глаза заметила, как Джад метнулся к корме, крикнула:

— Ты куда?

— Надо проверить, может, есть выжившие...

Странно, никогда не замечала за ним такого великодушия.

— ...захватим одного с собой, и допросим!

А, все в порядке. Старый добрый Джад Стефенсон, сапог морского короля ему в глотку. Я возразила:

— Нет! Свои шкуры дороже. То, что сделало это, может до сих пор плавать поблизости. Давай на шхуну.

Словно в подтверждение моих слов, донесся раскат грома. Предзнаменование?

Джад, несмотря на брюшко, ловко подтянулся и перелез обратно, я последовала за ним, попутно отцепив глубоко впившийся в то, что осталось от борта, стальной коготь абордажного крюка. Сверху снова подал голос Линд:

— Странный корабль, капитан! Без парусов, а идет едва ли не резвее, чем мы!

— Может, думали, что будет буря, — крикнула я в ответ. — Вот и сняли.

Но то, что он способен передвигаться так, дурная новость. Рунный двигатель. Последние десять лет полным ходом идет переоборудование военного флота империи Грайрув, и новейшие корабли уже приближаются по возможностям к «Храпящему». По крайней мере, фрегат, бодро рысящий на двадцати узлах, я видела собственными глазами. Благо, в тот раз разминулись.

— Так он и без мачт! Вернее, одна мачта есть, но уж больно толстая. И... горит?

— Как это — горит? — с напряжением в голосе спросил Сейтарт. Мне его тон в одно

мгновение начисто отбил желание познакомиться поближе. С загадочным судном, вестимо, не с интендантом.

— Не видно отсюда! Кажется, дым идет, не могу толком разглядеть.

До силуэта, который теперь заметили и мои глаза, около двух миль. Может, две с половиной, но боевого столкновения у них явно не выйдет. Развернемся да и сбежим.

— А чего стоим? — недоуменно спросила я. Джад ехидно подначил:

— Так приказов же не было.

— Вот сучьи дети. Как будто неясно — поднять паруса! Рулевой, двигатель на полную, отворот на восемь вправо, уходим в океан!

Сейтарр, натянув очки и шлем, со вздохом заметил:

— Несколько дней потеряем... да и припасов не так много осталось.

— Лучше несколько дней, чем голову, — разумно заметил один из матросов, натягивающий с собратом тугой, скользкий фал. Паруса быстро бежали наверх, ветер, не забывая хлестать по нам тысячехвостой плетью дождя, неохотно наполнял их. Еще раз грянул гром, звук получился какой-то сдвоенный. Странно — звук есть, а молнии нет. Они так-то обычно вместе приходят.

Корма купеческого судна, того, что в крупную дырку, внезапно покосилась еще больше и брызнула крупными сколами, обнажая светлое дерево. Мимо меня со свистом что-то пролетело, да так, что разметало капли, падающие сверху. Как будто ребенок промчался по осенней луже, забрызгав всех прохожих.

Еще не понимая, что происходит, я пошла в каюту за посохом. Плащ уже не поможет, промокла до нитки. В ту же секунду фок переломился прямо под марселем, вместе с парусом рухнув вниз.

Что?

Нечто тяжелое ударило в борт соседнего судна, на сей раз мне удалось увидеть след — черная точка, которая, быстро приближаясь, с невероятной скоростью и мощью проломилась несколько переборок. О том свидетельствовал звук, по которому бывалый моряк сразу понимает, что дело плохо. Пострадавший «Хисс», кажется, так гласила табличка с названием, угрожающе накренился, а вес оставшихся мачт начал пригибать его к поверхности воды. Мой взгляд застыл на той самой бутылке, что сейчас медленно катилась вниз.

— Это не стрела, даже не магия... — потрясенно пробормотал старпом. И здесь я с ним была совершенно согласна. Да хранят нас боги от стрел, которые с легкостью преодолевают две мили и способны разрушать корабли!

Глава 4. Раскаты грома

Магии я действительно не ощутила. Но, если у них и есть то, что может достать нас с такого расстояния, мы не совсем беззащитны. Посох стоял по правую руку от входа в каюту, там, где я его и оставила. Да, выходить без оружия — непростительная глупость, однако я просто не могла предположить... и чего я оправдываюсь? Сейчас хвост нападающему и поджарим.

Оно ведь как получается — мы вышли не пограбить, а, следовательно, крепить парус «для устрашения» нет никакой нужды. Для стороннего наблюдателя «Храпящий» сейчас выглядит обычной шхуной под белыми парусами. Интересно то, что в ненастье вражеское судно атаковало без раздумий. Сразу две вещи приходят в голову — либо у них очень хорошие приборы наблюдения, которые позволили разглядеть меня (что, в свою очередь, позволяет безошибочно определить наш корабль, как пиратский), либо же они атакуют всех без разбора. В пользу второй версии говорит покалеченное судно перед нами.

Я захватила и подзорную трубу, тут же разложив ее и отвернув защитную кожаную манишку, чтобы дождь не заливал линзы. Пока мы закрыты корпусом торговца, можно потратить несколько секунд на то, чтобы прицелиться в слабое место. Очень странный корабль. Хотя такие «уши» по бокам я уже видела, их использует отец для некоторых флевиллов. Внутри обычно размещаются два больших маховика, но здесь... похоже, да не очень. Два больших колеса, едва виднеющихся под защитными листами металла, которые без устали загребают воду. Труба, из которой и вправду идет дым.

Борта то ли обшиты металлом, то ли полностью изготовлены из него. Никаких парусов, никаких мачт. На палубе виднеются несколько фигурок, но отсюда мне не обеспечить достаточную точность...

И демоническое оружие, наброски которого мы видели на захваченных летом прошлого года чертежах!

Бесспорно, это оно. Необычная надстройка на палубе, укрытая массивным металлическим щитом, снова издала громовой звук. Плюнула в нашу сторону двумя черными точками, что, быстро приближаясь, заставили меня боязливо отпрянуть от окуляра. Но, к счастью, оба загадочных объекта врезались не в нас.

«Черный металл огнем, созданным магией, не поразить. Любое направленное заклинание на него не подействует, а, если пробудить стихию вокруг него, вреда она не причинит. Все металлы, кроме драгоценных, высасывают из колдовства то, что дает ему первоначальную силу. То же самое касается и самого мага — даже простые железные кандалы значительно его ослабят, хоть и не лишат возможности творить волшбу».

Да, мастер Флойд Перегрин, безусловно, ваши наставления сейчас меня очень воодушевят. А ведь пять лет прошло со второго курса.

Есть способ. Прямая передача разрушительной мощи через объект сосредоточения — например, посох, как у меня.

Я прищурила глаза и тщательно направила оружие, сконцентрировавшись на том, что из фокусирующего кристалла в наверхи должна вырваться чистая сила. Луч янтарно-желтого цвета указующим перстом протянулся к трубе, затем еще один с силой ударил по водному колесу.

Ничего.

Мать вашу, совсем ничего. Ни взрыва, ни каких-либо повреждений. Настолько совершенная защита, что просто отрицает любую магию? Настолько специфический металл? Или они ухнули на загадочное судно несколько миллионов золотых, и весь металл, защищающий его, теперь дополнительно испещрен защитными рунами?

Я выругалась. Вот не было печали...

Думай, голова ушастая. Думай, а то шапку будет покупать не на что. Слишком многие сильные мира сего охотятся за твоей головой, и, учитывая, что монструозное оружие достанет нас, как только выйдем из-под защиты полуразваленной лодчонки... ой, чья-то песенка спета. Не то чтоб я совсем ударила в нервы. Профессия у нас рискованная, рано или поздно стоит ждать неминуемого возмездия.

Но, во имя трех демонов Лунного Танца, мне не наскучит задавать один-единственный вопрос. Почему именно сейчас?!

Да, мы попались, причем глупо попались. Однако встретить мы врага на противоположных курсах — расправа могла бы стать намного короче. Пара таких громовых плевков ниже ватерлинии, и все. Как можно выиграть бой с подобным монстром? Бортовые баллисты не могут стрелять даже на милю, а магия на него не действует... ни в каком виде.

Можно было бы призвать опасное морское существо, но, как я уже упоминала, подобным мастерством не владею. Да и вряд ли кто-то на всем Кихча может сотворить подобный трюк.

Магия, магия... что я так зацепилась за магию? Не в ней ключ, или не только в ней. Не можешь драться — беги. Но, если я наброшу иллюзию, у них вполне может оказаться один из артефактов Прозрения. Стоит попробовать, в любом случае.

Вообразив, что на нашем месте теперь лишь спокойные бурунчики невысоких волн, а чуть выше — только дождь и туман, я с удовольствием отметила, что следующие громовые раскаты плюхнулись в воду правее от нас. Но затем что-то угодило прямо в корму, тяжело тряхнув весь корабль. Я не удержалась на ногах, несколько матросов тоже оказались на палубе.

— Как с ним сражаться? — беспомощно крикнул Джад. Я помотала головой, прокричав в ответ:

— Не смогу вывести его из строя, даже частично! Все наше оружие бесполезно, уходим! Рулевой, маневрируй! Три вправо, затем два влево!

Если бросать шхуну из стороны в сторону, некоторое время можно уклоняться от страшного оружия. Перед внутренним зрением мелькнули чертежные листы, в заголовках которых значилось «корабельное орудие второго класса», «комбинированный заряд взрывного действия на основе известных алхимических соединений», «подвижная броневая башня». Это самое «орудие» нас сейчас и добьет.

Отчаявшись, я решила прибегнуть к последнему способу. Рванув старпома за рукав, проорала тому прямо в ухо:

— Создай между нами туман и поддерживай, пока не дам знак!

— Что-то задумала? Если да, то лучше бы поторопиться, — нервозно кивнул он и, сосредоточившись, поднял водную взвесь между пиратской шхуну и противником, превосходящим нас во всем. Кроме, пожалуй, скорости, но ее мы потеряем, пытаюсь избежать повреждений.

Еще два. На сей раз — в борт под нами, одно в ют, одно в переборку, известившую о попадании оглушительным треском. Палуба даже слегка вздыбилась. Каждые пару десятков

секунд они будут отгрызать кусок моего корабля. Моего! Корабля!

Злость, особенно боевая злость, нередко помогает, если использовать ее правильно. «Правильно» — означает примерно «не тогда, когда ты не можешь причинить врагу ни единой царапины».

Два месяца назад, когда мы бежали из тюрьмы, мои люди убили мага по имени Вициус, забрав его книгу заклинаний. Конечно, там было чертовски много хлама, а некоторые из строк я уже видела, когда обучалась в Коллегиальной Академии Телмьюна. Тем не менее, узнала много нового. Например, мечта любого шпиона — заклинание невидимости. Беда только в том, что, будучи магом второго круга, я не так сильна, как Вициус. Он-то наверняка был первого, а умер исключительно по собственной глупости. Истошил собственные силы, а затем его прирезали во сне беглые заключенные.

Так вот, безвременно почивший мог сделать невидимым целый корабль. Выкинув лишнее из формулировки, я сократила размер заклинания до одного листа, но, сколько бы ни тренировалась в его использовании, сделать невидимым, например, замок, мне так и не удалось. Возможно, смертельная опасность даст нужный стимул? Ну, знаешь, Тави, такая штука, которая вместо деревянного борта с удовольствием проделает кровавую дыру в твоём собственном теле?!

Страх пришел неожиданно, но сгинул в глубинах самоконтроля. Нас, студентов, третируют, не позволяют любить или ненавидеть, не допускают безумных выходок — все ради того, чтобы приобрести силу. И, скажу откровенно, такой стиль обучения помогает. Я сделала глубокий вдох, выдохнула, и лишь затем набросила незримую сеть на мачты «Храпящего».

Этап первый, он же самый сложный. *Инизамо, кроверфс агни...* оплетение предмета. Глазу, даже самому острому, не заметить нити, которые сейчас обволакивают судно от бушприта и до кормы. Кое-где остаются прорехи, но сейчас ими можно пренебречь.

Этап второй. Замещение. Каждая нить пожирает материю пространства извне, заставляя зрительный образ предмета, на который направлено заклинание, исчезнуть. При этом все, что находится внутри «свертка», останется невредимым.

И третий, трансляция. Перемещает на противоположные стороны искаженного кусочка мира изображение того, что находится за предметом для стороннего наблюдателя.

По описанию — вроде бы несложно. Но когда все это приходится произносить на языке Древних почти минуту, ни разу не сбившись, задействовав в процессе огромный запас собственных сил... становится понятно, почему талисманы, амулеты, заклинания невидимости встречаются раз в тысячу лет. Во время сотворения колдовства по нам попали еще несколько раз, и шхуна дала крен на левый борт. Пробоина? Выдохлась, чуть не легла тут же, на шершавых и мокрых досках, но нашла в себе силы отдать приказ:

— Лево руля! Идем вдоль Щита в Грайрув!

— Пробоина у самой ватерлинии! — раздался крик с нижней палубы. — Помпы работают с перебоями, нужно еще пару человек, чтобы заткнуть дыру!

Джад, свирепо ругаясь, загнал вниз Хога и Балбеса. Если б я что-то хотела понять сейчас, так это почему ночная вахта все еще спит.

— Ты в порядке, Тави? — подхватил он меня под руку. Я, опираясь на его плечо, встала, пошатнулась. Затем оттолкнула старпома и молча кивнула. Не сахарная, небось. Увидев, что оставшаяся часть фок-мачты переломлена у основания, приказала срубить ее к демонам. Джад сам взялся за топор, все заняты, нет ни единой возможности сесть и отдохнуть.

Страшный скрежет послышался со стороны кормы, недоумение быстро сменилось очередной, не самой приятной догадкой:

— Сорам, останови двигатель! Он нас выдаст...

— Есть! — крикнул рулевой, подняв рычаг в исходное положение.

Чума на их голову. Теперь еще и рунный двигатель поврежден.

Хотя изначально мы выходили из этой схватки с одним-единственным результатом, весьма плачевным для двух десятков пиратов.

Враг еще несколько раз пальнул туда, куда мы держали курс минутой ранее, затем беспокойно покрутился на месте (насколько вообще можно представить «беспокойное кручение» массивного судна) и взял курс на север.

Спустя несколько десятков минут на палубе показался боцман, весь грязный, взъерошенный. По его лицу медленно стекала вода, рисуя узоры из грязи и масла. Погода стала заметно мягче — дождь сейчас падал отдельными, разреженными каплями, как будто нарочно ждал именно такого момента. Потирая короткую бороду, рыжей, немного вьющейся щетиной обрамляющую челюсть, Ксам заявил:

— Да, проснуться от такого... не самый приятный момент. Что вообще случилось?

— Напали на нас, — устало произнесла я. — Сейчас мы под покровом невидимости, магов у них наверняка нет.

— Почему ты так думаешь? — спросил Джад, усевшись прямо на палубу. Отгрызок мачты на носу иссечен рубящими ударами, думаю, если бы он попробовал срубить ее сейчас, ни черта бы не вышло. Мачты не рубят боевыми секирами, более того, композитное дерево даже обычным плотницким топором не сильно-то и возьмешь.

Не иначе, как чудо. Хотя отсутствие колдунов на вражеском корабле вовсе таковым не является. Я задумалась, откуда же мне пришла в голову сия блестящая мысль. Ах, ну конечно.

— Засунь боевого мага в простую железную бочку, и он мало что сможет сделать, — усмехнулась я. — А у них — целое судно, оббитое металлом с рунами защиты. Я ведь именно поэтому так и не смогла нанести им хоть какой-то урон, даже прямыми атаками.

— А забросать камнями своими ты их сможешь? — спросил Джад, обращаясь к рыжему.

— На две мили? Я так далеко не размахнусь. И бортовые баллисты стреляют метров на четыреста, от силы. Надо было обрушить на них воду. Много воды, — угрюмо сказал боцман.

Я объяснила, почему вода, связанная магией и подталкиваемая магией, будет рассыпаться, едва дотронется до защитных рун, и любопытный Ксам, кажется, угомонился. Джад Стефенсон в сердцах стукнул кулаком по многострадальной палубе:

— Проблема в том, что мы не можем даже взять их на абордаж! Пусть и невидимые, тогда хоть можно было бы попытаться... из трех мачт осталось две, двигатель не работает, кливера сорваны вместе с фоком. Я сомневаюсь, что можно сейчас выжать из нашей скорлупки восемь полных узлов.

Какой-то ответ, ироничный и горький, вертелся в моей голове, однако его прогнал неясный звук, который становился все громче. Мороз внезапно продрал все тело, с головы до пят.

Со средней палубы доносился протяжный, тонкий вой.

Внизу, в узком проходе между кают, куда рванули все, кто не был занят работой, мы обнаружили сорванную с петель дверь и солидную дыру в ней. От переборки до переборки с глухим стуком катался шар, судя по весу — чугунный, но залитый внутри свинцом. Я не обратила на него внимания...

У койки стоял на коленях Ойген и рыдал. Крупные, увесистые слезы тут же утирались рукавом рубахи, но у меня тоже ком подкатил к горлу.

На своем законном месте — за то, кто будет спать снизу, они, кажется, тоже дрались — лежал Тумас. То, что осталось от Тумаса. В борту, у изголовья, зияла дыра. Один из смертоносных громовых плевков не только прошел борт, но и поразил тело матроса. Человеческое тело... такое хрупкое. Такое уязвимое.

Ему оторвало, превратило в кровавые брызги голову, шею и часть груди вместе с левой рукой. Предплечье и кисть до сих пор лежат на полу. Судя по пробоине, Тумас сидел на койке, когда в нас в очередной раз попали. Левое плечо его брата все в крови, рубаха тоже забрызгана красным... поднял, еще не веря в смерть, перевалил на кровать. Ойген краем глаза заметил движение в двери, чуть ли не прыгнул ко мне, сжал в тяжелых, но сейчас бессильных кулаках белую ткань моей рубашки.

Не замечает, что оставляет кровавые пятна, смотрит с надеждой: а вдруг...

— Прости. — Я едва смогла выдавить из себя одно слово, затем опустила на одно колено и обняла его. — Маги не повелевают жизнью и смертью. Я... не могу. Не сумею. Никто не сумеет.

— Но должно же быть что-то, — надломленным голосом произнес он.

Нет.

Ничего нет... я слышала, что некоторые алхимики, из величайших, нашли способ упрятать человеческий разум в анимуса, колдовского или механического. Но для этого нужен мозг. Голова.

Я вышла из каюты, оставив Ойгена наедине с его горем. Ощущение, что мне нужен свежий воздух и капелька божественной мощи, чтоб уничтожить тот корабль до последнего гвоздя, последней заклепки, продолжало настойчиво колоть душу. Большим, длинным трезубцем. Так, чтоб наверняка достать.

Вышла на палубу, двинула ногой ни в чем не повинный пустой ящик. Уселась на него, прислонилась спиной к юту. Тут же вскочила, пошла на нос, подобрала вовремя перерезанные шкоты. Меня догнал Ксам, вопросительно посмотрел, ничего не говоря. Прокашлявшись, я отрывисто сказала:

— Привяжем кливера к грот-мачте, может дать пару узлов. Держи свой конец.

Механическими движениями завязала двойной морской узел, чтобы удлинить большой леер, передала Рыжему, который сноровисто полез на мачту. Деррек осторожно забрал у меня веревки, я просто отошла в сторону. Да, не мое дело, но надо чем-то заниматься, иначе съест проклятая горечь.

— Капитан? — подал голос Линд.

— Возьмите запасной парус, заверните в него тело. Чтобы утонул, привяжите его молот. Похороны с оружием и в морских глубинах... думаю, он хотел бы этого.

— Сделаем. Еще приказы?

Я закрыла глаза.

— Нет. Иди.

Старпома и интенданта нигде не видать. Помогают внизу, наверное. Граф перевязывает мелкие царапины тем, кого задело брызжущим во все стороны деревом, наносит заживляющую мазь.

Вина на смерти каждого члена команды лежит, прежде всего, на мне. Никакие отговорки здесь не помогут. Я капитан, я должна делать так, чтобы все оставались живы. В тот момент мы не могли принять бой, поэтому не отдала приказ «Свистать всех наверх»... жалкое оправдание. Может, если бы самоуверенность не затмила мой взор, мы бы успели спрятаться под покровом невидимости. Может, может, может.

Кем для меня был Тумас? Беглым заключенным? Парнем, который несколько раз вместе с другими спасал мою шкуру? Подчиненным? Другом? Частью команды...

— Капитан... если вас не затруднит.

Нытик. Тоже стоял в ночной вахте и отсыпался сейчас. Ранен. Из плеча торчит длинная, зазубренная щепка — уже даже не щепка, а кусок доски. Рана глубокая, но матрос терпит. Понимает, что мне не до того.

Кивнув, я бесцветно произнесла:

— Давай, попробую. Не взыщи, если не получится, я порядком выдохлась.

С силой выдернула обломок, Нытик охнул, переступил с ноги на ногу, словно конь в стойле. Слова лечебного заклинания прозвучали как-то отдельно от меня, будто произносил их совершенно другой человек. Ну, я о том, что я же наполовину человек. Могу ли я применительно к постороннему существу сказать «другой человек»? Хотя, возможно, для этого надо и самой...

Угораздило.

Полтора года мы скитаемся по морям без потерь. Чед не в счет. Он из игрушки превратился в члена команды, но покинул ее, как только получил такую возможность.

Тумас. Демоны тебя раздери, как же ты так.

И близнец твой тоже сейчас вышел из строя. Надолго. Убитый горем человек сражается только до тех пор, пока есть возможность отомстить. Как муравей может мстить горе? Медленно вдохнув, затем потратив несколько секунд на выдох, я до боли сжала зубы. Говорят, что пираты бессердечны, любят издеваться над жертвами. Говорят, что капитаны пиратских команд ни слезинки не проронят за всю свою недолгую, но полную бурных приключений и авантур жизнь.

Хочется верить, да нынешнее состояние только и просит налакаться хмельного пойла да разрыдаться у кого-то на плече. Точно так же, как минуту назад сделал Ойген. Кстати, надо ему выдать, из запасов. Иногда, если человек был особенно дорог, сердце не выдерживает — брага не выход, но лучше уж так.

— Пункт двадцать шесть, — произнес Джад, садясь рядом. Только в штанах и сапогах, устало, но твердо смотрит на меня. Словно ожидает ответа. А я сначала подумала, что ослышалась:

— Что?

— Говорю, пункт двадцать шесть корабельного устава. «С момента выхода в море мыверяем свою жизнь случаю, и никто, кроме нас, не несет за нее ответ», — сказал он, очевидно, ожидая от меня какой-то реакции.

— Это жестоко, — невесело усмехнулась я.

— Это жизнь.

— Он прав, капитан.

Бледное, землистого цвета лицо Ойгена показалось наверху. За веревки он тащит сверток парусины, со стороны лестницы его поддерживает лучник.

— Я никого не виню, — глухо сказал он. — Я просто хочу найти того, кто отдал приказ о нападении, и зубами вырвать ему глотку.

— Не он один! — крикнул боцман с мачты. Палуба огласилась яростными криками, но я поднялась на ноги и громко ответила:

— Давай сохраним жизнь тому, кому еще в силах сохранить. Твоя Узана, если она жива, переедет в бывшее баронство, а потом займемся тем, чего просит кровь Тумаса Жамсби!

Сверток с телом положили на борт, привязали тяжелое оружие матроса, чтобы он не всплыл и не качался раздутым трупом на поверхности воды. Сейтарт, только сейчас показавшийся на палубе — осматривал двигатель, полагаю — подошел к нам, достал из кошелька пару золотых, засунул под несколько слоев ткани. На вопросительные взгляды сказал:

— Пусть и на том свете лапает баб и пьет дорогое вино.

— Лучшая погребальная, что я когда-либо слышал, — сплюнул в сторону один из матросов. Все сгрудились вокруг, желая отдать последние почести товарищу, пусть даже настолько неуклюже. Мы — не лучшие ораторы.

Ойген всхлипнул. Затем утер насквозь промокшим рукавом лицо, опустил ладонь на парусину. Помолчал некоторое время, затем медленно проговорил:

— Прости меня, брат. За все прости... твоей пролитой кровью клянусь, мы найдем это демоническое судно и уничтожим его.

Отвернувшись, я побрела в сторону своей каюты.

Кем был для меня Тумас?

Родственником. Из близких. Из тех самых, что, как и ты, хотят наживы, хорошей драки, шума морских волн над ухом. Он поднимал молот во имя своего капитана, разбивал им камень, лед и крушил черепа. Что ж... я найду способ отдать долг. Пусть даже пока что и примерно не представляю, как это сделать, и что для этого понадобится.

Сзади раздался плеск, приглушенный шумом дождя.

За мной увязались двое — главный механик и главный лекарь. Я кивнула, приглашая их в каюту. Села, вернее, повалилась на койку, больно ударившись головой. Ничего, ей полезно. Указала подпиленным когтем на Графа:

— Докладывай.

— Остальные живы и здоровы. Ничего серьезного, — кратко сообщил он. Посмотрел на Сейтарту:

— Что с двигателем?

Тот выругался, затем уже более спокойно произнес:

— Плохо все с двигателем. Рулевой трос держится на паре волосин, мы его кое-как скрепили, но потребуются серьезный ремонт. Перебиты правые приводные валы, туда сразу два снаряда угодило. Крылья маховика погнуло, тем не менее, это можно исправить. Нам нужно причалить, а, по-хорошему, обратиться на верфь.

Отличная шутка — на верфь обратиться.

— В Грайруве? Нас возле той верфи и повесят. Меня, во всяком случае. Кроме того, если повреждены какие-то детали рунного двигателя, их можно достать только в одном

месте, — подчеркнула я. Сейтarr скривился. Хотя он прекрасно знал, что я предлагаю единственно допустимый выход — рунные двигатели производили лишь заводы моего отца. Единственная деталь, которая изготовлялась Объединением Механиков — сам маховик, из какой-то невероятно крепкой стали.

Но возвращаться в Телмьюн, столицу империи Серого Жемчуга, наполненную серьезной магией, полицейскими патрулями и агентами Тайной Канцелярии не хотелось никому. Место нашего первого преступления имело на компанию морских бродяг изрядный зуб.

Глава 5. Эмбарк

— Сколько людей тебе нужно?

Сейтарр как-то странно посмотрел на меня, затем кашлянул в кулак, выражая недоумение:

— Все. Уж не думаете ли вы, капитан, что я сам могу заняться ремонтом корабля?

— В случае необходимости — почему бы и нет, — вздохнула я. На душе паршиво, так еще и собственный интендант людей не дает. Как будто они у него в кладовой лежат штабелями, а мне без накладной туда не пробиться.

Мы причалили в укромной бухте недалеко от Жумейжика. Бывшая столица королевства Маннегот... всего лишь каких-то две тысячи лет назад присоединилось к империи, а затем и королевством быть перестало. В городе мы решили заночевать, затем запасти снаряжением и двинуться в путь. При хорошем раскладе дорога пройдет мимо всех крупных городов прямо к Пурпурному озеру, а там уже вдоль его западного берега в Роксомм.

А еще я хочу оставить в Жумейжике Ойгена. Дать ему залить горе, оставить кого-то в компанию, чтоб совсем голову не расшиб. И весь список того, кто обладает хоть какой-то ответственностью, состоит из четырех пунктов. Линд, Мархес, Деррек и Джад. Сейтарр остается руководить ремонтом, так что он не при делах. Старпома в любом случае заберу с собой, Ксам, ясен пень, тоже с нами. Его сестра, все же, не моя.

Да, было бы неплохо «забыть» Джада здесь и иметь постоянную Нить для связи. Затем столкнуться с магом, превосходящим меня и по силе, и по знаниям, и бесславно погибнуть.

Линд, Мархес, Деррек. Стрелок, как всегда, отнесется к моему приказу с предельной серьезностью, но собеседник по душам из него не самый подходящий. Деррек обязательно утащит с собой Чинку, в то время как здесь она могла бы заниматься парусами. Остается только смуглый копыеносец в качестве возможного напарника и, заодно, охранника для Ойгена.

Мархес некогда приплыл в Грайрув с одного из мелких островов вдоль побережья Консьегена. Говорит, что на обычной весельной лодке, хотя расстояние там нешуточное. Жилистый, даже мускулистый, с тонким шрамом под левым глазом и татуировкой в виде широкого браслета на правой руке. Глаза такого насыщенного карего оттенка, что отдают красным цветом, а в сумерках становятся почти черными. Абсолютно безволосый, как младенец.

Считает Линда кем-то вроде большого уродливого бога — ходит за ним хвостом и постигает мудрость наемника. Приказы выполняет в точности и беспрекословно. Да, пожалуй, он самый подходящий человек в качестве собутыльника. Не даст натворить глупостей, поможет в трудную минуту. Треснет по голове, исключительно по-дружески.

Я оттащила матроса в сторону и пояснила ему новую задачу. Интенданту не сказала, объявила только, что забираю с собой пять человек. Двоих оставлю в Жумейжике, дальше пойдем вчетвером. Двадцать один... мать его, двадцать человек в команде — значит, здесь останутся четырнадцать. Небольшой отряд также отправится в Телмьон с сопроводительным письмом для моего отца. Конечно, я предпочла бы иметь дело с независимыми торговцами, однако выхода нет.

Рихард Шнапс — не тот человек, чтобы поверить на слово группе каких-то бродяг. Надеюсь, тайные знаки в письме его убедят.

Шестым, конечно же, пойдет Граф. Насколько я знаю корабельного врача, к ремонту его на милю за... кхм, уши не затащишь, а вот боевые умения «лекаря» невозможно переоценить.

Дорога неблизкая — миль семьсот, даже если учесть, что первая половина пути пройдет по бескрайней равнине, на которой одиноко возвышается город-крепость Дилленбрехт. Его мы, разумеется, обойдем стороной, как и любые города по пути. Чем больше город, тем больше шанс, что со стен таверн и прочих увеселительных заведений на меня будет смотреть собственная зубастая рожа. Говорят, Пройдоха (тот, который Варанг и император) не поспешил на художников, а на плакаты извели целую рожищу неподалеку от столицы.

Еще бы. По расчетам Сейтарра, мы стрясли с одних только грайрувских кораблей добычи почти на сто тысяч варангов. В масштабе империи это жалкие крохи, но сучий император ведь удавится за каждую монетку. Собственно, туда ему и дорога. Как власти не питают особой любви ко мне, так и я не скуплюсь на бранные слова для них.

— Знаешь, а ведь все складывается, — нарушил молчание Граф, увязывая дорожный мешок. Среди офицеров традиция обращаться ко мне на «вы» все больше и больше угасала. Хоть что-то удалось из них выбить. — Получается, что те ничтожные ублюдки сначала изрешетили конвой из своих... как ты их назвала?

— Орудий, — мрачно ответила я.

— Вот, из своих орудий. А затем то же самое проделали с уже пустым кораблем Гильдии.

Недоумение тревожно постучало изнутри. Прямо в череп.

— Почему — пустым?

Граф поднял глаза на меня, повел рукой вдоль земли, как будто что-то показывая:

— Я думал, это очевидно. Они забрали груз, забрали людей как часть груза и оставили торговец, как приманку для нас. Конечно, хорошо рассуждать сейчас, после того, как все закончилось, однако мне казалось, что вы пришли к тем же выводам, капитан.

Опять он за свое.

— А мне сейчас кажется, что я — тупая скотина, — подытожила я, зло затягивая тонкий шпагат на заплочном мешке. — Естественно. И корабль не принадлежал империи, поэтому все верфи и гавани были пусты. Поэтому ребята, когда плавали на разведку, ничего не нашли ни в бухте Маверик, ни в десятке других.

Как только пришло понимание, прояснились и остальные детали внезапного сражения. Невероятно мощная, хорошо защищенная и смертоносная единица рейдерского флота, капитан которой на досуге баловался пиратскими выходками, могла без стеснения идти под флагом собственного государства — королевства Аргентау. Поскольку работорговля в других странах запрещена, остальных подозреваемых можно сразу вычеркнуть.

Откуда они взяли подобную силу? Тот еще вопрос. А насчет рейдерского флота — согласитесь, было бы глупостью строить только один подобный корабль. Хотя на большее может просто не хватить ресурсов... все же та сволочь величиной с хороший галеон. Так вот, судно ужасающей военной мощи без всякого стеснения зашло в территориальные воды Грайрува и подкарауливало неосторожных путешественников и купцов. Великолепно. Все их поведение говорит о том, что возможной потасовки с эскадрой грайрувцев капитан не боится. Или надеется на оную.

Вероятно, они даже не знали, что мы пираты. Трехпалубную шхуну с гафельным парусом легко спутать с торговыми или рыбацкими судами, особенно с расстояния в две

морских мили. Просто решили пожить еще и нашим грузом, однако не ожидали такого бегства. Ойген клялся кровью своего брата, что отомстит? Думаю, месть откладывается надолго, если только я что-нибудь не придумаю.

Единственный имеющийся у нас вариант — после того, как уладим дела здесь, повторно найти ублюдков, желательно, в ясную погоду, и подобраться к ним в невидимости. Шансы есть, но не слишком большие. На кораблях такого размера численность экипажа достигает нескольких сотен, а на магию во время абордажного боя именно на том судне полагаться нельзя. Как только мы с Джадом попадем на борт жестянки с рунами, сможем только оружием размахивать.

Без ложной скромности скажу, что считаю себя неплохим фехтовальщиком. Тем не менее, всего несколько стрелков с мардскими арбалетами сделают из меня симпатичную игольчатую подушечку. Как и из всей моей команды.

И, пока что, это лучший из имеющихся у меня вариантов.

Остальные куда плачевнее.

Медленным караваном мы отправились в путь. Сейтарр давно уже продвигает идею о наличии на корабле какого-то сухопутного транспорта, например, флевилла. Или хотя бы паровой повозки, чтобы везти груз. Что ж, если повезет, купим в ближайшей деревне телегу с парой тощих кляч. Или просто пару тощих кляч. Несмотря на то, что поклажи у нас немного, транспорт никогда не помешает. Огромная разница — идти куда-то с мешком за плечами или налегке.

Преувеличение с моей стороны, сказать «налегке». На самом деле, даже если сложить провизию и спальные мешки в телегу, все равно останется личное оружие. У меня два меча — один стальной, один из йрвайского изумрудного стекла. Еще посох, еще кинжал в ножнах на правой ноге. Все это нужно где-то нести. В море обычно все проходит неторопливо, посему и держать при себе груды железа нет никакой нужды, а вот здесь, на берегу...

У Ксама небольшая мешковатая сумка, переброшенная через плечо. Там, в специальных кармашках, он держит рунные камни, с помощью которых может взорвать что угодно. И, хотя данный вид является его излюбленным, носит с собой и другие: создающие дымное море, охранные, нагревательные и охлаждающие. Фактически, вместо двух магов в экипаже целых три. Ну, два с половиной, не меньше, метко запущенный из пращи камень наносит ущерб ничуть не меньше, чем хорошее ударное заклятие.

Да он их и руками неплохо швыряет. Даже меня учил, однако в метании всяких предметов я не стала мастером. Глаз и руку набила, бесспорно.

Джад тащит на спине восьмиугольный щит, которым никогда не пользуется, а в руках — тяжелая секира. Тактика старпома: в опасный момент бросить оружие и поразить противника колдовством. Либо наоборот, подождать, пока на классический щит мага не выпрыгнет какой-нибудь мечник, а уж тогда опустить поле и отсечь ему одну из конечностей решительным ударом. Наблюдатель отметил бы, что Джад несколько трусоват, тем не менее, с поля боя еще никогда не сбегал. Научился, видимо, давить в себе неумемную осторожность.

Тщедушный Граф с его стальной оглоблей. Тут и сказать-то нечего. Ладно, есть чего сказать — тщедушным его не назвать, тут яхватила лишнего. Просто изгнанный сын старинного дворянского рода низкоросл и не выглядит даже на десятую часть той силы, которой обладает. Правда, воздаст за сей неприглядный факт размерами носа и меча.

Секрет хорошего отряда — постоянный обмен навыками. Только так можно долгое

время оставаться в живых, избегая военного флота, карательных эскадр и прочих благожелателей. На суше тоже нелегко, в общем-то. Именно поэтому в экипаже четыре-пять человек могут правильно очистить и зашить рану, обработать перелом, разбираются в травах и зельях. Хотя врач на корабле один, я ведь не совсем целитель, а маг-целитель. На ранг ниже, можно сказать. Именно поэтому те из нас, кто по причине отсутствия Искры не может использовать магию, держат в запасе какой-нибудь защитный амулет или иной трюк.

Именно поэтому все члены экипажа без исключения отлично владеют оружием, порой — даже не одним.

— Не берись за чужой огород... — нещадно фальшивя, затянул Ксам. Я поморщилась, бросив:

— Не берись за песню. Если петь не умеешь.

Вот с пением у нас полный швах. У всей команды. Интендант вроде бы играет на лютне и поет, но его голос сильным и красивым тоже не назовешь. Хорошо, хоть в ноты попадает.

Так и живем — без походной песни.

— Ага, — поддержал меня старпом. — На что у меня мелодии отвратные выходят, но твои песни, Рыжий — какая-то кошачья драка посреди весны.

— Хотел как-то воодушевить, — пожал плечами тот. Я хмыкнула:

— Получилось же. Когда прекратил петь.

Шестеро путников, навьюченные провизией и личным скарбом, нестройно шагали вдоль травянистых холмов, выстроившись в растянутую цепочку. Дорог здесь нет, только направления и тропинки, едва заметные. А берег такой дрянной, отвратительный — на мель не сядешь, а вот о скалы разбиться можно легко. Еле-еле нашли место, где можно на время оставить «Храпящий».

Я даже иллюзиями заниматься не стала. Встретить живого человека в этих местах... ну, все равно, что пытаться найти совесть у императора Варанга. Маловероятно. А за крамольные мысли о правителе Грайрува, насколько я слышала, тоже тюремный срок полагается. Вот только не пойму, они у каждого жителя будут мысли проверять? Затратно получается, да и эффективность такой проверки приближается к нулю. Обычный человек про империю, императора, имперские амбиции, имперские войны не думает совсем, конечно, пока они не затрагивают его интересы. Ему хватает забот о собственной мощи, о семье, хозяйстве, имуществе.

Дорога до Жумейжика заняла всего лишь двое суток. Видать, мы и вправду близко причалили, удобнее будет в город мотаться за деревом для починки. Я повидала многие города: волшебные и самые обычные, бурные и спокойные, преступные и город Арн-Коссад. Нет, серьезно, где еще можно застать начальника городской стражи, который журит непонятное страшилище, рассеянное в его кресле, за то, что он пару минут назад помыл пол? Жумейжик ничем не выделяется. Кроме того факта, что в порту находится крохотная, около метра высотой стелла на небольшом постаменте, где горделиво написано «Центр мира».

От посещения крупнейшей местной достопримечательности мы твердо отказались. Даже умеренная вонь субъекта, который настойчиво предлагал прогуляться по злачным местам, меня не убедила, а моих компаньонов и подавно.

И, когда мы отыскивали таверну, я начала разговор, который откладывала и продумывала уже два дня:

— Ойген... останешься здесь.

— Почему? — недоумевающе спросил грустный здоровяк.

Так ничего и не придумала.

— Не буду врать, никаких секретных заданий для тебя нет. Дальше мы идем вчетвером, а вы с Мехресом остаетесь здесь.

— Почему? — повторил он.

— Отдохни, — сказал боцман, оглядываясь на меня. Мол, не умеешь ты, капитан, поддержку оказать в трудную минуту. — Развейся, сними бабу на ночь, осуши ведро спиртного, оплачь брата и возвращайся без единой мысли в голове, кроме настоящей боевой злости. Сейчас ты похож на рыбу, выброшенную на берег. Трепыхаешься, а толку нет.

Я и сама подметила, что у него даже походка изменилась, стала немного заплетающейся, угнетенной. Но Ксам тоже, мать его, успокоитель хренов. Поддержун.

— А. Понятно, — кивнул Ойген, криво усмехаясь. Бледная тень себя самого. — Боитесь, что могу что-то натворить?

Пожав плечами, я ответила:

— Нет. Не хочу нагружать тебя работой по починке корабля, а с нами идти опасно по ряду причин. На «Храпящем» тебе сейчас каждая деревяшка будет напоминать о Тумасе. Очисти разум, и, когда поймешь, что готов идти в бой — возвращайся в бухту.

Вздых.

— Есть, капитан. Нажрусь за всю команду, можете не сомневаться.

— Еще одно, — добавил Джад. — Если что-то вдруг услышишь про такие металлические корабли, вызнай все, что получится. Любые сведения.

Ойген еще раз качнул головой. Видно, что не слишком верит в успех подобного дела, но, по меньшей мере, попытается. Хороший парень, хоть и прост, как нательная рубаха.

— Не вижу резона что-то еще узнавать, — лениво протянул Граф, когда матросы покинули нас. — Сейтарр еще там, на берегу сказал, что приводится та inferнальная машина в действие силой пара. Точно так же, как грайрувские паровые повозки. И все видели, что там труба с дымом вместо мачт.

— Нам нужно как-то подобраться к нему и взорвать, — сказал боцман, плотоядно потирая руки. Я возразила:

— Если подобраться и получится, там же целая армия на борту. Не сдюжим, учитывая, что останемся без магии. Так бы я их раскидала...

— ...как котят, угу, — ехидно закончил Ксам. — Уважаемый... или лучше говорить «уважаемая»? Кхм, уважаемый капитан, а вы не подумали, что там тоже могут быть маги?

— Подумала, — кивнула я, — представь, что ты не любишь яблоки. Не просто не любишь, а до дрожи в коленях и ненависти в глазах. И тут тебя ловят, сажают в бочку с яблочным повидлом, а сверху высыпают еще две корзины яблок, крепких и зеленых. Прямо на голову.

— Это ты к чему, Тави?

— К тому, что маг себя на том корабле будет ощущать очень и очень неуютно. Мало того, что металл подавляет наши силы, так еще и чертова рунная защита от магии везде, где только можно. Могу почти гарантировать, что колдунов там днем с огнем не найдешь. Нам, правда, ничуть не легче придется.

Боцман поскреб бороду, затем выдал:

— Ясно. Значит, с абордажем не выгорит.

— Мы, в сущности, не солдаты, — развела руками я. — Я не могу бросать команду в

самоубийственный бой, кто-то скажет: а оно мне надо? И имеет на то полное право, подчеркну. У нас нет превосходства, кроме хваленой невидимости, но поддерживать ее на каждом в отдельности я не смогу. Помнишь, за сутки мы говорили про Аргентау, Джад?

— Ага, — кивнул тот, — я начинаю думать, что это единственный толковый метод. Проникнуть в страну, узнать, где у него причал, и попробовать совершить диверсию.

— Займет слишком много времени, — покачал головой Граф. — Так нам и сказали, где у него причал, сколько там стоит охраны... да и стражников, небось, целая армия. На их месте я бы днем и ночью стерег столь необычное и опасное судно.

Джад хлопнул ладонью по столу:

— Вот именно!

— Ты чего бузишь? — удивленно поинтересовалась я.

— Слишком оно необычное. Ну не могли люди такое построить.

— А кто мог?

— Не знаю, — буркнул он, — марды, например.

Граф с презрительной улыбкой жеманно помахал пальцами в воздухе. Мол, марды, у которых нет доступа к морю, которые никогда не интересовались поверхностью, вдруг создают корабль, способный бороздить океаны. Я также усомнилась в версии старпома, однако промолчала. В жизни всякое бывает.

Чертежи орудия, по чистой случайности попавшие к нам, не сохранили имя автора. Просто чертеж, и все. Жаль, сейчас нельзя сравнить — незачем таскать с собой лишние бумаги, которые всегда можно оставить дома. С тех пор, как у нас появился этот самый дом, конечно. Так вот, стиль работы похож. Куча механических деталей, без вычурностей, правда, и без родовых орнаментов — марды их очень любят. Но последнее могло объясняться тем, что отливали и собирали проект воедино все же люди.

Сотни версий, каждая лучше другой. И все бесполезны, поскольку лично мне неинтересно, какой величайший ум его создал и как сие получит развитие в дальнейшем. Мне охота его уничтожить, превратить из гордого властелина океанов в дымящиеся обломки. Думаю, сидящие за столом в данный момент со мной солидарны.

Тихо скрипнув, открылась дверь. Верная осторожности, я повернула голову, обнаружив там весьма примечательного господина. Его кожа по бледности могла сравниться со снежным покровом в середине месяца Ночи, черные с проседью волосы были зачесаны назад. Даже прилизаны. Одет в легкий черный сюртук, да и вся одежда черная, сапоги блестят, как будто он натирал их бархоткой часа три.

Станный тип. Но я повидала многих странных типов, приучена только определять, опасен или нет. Этот — нет. Безоружен, бойцом не выглядит, хоть и палица на поясе, глаза не оценили обстановку на входе. Да и взгляд вялый, заторможенный.

Может, принял чего?

— Вот зуб даю — он сейчас к нам подойдет, — поморщился Джад, проследив за направлением моего взгляда.

— Почему так думаешь?

— Нюх на различного рода вещи, которым угодно происходить вверх тормашками, — мрачно ответил он.

Чутье старпома не подвело — в самом деле, мрачный тип направился к нам. Походка тоже вальяжная, однако, аристократизма в нем не чувствуется. На всякий случай я проверила, нет ли на нем сковывающих волю заклятий. Все чисто.

— Доброго вечера, путники. Могу ли я к вам обратиться не от своего лица? — царственно произнес новоприбывший.

— Представьтесь, — сухо ответила я.

— Мое имя — Франк. Имя моего господина, что пожелал встретиться с вами — Ажой Бо Скаррав. Причина, по которой он жаждет встречи, необычайно проста. На выезде из города хозяин заметил необычный артефакт, который привлек его внимание. Он предлагает вам продать его или хотя бы дать осмотреть, за умеренную плату.

— О каком именно артефакте идет речь? — настороженно спросила я. Сухощавый, с тонкими чертами лица слуга учтиво ответил:

— О том, что был закреплен на вашем поясе, миледи.

Я задумалась. С одной стороны, нездоровый интерес к незнакомцам просто кричит то ли об опасности, то ли о помешанности его таинственного «хозяина». С другой... мы ведь говорим о Глазе Овеам.

Разумно поинтересоваться мнением товарищей, чего уж там.

— Что думаете? — оглянулась я по сторонам. Джад с каменным лицом пожал плечами, Ксамрий нехотя произнес:

— Пару раз он и нам самим пригодился, капитан.

Но подмигнул, едва заметно. Черты лица у боцмана не слишком тонкие, скорее, он похож на молодую рыжебородую обезьяну, и подобная мимика с его стороны обычно выглядит гримасничаньем. Но Франк ничего не заметил.

Глаз Овеам — штука занятная. Единожды распознав владельца, он считает себя навсегда привязанным к нему. Или до самой смерти, подобное развитие событий мне проверить, к счастью, не удалось. Его основная ценность заключается в умении поглощать энергию из колдовства, направленного на обладателя. К сожалению, Глаз не умеет разрушать обычные вещи, например, если в меня лавочку метнут с помощью волшбы, лучше уклониться. Защитные руны в таких случаях помогают не в пример лучше. Однако с артефактом в руках можно и самой творить магию.

Невероятно полезная вещь.

А еще мы любим его продавать. Если уж делец сам алчно ищет шанс быть обманутым, я могу таковой любезно предоставить. Один щелчок пальцев — и, как далеко бы ни был артефакт, он тут же вернется ко мне.

Мужики замерли в ожидании. Еще бы, такое представление, и не то чтоб даром.

— Сегодня мы не планировали выезжать, — кивнула я, смотря Франку в глаза. Вернее, за меня смотрела личина, но что поделаешь. — Завтра, во второй половине дня наша группа будет выезжать в южном направлении. Если дождетесь нас там, можем поговорить о продаже.

Кстати, а ведь меч из йрвайского зеленого стекла тоже ведь скрыт под иллюзией. И я совершенно точно помню, что наколдовала образы себе и Графу еще мили за две до того, как мы подъехали к городу. А его господин не так и прост, следует держать с ним ухо востро. Слуга у него, что ни говори, тоже необычный: ходит мягко, почти неслышно, говорит тихо, но так, что слышат все. Тембр такой... своеобразный.

Мужчина с достоинством поклонился, произнес:

— Я передам ваши слова господину. Благодарю, что удостоили меня вниманием.

И вышел, так же мягко и неслышно, как зашел. Только снова предательски скрипнула разошедшая дверь.

Таверна вообще не поражала богатством — старые, почти чистые столы с вековым слоем остатков еды, который не выскребешь даже стальным лезвием, низкий потолок, тусклые масляные лампы. Однако в городе с затейливым названием Жумейжик других не водится, увы. Была шальная мысль назваться известными путешественниками и заявиться на прием к местному царьку... здравомыслие разнесло эту мысль вдребезги. Вкусно покушать да поваляться всласть на мягких перинах — вещь неплохая, но превращать ее в цель всей жизни не стоит.

— А теперь тот же вопрос — что думаете? — повторилась я, постукивая пустой кружкой по столу. Слово взял старпом:

— Очень много непонятного. Во-первых, его «господин» с легкостью увидел тебя сквозь иллюзию. То, что он не донес страже, может быть как жестом доброй воли, так и простой неосведомленностью.

— Тоже об этом думала. Еще?

— Во-вторых, настойчивое желание посмотреть какую-то конкретную вещь может означать, что он с этой вещью хорошо знаком, по книгам или личному опыту. Я бы не стал так уж сразу давать ему в руки Глаз.

— Мне все равно, — зевнул мечник. — Сам по себе набор артефактов не делает вас сильнее, капитан.

— Да какой там набор, — возмутился старпом. — Один только.

— Мне все равно, — повторил Граф. — Если есть желание нажать — продавайте. Если есть опасения, что вас надуют — не продавайте. Штука, о которой мы сейчас говорим, полезна. Но ведь тот парень сказал, что нам и за осмотр денег дадут, а несколько монет в кармане никогда лишними не будут.

— Ни отнять, ни прибавить, — подытожил Рыжий. — Дадим посмотреть, но на большее пусть пасть не разевает. Капитан, если почувствуете какой-то подвох...

Я ухмыльнулась:

— Уж в подвохах с нами никто не сравнится, Ксам. Особенно с одним рыжим типом. У него еще рожа такая наглая, как будто кур ворует по ночам и пожирает заживо.

— Не знаю насчет кур, а вот в картишки я бы сыграл, — предложил он, хитро улыбаясь. Граф только кивнул, старпом решительно отказался:

— Без меня, ребята. Я не хочу утром проснуться в одних подштанниках и понять, что Рыжий сначала выиграл все деньги у сидящих за столом, а потом пропил их не без нашего же участия.

— Одинокий голос разума в темнейшей бездне человеческой глупости! — патетически воскликнул Ксам. Но колоду все равно достал откуда-то из необъятных карманов.

Глава 6. Ажой Бо Скаррав

Каменная арка, из прихоти градостроителей облицованная по краям белым камнем, распахнутые настежь ворота, два стражника по бокам — оба, как на подбор, плечистые, массивные саррусы, недобро провожающие каждого путника глазами. Сточная канава, устланная желтой травой, небольшой, тоже каменный мостик, любовно переброшенный через нее. Морозящий дождь, выбивающий туш по крыше нашего экипажа. Вот так город Жумейжик нас проводил.

Приунывший Ксам сидел на облучке и держал поводья. Ему изменила обычная удача, и весь свой кошель боцман раздал крупными и не очень ставками. Более того, этим утром он ощутил, что Узана все еще жива, однако ее состояние далеко от хорошего. Было еще что-то, тревожное и непонятное. По крайней мере, такое мне досталось описание, и чего-то более определенного я добиться не смогла.

Что-то странное творится в Роксомме. В моей памяти все еще живы рассказы отца о том, как двадцать лет назад один колдун ради забавы напустил неизвестную чуму на город Тцоммервиль, что немного севернее от нашей цели. Могла ли Узана пасть жертвой подобного ублюдка? Могла. Знаю ли я, как лечить подобные напасти? Не-а.

Куда не поверни, всюду задница, как говаривал незабвенный Хог Смёрксон.

Джад купил не телегу, а целую кибитку — на больших колесах, с высокими бортами и металлической рамой, поверх которой натянута ткань. В месяце Дождей иметь крышу над головой — залог хорошего путешествия, да и толстые, широкие обода спасут от увязания в грязи. Лошадок старпом тоже подобрал подходящих, в меру сильных и выносливых, обе грязно-желтого цвета, как перезревшие плоды дерева амаро.

А еще мы справили фальшивые документы, удостоверения личности, поскольку без них в империи никуда вообще не сунешься. В портовые города еще можно заплывать без опаски, но, если тебя поймает городская стража где-нибудь в сердце империи, тюрьмы не избежать.

Мне не было нужды обманывать слугу. Мы в самом деле намеревались покинуть прибрежный град через южные ворота, а дальше идти прямым курсом на юго-запад, прямо до Пурпурного моря, избегая больших сел и крепостей. Да и, честно говоря, терзало любопытство. Заходило в крике и рвало прутья разума: кто, кто, кто мог обратиться с такой странной просьбой?

Черная фигура, закутанная в мешковатую робу, ждала на обочине. Завидев нас, он выпростал левую руку из рукава, приложил ее ребром к груди, особым образом согнув мизинец и поклонился. Чуть поодаль виднелась насквозь промокшая фигура Франка с большим заплечным мешком, казалось, дождь совершенно не доставляет ему неудобств. Мешок, тем не менее, из плотной кожи, со многими ремнями и стяжками. Если на зонт или плащ у его благодетеля не хватило щедрости или денег, поклажу он повредить не рискует.

Первые черты Ажоя стали вырисовываться еще вечером того дня, однако, наблюдая почти незаметные мелочи сейчас, я смогла нарисовать в воображении человека властного, в возрасте, чрезвычайно скрытного, но не стесняющего обратиться к незнакомцам. Он должен быть неистовым приверженцем либо искуснейшего обмана, либо своего ремесла, которое заключается в...

Изучении древностей? Классификации известных Источников Силы? Воровстве?

В тем же успехом я могла бы сказать, что он любит крутить волам хвосты, а Глаз Овеам

увидел случайно, во сне. И теперь жаждет выяснить все о нем, поскольку до встречи со мной он считал: то был лишь сон.

Последняя версия хороша, если не учитывать то, с какой легкостью незнакомец увидел меня без маскировки. И, учитывая, что внешний вид его не слишком отпугнул, думаю, человек он очень интересный. А его скрытность, как и все запретное, только разжигает интерес.

Ажой Бо Скаррав снял капюшон, едва я приблизилась к нему. Старпом по привычке держался рядом, но на расстоянии пяти шагов. Элементарная подстраховка.

— Леди, — почтительно склонил он молочно-белую, без единого волоска голову.

Чем-то неуловимо напоминает Сейтарра. Возможно, подбородок и речь, так бы выглядел интендант еще лет через двадцать, если б вел сытую жизнь. Одет в грязно-коричневую, мокрую от дождя настолько, что кажется почти черной, робу. Бледная, немного дряблая кожа, два крупных родимых пятна около левого уха. Левый глаз бледно-голубого цвета, правый не рассмотреть — он скрыт несколькими линзами, окованными бронзой. Какой-то сложный монокль, явно не предназначенный только для чтения.

Возможно, через него он и видит мою во всех смыслах замечательную физиономию.

— Мастер Ажой, — едва заметно кивнула я. — Нас представили, как бы это сказать правильнее... заочно. Вы знаете, кто я?

— Не уверен. Хотя готов поклясться, что где-то видел ваше лицо.

— Настоящее лицо.

— Бесспорно. Думаю, стоит упомянуть, что мой окуляр предназначен как раз для рассеивания миражей, — указал он тонким пальцем на зеленоватое стекло, по которому тут же скатилось пару капель воды. Я скучающим голосом произнесла:

— Ясно. Тогда я не буду тратить время на бессмысленные угрозы и запугивания. Скажите на милость, зачем вам вдруг понадобился Глаз? Да так, что вы ради его осмотра готовы рисковать собственной шкурой? Смею заверить, отряд я подбирала под себя. Каждый из них десятерых стоит.

— Да спасет нас Ушедший, — пробормотал он, — я и в мыслях не держал подобного. Я всего лишь хотел осмотреть ваш, как вы его называли?.. Глаз. Повинуясь природному любопытству, так сказать.

— Подождите... вы сказали — Ушедший?

— Бесспорно, — повторил Ажой, подслеповато моргая левым глазом. Он смотрел куда угодно, но не на меня. Немного раздражает, по правде говоря.

— Эй, капитан! — крикнул Граф из повозки. — Долго вам еще?

— Пока не выясню все, что мне нужно!

А нужно мне, судя по внутреннему голосу, знать все. Без обиняков.

— Итак... кто такой Ушедший, и с чем его едят? — прямо спросила я, не тратя времени на тактичные оговорки. Пожилой мужчина ответил:

— Просто фигура речи, так сказать.

— Правую руку вы тоже скрываете ради фигур речи?

— Не всегда. Старые кости начинает ломить, когда идет дождь, вот я и...

Что-то большое и лютое зашевелилось глубоко внутри, расталкивая и распугивая остальные мысли. Не люблю, когда меня пытаются обмануть, а уж когда делают это настолько неумело...

Я рванула его за рукав, Франк, проявляя невиданную доселе прыть, побежал к нам, но

жрец со странным именем, Ажой Бо Скаррав, остановил его движением свободной ладони. На худой, даже костлявой руке виднелась огненная саламандра, свернувшаяся в яйцо, представляющем собой не что иное, как стилизованную карту Кихча с тремя материками. Татуировка казалась живой, и уж точно я смогла различить идущее от нее дуновение силы.

Что самое интересное — я отлично помнила, что обозначает комбинация двух таких символов. И жрецом его назвала не просто так.

Средний человек, обитающий в империи, раскинувшейся от края до края континента Арн-Гессен, мало что знает о богах. Главный бог Грайрува зовется звонкой монетой, и ему поклоняются все, от мала до велика. Конечно, есть всяческие тайные культы, есть привнесенные верования вроде многочисленных святилищ Корда или других богов, но, в основной массе, люди, хоббиты, саррусы здесь далеки от ритуалов и церквей.

Существует один могущественный злой бог, имя которого — в каждой бочке затычка. Проклинают его именем, пугают его именем, всякую мерзость называют его именем. Нист, Дряхлый Нист, Безумный Нист. Кстати, меня тоже время от времени величают Нистой тварью, хоть это и неправда. Под его эгидой собираются мерзавцы, именующие себя «темными жрецами», и каким-то образом действительно получают часть его сил. Тоже магия, но другая. Нет обучения, нет стандартизированных форм заклинаний, все зависит только от личной мощи и связи с Темным Богом.

Таким образом, завистливый маг-недоучка может стать весьма сильным жрецом, что благополучно сказывается на его самолюбии, и почти всегда наносит непоправимый ущерб его предыдущим обидчикам, тем, кому он завидовал, а также вообще всем, кто попадет под горячую руку.

Но есть и светлые пятна.

Согласно преданиям и легендам, некогда Безумный Нист одолел и сожрал трех своих самых грозных противников. Азора Ке, владыку и повелителя пылевых демонов из другого мира со странным названием Хонсумак, Тумпфа, властителя нежити, и Лежизалья, бога тайн и астральных планов. О последнем и пойдет речь.

Сам по себе Лежизаль не был ни добрым, ни злым, но, будучи поглощенным, предоставил Темному долю своей мощи, которую тот, конечно же, не постеснялся использовать в самых гнусных целях. Тем не менее, боги просто так не умирают. Тому свидетельством культ Тайной Саламандры, представителя которого я имею честь наблюдать прямо перед собой.

Он тоже жрец, но иного рода. Поклонники Лежизалья Поглощенного на всю жизнь принимают проклятие безудержного любопытства, однако взамен получают определенного рода таланты, связанные, прежде всего, с изучением, познанием и изобретательством.

Не могу сказать, что Лежизаль — бог-механик. Тем не менее, и в сложной механике сокрыта своего рода тайна, которая чаще всего имеет соприкосновения и с магией, и с алхимией, и с металлургическим ремеслом. Можно сказать, со всеми сферами деятельности разумных рас. А бог тайн, знаете ли, очень любит тайны.

Как он, будучи сожранным, может делиться с последователями частью личной мощи? Не знаю. Боюсь, что никто не знает, кроме него самого. Для этого нужно самому обрести божественную мощь, а затем дать кому-то тебя сожрать. Не слишком веселая перспектива.

— Мастер Ажой, от меня можете не скрывать свои взгляды и приверженность всяким тайным культам.

— О чем вы говорите? — продолжал валять дурака он.

— О Лежизале Поглощенном, конечно же. Я не собираюсь поднимать крестьян с вилами и факелами в руках, и сжигать вас заживо за то, что вы якобы принадлежите Тьме.

Ажой на мгновение замер, затем прокашлялся, сказав лишь:

— О... тогда это, безусловно, меняет дело.

— Ты уверена, Тави? — настороженно спросил Джад. Я повернула голову к нему, скорчив страшную рожу:

— Думаю, нам можно не опасаться. Расслабься. Конечно же, мастер темный жрец не самое доброе существо в мире Кихча, но и добрые нередко могут причинить боль и страдания. Исключая некоторые странные привычки их секты, я бы сказала, что ему можно доверять.

— Как скажешь, капитан, — пожал плечами старпом, однако его недоверчивый взгляд все искал на Ажое место, где крупными буквами было написано «Я ПОСТАРАЮСЬ ЗАСЛУЖИТЬ ДОВЕРИЕ, НО ПРЕДАМ ВАС ПРИ ПЕРВОЙ ЖЕ ВОЗМОЖНОСТИ счастьем, такого места ни на лысой голове, ни на темных одеждах не нашлось.

— Не будет ли дерзостью поинтересоваться, откуда вы столько знаете о нашей, эм-м... группе? — помедлив, спросил Ажой Бо Скаррав. Вздохнув, я ответила:

— Знаете ли, я книжный червь. Правда, очень агрессивный книжный червь. Когда-то я изрыла библиотеку Телмьюнской Академии на предмет дополнительной силы, и наткнулась на описание различных ритуалов, заботливо составленных неким Альфонсо Элмондо. Разделы в той книге называются бесхитростно: «Ритуалы Света» и «Ритуалы Тьмы». Честно говоря, хотя ритуал Лежизала и описан во второй части, никаких признаков порчи я в нем не нашла.

— А дополнительную силу? — поинтересовался старпом, который не слышал эту историю.

— Тоже не нашла. Большинство ритуалов что-то дают и что-то отбирают, обычно важное и нужное, просто взять да и повысить уровень магической мощи не получится, — пожалала плечами я. Давно пройденный этап жизни, наивность и безграничная вера в себя. Нечего и вспоминать.

Ажой осторожно заметил:

— Думаю, если бы подобная книга существовала, вряд ли бы она находилась в публичном доступе, пусть даже в распоряжении весьма ограниченного круга талантливых людей.

— Тогда я об этом не думала, — хмыкнула я, опустив правую руку на пояс. — Итак, вы хотели поближе рассмотреть искомый артефакт. Что предлагаете?

Как раз тот случай, когда за «посмотреть» очень даже берут.

— Давайте начнем торги с двух золотых, — предложил он.

— Не-ет, — протянула я, насмешливо закатив глаза, — если мы начнем торги с двух золотых, их очень скоро придется закончить. Я не думаю, что даже минимальный риск осмотра того стоит.

— Четыре, — нахмурился жрец.

— Отказываюсь. Наименьшее, что я могу позволить — пятьдесят золотых, и ни монетой меньше.

— Но я ведь всего лишь собирался взглянуть...

— Откуда мне знать? Может, у вас, мастер Ажой, есть какой-то древний трюк в запасе, который позволяет обуздать силы любого артефакта себе на пользу?

Он развел руками:

— Тут вы правы. Я бы и сам не стал рисковать подобным образом. Может, у вас имеются кандалы для магов?

— Силы жрецов отличны от силы магов, — сухо заметила я. — Неизвестно, подействуют ли на вас наручники. К тому же, у нас все равно их нет.

Ажой Бо Скаррав горестно вздохнул:

— Уверяю, подействовали бы, как и на вас. Что же мне делать? В дороге я поиздержался, и сумма, находящаяся сейчас в кармане, довольно невелика. Сказать по правде, она гораздо меньше той цены, что вы запрашиваете за осмотр. И все, что можно было продать по дороге, я уже продал.

— А чем ты торговал, мужик? — снова встрял Джад.

— Различными устройствами. Видите ли, я... артефактор.

— Арте — кто?

— Артефактор, — терпеливо повторил жрец. — Такой ремесленник, который занимается конструированием различных устройств, зачастую сопряженных одновременно и с механикой, и с магией.

Старпом задумчиво посмотрел на меня, затем снова на него:

— Ага. И что ты можешь сконструировать?

— Боюсь, в данный момент — ничего, — развел руками Ажой. — У меня не осталось материалов, почти нет денег и способа добыть новых я тоже не вижу. Рассчитывал найти работу в городе.

— А культ не поддерживает своих членов?

— Нас — единицы на всю империю. Маловато для того, чтобы организовать хоть какую-то общину.

Кое-что мелькнуло в голове. Как бы теперь данную мысль облечь в искусное вранье, чтобы не вызвать подозрений. Я медленно проговорила:

— Вообще, у меня есть для тебя работа. Мне нужно взрывное устройство очень большой мощности. Такое, чтобы могло размолоть гору в пыль.

Жрец впал в прострацию. Похоже, надолго. Я уже спорила сама с собой, стоит ли пойти к телеге, взгромоздиться в сухое и относительно уютное пространство под тентом и отправиться за Узаной, как он столь же резко вышел из ступора и сказал:

— Я не только не силен во взрывчатке, но и не знаю никого из братьев, кто мог бы повернуть подобное.

Жаль. А у меня был такой отличный план по уничтожению того металлического корыта. Теперь придется как-нибудь своими силами.

— Хорошо. А что ты можешь сделать? При наличии нужных материалов, конечно же.

Жрец принялся перечислять:

— Могу сделать такой окуляр, как у меня. Костровую горелку, способную днем собирать жар солнца, фальшивый каблук, что может выпускать ядовитый или сонный газ, тонар, имитирующий чужой голос, умею собирать различных механических зверей...

— Погоди, — прервала я его, понимая, что так он может перечислять еще очень долго. — Ядовитые каблуки и окуляры — это все замечательно, но для боя среди твоих артефактов что-нибудь найдется? Хотя от окуляра я бы тоже не отказалась. Если нет сырья, можешь отдать свой.

— Всего лишь за право взглянуть на предмет, который меня заинтересовал? —

саркастично заметил собеседник. — Знаете, леди, хоть вы мне и не назвали своего имени, мой окуляр стоит в несколько раз дороже, чем пятьдесят золотых.

— И чем же он так уникален?

— Видите ли, он позволяет видеть... а, черт, вам это все равно ничего не скажет. Поведаю лишь, что он имеет ценность только для меня. Ни кладов, ни особого богатства или тайных знаний никому с его помощью не обрести.

Я разочарованно хмыкнула:

— Ясно. А боевые артефакты?

Он выставил ладони вперед:

— Подождите, я думаю!

— Думает он... в Грайруве шагу нельзя ступить, наткнешься на героя! Или на компанию героев. Или на наемников. Или на героев-наемников. В общем, я никогда не поверю, что стала первой, задающей подобный вопрос, — возмутилась я, и совершенно справедливо. В империи действительно от разного рода благодетелей не продохнуть. Правда, отец рассказывал, что в последние года все стали до ужаса меркантильными, и теперь герой меньше чем за определенную плату на дело не подпишется.

К нашей компании вальяжно подошел Граф и с ленцой спросил:

— Долго еще? Там Рыжий мается, что никак не поедет. Да и дождь. Охота вам вот так стоять и языками трепать?

— Погоди, «лекарь». Этот славный парень в робе говорит, что сможет сделать нам кучу полезных артефактов, если я ему дам посмотреть на Глаз.

— Правый или левый? — с усмешкой уточнил Граф.

— Я такого не говорил! — вмешался Ажой. Его возмущенный вид красноречиво говорил, что ушастая безымянная леди слегка переоценила его обещания. — И, да, я вспомнил одну вещь. Призрачный Танцор. Но, если в Жумейжике нет бретценской стали и призмы из гавтана, нам придется посетить Эрвинд или Телмьон.

Фыркнув, я повернулась к Джаду:

— Слыхал? Только встретились, а уже «нам». И замахнулся не на что-нибудь, а сразу на два величайших города, что славятся своими диковинками и черными рынками артефактов. Хотя Танцора я бы взяла, кое-что слыхала о нем.

— Слава Эрвинда слишком преувеличена, — скривился Джад, не смотря на меня. Он все еще наблюдал за жрецом, готовый защитить, если тот вдруг ударит в спину. — Я все лавки обошел, но вообще ничего стоящего. Одни приворотные да от-ворот-поворотные зелья.

— Во всяком случае, с чего ты решил, что мы собираемся взять тебя с собой, любезнейший? — снова обратилась я к жрецу. — Куда бы мы ни ехали, у нас свои дела, у тебя свои.

— Видите ли... я не хочу рисковать, — осторожно ответил лысый. Франк, теперь стоящий за его спиной, хмуро кивнул. — Рисковать шансом обследовать настолько редкий артефакт, конечно же. Поэтому я смогу сопровождать вас в дороге и предлагаю свои умения в помощь. Замечу, совершенно бесплатно.

— В помощь ли? — с подозрением изрек старпом. Я покачала головой, тем не менее, что-то внутри жалобно пискнуло: нам пригодится любая помощь...

— Исключено. Я не приму никакой помощи от человека, который так настойчиво ее предлагает. Более того, на случай, если он пойдет по нашему следу и нападет, когда мы того не будем ждать, я бы предпочла его убить. Не делаю этого лишь потому, что, по логике, нет

нужды представляться и затевать разговор с жертвой.

Жрец тяжело вздохнул. Не знаю, какие силы он в себе таит, но то, что не хочет драки, заметно.

— Что ж, спасибо за откровенность. Тогда я направлюсь...

— Капитан, — дотронулся до моего плеча Граф, — если он так хочет путешествовать с нами, свяжите его каким-нибудь из ваших, магических страшных обетов. И дело в шляпе.

О. Даже о-о-о. Когда Граф не ленится думать, я его почти люблю. Главное, ему не говорить, а то и так чересчур самовлюблен.

— Великолепно, — ограничилась я сухим комментарием. — Как доберемся до Роксомма, можешь купить себе новую рубашку в награду. С двойными кружевами.

— Денег дадите? — поинтересовался мечник.

— Не дам.

— Тогда какая же это награда?

— Обычная. За хорошую идею я наградила тебя другой хорошей идеей.

— Всегда нравилось, как она торгуется, — усмехнулся Джад. Я огрызнулась:

— Это у меня от отца. Так что скажете, мастер Ажой?

Мужчина в темных одеждах как-то задрал глаза и посмотрел на нас. Ясное дело, что идея ему не слишком нравится. Все, без исключения, «магические страшные обеты» подразумевают либо тяжелые увечья, либо смерть. И неизвестно еще, что хуже, поскольку от некоторых, оставляющих в живых, жить потом точно не захочешь.

Так... Порочный Круг, как и Холодный Ум, запрещают разглашать чужие тайны. Не то. Великое пробуждение? Нет. Истечет бурой, вонючей слизью прямо в телеге, а потом это все отмывай? Хм-м. Клинок Осужденного или Филомантиум.

— Я могу предложить два выхода. Вернее, три. Третий, и самый безопасный — мы просто разъезжаемся восвояси. Я не стану ограничивать вашу волю могущественными заклинаниями, вы не станете пытаться нас преследовать.

— Это хороший выход, — кивнул Ажой Бо Скаррав, едва приподняв уголки рта в усмешке. Вышло не слишком искренне. Артефактор, который упустит шанс исследовать действие нового артефакта, сравним с волшебником, что не обратит внимания на старинную книгу заклинаний. Не существует таких, уж поверьте моему скромному опыту. Или они не те, за кого себя выдают.

— Судя по выражению вашего лица, он вам не слишком подходит.

— Бесспорно, однако, он может оказаться самым выгодным, — развел руками жрец. У него на пальце еще какое-то кольцо, то ли из бронзы, то ли из зеленоватого латения. Только сейчас заметила. Даже не кольцо — печатка с тусклой монограммой на черном фоне.

— Может, — кивнула я. — Хорошо. Есть Клинок Осужденного, и существует одна вещь, редкая и сложная, называемая Филомантиум. По результату не отличаются ничем. Что первое, что второе с гарантией убивает, однако Клинок менее строг к требованиям, в то время как последний наговор зиждется на неукоснительном соблюдении формулировки с точностью до буквы.

— Тревожно.

— Еще бы. Сама никогда не соглашусь дать подобный обет, но вот принять от кого-то... — хищно улыбнулась я.

Глава 7. Некоторые незначительные детали

Как и следовало ожидать от тактичного, рационального, но преданного своему делу человека, Ажой выбрал Клинок Осужденного. Смиренно принял огненную печать на впалую грудь, молча запахнул робу и попросил освободить немного места в повозке для него или его вещей. Я не спешила записывать его в лучшие друзья, однако престарелый артефактор о подобном и не просил. Кажется, он готов ждать вечность, прежде чем получит возможность осмотреть, ощупать, обнюхать Глаз Овеам.

Или, по меньшей мере, не будет возражать, если меня убьют в трактирной драке.

Хотя клятва, данная им, исключает вероятность того, что он в подобном случае станет бездействовать, или, того хуже, помогать врагу. Сам копыта откинет прежде, чем успеет призвать на помощь сожранного бога.

Жумейжик оставил жреца очень недовольным. Ни требуемой стали, ни призмы у местных лавочников не оказалось, посему он не мог в кратчайшие сроки разрешить нашу сделку и избавиться от обета. Хотя, конечно, мастера-артефактора больше волновал Глаз и его таинственная сущность.

В любом случае, теперь мы могли ехать вместе. Насчет Франка Ажой уточнил, что любой приказ относительно нас также будет нарушением клятвы, а по собственной инициативе бледнокожий мужчина действовать не станет. Я с самого начала видела, что он всецело подчиняется жрецу, поэтому легко поверила в его безвредность.

Приключение продолжилось, когда мы поехали дальше, на особо скользком повороте телега немного съехала вбок, и боцман, который уже передал поводья Джаду, привалился голым плечом к слуге. Отодвинулся, удивленно завопив:

— А-а-а! Ты чего холодный такой?

— То есть как это — холодный? — не поняла я сперва. Ксам дернул меня за рукав:

— Пощупай сама! Черт, какой-то могильный холод идет прямо сквозь его одежду!

Граф также насторожился и полез проверять. Правда, вместо того, чтобы щупать одежду человека в черном сюртуке, опустил ладонь на его шею. Темно-зеленые глаза мечника удивленно расширились:

— Капитан... а ведь он мертв.

Франк сидел незыблемо, смотря куда-то в тряпичную стену повозки.

В ту же секунду лезвие моего меча и длинный нож, который вечно таскает за поясом Ксам, оказались у горла Ажоя. Тот сглотнул, подняв руки вверх ладонями к нам. Я предложила:

— Уважаемый артефактор... не будешь ли так любезен рассказать нам, отчего твой приспешник внезапно оказывается ходячим трупом? Имей в виду, истории о том, что он происходит из древнего племени, где испокон веков умели жить дольше, временно замедляя или вовсе останавливая процессы жизнедеятельности, со мной не пройдут. Ксам, полегче с ножом — он же защищаться сейчас не может, иначе точно умрет.

— Как будто меня это волнует, — прошипел боцман, мотнув головой, как отряхивающийся пес.

— Я и так не стал бы вас обманывать, — тихо сказал жрец.

— Да, вот только ты с самого начала «забываешь» сообщить нам некоторые сведения, как о себе, так и о своем спутнике. Я бы не назвала это залогом хороших отношений.

— Вы даже имени своего не назвали! — возмутился он, но быстро обмяк, понимая, что вспыльчивость может сослужить ему плохую службу. — Согласитесь, ситуация, в которой я соглашаюсь на вас работать, не зная ровным счетом ничего, обычна при заказе костюма, но не в пути. Уж точно не в пути.

— Раньше надо было думать, а сейчас это не столь важно. У нас труп в повозке. Он одет и ведет себя, как твой слуга, однако, его сердце не гонит кровь по жилам, а кожа ледяная. Как прикажешь это понимать? — Мое чувство такта, а, вернее, его полнейшее отсутствие, обычно помогает в жизни. Так и на сей раз. Смущения от того, что я кому-то не назвала свое имя, не испытываю, и пусть провалятся к демонам уроки этикета из далекого детства.

Ажой вздохнул:

— Видите ли, не все так просто. Мы исповедуем принцип Восполнимости. Поэтому после смерти мои братья имеют второй шанс на жизнь.

— Какая же это жизнь, ты, некромант ублюдочный? — не выдержал Ксам.

— Погодите, — мягко попросил жрец. — Каждый из нас еще при жизни дает согласие на то, чтобы быть трижды опоясанным силой Вознесения. Это хранит тело от невзгод и гниения после смерти. Если собрат по вере наткнется на умершего, он имеет право возродить его и наделить силой для дальнейшего служения Лежизалю. Более того, незадолго до смерти, если чувствуем ее дыхание на себе, мы сами стараемся сообщить об этом в... одно особое место.

— Но ведь это не воскрешение в его истинном смысле, — возразила я, переглядываясь с парнями. Истая вера — уже повод для того, чтобы считать человека ненормальным. Во всяком случае, так кажется любому грайрувцу, даже пословица об этом была, но у меня плохая память на народный фольклор.

— И здесь я соглашусь. В общепринятом смысле, это чистейшая некромантия. В случае с Лежизалем, преклонение перед ним дарует иные возможности. Фактически, в теле бывшего слуги нашего бога сейчас часть моей души, моими собственными умениями вложенная в его тело, и остатки его знаний, что не успели разрушиться в мозгу. Обычно сохраняется намного больше, но брат Франк, что великолепно, сохранил учтивость и манеры, присущие ему при жизни.

— Красивая сказка, — начал было Ксам, но я перебила его:

— И все же он мертвец, поднятый темным жрецом?

— Безусловно, — горестно вздохнул Ажой. — На все доводы, что он ранее дал свое добровольное согласие, мне грозятся что-нибудь отрубить. В лучшем случае, в худшем — неоднократно пытались повесить и даже единожды надругаться. Но ведь и я принес подобный обет! После моей смерти кто-нибудь также заберет мое тело, и я послужу на благо своих братьев по Ушедшему.

— А Франк? Что будет с ним?

— Увы. Его тело поддерживает исключительно частица божественной мощи, переданная через возложение рук. Когда я умру, он сгинет. Рассыплется черным пеплом и белым огнем, не слишком приглядная судьба.

— Как и любая тварь Ниста, верно?

— Верно. Но... честно говоря, у нас не слишком жалуют Пожирателя. А его слуг и демонов стараются убивать при встрече, — робко пояснил жрец.

— Весь мир так делает, — подал голос Джад, не поворачиваясь к нам. Его голос заглушил тяжелый, промокший капюшон накидки. — И, честно говоря, я вижу в этом самое

большое единство и здравомыслие, которое только могут проявить вечно сражающиеся друг с другом государства и расы.

— Я также предлагаю не враждовать, а сотрудничать.

— Понимаешь, Ажой, весь вопрос в том, что вот так вот запросто мы тебе довериться не можем. Даже несмотря на смертоносную печать — вдруг у тебя есть какое-то могущественное колдовство, позволяющее избавляться от подобных цепей.

— Любезнейшая, если бы я хотел вас убить (что мне, как понимаете, в обычной жизни не присуще), я бы нанял профессионалов своего дела, а не старался сделать бы это голыми руками, и уж точно втираться к вам в доверие посчитал бы лишним, — раздражительно заметил жрец, пальцами отводя от себя сталь. — Тем более что сам я вызываю слишком много подозрений, говоря начистоту.

Я вздохнула и вложила меч в ножны. Можно долго толковать о многоуровневом обмане. Но, если человек сам позволил окружить себя опасным заклинанием, он допустил непозволительный для подобного дела риск. А то, что жрец явно ненормален... что ж, все мы не без грехи сумасбродства в голове.

— Ажой Бо Скаррав, пока что вы остаетесь в моем отряде. Парни, жреца не обижать — кого замечу за порчей его вещей или угрозами, сама прибью на месте, — сказала я, снова привалившись спиной к груди заплечных мешков. — Меня зовут Тави. Я капитан корабля под названием «Храпящий» и предводительница этой очаровательной банды остолопов.

— Королева всей окрестной нечисти, почти супруга влиятельного монарха, Морская Ведьма, разыскиваемая в четырех крупнейших государствах преступница, — почтительно дополнил боцман. Не ухмыляется, как обычно — знаю, что его гложет. Повседневными шуточками Ксам пытается спастись от неизвестности, тут к гадалке не ходи.

Несмотря на то, что за время плавания его больше не корчило в муках, он иногда жаловался на неясные ощущения, которых раньше не было. Смутное беспокойство в моих мыслях так и не переросло в что-либо конкретное. Доберемся — увидим, узнаем, что с его сестрой внезапно случилось.

— Теперь я вспомнил! — просветлел лицом темный жрец. — Я видел ваше лицо на розыскном плакате. Император готов заплатить за вашу голову двести пятьдесят тысяч варангов, вы знали об этом, леди Тави?

— Капитан, — поправила я его. — «Ледей» не держим. Хотя при посторонних придется вам все же именовать меня «леди». А мне, соответственно, терпеть.

— В начале года было сто. Растешь, — хмыкнул Джад.

— Так куда вы направляетесь, если не хотите ехать ни в Телмьон, ни в Эрвинд? — поинтересовался Ажой, сухощавыми пальцами поправив капюшон своей робы.

— К Пурпурному морю.

— О-о-о. А зачем?

— Долгая история. Если вкратце, чуть дальше на юго-запад живет угроза для здоровья и жизни вот этого рыжего господина, которая, по совместительству, является его сестрой.

— Ажой, — обратился к нему Граф, — вы, случайно, ничего не знаете о новых кораблях военного флота Грайрува или Аргентау?

Жрец подслеповато моргнул видимым глазом, затем сокрушенно развел руками:

— Я имею стремление быть всячески полезным, раз уж заключил с вами договор, однако никогда не интересовался межгосударственными отношениями.

— А Франк?

— Он... вообще мало чем интересуется.

Слуга только кивнул в знак подтверждения.

— Попытаться стоило, — пожал плечами Граф и прикрыл глаза. Я окликнула его:

— Эй, эй, ты что, спать собрался?

Тот обескураженно ответил:

— Да. Нельзя?

Здесь необходима порция разъяснений. Проблема в том, что Ульгем, он же Граф, может спать в любых условиях, и делает это со всем тщанием. Если бить над его ухом в медные литавры и попутно играть на трубе военный марш — боюсь, мечник только перевернется с боку на бок.

Вернее, само по себе это бы не было проблемой, если бы его храп не напоминал рычание древнего чудовища. Тому виной огромный нос, который действует подобно хорошей звуковой камере, отражая и многократно усиливая тот шум, что производит наш лекарь во время сна. По крайней мере, так обстоятельно мне рассказывал Сейтарр.

— Можно, — вздохнула я. — Только мешками обложись, а то лошади пугаются.

В повозке тесно, но разместиться есть где, даже для шестерых человек. Ладно, кого я обманываю — пять человек и один живой мертвец. Наверху бывший хозяин приколотил железные крючки, на которые можно повесить бурдюк, оружие или заплечную сумку, а поверх дуг из стальных прутьев натянут непромокаемый тент из парусины. Только возница мокнет. Тем не менее, мы прихватили с собой плотные накидки, что защищают от дождя.

Сырость превратила всю плодородную почву в полужидкую кашу, но, хвала неведомым богам, здесь местность несколько иная, чем в гиблых лесах к югу от столицы. Большая часть территории королевства с ныне забытым названием, посреди равнин которого возвышается единственное плато с расположенной на ней крепостью Дилленбрехт, сложена из сухой, каменистой земли. Недаром Северный тракт империи проходит гораздо западнее — здесь дороги не слишком-то нужны.

В дополнение к дождю, через пару дней с моря пришел туман, который тут же укрыл все вокруг белым полупрозрачным одеялом. Можно, конечно, достать компас, но я явственно ощущаю местонахождение ближайшей точки Ан — путеводного светила любого мага. Да и Джада обучила, благо, умение не слишком сложное даже для начинающего.

Точки Ан, возможно, и исполняли какую-то роль, кроме ориентиров на местности, однако она затеряна в глубинах тысячелетий. Так называемых «устных» тысячелетий, когда история передавалась от существа к существу, когда даже в виде планов или набросков не существовала великая летопись Грайрува. Вокруг мест, давно обозначенных на картах, регулярно собираются курсы Академии, изучают, а волшебники постарше пишут семимильные трактаты. Тщетно. Секрет, если он и был, утерян.

Сам Дилленбрехт мы, конечно же, объехали стороной. Войти туда довольно просто, а вот выйти — уже проблема. Город кишит не только солдатами, но и служащими Тайной Канцелярии, которых я справедливо опасаясь гораздо больше, чем честных служак. Это не то чтобы общеизвестный факт, но Алатор, сам бывший агент, как-то обмолвился, что нигде нет такого количества их людей, как в двух южных городах-крепостях.

Второй — Беккершперн, от нас он намного западнее, у самой границы с Ургахадом.

Судя по слухам, там еще хуже.

Поэтому придется выискивать небольшие деревеньки, пользоваться личинами, хитрить и вынюхивать. Темный жрец не прибавит нам доверия в глазах простого народа, об этом я

сразу не подумала, но теперь отказывать глупо. Тем более, он и в самом деле кое-что умеет. О Призрачном танцоре я слышала мало, по правде говоря. То ли это штука, которая создает двойника, то ли она видоизменяет черты внешности... в любом случае, выторговать несколько таких будет полезно, прежде всего, для команды. Подобные устройства на дороге не валяются.

В таком случае я действительно смогу доверить Глаз артефактору для дальнейшего изучения. Возможно, он даже расскажет мне о свойствах, которых я не знаю, но тут уже как торг пойдет.

— Тави! — раздался окрик Джада, явно чем-то обеспокоен.

Я очнулась от полудремы, пробралась между раскинувшихся ног вперед. Старпом дотронулся до моего плеча и этой же рукой показал куда-то вбок, второй продолжая сжимать поводья. Пальцы побелели, что-то явно не то.

Взгляд упал на толстое бревно, лежащее посреди равнины. Дождь барабанил по гладкому стволу, такое впечатление, что кто-то вез лес от моря в огромной повозке. И тут бревно пошевелилось. Я высказалась ну совсем уж нелицеприятно, даже бывалый старпом поморщился.

Змея! Толстая, длинная, едва ли не с нашу шхуну размером. Не ползет, просто лежит на месте, только короткий и толстый хвост подергивается из стороны в сторону. Морды отсюда не видно. Присмотревшись, можно различить окрас — янтарно-желтый, в черных ромбах, опоясанных светло-коричневой линией. Кое-где шкура облезла, поэтому вначале и приняла пресмыкающееся за бревно.

— Что за тварь, — наполовину удивленно, наполовину восхищенно пробормотала я.

— Не знаю. Думал, коряга какая-то валяется, а оно пошевелилось.

Лошади шли беспокойной рысью. Видимо, шестым чувством, через наглазники, ощущали опасность. Даже погонять не требовалось, хотя кнут Джад подтянул к себе, поближе.

— Я тоже сначала подумала, что бревно. И водятся же такие...

Старпом кровожадно предложил:

— Давай уьем?

— Зачем? — пожала плечами я. — Лежит себе и лежит. Вот, если нападет на нас, тогда и дадим от всей души по желтой морде. А сейчас-то чего? Мы ж не герои какие, что на всякое встречное чудовище бросаются. Мне, в таком случае, еще и зеркала попутно бить придется.

Джад усмехнулся, но промолчал. За пеленой дождя не различить Дилленбрехт, который оставался гораздо восточнее. Зато в ясные дни город видно за сотни миль, блистающий и грозный. Есть у тамошних жителей некая традиция — укрывать крыши зданий полированными листами стали, которую предварительно обрабатывают против ржавчины. Наверное, в солнечные летние дни находиться там так же приятно, как на раскаленной сковородке.

— Может, сменить?

— Не, — отказался он. — Я еще бодрый. Начнет клонить в сон — скажу.

— Смотри, дело твое. Уже шесть часов сидишь, небось, задница квадратная уже.

— С чего такая забота?

— Как будто о тебе забочусь, — фыркнула я. — Разморит, потянешь повод в сторону и брякнемся оземь. Хорошо еще, если повозка целой останется.

— Помнится мне, ты изобрела сравнительно неплохой метод пешего путешествия, — иронично заметил старпом. Опять он за свое. Завидует, что мы тогда промчались кентаврами по Хельмерским степям, а он так и не попробовал, как оно. А у самого силенок не хватает, вернее, умения обращаться с магией. Как и тело, магическую силу можно натренировать — если бы Джад Стефенсон, который и старпом, и навигатор, и маг в одном лице, не ленился бы. Кто знает, какие мы тогда горы смогли бы свернуть.

— Если кто-то будет много говорить, сам пойдет в упряжке. А лошадей распрягу, пусть отдыхают, — усмехнулась я, но не удержалась и начала зевать. — Ладно, на смену тогда разбудишь Ксама. А я с господином в робе еще поболтаю.

— Есть, — кивнул Джад.

Разговор продолжался недолго, тряска и нескончаемый дождь нас сморили. Проснулась я оттого, что зычный, натренированный голос старпома вещал на всю округу:

— Вставайте! Просыпайтесь, сучьи дети, привал!

Ксам приподнял тент и злобно посмотрел на оратора. Оратор не потому, что красноречив, а потому что орет, как резаный. Спросил:

— Ты сейчас нас поднял для того, чтобы мы легли спать на мокрой травке? А не боишься, что я тебя прирежу ночью?

— Вот баран упрямый, — хмыкнул Джад. — Лошадей распрячь надо, еду приготовить надо, лагерем стать. Бегать тебе выгирать нос не стану, уж извиняй, Рыжий. Да и травы тут днем с огнем не сыщешь, зато земля сухая. Дождь, видать, стороной прошел.

— Точно прирежу, — проворчал боцман, спрыгивая на землю и разминая затекшие руки-ноги.

— А еще он тебя бараном обозвал, — лениво напомнил Граф. — Так что ты его лучше забодай насмерть, дабы неповадно было.

Ажой тоже слез с телеги. В движениях ощущается тяжесть, свойственная человеку его возраста. Смирно сказал, не Лежизаля жрец, а прямо какого-нибудь Сола:

— Радует, что распогодилось.

— Все равно солнца уже не видать, — пожала плечами я, наблюдая, как старпом вытаскивает из специальных креплений на днище большой тент грязно-белого цвета. Нас окружала небольшая рощица, что, в условиях лысой, как голова моего собеседника, степи было едва ли не лучшим выходом. Самая благодать — устроиться у небольшого ручейка, чтобы и вода была, и дичь, приходящую на водопой, не проворонить.

— Капитан, а вообще, сколько раз вы... спасали людей? — поинтересовался жрец, которому я попутно объяснила про ритуал Люгуса. — Мне казалось, пиратам это совершенно не свойственно.

Я сделала вид, что задумалась, затем подняла два когтистых пальца и показала ему:

— Примерно столько. И то, в первый раз нам щедро заплатили. Как деньгами, так и... ценным имуществом.

— А сейчас опасность угрожает вашему подчиненному. Смелый поступок, если не сказать большего.

— Мастер Ажой... один Лежизаль знает, почему вы так набиваетесь ко мне в друзья, но в оценке собственных действий не нуждаюсь. И в похвале тем более, — сухо заметила я. — Давайте сохраним тот прекрасный вариант деловых отношений, который сформировался до сего момента, и будем всеми силами его поддерживать.

— Да, старик, — крикнул Джад, с остервенением вбивая колья, — тебе здесь никто не

доверяет!

— Не поддакивай!

Ажой замаялся, однако, раздумывая над ответом, так и не сказал ни слова.

— Капитан, — задумчиво предложил Граф, — а давайте-ка разомнем кости.

Я усмехнулась:

— Забыл, как в прошлый раз пыль глотал?

— Промытый раз — это прошлый раз, — поднял палец вверх мечник. — Сейчас, как мне кажется, я придумал тактику, позволяющую обороняться от ваших наступательных действий.

— Эта тактика называется «нормальное оружие». Если ты не перестанешь сражаться той оглоблей, которую держишь в руке, рано или поздно сложишь голову.

— Я проживу ровно столько, сколько мне позволит мастерство. Для этого надо постоянно тренироваться и совершенствоваться, — надменно ответил Граф. — Так что, беретесь одолеть меня в поединке?

— Велика сложность, — фыркнула я.

На самом деле, штука вот в чем. Когда мы только снюхались, я с легкостью одерживала верх в девяти поединках из десяти. Сказывались хорошее тело, рост, длинные руки и, как следствие, дистанция, занятия в отличной фехтовальной школе. Однако, чем дальше в лес, тем страшнее монстры. Сейчас я могу поставить на пять, от силы шесть выигранных боев, но не более того. Чувствую, что он все же приновился к моей манере боя, а если б дрался всерьез, то и голову мог бы мне смахнуть.

Обвинять в том, что поддается, не рискну. Чересчур заинтересован он в победе, тем не менее, гордость мечника не позволяет ему применять различные уловки и даже сменить оружие для тренировочного боя. А вот мне стоило бы придумать что-нибудь новенькое. Менять стиль, что ли... я умею драться и глефой, и двумя мечами, но одним как-то привычнее и легче выходит.

Все вышеописанное, правда, касается только поединков «честь по чести» — когда противники раскланиваются, изысканно шаркают ножкой и церемониально скрещивают клинки перед дракой. В списке заслуг Графа есть и десятка два прочих, не противников, но врагов, которых он разделал безжалостно и без всяких правил. Как мясник рубит тушу коровы на части.

И все это в итоге похоже на игру. За добрых полсотни поединков мы не нанесли друг другу ни единой серьезной раны. Несмотря на решительный отказ от тренировочных мечей, несмотря на удары настоящей силы, каждый из которых способен раскрыть череп. Поблажек дипломированный лекарь не переносит, справедливо считая, что в бою он не уступает никому из команды, кроме меня. А у меня все же хочет вырвать почетный титул лучшего бретера, и в последнее время сие звание переходит туда-сюда очень часто.

Достав меч из ножен, я с любовью посмотрела на прямое лезвие отменной стали, красивую позолоченную гарду и рукоять, обвитую полосками уже потертой кожи. Направила его острием в сторону Графа, который угрожающе вознес свой Гранато Цвейхт. Иронично проговорила:

— Ну, анбинден, что ли.

Он коротко поклонился, и сталь так же отрывисто лязгнула по стали. Костер, что разводил Ксам, волей наступающей ночи наполнил окрестности нашими буйными тенями. Сам боцман тут же предложил пари Ажою, но тот отказался. Чует, мордохвост, что дело нечисто.

Но, хоть Ксам и твердил, что поставить нужно на Графа, в тот вечер победа досталась мне — тяжелая, как и всегда, однако, ничуть не менее желанная.

Глава 8. Вдоль берега и дальше

Первым делом жрец сунулся к водам Пурпурного моря с металлической флягой. Набрал, тщательно закрутил крышку и запеленал, вдобавок, сосуд в плотную материю. Мой вопросительный взгляд проигнорировал — пришлось спросить.

— Видите ли, Тави, я не могу упустить случай, и не обзавестись столь ценным ингредиентом для изготовления некоторых устройств, — поднял сухой, бледный палец вверх он, — поскольку воды Пурпурного моря идут не только на различные приправы, но и применяются для травления черной бронзы. А она, в свою очередь, великолепно работает как щит от призрачных ударов, которые могут повредить рассудок.

— Сколько я всего не знаю, — разочарованно сказала я, затем придумала еще вопрос:

— А Пурпурного озера?

Изрядных размеров водоем является своего рода феноменом. Весной и летом он — озеро с пресной водой, а осенью и зимой — соленое море. Четыре месяца так, четыре иначе. Я уж не говорю о том, что его вода не синяя, как в океане, и не зеленовато-бурого оттенка, как в грязном пруду, а нежно-лиловая с красноватым отливом, на глубине приобретающая цвет императорской мантии.

Здесь водятся диковинные рыбы, вокруг них крутится множество различных легенд, от бессмертия и до ужасной чумы. Скажу лишь, что в детстве пробовала одну такую, и ничего особенного в ней так и не нашла. Ни бессмертия, ни чумы, какая жалость.

Кроме того, в окрестных лесах куча разного зверья, а молодые Искатели из Ордена Нистоборцев приходят сюда, чтобы выслеживать различную мелкую нечисть, которая также роится вокруг озера. Силами Ордена часть лесов на западном берегу озера-моря организована в заповедник, доставляющий много мелких хлопот окрестным городам.

Тем не менее, вес слова магистров в политике империи велик настолько, что им спускают с рук подобную выходку. Грайрув многим обязан Ордену Нистоборцев, и ни один правитель не рискнет с ними ссориться, учитывая, что они несут на себе бремя эдаких героев для элиты, не для простого народа.

— Нет, они почти бесполезны. Хотя я слышал, что маститые парфюмеры пользуются водой отсюда для создания духов, — неуверенно ответил Ажой. Вообще, человеку его профессии стоило бы обрести полезную привычку говорить твердо и нерушимо, а так все поведение жреца сквозит подозрительными жестами, словами, даже мимикой.

— Духов? — скривилась я.

— Как сказал бы наш дорогой друг, оставшийся чинить корабль, важная строка в экспорте столицы, — ухмыляясь, заметил Джад. На этих словах мне вспомнился один случай:

— Твою мать, Стефенсон, зачем ты мне напомнил. Помнишь, в бухте Тевелкнехт?

— Ага, когда ты посшибала торговцу все баллисты и снаряды с борта, так они принесли часть груза... более идиотского поступка даже я себе представить не могу, — фыркнул он. — Зато по «Храпящему» еще декаду витал запах парфюма отвратительнейшего качества.

— Тьфу. Как вспомню, — закатила я глаза.

Нет, духи — конечно, неплохо. Но в умеренном количестве, а не когда их на тебя швыряют бочонками. Бочонки, правда, мелкие, какие-то специальные, однако, разбиваясь, они обильно поливали палубу содержимым. Желтоватым, вонючим, с запахом одновременно

и спирта, и какой-то жуткой эссенции, забивающей нос и горло.

В те дни мы не брезговали возможностью лишней раз нырнуть в океан, настолько доставал вездесущий запах. Сажу в каюте, жгу часть травяных запасов, пытаюсь отгородиться, слышу — бултых! Очередной матрос не вынес тяжелой доли. Кто нюхал табак, кто просто ходил в намоченной тряпице на морде.

Казалось бы, Тави, а почему бы тебе не замаскировать запах, как ты делала это с верным матросом по имени Ямитус Зонг? Отвечаю — принцип работы другой. Источником смрада в данном случае был весь корабль, а, поскольку мы находились на нем, заклинание не возымело бы эффекта. Я попробовала — и оно действительно не возымело.

— Смотри, — сказала я Джаду, и подобрала плоский камешек. Запустила его вдоль поверхности воды, так же, как когда-то в детстве играли в «блинчики». Кто больше блинов напечет, тот и выиграл.

— Ну... а в чем соль?

— Ты смотри, смотри.

Камень завертелся в воздухе, и... ускакал. Просто так, по водной глади, пока не достиг предела возможности нашего зрения.

— М-да, — хмыкнул старпом. — Странная здесь вода.

— Не совсем вода, — усмехнулась я. — Нас на курсе иллюзий как раз сюда водили.

— То есть, ты хочешь сказать, что...

Жрец, стоящий рядом, снисходительно сказал — у него же магический окуляр, все видит, зараза лысая:

— Настоящий камень упал в воду после третьего прыжка. Но вода Пурпурного моря каким-то чудом запоминает образ и продолжает его в пределах видимости.

— Хм. Интересно было бы ходить по таким водам на шхуне, — произнес боцман, задумчиво смотря на водную гладь.

Я поежилась:

— Да брось. Представь, что там может обитать.

— А что, бывает кто-то хуже нас? — усмехнулся Ксам.

Те, кто с легкостью надирает нам то место, что пониже спины? Вслух я это не высказала, но по моей гримасе Рыжий все и сам понял, тоже загрустил. Да, язык у него всегда бежал впереди мыслей. Тем более что у него самого есть не один повод волноваться. Вернее, один и есть. Судно-то отремонтируют, а вот что с девушкой — неясно.

На самом краю бокового зрения что-то блеснуло. Я обернулась и увидела крупный отряд всадников, неспешно приближающийся к нам. Начищенный доспех одного из воинов сиял, как зеркало. Хорошо, что день солнечный — они достаточно далеко, чтобы дать мне время замаскироваться.

Такое расстояние неизбежно размывает зрительные образы. Набросив на себя иллюзию высокой, но обычного вида черноволосой женщины, я достала подзорную трубу и пригляделась. Ну конечно. Штандарт со щитом и тремя жемчужинами, разъездной отряд гражданской безопасности. Говоря обычным языком, военный патруль.

Плохая встреча, откровенно говоря. Суетиться сейчас уже поздно — завидев, что мы уезжаем, они сразу же пустятся в погоню. А вот маскировка, которая не раз спасала меня в жизни, сейчас может подвести. Обычно регулярные армейские части не комплектуются боевыми магами, и уж точно мага не заставишь патрулировать окрестности. Однако, стоит учитывать, что Пурпурное море, оно же озеро, не самое обычное место. Среди солдат вполне

может отыскаться ловкач, умеющий бороться с миражами, иллюзиями и наваждениями.

А кандалы специальные у них точно есть. Риск, риск, кругом один риск.

Я решительно сбросила португую и камзол, забросив их в повозку, к нашим мешкам.

Джад остолбенело произнес:

— Ты куда, Тави?

— Объясняйся вон с теми ребятами сам. Мне почему-то ужасно захотелось искупаться.

— Эй, эй, погоди, а как же...

— Что? Документы у нас есть, а вот вблизи им меня видеть и вроде бы случайно ощупывать совсем ни к чему. Сошлитесь на то, что вы слуги могущественной леди Беккенбергской, которая прослышала о таинственном ритуале вечной молодости.

— Придумаем что-нибудь, — коротко кивнул Ксам. Я разделась полностью и медленно вошла в холодную воду. Личина моя все же оставила на себе небольшую часть одежды. Надеюсь, что никто из отряда не пользуется такими же окулярами, как Ажой.

Рассекая соленую красно-фиолетовую жидкость, которую и водой-то не назовешь, мощными гребками, я постепенно удалилась от берега, несколько раз нырнула и показалась на поверхности воды, схватив уши за края и прижав их вдоль шеи. В верхних хрящах что-то неприятно хрустнуло... не беда, залечу. И волосы откидывать назад не стала, лицо у меня чересчур приметное.

Немного боязно. Конечно, я могу даже из воды применить пару боевых заклинаний, тем не менее, тут и меня достать гораздо легче. Не воинам в доспехах, но какому-нибудь умелому стрелку.

Отряд подъехал, спешил. Старший в точно таких же доспехах, однако, с неразличимой отсюда позолоченной отметкой на груди, поднял забрало угловатого шлема и завел разговор. Рыжий человек, голый по пояс, показал ему требуемые бумажки, затем начал что-то объяснять. Жрец стоял в стороне, смиренно сложив руки на груди. Я сделала вид, что очень занята косметическими процедурами, и снова нырнула, проведя под водой не меньше минуты.

Что плохо — под водой ничего не видно. Чересчур мутная она при таком сочетании цветов, или наши глаза просто не могут к ней привыкнуть. Все как будто укрыто кровавой пеленой.

Снова поднялась наверх, застала только конец разговора. Офицер коротко кивнул, показал ладонью «свободны», и пошел обратно к лошади. Конный отряд красиво выстроился в шеренгу и поехал дальше. Интересно, как у них с боеготовностью? Я подразумеваю, что спрячусь я, к примеру, за повозкой и швырни в них парой-тройкой особо сильных заклятий... кто-то вообще готов к бою, или нет?

В любом случае, пронесло. Странно, что они не проверили жреца... он тоже умеет отводить глаза? Или какой-то секретный артефакт смастерил себе, что более вероятно.

Поплыла обратно. Уши болят. На будущее — ломать себе уши для отвода глаз не очень-то приятно. Особенно когда они большие и чувствительные.

Дно здесь приятное, из мелкого песка и донного ила, который обволакивает ноги при каждом шаге. Я поднялась на берег, обтерлась любезно брошенным мне Джадом куском мешковины и стала одеваться. Подошел Ажой, вежливо сказал:

— У вас хорошо развитое тело. Просто удивительно, такое непривычное сочетание.

— Если хотели сказать, что у меня рожа страшная, мастер Ажой, так бы и говорили, — хмыкнула я, сосредоточившись на целительном заклинании.

— Он хочет сказать, что он старый развратник, — ухмыльнулся Джад, завистливо смотря на окуляр, принадлежащий старику. Странно, никогда не замечала за старпомом желания подглядывать, да и без одежды он меня видел. Правильно говорят, что все запретное и невидимое привлекает больше.

— Я совсем не о том, — возмутился жрец, замахав руками на полного молодого мужчину с раскосыми глазами. — Просто хотел сказать, что знал немало скульпторов, которые сочли бы за честь вылепить вас с натуры.

— Примерно по этот уровень, да? — провела я когтем по шее. — Сообщите им, когда меня поймают власти и отрубят голову. Как раз будет идеальная натурщица, хе-хе.

Ксам заржал и, покачав головой, ушел устраиваться в телеге. За возницу решили посадить Франка — Ажой клянется, что его слуга никоим образом не испортит поездку.

Интересно, насколько умен такой мертвец? Если некромант поднимает нечисть, та обычно руководствуется ненавистью и жаждой убийства. Франк, спокойный, хоть и молчаливый, отличается от подобных существ. Пусть он немногословен, но те фразы, которые я от него слышала, пронизаны не просто исполнением команд сильного чародея, а какой-то собственной волей. Выходит, Лежизаль подарил ему власть над прежним собой, пусть и на мизерную долю? Великий, побежденный и сожраный, но не умерший бог.

Мир полон загадок, черт побери. Надо было оставаться в Академии и читать книги — может, хоть поумнела бы.

Через тридцать миль из-за деревьев вынырнула дорога от Тцоммервилля в Роксомм, дальше она шла почти прямо по берегу, вдоль леса. Ехать стало намного удобнее, хоть это и не один из имперских трактов. Те создавались величайшими механиками и дорожными инженерами, а здесь — всего лишь накатанный участок грунта. Тем не менее, движение стало оживленнее. Мы второй раз разминулись с патрулем, даже не проверили, лентяи, затем повстречали вездесущий тарантас грайрувской почты, как всегда, запряженный парочкой лохматых тирренов, сильных тягловых собак.

О крестьянах и говорить не приходится — это же основной доходный путь между четырьмя крупными городами. Есть еще Дайкирия, если от Роксомма ехать дальше на юг, и Энов на северо-запад от Тцоммервилля. То одна, то другая дряхлая телега проезжали навстречу, а один раз обогнал настолько груженный лесовоз, что я с нетерпением ждала, когда же туго натянутые веревки лопнут, и груз покатится по земле. Тот, кто послал подобный груз, явно щедростью не отличается — ведь можно было аккуратно сложить бревна в две телеги, а не в одну.

Нас снова нагнал дождь. Осень, начинающая раскрашивать листья в желтые и красные тона, послала вдогонку ветер, который скрывал мокрые листья с деревьев и швырял их в лицо Франку. Бледный мужчина невозмутимо отлеплял от кожи лишнюю растительность и выбрасывал прочь. Честно говоря, если бы ветра могли бы вздыбливать землю подобно морю, все разумные существа строили бы корабли размером с города и обитали бы в морях.

Не имею ни малейшего представления, с чего вдруг мне в голову приходят подобные мысли. Возможно, нечем заняться — все едем куда-то, и едем, и едем. Средства для того, чтоб ускорить лошадей, у меня в памяти нет. Оно-то, может, и существует, но ни один маг на свете не знает всего.

Оставалось только развлекаться с помощью предусмотрительно захваченной Ксамом колоды карт, спать да подменять друг друга на облучке, сгорбившись и прикрываясь плащом. Презрев капитанские привилегии, я тоже несколько часов протряслась на узкой, хоть и

накрытой кожаной подушкой, скамейке, наблюдая за дорогой да лошадиными задами.

На очередном привале, под сенью мощных деревьев мийол с красно-коричневым стволом и пышной лиственной кроной, слушая, как дождь молотит по парусинному навесу, я думала о чем-то своем, вцепившись зубами в хвост хорошо прожаренной рыбы. Меня отвлек боцман, видно, что способы развлечься не могут надолго отвлечь его от главного. С каждой милей на юг Рыжий становится все мрачнее и мрачнее. Сказал, мусоля пальцами рыбью кость:

— Пурпурное море... оно как, вообще? Не вредит?

— Думаю, нет, — честно поразмыслив пару секунд, ответила я. — Со мной ничего не случилось, о каких-то страшных свойствах воды тоже не слышала.

— Но ведь жрец сказал, что такой водой травят черную бронзу, — с сомнением произнес он, глядя на лежащего на боку и тихонько посапывающего Ажоя.

— Не самой водой, дурья башка, а с ее помощью. Если бы вода была опасна, думаю, плоть бы облезла с моих костей еще до того, как я успела бы сказать «мама».

Для пущей выразительности я потрясла у него перед носом рыбьим хвостом.

— А если бы что-то большое вылезло из воды и цапнуло?

— Ха. Мне бы немного мозгов к решительности добавить... зато от патруля отбредались, — пожалала плечами я. — Холодно только, осенью уже не то время, чтобы рыбу из себя изображать.

— Понятно, — ответил Ксам.

Некоторое время мы сидели, совершая запоздалую трапезу, затем он снова заговорил:

— В толк не возьму одну вещь. Да, я не разбираюсь во всех ваших магических штучках, только в рунах чуток мангаю. Помнишь Хельмерские степи?

— Такое забудешь, — ехидно ухмыльнулась я, вспоминая, как резвились Чинка с Дерреком.

— Если можно превратиться в любое существо, есть же столько вариантов маскировки. Ты могла бы стать обычным человеком. Или лошадю. Или превратить нас в птиц, которые умеют далеко летать, и мы пересекли бы все расстояние до Роксомма за считанные дни. К чему все эти сложности?

— Если бы все только было так просто, — вздохнула я, поднимая с примятой травы бурдюк со слабым кислым вином. — Птицами — да, могли бы. Тогда окажемся у чужого города без оружия и денег, потому что металлы трансформации поддаются только в очень малых количествах. Если помнишь, камни твои рунные я тоже не могла ни во что превратить, как ни старалась. Обычным человеком я стать могу, беда только в том, что там, в книге, не описано ни одно соответствие между ингредиентом и существом, в которое превращаешься.

— Наловим «добровольцев» потом, да и попробуешь, — цинично ухмыльнулся боцман.

— Я вообще боюсь, что, будучи человеком, создатель не вплеет в структуру заклинания ни одну из трех оставшихся Основ. Кроме саррусов, с ними как-то получилось. Проблематично перекинуться в марда, человека, хоббита. Вероятно, сколько бы мы не пробовали, в существо любой из этих рас может превратить только обратный наговор на уже превращенного во что-то иное.

— Не понимаю, — помотал головой он. — Как такое можно узнать, если не попробовать? Ну, и превратись тогда в сарру. Чего тянуть кота за яйца?

— Внимательно вчитываться в слова, из которых состоит магия. А насчет сарры — не

знаю. Иной раз гораздо удобнее пользоваться иллюзией, которую можно сбросить в любой момент. Плюс ко всему, растение то редкое и достать его очень сложно, — пояснила я, затем полезла к костру, чтобы помешать угли и подкинуть еще дров. Вернулась назад, продолжив:

— Смотри. Вот то самое превращающее заклинание. Прочитав его, я уже тогда могла сказать — какие составляющие не используй, я не смогу превратить кого-то в дракона, элементаря, одного из многих демонов. Нет необходимых слов, или слогов, или звуков.

— Вас учили этому, да?

— Сами обучались. В Академии не было обязательных курсов, просто год, в который на что-то записываешься, с определенным набором лекций и занятий по самосовершенствованию. То, что сердцу ближе. Я научилась разбирать древние тексты... возможно, мне такое умение ни разу в жизни и не пригодится, но сэкономит кучу времени на попытках превратить всяких умников в мифических существ, обладающих невероятной разрушительной силой, — усмехнулась я.

Ксам разочарованно спросил:

— То есть, никаких...

— ...фениксов, драконов, таррасков, единорогов, чоргулов, зияй-драмхов и прочих волшебных тварей. Только обычные живые существа, в довольно широком разнообразии. И — по крайней мере, пока не найду нужные реагенты — никаких людей, увы.

Мне и самой хотелось бы иметь возможность превращаться в нормального человека. Просто потому, что, если в пиратских рейдах моя внешность служит неплохим подспорьем, то в мирной жизни, чаще всего, мешает.

— Давай спать уже. Железный Франк посторожит, ему, кажется, вообще спать не надо, — предложила я, оглядываясь на застывшего часового-мертвеца. Тот при звуках своего имени повернул голову и, выслушав мои слова, кивнул:

— Да, капитан.

В качестве оружия он использовал небольшую дубинку, густо усеянную шипами. Как первый рубеж обороны, не слишком полезно. Однако, учитывая то, что он уже покойник, убить его сразу не получится, поэтому тревогу Франк поднимет, а большего и не требуется. Первое правило путешественника — перед сном клади оружие под рукой или прячь в изголовье. В случае тревоги ты уже на ногах и уже вооружен.

Утро застало всех в добром здравии и хорошем настроении. Дождь утих, и только редкие капли воды поблескивали на подсохшей траве, уже потерявшей сочно-зеленый оттенок. Остатки от ужина сбросили в небольшую ямку и прикрыли листьями — не ровен час, кто-то из того отряда заподозрит что-то неладное и вернется. Мы же не станем давать ему дополнительных подсказок?

Хотя, возвращаться сейчас — глупость несусветная.

Я увязала спальный мешок его же собственными тесемками, и закинула в повозку к куче других. Не знаю, нужен ли Франку перерыв, но за возницу сейчас будет Джад. Так, на всякий случай. Лошади выглядели отдохнувшими, а место, где мы их привязали — изрядно объединным.

И снова в путь. Опять эта небольшая, хорошо утоптанная дорога вдоль берега Пурпурного моря, какие-то граждане империи, пешие, конные или на телегах, различного вида и благосостояния путешественники. Ни одного монстра, кстати. Такое впечатление, что чертов лес в последнее время хорошенько зачистили от различной нечисти, оставив для

новичков Ордена только самую безобидную. Чтобы тренировались, значит.

Я обсуждала с Джадом последние новости из нашего Теккеля, все же он там постоянно крутится, как вдруг заметила какое-то шевеление в лесу. Раздался треск, и одно из деревьев повалилось, его верхние ветки как раз опустились на кромке леса. Мы переглянулись, и старпом молча хлестнул поводьями лошадей, подстегивая их, чтобы побежали быстрее. Я одобрила:

— Умный какой. Правильно, нечего нам встречать.

— Ага. Сам знаю, — поджав губы, ответил Джад. Нервничает. Штуки, которые у Пурпурного валят деревья — им незачем обычно деревья валить. Это может означать как то, что зверь безумен, так и сражение двух подобных за территорию, самку или за что они там привыкли сражаться. В любом случае, для нас ничего занятного. Как говорится, будете проезжать мимо — проезжайте.

Остальные тоже встрепнулись, но я жестом показала — сидите на месте. Драка точно не наша.

К сожалению, провидению было угодно, чтобы бой перешел из леса на нашу территорию. Из леса картинно вылетел изогнутый зверь, напоминающий длинного крупного кота в костяной броне, с опасными когтями и шипами на спине. Вылетел он, правда, не прыжком, а словно чем-то отброшенный. И так уж вышло, что приземлился он в метрах десяти от нас, на спину, перевернувшись несколько раз, но тут же вскочил на лапы. Из ран на спине и двойного пореза у плеча сочилась темно-красная кровь.

Зверь, к счастью, не обращал на нас внимания. До тех пор, пока старпом не осадил лошадей, заставив одну из них встать на дыбы. Животные тоже были напуганы внезапным появлением хищника, однако не привлекали его внимания до этой минуты.

— Уводи, уводи! — рывкнула я, кулаком двинув Джада в незащитную спину.

Он потянул за повод, пытаясь направить упряжку в сторону, но кони не слушались, дергались в упряжи и хрипло ржали, выражая дикий ужас. Сзади уже выпрыгивали остальные, последним из повозки тяжело вывалился жрец, я, схватив оба меча сразу, тоже спрыгнула назад.

К месту событий подоспел второй участник драки.

Выглядел он настолько... неподходяще, что я перевела взгляд на Графа. Нет, пожалуй, Ульгем менее пафосно одет.

Новоприбывший оказался человеком, одетым во все белое. Даже странный металлический шлем, вплотную прилегающий к верхней части его головы, окрашен снежно-белой краской, а на одежде, искусно выполненной то ли из парчи, то ли из чего-то другого столь же дорогого, отсутствуют какие-либо эмблемы. Единственные детали снаряжения, что могут похвастаться иным цветом — рукояти нескольких ножей, подвешенных прямо на груди, они, видимо, контраста ради, оказались угольно-черными.

Кожа его, напротив, смуглая. Подбородок гладко выбрит, и странная улыбка, как будто человек вне себя от боя. В руках, что странно, он также держит два ножа, вокруг которых воздух странным образом искажается и подергивается маревом. И нет никаких сомнений, что именно этот щеголь выбросил монстра на дорогу.

Поскольку на его бедре, подвешенная на серебристой цепи, покачивается иллунавэйс, знаменитая Светлая Сфера, которой пользуются Искатели Ордена.

Глава 9. Мухи и манеры

Человек приложил два пальца к виску, видимо, таким образом приветствуя нас. Крикнул, не обращая внимания на костяного кота:

— Хороший день!

Раздалось рычание. Его противник в холке достигал человеческого роста, а раненый зверь всегда куда опаснее, чем здоровый. Сражаются они куда яростнее. Искатель повернул голову к противнику, с досадой произнес:

— Прошу меня простить...

— Да ничего, — крикнул Граф учтиво. — Если позволите, мы понаблюдаем!

— Не вопрос, — кратко отозвался тот и перехватил оружие по-другому. Можно, конечно, приукрасить происходящее. Поведать, что сначала противники долго примерялись друг к другу, крались, описывая полукруг каждый со своей стороны, затем зверь попытался атаковать, зацепил Искателя, обагрив кровью его белую одежду... нет, этого мне увидеть не довелось. Монстр взревел и прыгнул на него, воин ушел в сторону и резким выпадом пронзил череп зверя там, где должно было быть ухо.

Странная техника. Ножом он его не достал, кость пробила невидимая часть клинка. Очень интересный вид оружия. Если у Ордена много таких ребят, я теперь начинаю осознавать их военную мощь.

С другой стороны, сражения с монстрами и сражение с людьми — совсем разные вещи. Я не пытаюсь умалить заслуг незнакомца, однако доводилось видеть и бретеров, которые умели красиво вертеть оружием в воздухе, а в драке проигрывали даже Нытику.

Заметно, что Искатель тяжело дышит, но повреждений на нем нет. Только несколько пятен грязи на локте и штанах, да прилипший желто-зеленый листок у капюшона, откинутого назад. Он отряхнул штаны, с сожалением глядя на испачканную ткань, затем подошел к нам. Граф пару раз хлопнул ладонью о ладонь, показывая, что мы оценили его мастерство.

— Bravo, неизвестный воин, — сказала я, показываясь из-за повозки. Еще спрыгивая на землю, я набросила на себя классический обманный образ — еще помню встречу с предыдущим Искателем, и чем она для меня закончилась. — Тави Беккенбергская, хозяйка замка Беккенберг и прилежащих земель.

— Муха. Беккенберг — это где-то на севере? — дружелюбно спросил Искатель, пряча короткие клинки в пустующие ножны на поясе. Я сделала вид, что замялась:

— Простите, какая муха? Беккенберг — это в королевстве Рид Ойлем, что на материке Рид.

— Ого. Далеко вы забрались, леди, — уважительно присвистнул он, затем указал на шлем, — а Муха — это я. Звать меня так. Муха, мастер ножевого боя.

Шлем у него действительно великолепный. Я не понимаю, что через него можно увидеть, поскольку выглядит он следующим образом: изогнутый по форме головы металлический горшок, у переносицы переходящий в небольшую защитную пластину. А по бокам — два широких выступа, металл плотно прилегает к щекам и глазницам. Я бы поспорила на тысячу золотых, что снять он его не может — на защитном головном уборе ни единой петли, ни единого шва или стыка.

И, в довершение, области вокруг глаз украшены чем-то, напоминающим перламутровое

стекло или шестигранные осколки бриллиантов. Как глаза насекомых, точь в точь.

На его плечах небольшая накидка с капюшоном, доспех простой, кожаный (конечно же, белый), тщательно прошитый пояс с множеством кармашков и цепью для Сферы, белые, но уже грязные штаны, белые сапоги с отворотами. Зимой маскироваться хорошо на местности, но сейчас-то осень. Да и общий посыл не особо понятен. Белый Воин, Хладная Погибель как там еще себя различные герои именуют? А тут — Муха, да и все.

— Наконец-то нормальный человек, — отвесил едкий комментарий Ксам, — не чета всяким Ажоям.

— Я бы попросил, — сухо ответил жрец. — Кроме того, нормальным человеком он не выглядит, бесспорно.

— Уж простите, мой личный портной был в отъезде, не смог вовремя сменить гардероб, — отпустил колкое замечание Муха, оглядывая нашу пеструю компанию. — Куда путь держите, уважаемые?

— Пока вперед, а там видно будет.

— Не в Роксомм случайно?

Ксам обрадованно сказал:

— Да, мы как раз...

— Допустим. А тебе-то что с того? — грубо вмешалась я.

— Да так. Лошадь мою анк задрал, вот и интересуюсь, не найдется ли у вас в повозке местечка для уставшего в бою простого паренька, вроде меня.

К голове анка Муха уже начал примериваться, как бы сподручнее отрезать. Ксам протестующе завопил:

— Не вздумай с этой штукой лезть в повозку!

Я молча сграбастала его за ухо и потащила за телегу, как шкодливого подростка. Отдалившись от компании, поставила звуковую завесу. Спросила:

— Ты что задумал, идиот? Совсем крыша прохудилась?

— Поосторожнее с когтями, — жалобно сказал он, потирая ухо.

— Поделом тебе. Ты, тупица, понимаешь, что это Искатель? Забыл наше горячее и близкое знакомство с Орденом? — неистовствовала я, не желая успокаиваться. Вот, честно, вроде бы Ксам ничего не сказал такого. Но вся его готовность тащить в нашу уютную компанию неизвестного придурка, который, судя по сражению с монстром, еще и опасен... настораживала. А, зная его обычную, житейскую проницательность — и вовсе удручала.

— Я... да, твоя правда. Я идиот, — сказал боцман, покачав головой. Я спросила:

— Совсем плохо?

— Мандраж, — коротко ответил он. — Как, знаешь, мороз такой легкий по коже, но голова будто в тумане. Что происходит?

— Хотела бы я знать, — честно ответила я, оглянувшись на Джада, который беседовал с господином в белом. — Что-то еще чувствуешь?

Ксам отрицательно покачал головой. Затем встрепенулся:

— Слушай... есть идея. Может, все же возьмем его с собой? Ну, вроде как защиту. Он же сам первым в любой бой полезет. А если с копыт брыкнется — мы тут ни при чем. Мы ведь, в сущности, всего-навсего странная компания путешественников. И на тебя он не отреагировал, значит, иллюзию не видит.

— Хоть это радует. Не знаю, Ксам, ох, не знаю... не все, конечно, такие ублюдки, как тот Кноббл. Однако существует еще одна милая причина, по которой ему нежелательно с

нами путешествовать. Догадываешься?

— Я вдвойне идиот, — хлопнул он себя по лбу.

— Тихо, тихо. А то после пяти-шести таких похлопываний вырастет у тебя на лбу здоровенная шишка, и превратишься в единорога без всяких чар. Идем обратно.

Причина элементарная. Если во всех окрестных королевствах меня ловят, как опасного пирата, и все такое, то Орден причислил меня к многочисленному семейству нистовых тварей. Не ровен час, обнаружит великий мастер ножевого боя мою личину, посмотрит, что под ней, да и отхватит мою ушасть головушку за здорово живешь.

Говорить им о том, что я рождена от самого обычного человека и не самой обычной женщины племени йрвай, бесполезно.

— Простите, Муха, но нам с вами действительно не по пути, — с деланным сожалением произнесла я. — Да и места у нас нет — шесть человек, все же. Как раз в телеге место для пятерых с вещами. И голова еще эта ваша.

— Голова однозначно не моя, — открестился Искатель. — Голова анковская, за нее мне монет насыплют. Эх, жаль. А не знаете, где бы мне лошадку взять? Хоть неказистую.

— Сюда должен был проехать конный патруль с гербами Грайрува, — вроде бы серьезно произнес Джад. — Можно попробовать спросить у них. А еще лучше — отобрать. Парень, любой, кто здесь путешествует на лошади, знает, что в окрестностях ни сел, ни весей. Поэтому люди и заводят запасных коней.

— Вот незадача-то, — поджал губы Муха. — Тогда счастливого вам пути! Я как-нибудь доберусь, думаю.

— А зачем вам, собственно, в Роксомм? — спросил Ажой.

— Вот тут уже мне с вами не по пути, уважаемые, — усмехнулся тот. — Секретное поручение Ордена, мать его растак.

Расстались вроде как с взаимными раскланиваниями. Однако мне почему-то показалось, что Муха искренне удивлен — как это мы его, такого замечательного, не хвалим и не восхищаемся. Чуть позже Джад, обуреваемый сомнениями, тоже сообщил о похожих мыслях.

— Честно говоря, у меня возникло впечатление — он нарочно устроил всю ту комедию. Сил завалить зверя у него хватало с лихвой.

— Да ладно. Почему бы и не покрасоваться лишний раз, — возразил Граф, гордо восседающий на месте возницы.

Старпом хмыкнул:

— Ну да, кому, как не тебе об этом знать.

— Мастер Стефенсон, я бы попросил... — с подчеркнутой надменностью начал было Граф, но я выставила ладонь в его сторону:

— Ульгем, пожалуйста, заткнись. Да и ты, Джад, тоже не по делу говоришь. Я тут думать пытаюсь, вообще-то!

— И как?

— Не выходит. В Орден набирают со скольких лет?

— С девяти-десяти, в среднем, — пожал плечами Джад, поглаживающий пальцами секиру. — Но точно не помню.

— Так почему у того Искателя, наряду с простецкой речью и совершенно свободными манерами, самомнение, как у единственного ребенка в старинной дворянской семье? — спросила я. Никто не ответил. — Их там с детства приучают чувствовать себя героями?

— Наверное, — с гримасой, словно от зубной боли, ответил Ксам. — Капитан, больше заняться нечем? Зачем обсуждать Графа Номер Два?

Возница только выругался в ответ.

— Сам говорил, что он может быть полезен, — огрызнулась я.

— Говорил. А еще говорил, что нам бы поскорее добраться до города.

— Терпи, Рыжий. Сутки остались, к завтрашнему утру уже будем там.

— А привал?

— Да какой, к черту лысому, привал? Потерпят лошадки одну ночь, не сахарные.

— Ножи, — лаконично сказал Граф, даже не поворачивая головы. Внутри кольнуло что-то такое... не знаю, как будто он затронул самую суть проблемы. Мечник любит так выражаться порой: скажет одно слово и молчит, как воды в рот набрал.

— Что — ножи?

— Ножи у него, говорю. Вы много видели людей с ножами, капитан?

— Каждый первый. Я, скорее, видела мало людей без ножа за пазухой, за поясом или за сапогом. Нож — очень полезная вещь, знаешь ли.

— Неудачно выразился, — с досадой произнес Граф. — Я имел в виду, много ли вы видели людей, которые сражаются только ножами?

Я хмыкнула:

— Частично ты прав, но только частично. Что мы вообще знаем об Искателях? Может, у них такой метод давно в почете, клинок легкий, удобно лежит в руке. Те воздушные вихри — опасная штука. Скорее всего, невесомая, так что сражается он очень быстро, как и многие чудовища Тьмы. Впрочем, мы сами видели его скорость.

— Вот уж правда — Муха, — усмехнулся старпом.

— Шлем у него необычный, — добавила я, вспоминая зеркальные «глаза».

— Бесспорно, — заметил молчавший доселе Ажой Бо Скаррав. Он перебирал какие-то стеклянные бусы, тускло мерцавшие от его прикосновений. — Я готов поставить оставшиеся у меня жалкие деньги на то, что парень отыскал какой-то загадочный артефакт, но не из древних, а из экстрапланарных.

Боцман удивился:

— Экстра... чего?

— Экстрапланарных. Из другого мира, — пояснила я, откинув голову и прикрывая глаза. — В Кихча хватает экстрапланарных штук — артефакты, книги, существа. Граф, помнишь, мы в Эрвинде столкнулись с группой путешественников?

— Там, где тот громила-саррус из варварских племен? — уточнил он. — Да, помню. Красиво сражался, не запомнить такое — преступление для настоящего фехтовальщика.

— Ну, вот. И минотавр, и тифлинг из их группы — для нашего мира они оба чужаки. Экстрапланарные, так сказать.

Граф помедлил с ответом, перехватывая поводья, затем произнес:

— Мне кажется, что мы еще о них услышим, капитан.

— Брось. Мир большой. К тому же, с их манерой искать приключения на свою шею, я не удивлюсь, если Хортон с товарищами давно попали в другой мир Великого Кольца.

Роксомм — город на холмах. Я вовсе не имею в виду, что он прячется между многочисленных зеленых гор, заставляя неуверенного путника искать каждый дом, надежно укрытый в толще земли. Очень даже наоборот — холмы, словно могущественной рукой срезанные пополам, стали основанием для нескольких районов крупного города. Хоть рек здесь и нет, зато есть мосты, переброшенные от одного Холма к другому.

Прекрасное зрелище. Как будто некогда отцы-основатели города наняли за баснословную сумму могущественного мага, который зубодробительно сложным заклинанием уравнил каждый холм в высоте и сделал их поверхность похожими на горные плато. Плоскими, как блюда.

У въезда стоит мемориальный камень, на котором заметны крупно высеченные буквы: «Да станет город сей нерушимым оплотом совести людской; и, подобно тому, как каждый гражданин Великой Империи склоняет голову перед судом ее, да не поднимется ни один выше других».

— Пафоса-то нагнали, — фыркнула я. Ажой смиренно заметил:

— Говорят, Роксомм действительно славится своей справедливостью.

— Именно поэтому вашего брата-аристократа здесь днем с огнем не сыщешь, — хохотнул Ксам, обводя пальцем остальную компанию. — Графья да прочая знать любят дома повыше и перины помягче, а столичные суды вечно смотрят сквозь пальцы на их выходы.

Я с интересом спросила:

— Ты был в Роксомме, Ксам?

— Был, — вздохнул он, тут же утратив наносную веселость. — Потому и сказал Узане, чтоб, если что, ехала сюда. Простой народ здесь может рассчитывать на поддержку закона, места потрясают взор, а бунтов против законного владыки не было уже лет восемьсот.

— Тихое местечко, — кивнул Джад. Я проворчала:

— Не доверяю я подобным местам. На глаз все красиво, а внутри обычно гниль.

— Вот и проверим, — заключил Граф, потуже затягивая бандану. На этот раз она цвета того фиолетового марева, которое заключено в водах Пурпурного моря. Рубашка, естественно, в унисон. Меч привычно обмотан какими-то веревками и тряпками.

Между двух возвышенностей — стена, в которой виднеются огромные ворота. Всего таких стен пять, они чрезвычайно высоки и примыкают к небольшим городским стенам на вершине холмов. Из-за них Роксомм еще называют городом Пяти Стен.

У ворот целых четыре стражника. Все в одинаковом доспехе, как в армии, что свидетельствует о большом достатке города. Вообще, отношения городской стражи и регулярных армейских частей пронизаны тяжелой, долгой историей взаимных насмешек и неприязни. Первые обычно состоят на довольствии городской префектуры или управы, из-за чего получают совершенно разную плату в разных городах, я видела даже города вообще без стражи. Но обычно то были небольшие селения, где каждый человек знал каждого в лицо.

Армейские же чины получают плату, размер которой восходит еще к указу императора, правившего добрых полтысячи лет назад. Солдат — двадцать медных в день, сержант — половину золотого, офицерские звания — от двойного золотого и выше. Если они при этом несут службу близ небольших городов, служаки считаются там богатыми людьми. А вот если сравнивать их с прекрасно экипированными стражами Роксомма...

По правде говоря, я бы скорее поверила, что эти люди — солдаты.

Нас остановили, глянули документы, тщательно досмотрели повозку и мешки, благо, хоть одежду не прощупывали. Настойчиво попросили держать оружие в ножнах — решением

конфликтов в городской черте занимается только управа. Тем не менее, пропустили, снабдив пропуском и настоятельно порекомендовав его не терять. Измученные ночной дорогой лошадки медленно потащили телегу вверх, по красиво изогнутой дороге.

— Уф, — с облегчением выдохнул Джад. — Всегда с опаской отношусь к этим проверкам. Вроде бы и знаешь, что все в порядке, а на деле...

— Мы всего лишь смиренные подданные империи Грайрув, — мило усмехнулась я. Вернее, за меня это сделала иллюзия, черноволосая девица лет двадцати пяти в дорожном плаще. Теперь я, увы, обречена постоянно поддерживать маскировку, пока не решим насущные проблемы.

Ксам обратился к жрецу, хмурясь, как будто что-то вспомнил:

— Ажой, а почему у тебя никогда документы не смотрят?

— Могут возникнуть нежелательные проблемы, — мягко сказал жрец, плавно жестикулируя сухощавыми руками. — У меня... свои методы. Лежизаль дарует стражникам и вообще любым проверяющим фальшивое знание, что они уже проверили меня. И я в их памяти — человек совершенно благонадежный, но такой, чье описание они не дадут даже под самой жестокой пыткой.

— Еще один гнусный лик бога тайн, — едко заметил старпом, — почему бы тебе и нас так не окрутить?

— Во-первых, я честно заключил сделку и собираюсь выполнить обязательства, что взял на себя. Во-вторых... ну, это было бы гораздо сложнее.

Почему-то мурашки побежали по спине. Да не мурашки, а мураши, крупные такие.

Еще у ворот нас заставили расписаться в книге посетителей. Даже Ажой оставил неразборчивую строку, гласящую, что он Джон Маврикий Смит из Блоссомы. Я, когда расписывалась, перелистнула книгу назад, пытаясь быстро просмотреть, кто проезжал в город, но меня грубо отогнал их командир, внушительный мужик в пластинчатых латах. Мы пытались объяснить, что разыскиваем человека, и вовсе не со злым умыслом, однако он и слушать не хотел.

В низинах виднелись отдельные хижины, окруженные не то полями, не то огородами. Ксам сказал, что это лекарственные растения, которые выращиваются для нужд жителей города. Часть снадобий, произведенных из них, затем рассылается по всей империи, где сбывается за баснословные цены.

Так мы достигли первого Холма. Замороженных животных сразу же определили в конюшню возле постоянного двора, а сами направились в таверну при нем. Молодая, яркой и привлекательной внешности девушка шуршала метелкой из аккуратно подрезанных прутьев, проводя утреннюю уборку. Я учтиво поздоровалась и, заметив крупный стол в углу, что окружен не лавками, а большими кожаными диванами, сразу направилась туда. Богато живут, демоны их раздери.

Девушка оглянулась на нас, отставила инструмент в сторону и поинтересовалась:

— Вы не местные?

— Угадала, — сухо ответила я. — А какие-то проблемы с этим?

— Нет-нет, — замахала руками она. — Вы меня не так поняли. Просто за тот стол обычно садятся курящие ньяц.

— Что такое ньяц? — тут же спросил Джад.

— Целебный табак. Расслабляет тело и заставляет кровь быстрее бежать по жилам, — пояснила девушка. — Меня, кстати, Мэлой звать. Я не настаиваю, можете и дальше сидеть

здесь, но брать еду за таким столом не настолько удобно, как кажется.

— Мэла, мы разберемся, — ответил старпом за всех. — К тому же, у нас никто не курит. Я разве что жую табак, и то дейнский. Принеси нам какой-нибудь еды. Мяса, дичи, вина. Ага?

— С утра нет ничего готового, — извинилась она, присев в едва уловимом поклоне. — Подождете?

— Без вопросов, — кивнул Джад.

— Кстати, где твоя коробка с той зеленой гадостью? — с любопытством спросила я. Джад ее обычно с собой таскал да за десну закладывал, отчего зубы вместо белого цвета приобретали устойчивый желто-зеленый.

— Забыл в суматохе, — усмехнулся старпом. Ксам серьезно сказал:

— Жевать местную растительность не советую. Серьезно. Я не знаю, что они в нее кладут, но, по слухам, действует ничуть не слабее крепкой выпивки, и это если курить. Думаю, если жевать, вообще без зубов остаться можно.

Жрец деликатно потрогал меня за плечо, сказал:

— Я схожу на рынок, узнаю, не найдутся ли у них нужные составляющие для Призрачного Танцора.

Я удивилась:

— А пожрать?

— Я старый человек, Тави. Могу долгое время обходиться небольшим количеством еды, — пожал плечами он. — А по поводу Франка вы уже осведомлены.

Кивнув, я заметила:

— Тогда к вечеру встречаемся тут же. Я не знаю, как с вами связаться, Ажой, потому надеюсь на ваш здравый смысл и не угасшее желание исследовать Глаз.

— О, за это не переживайте. Я посадил своего внутреннего ученого в тюрьму, он слишком мешал думать. От его воплей просто пухла голова, — усмехнулся Ажой, медленно поднялся из-за стола, и, сделав слуге знак следовать за ним, покинул таверну.

— Меня дрожь от него берет, — заметил Джад, хватая очень кстати возникшую на столе бутылку с вином, оплетенную соломой.

— Безобидный он. Одно название, что т... эм, неважно, — осеклась я. В таверне людей всего ничего — за стойкой трактирщик, протирает стаканы, да Мэла суетится. Кстати, никогда не видела трактирщика, который просто сидел бы на стуле или курил у окна. Они обязательно изображают бурную деятельность: мол, для вас, дорогие клиенты, стараемся.

Тем не менее, со словами лучше быть осторожной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И Муха этот сюда припрется, — с тоской в голосе произнес боцман, вертя в ловких пальцах кубок. — Как будто и без него проблем не хватает.

— Мне тебя не понять, Ксам, — покачала я головой. — То ты хочешь его взять с нами, да еще и прятаться за его спиной, то говоришь, что от него одни проблемы. Давай уже что-то одно — либо хороший парень, либо нет.

— Но так же не бывает, — возразил Джад.

— Как — так?

— Или хороший, или нет. В каждом хорошем нет-нет да и найдется темный омут, который он всеми силами прячет. А наткнешься на вроде бы безусловно плохих ребят, так они королевства спасают. Это я о нас, если кто не понял, — довольно заключил Джад,

слегка приподняв емкость с вином.

Я хищно усмехнулась:

— За большущие деньги.

— Об этом история умалчивает, — хохотнул он. — Да и денег тех нам бы не видеть, если бы не благородство Фастольфа. Умный мужик, и принципиальный.

— Как по мне, ум — не давать никому денег, — ворчливо произнес Ксам. Граф удивленно приподнял бровь:

— Да? А то я как раз собирался заняться благотворительностью.

— Что ты имеешь в виду? — настороженно уточнил рыжебородый.

— Выхожу на улицу, ищу нескольких пареньков помоложе, даю им денег побольше и иду растлевать в грязной роксоммской подворотне, — ехидно осклабился Граф и лихо приложился к бутылке вина. Мы переглянулись. Он сделал несколько больших глотков, затем отставил сосуд в сторону и с цинизмом заметил:

— Ведь этого вы от меня ждете? Ладно, кроме Тави, ей обычно плевать, кто с кем и зачем спит.

— Выкладывай уже, сэверзлу, — хмыкнула я.

— Соберу пару шельмецов помладше и дам им наводку на розыскные плакаты, буде таковые расклеены по городу. Один плакат — медный грош.

А ведь отличная идея. По мере того, как боцман растерял свою природную хитрость и смекалку, приближаясь к Роксомму, мечник, вероятно, не зевал. Подобрал все подчистую, да еще и не стесняется говорить, что добро-то его.

— Так, бородатые. Пока Граф заделается тeneвым дельцом, мы без лишней помпезности прошвырнемся в управу и займем их беседой. У них должны быть какие-то архивные книги гостей города или нечто вроде того, по крайней мере, пойдем, откуда копать.

У мечника тоже волосы на лице присутствуют — в его случае это клиновидная бородка, как приклеенная. И небольшое пятнышко черных-чернющих волос под губой. А у Джада его обычная поросль, как будто волосатый червяк прополз по щекам и верхней губе. Точно — банда бородатых, ух, нескоро отделаются от такого пышного имени, все же меня редко посещает вдохновение подобного рода.

— Может, все же поедим сначала? — разумно заметил старпом, отрывая ногу у только что принесенной курицы. Я не заставила себя долго упрашивать и едва ли не с рычанием набросилась на еду. Граф с непонятым выражением лица посмотрел на меня, затем хлопнул себя по лбу:

— Точно! А я все думаю — почему мастер Ажой старается поменьше проводить времени с нами, у костра.

— Ф шмыфле? — спросила я, пытаюсь проглотить кусок мяса, не особо разжевывая его.

— Да так... вроде бы внешне вы принимаете трапезу размеренно и манерно, капитан, да только он видит ту, настоящую, — тихо проговорил мечник, стараясь не согреть ничьи уши лишний раз. Я возмутилась:

— Ха! Хочешь сказать, что у меня манеры плохие?

— В разговоре — хорошие, я бы сказал, отличные. А вот едите вы, как дикий зверь.

Попробовал бы сам, имея такую пасть, жевать с закрытым ртом.

Глава 10. Одураченная гончая след не возьмет

— Нет, здесь вообще ничего не разобрать, — расстроился Джад, едва не плюнув на «карту». Я удержала его от подобного порыва, справедливо заметив:

— Это просто другой метод картографии. Неточный, примитивный, но этим и хорош. Смотри — вот Торговый Холм, он обведен кругом, потому что мы сейчас находимся на нем. А нужно нам вот сюда, потому что управа находится на западной стороне Дозорного Холма.

Мой коготь уперся в бледно-желтый кружок с подписью «Управа».

Карта отнюдь не поражала воображение, и, увидев ее в первый раз, я подумала, что рисовал маленький ребенок. Кружок — холм, кружок-холм, все разноцветные, усеяны кучей значков. Но затем пригляделась к тому, как идеально выведены круги, и поняла, что это какое-то новшество, возможно, связанное с городскими планами.

Кстати, общая схема Холмов, похожая на созвездие — неровный четырехугольник снизу и пятая точка немного выше от него — тут красуется на каждой вывеске и важном здании. Они сделали из карты города символ города. Интересная идея, учитывая, что городов, подобных Роксомму, я не видела никогда.

— Что ж ты за лоцман такой, если с чужими пометками разобраться не можешь? — подначила я Джада. Он у нас и за лоцмана, и за навигатора, и старпомом ходит. А когда я дрыхну — так вообще за капитана.

— Я-то, может, и лоцман, — проворчал он, тыкая кулаком в доску, на которой и нарисована данная схема, — но тот, кто такое вот нарисовал — определенно самый настоящий полоумный.

— Привыкай, у нас весь мир полоумный, — заметил Ксам, едва ли не подпрыгивая на месте, — идем уже, чего встали? Я управу нюхом чую. Там, где больше всего напыщенных рож и казенных денег — то и есть управа.

— По данному тобой описанию любое заведение подставь, все равно впору придется, — усмехнулся старпом.

— Долго еще ржать будете? — поинтересовалась я, двигаясь вперед.

Над Роксоммом носятся птицы, огибая несколько шпилей, венчающих крышу Делкстрейского замка на дальнем Холме. Сам замок, блистающий посеребренной крышей с различными узорами, остался больше для украшения — герцогиня Тулга Аммонаке давно перебралась в столицу, а управление городом передала совету гильдий, как и полагается в таких случаях. Еще пернатые закладывают виражи у местной колокольни, а вот около серо-зеленой башни, стоящей на Дозорном Холме и поросшей мхом, все кристально чисто и тихо. Возможно, жилище местного мага.

В любом случае, нам туда. Городские мосты нарочно сделаны легкими и воздушными, груженому транспорту запрещено по ним передвигаться, и только легкие одноместные брички могут беспрепятственно ездить туда-сюда. На большинстве из них, кстати, клеймо местной гильдии гужевого транспорта. Хорошо поставлено дело, значит. С другой стороны, наверняка дерут цены до небес.

Центральные улицы Торгового Холма вымощены розовым песчаником, как и сам мост, ведущий к Дозорному. Однако, ровнехонько посередине ноздреватый камень бледно-красного оттенка прерывается, и начинается другой, серый и отполированный.

— Вот затейники, — покачал головой Джад, когда я взглядом указала вниз. Ксам,

быстро шагающий в авангарде, заявил, не поворачивая головы:

— У того, кто впервые прибывает сюда, обычно глаза разбегаются. Друзья, я успею еще показать вам местные диковины. Но потом.

Дай ему сейчас в руки кнут — и он, не задумываясь, нас им огреет, дабы поторопить.

Дозорный район чуть гуще населен вооруженными людьми, чем остальные. Вообще, я, по большей части, вижу тут людей. Очень мало рослых и степенных саррусов, ни одного представителя иной расы. По крайней мере, на улицах. Но одна деталь особо меня заинтересовала. Проходящие мимо патрули (один из которых ради нас даже остановился и перебросился с Джадом несколькими вопросами — кто мы и откуда) немного отличались друг от друга.

— Смотри. Каждая тройка усилена мощным боевым или защитным артефактом, — тихо сказала я Джаду. Тот с интересом посмотрел на торчащий из ножен одного воина эфес меча, окутанный бело-голубым маревом, и кивнул:

— Ага. Предлагаю обойтись без драк. Кто знает, какие тузы у них еще в рукаве.

— Мне интересно другое — где они столько всяких разных штук набрали? Массово скупали все товары с окрестных рынков, обдирали всяких героев и прочих проходимцев, нашли какую-то древнюю сокровищницу?

— Последнее, — не задумываясь, ответил Джад. — Сразу можно вычеркнуть вопрос, откуда у совета столько денег на благоустройство.

— Может быть, может быть. Рыжий, ты ничего об этом не знаешь?

— Не-а, — покачал головой тот. — Я всего пару раз здесь был, и город, насколько я помню, не изменился вовсе.

Опять же, вспоминая о различиях армии и городской стражи... обычному солдату никто не даст волшебный меч. Разве что сам найдет или добудет в бою.

— А когда ты был тут, говоришь?

— В детстве. Пару раз приезжали вместе с отцом, он продавал ножи на рынке.

— И так хорошо все запомнил? — удивилась я. Ксам с кривой усмешкой ответил:

— В десять лет ноги могут оббежать куда больше, чем в двадцать или тридцать. Хоть они и делают шаг вполовину короче, самих шагов может быть в два, в три раза больше... до бесконечности. Когда устаешь, пьешь из реки, ешь подгнившие фрукты из чужого сада. И все, ты снова готов бегать целый день.

— Тебе бы философские трактаты писать, ага.

Так добрались до управы, большого каменного здания с прилизанной на две стороны коричневой крышей. Сбоку виднелись какие-то пристройки, вероятно, казармы и склады. Я рассудила, что двум смертям не бывать — останусь на улице, все равно будет подозрительно. И смело шагнула внутрь.

Когда мы втроем оказались за дверью, то почувствовали себя весьма неудобно. Какой-то хитрый запорный механизм щелкнул сзади, а впереди виднелась только решетка с яркими газовыми лампами за ней. Неровные тени клетками выделялись на нас, я подслеповато моргнула. В проеме решетки показалась усатая физиономия, торчащая в круглом обрамлении тканевого подшлемника:

— Чо надо?

— Леди Беккенбергская. Прибыла со спутниками по неотложному вопросу.

— Документы и дорожные грамоты, будьте добры, — сразу поменял тон служака. — Пропуск вам выдали?

— Да, на въезде в город, — кивнула я.

— Та-ак... Тави Беккенбергская, Джад Стефенсон, Ксамрий Ягос. Все чисто, печати и подписи в порядке, — кивнул он, протягивая обратно стопку бумаг. Достал связку ключей. — А кого вы, собственно, хотели видеть? Если вопрос таков, что с ним можно разобраться своими силами, начальство меня не поймет.

Я глубоко вдохнула и выдохнула... с чего бы начать?

— Мы разыскиваем Узану Ягос. Его родную сестру, — палец иллюзии ткнул в Рыжего. — Она в этом году перебралась сюда. Вероятно, перебралась. Скорее всего, нам понадобится просмотреть книги въезда, возможно, обратиться к мастерам из Строительной гильдии или местного бюро... как оно у вас называется?

— Думаю, вы говорите про бюро регистрации жилья, — помог нам усатый, однако заметно скис. — Но я такой властью не обладаю. Для начала вам придется поговорить с капитаном Мерчизон.

— Слушай, Ксам, — вдруг спросил Джад, когда мы шли по узкому и не слишком уютному коридору. — А если она вовсе и не уезжала из Фэрчайлда?

— Значит, в книгах не будет ее имени, — ответил боцман. — Поддельные документы она бы не стала использовать, поэтому — либо есть записи, либо их нет.

— Фэрчайлд гораздо меньше, — добавила я, щурясь от непривычно резкого света. Дневной — и то более щадящий. Конечно, в Телмьюне, столице империи, напропалую используют газовые лампы, но я уже полгода там не была. А это, без малого, четыре месяца. Двести дней.

В возрасте двадцати одного года половинка года — чудовищно большой срок. Особенно с нашей странной и бурной жизнью.

— Так что с того, если он меньше? Искать легче, что ли? — пожал плечами Джад.

— Ну да.

— Вас-то как зовут, любезнейший? — обратился Ксам к стражнику. Тот повернул голову и ответил, глянув на нас через плечо:

— Терн.

— Как куст?

— Как куст, — подтвердил усатый. Усы у него цвета медного котелка, а лицо, хоть и простоватое, курносое, но посечено оспинами. Возможно, зацепило где-то брызгами горячей жидкости или болезнь какая.

— Слушай, Терн, а почему у вас только люди по улицам ходят? У стражи, подразумеваю.

— После эновских бунтов вышло распоряжение — саррусов в городскую стражу не брать. Ненадежные они, — сухо проговорил воин.

Что ж, хоть одна загадка развеяна.

Последний бунт в Энове старше меня на пару лет. С тех пор в Роксомме легко могли переиначить всю структуру городской стражи, одноглазых как раз и стараются набирать на работу бойцами, вышибалами именно из-за их стати. Единственное, что может помешать саррусу исполнять подобную работу — их странные понятия о чести и о долге, которые не перебьешь никакими золотыми монетами. Если бы Хог, наш повар, решил, что своими действиями мы как-то ставим под угрозу либо Ургахад, либо порицаем лично его честь — все, пиши пропало.

А пока ничего такого не происходит, он и сам не прочь потормозить жирных

торговцев, пусть даже бороздящих моря и океаны под флагом равнинного солнца. Грабеж купеческого судна честь не порицает, хоть их богом, Кордом, и не благословляется. Никакой, понимаешь, доблести.

Капитан сидел — вернее, сидела — в небольшом кресле, потертом и жестком на вид. Русые волосы с несколькими седыми прядями стянуты сзади в хвост, сухощавые руки непрерывно двигают по столу какие-то бумаги, молниеносно расписываясь. На ней темно-красный глухой мундир с высоким горлом и не слишком серьезными кожаными вставками на плечах, груди и рукавах. От ножа, может, и защитят, но не от стрелы или меча.

Янтарно-желтые глаза уставились на меня.

— Прошу прощения?

— Леди Беккенбергская, по важному делу, — представил меня Терн, но сам не удалился восвояси, а чинно занял место у двери.

— Альса Мерчизон, руковожу охраной и защитой Роксомма. Слушаю вас, — кивнула начальница городской стражи, указывая на несколько стульев по краям комнаты. Мне подтащили стул, и я, усевшись поудобнее, начала повествование.

В основных деталях оно сводилось все к тому же: переехала, пропала, ищем. К ее чести, капитан вполне спокойно выслушала историю. Меня, правда, немного обеспокоило, когда она достала пенсне и начала через него меня разглядывать, да еще и внимательно так. Однако, судя по всему, просто плохое зрение. Да и встретить за одну декаду два артефакта, способных видеть сквозь личину — «удача» невероятная.

— Так что — есть какие-то зацепки? — обеспокоенно спросила я. — Хотя бы подскажите, с чего нужно начать. И еще одно. Без бумаги, подписанной лично вами, не думаю, что нам удастся далеко продвинуться.

— Опять бумаги, — недовольно скривилась она. Я скомандовала:

— Джад!

Старпом молча выгреб из кошелька десять золотых и шлепнул на стол, аккуратно придвинув к начальнице. Я дополнила словами:

— Не знаю, видел ли кто-то из ваших ее в лицо, но этот рыжий — ее родной брат. И говорит, что они похожи. Мы не держим злого умысла. Я всего лишь хочу перевезти ее в свои земли, поскольку Грайрув находится слишком далеко от нас.

— Леди нужно, чтобы все ее люди были настолько довольны жизнью, насколько это вообще возможно, — иронично произнес Джад, разводя руками.

Альса, помолчав, сгребла деньги и высыпала их в ящик стола. Взяла чистый бланк, со скоростью молнии набросала на нем несколько строк и размашисто расписалась. Отдала бумагу, сказав неприятным, скрежещущим голосом:

— Начать лучше с нашего архива. Себастьян, архивариус, хранит у себя гостевые книги каждого месяца. Город большой — приезжают путешественники, торговцы. Переселенцы, вот, вроде вашей Узаны. За всеми уследить невозможно. Архив находится в той стороне, где башня — все время идите прямо, и справа будет здание с угловатой крышей. Если она покупала дом или снимала комнату не на постоянном дворе, лучше сразу обратиться в бюро регистрации жилья. Оно аккурат в центре Небесного Холма.

— Спасибо. Вы нам очень помогли, — слегка поклонилась я. Альса только устало кивнула в ответ, задумчиво смотря на нас.

В архиве мы, увы, ничего существенного не узнали. Хоть его владыка и повелитель очень старался, чтобы нам помочь. Такой милый пузатенький мужчина низкого роста с

буйной гривой светлых волос, торчащей во все стороны и носом с горбинкой. Суетился-суетился, наконец, принес нужную гостевую книгу и показал запись под грифом 11 МЗИ 5337: «Узана Ягос, жен., 24 года. Цель — проживание, оп. имущ. не обнаружено».

— И это все? — разочарованно спросила я, запустив пятерню в вечно растрепанные волосы.

— Девушка, — строго произнес Себастьян, — у нас тут не летописи хранятся и не личные дела каждого подданного империи. Одиннадцатого дня месяца Зеленых Иггов сюда прибыла искомая вами юная леди. Куда она подалась дальше, мне не ведомо.

— Ясно. Все равно, благодарю за помощь.

Этих «благодарю» мне пришлось произнести еще с десятков. За одно утро, солнечное и ясное, нам довелось наведаться сначала в бюро регистрации жилья, затем в городской кранкен, то бишь, больницу, потом сразу к коронеру. Во время последнего визита боцман нервничал и едва ли не шарахался от каждой тени, но обошлось. Среди мертвых душу Узаны Ягос отыскать не вышло.

Мы сунулись было в городскую префектуру, но нас оттуда выгнали взащей, невзирая на титулы. Попутно объяснили, что день сегодня все равно не приемный, и нужно приходиться завтра. Я уныло записала свое имя на предложенном листе, под номером пятьдесят шесть. Это что же выходит, передо мной в очереди на прием еще полсотни человек?!

Проклятые бумажные крысы, демоны бы их забрали.

Я уселась на перила каменной лестницы, поедая купленное у мальчишки-разносчика пирожное из фруктов, орехов и воздушного крема, «бородатые» тоже не отказали себе в удовольствии слопать парочку. В голове кружили буйные мысли, не имеющие ни малейшего отношения к сложившейся ситуации.

— Что будем делать, господа бандиты? — спросила я, отсутствующе смотря вдаль. Вид с края Холма открывался более чем великолепный, но сейчас радости он не доставлял.

— Возьмем штурмом префектуру, захватим в заложники бургомистра и его семью, будем требовать, чтобы нам предоставили нужные сведения. И золота немного пусть подкинут, — предложил Джад, аккуратно счищая остатки крема со своей физиономии.

— Неплохо. А если посерьезнее?

— Не знаю, — простодушно пожал плечами старпом. — Что мы еще не обошли? Я имею в виду, управа, префектура, кранкен, бюро, даже крупные торговцы. Что еще осталось?

— Сборщик податей, — скривился Ксам, потом спохватился:

— Хотя, нет, этими здесь тоже префектура ведает.

— Точно?

— Если правильно помню, да.

Я подвела итог:

— Тогда, за исключением завтрашнего визита к главной шишке, остаются только другие власти. Те, что в тени Холмов.

— Нет, — отрезал Ксам, встревоженно смотря на меня. — Сестра никогда бы к ним не сунулась. Я передал ей достаточно денег, чтобы купить здесь дом и жить безбедно долгие годы. Она не транжира у меня, совсем.

— Что еще остается? — вместо того, чтобы возражать, спросила я. — Возможно, ее ограбили по дороге. Может, околдовали или что-то еще. Хотя, по той штуке, которая чуть не убила тебя, я могу сделать только один вывод — здесь явно была замешана магия. Незнакомая мне и очень опасная. А подобные штуки гораздо легче скрыть там, внизу.

Мой взгляд обратился к россыпи лачуг, беспорядочно увешанных различными тряпками, тентами, с крышами, собранными из разнообразных кусков дерева, соломы. Солнце редко озаряет Низины, потому район можно назвать вдвойне «теневым». Зеркало сытой и довольной жизни в верхней части Роксомма, прибежище безденежных бродяг, торговцев незаконными товарами, различных сект и банд.

Наивные юные путешественники, что любят размахивать мечами направо и налево, сразу же начинают возмущаться — да как же так, городские власти не смотрят, вычистить это все под корень, да еще и внутри стен города. А городские власти, между прочим, давно уже в доле. И половина тех растений, что выращивается в полях, на «лекарственные» никак не тянет. В юности мы, будучи студентами, много всякого перепробовали... меня только тошнило, по правде говоря. Никакого удовольствия.

— Все же, я не считаю, что соваться туда без кого-нибудь опытного — хорошая затея, — высказался Джад. По делу высказался, однако...

— Хочешь — смотайся обратно за Сейтарром, — любезно предложила я.

— Идем обратно в таверну, — вздохнул Ксам. По его лицу было ясно, что на какие-то большие свершения Графа он не рассчитывает.

Как оказалось, зря.

Ушлый мечник, подсуетившись насчет портретов, смог выяснить сразу несколько важных вещей, о чем он и сообщил, когда мы уже заседали в «Шестом Холме» после безрезультатного дня. Раскладывая листовки с красиво обрисованными портретами, Граф попросил:

— Капитан, можете сделать так, чтоб нас не подслушивали?

— Без проблем, — сказала я, щелкнув в воздухе для того, чтобы сбросить невидимые силовые узлы. Заклинание против подслушивания полезно заранее «намотать на пальцы», особенно если находишься в оживленном городе. Тем более что сейчас таверна была куда оживленнее, и новые люди все прибывали.

— Во-первых, — начал Граф, — и эту новость я однозначно причисляю к хорошим, наших рож ни один ребенок не нашел.

— Говори за себя, — ухмыльнулся Джад, тыкая в него жирным от еды пальцем, — ваши с капитаном рожи. Нас там не было и нет.

— Насчет «нет» я бы поспорил, но речь не о том. Объявления часто срывают, возможно, просто кончились плакаты, а новых еще не нарисовали. Там, где висят треклятые бумажки, все стены в обрывках.

Я пожала плечами:

— Не мы первые, видать, с подобной блестящей идеей.

— Во-вторых, я, кажется, отыскал причину, по которой сюда ехал тот Искатель, Муха. Смотрите.

На рисунке, умело выполненном черной тушью по выцветшей бумаге, красовалась отдаленно похожая на человеческую фигура. С длинными руками, снабженными когтями размером в половину длины меча. Всклоченная грива, огромные клыки на вытянутой морде, безволосое и омерзительное тело, подслеповатые глаза и угловатые нижние — или задние? — конечности. Хвост, длинный и сегментированный, словно живая сколопендра.

Еще внимательнее я разглядывала подпись, в которой сказано: «Кто убьет чудовище и предоставит в доказательство совершенного подвига его голову, получит от префектуры награду в размере десяти тысяч варангов». А еще, судя по тексту, монстр охотится на людей.

В крупном городе. Очень мило.

— Замечаю небольшое сходство, — ухмыльнулся Джад, подняв глаза на меня.

— Очень небольшое, — возразила я, — едва заметное.

— Простому народу — не плевать ли? Увидит, и смахнет голову на всякий случай. А потом только будет радоваться, потому как за Морскую Ведьму побольше дают, — выдал язвительную тираду старпом.

— А почему вдруг Искатель будет вести себя, как обычный наемник? — спросил боцман. Мы переглянулись, затем Джад постучал пальцем по своему виску:

— Потому что он Искатель, дурья башка. Из Ордена Нистоборцев. А на листке розыском, что характерно, самая натуральная нистова тварь. Я думаю, это обычно так происходит — при первых признаках власти обычно посылают разбираться городскую стражу. После того, как подобная нечисть задерет один-два отряда, уже обращаются с прошением к Ордену. Мол, пришлите парня с красивым стеклянным шариком.

— Мы уже видели, что драться тот тип умеет, — добавила я. — И то, что он объявится здесь — всего лишь вопрос времени. К счастью, нам не по пути.

Ксам неожиданно побледнел:

— Слушай, Тави, а если вдруг Узану убила...

— Никаких «если», — отбрила я. — Скорее всего, твоя сестра прикупила какую-то вещь из давно проклятых, высвободила проклятье и стала его жертвой. Но это не Беккенберг. Наверняка доставили к магу и сняли порчу, чтоб ее. Завтра наведаемся к серой башне, да и спросим.

Надо было раньше подумать о маге. Крепки мы задним умом, что ж поделаешь.

Не думаю, что скрюченный и внезапно посиневший человек, тем более, девушка, оставил бы равнодушными проходящих мимо горожан. Разве что... она и в самом деле зачем-то подалась в проклятые Низины. Там, вероятно, с милосердием и состраданием немного хуже. Я не стану еще раз напоминать Ксаму, что существует вероятность и другого исхода. Коронер, правда, такого трупа у себя не встречал, о чем и сообщил нам.

Но в бедные районы редко ездят за трупами.

Мало того, стоит еще различать бедняков с Холмов и тех, что живут в тени. Первые — как правило, просто не слишком состоятельные семьи. Они метут улицы, разносят газеты или пирожки, работают грузчиками или ребятами «подай-принеси». Не то чтоб это приносило хоть какой-то серьезный доход, однако у местных есть какое-то... чувство касты, что ли. Есть гордость, уверенность в завтрашнем дне.

У тех, внизу, нет вообще ничего. Как метко заметил Ксам, туда спускаются умирать, постепенно угасая без гроша за пазухой и куска хлеба. Может, Узану ограбили по дороге? И здесь она не нашла помощи, сколько бы не просила. Я поинтересовалась:

— Граф, а кто заправляет миром роксоммских Низин?

— Здесь есть два парня с большой и почти одинаковой наградой за их голову. За этого платят двадцать тысяч, кличка «Король». Я бы предположил, что он и является подпольным владыкой в городе, честно говоря. За этого — награда восемнадцать тысяч варангов. Зовет себя Скалотрясом, предполагаемое настоящее имя — Эдмонт Десхол. Некогда преподаватель столичной Академии, между прочим.

— Если бы он нарушал постановление о применении боевой и прочей разрушительной магии в городе, за ним наверняка пришел бы один из коллегиальных магистров.

Граф осклабился:

— А он и не применяет. Во всяком случае, свидетелей тому не нашлось. Я нагло расспросил об этом патруль, сказал, что охотник за головами.

— Да ты только посмотри на эту рожу, — задумчиво произнес Джад, вертя порванный с краю листок в руках. — Наверняка хитер, как шельма, а отсутствие очевидцев — только лишний довод в пользу того, что очевидцев либо убивают, либо избавляются от них по-другому. Могла твоя Узана стать свидетельницей преступления?

— Наверное, — ошеломленно пробормотал Ксам.

В очередной раз открылась дверь, почти бесшумно. Хозяин все же удосужился смазать петли, мы настойчиво попросили. Порог переступил Ажой в своем обычном отстраненно-печальном образе: одна рука за спиной, второй дверь открывал, темно-коричневый капюшон на голове, так, что виден только шишковатый подбородок, сзади невозмутимо идет Франк.

Ему навстречу тут же встал молодой крепкий парень. Даже не пропойца, глаза еще не мутные, но щеки уже покраснелись. Понятно. Ищет, на ком бы кулачный зуд утолить. Франк вытащил дубинку, парень что-то резко сказал, Ажой тихо и спокойно ответил. Диалог между ними продолжался буквально три-четыре фразы, после чего задира дернул головой, словно бойцовый петух, и сел на место.

Жрец приблизился к нам и опустился на мягкий диван, тут же подвинув к себе одно из блюд.

— Не возражаете, господа?

— Лежизаль с вами, кушайте на здоровье, — глумливо ответил Джад, затем поинтересовался:

— Что вы ему такое сказали?

— Тому молодому человеку? Сказал, что его мать будет весьма недовольна, а ведь я ее на руках нянчил в свое время.

— Есть хоть малейший шанс, что вы сказали ему правду? Про то, что вы действительно знали его мать, и не обвели на самом деле простака вокруг пальца с помощью каких-то обрядов, воздействующих на разум, — с надеждой спросила я. Ажой едва заметно усмехнулся:

— Нет.

Глава 11. Сломанный компас

Тем же вечером жрец, употребивший немного вина, раскритиковал местный рынок как «сборище мошенников всех мастей, торгующих ржавым хламом времен императора Клауса Омерзительного». Понятное дело, ни о каком Призрачном Танцоре речь не шла. Наша сделка слегка затягивалась. Кроме того, он неожиданно изъявил желание прогуляться с нами к местному магу, на что я возражать и не думала.

Однако сперва утро сулило нам другие подвиги. Поднявшись рано, с первыми утренними звуками за крохотным оконцем, я посвятила пару минут водным процедурам, после чего распинала спящую ватагу и направилась к префектуре. В поводу безвольно волочились «бородатые». Совсем они скисли, когда увидели ту самую полусотню человек. Хоть бы один не пришел! Я тоже загрустила, но золото быстро поправило ситуацию.

Ушлый Ксам, который все же потрудился привести в порядок свои мозги, быстро выкупил место в очереди за пару увесистых монет с ликом Его Светлейшества Варанга. Теперь перед нами стояли всего трое — полноватая женщина опрятного вида, одетая в платье с цветочным узором, блеклой наружности тип в дорожном пыльнике и немного лопухий светловолосый юноша с крысиным лицом и увесистой кожаной сумкой под мышкой. Нет, серьезно — такой прикус еще надо поискать.

Мне нравится разглядывать лица людей. Уверена, если б не личина, они куда больше бы таранились на меня, так что все справедливо. Кроме того, я не подмечаю недостатки, а, скорее, составляю мысленный портрет. Например, какая драка оставила господину, стоящему теперь за нами, такой безобразный шрам от уха и до низа шеи? Или просто упал с дерева, а по пути напоролся на сук? Задира или неуклюжий, вот что действительно интересно.

Даже будучи четвертыми, мы ожидали почти час. После того, как крысиный юноша вместе со своей верной сумкой вылетел из дверей, вслед за ним пролетел ботинок и над площадью громогласно разнеслось «...и чтоб духу твоего здесь больше не было, паскуда!», мы поняли, что бургомистр сегодня не в настроении. Или же не в настроении кто-то из его службы. Над чахлыми фиолетовыми цветами роились, медленно опускаясь, какие-то бумаги и чертежи, покинувшие сумку. Правый ботинок угрюмо лежал на земле — своей цели он так и не достиг.

— Может, отнесем ботинок страждущему? — кивнул на предмет искусства Джад.

— Хочешь — неси. Мне не по нраву чужие ботинки таскать, — злорадно сообщила я и прошла в низкую дверь, едва не расшибив лоб.

Встретила нас молчаливая женщина средних лет, которая без единого звука указала пальцем на дальнюю дверь слева. Оттуда неслись нечленораздельные звуки.

Звуки оказались сухощавым мужчиной ростом примерно с Графа. Русые волосы еще без седины, но сухие и ломкие, коротко подстрижены, сетка морщин на шее и в уголках бледно-лиловых глаз, чуть отвисшие щеки, гладко выбритые. От него пахнет каким-то парфюмом, а еще — злостью и отчаянием. А еще он ходит по кабинету, приговаривая:

— Безмозглый тупица, баран, идиот, кретин, дурак, остолоп, балда, балбес, болван...

Мы с интересом прослушали около тридцати понятий, означавших, по сути, одно и то же, затем я решила прервать страждущего:

— Вы свободны?

Он осекся, быстро и нервно проговорил:

— Да-да, заходите.

— Тави Беккенбергская, — в который уже раз представилась я. — По особому вопросу.

— Ко мне все по особому вопросу, — нервно сказал бургомистр. — Каждый!

Понимаете? Я каждого отсюда не могу спровадить добрых полчаса, а то и больше. Хотя свои проблемы они могли бы решить в совершенно другом месте. Для этого не обязательно! Обращаться! Ко мне! Идо Вейсхаупу!

С этими словами бургомистр топнул необутой ногой по мягкому ковру. Получилось неслышно и совсем неубедительно.

— Но ведь существует городской совет...

— Вот! Где! У меня ваш совет! — выкрикнул он, приложив ребро ладони к шее. — Все такие вроде как занятые, сидят да прибыли подсчитывают. Пока не высидишь им все другие мысли, на город сдать и не подумают со своих гильдейских взносов! А что до работы... я один. Один, понимаете?

— Понимаем, — успокаивающе проговорила я и мило улыбнулась. Надеюсь, иллюзия скопировала улыбку с нужной харизмой. — Но мы к вам по действительно важному вопросу. Пропал человек. Все городские службы мы уже оббегали, побывали в больнице, даже у коронера. И след простыл. Все, что мы знаем — она въехала в ваш город одиннадцатого числа прошлого месяца.

— А ко мне вы зачем пришли? Я сыском людей не занимаюсь.

— Поверьте, меня тоже не интересовала работа сыщика до тех пор, пока не пропала родственница верного и достойного человека, — отметила я, проводя рукой по полированной крышке стола. — К вам не обращалась некая Узана Ягос?

— По какому вопросу? — тут же ошетинился Идо.

— Не знаю. И не могу знать. Для этого, скорее всего, понадобится проверить книги записи посетителей с одиннадцатого Зеленых Иггов. Сего года, — как могла, мягко и ненастойчиво, сказала я. Вместо очередной бурной тирады бургомистр вдруг улыбнулся:

— Да? Тогда это не ко мне.

— А к кому тогда? Весь Роксомм уже оббегали.

— В этот раз недалеко, не волнуйтесь. К моей помощнице, Эрсель, — он показал рукой на выход, пусть даже и не совсем учтиво, — у нее хранятся все книги прошедших месяцев. Так мы всегда можем посмотреть, кто и зачем обращался в Совет.

— А где остальной Совет? — с подозрением спросил Джад, обзревая небольшой, в общем-то, кабинет главы.

Бургомистр произнес, постепенно наращивая тембр, как хороший певец или актер бродячего театра:

— Молодой человек... все эти занятые люди, дельцы, торговые партнеры, владельцы кузниц, постоянных дворов... закоренелые лентяи! Я! Один! Понимаете? Нет никакого хваленного Совета. Совет — это я, господа!

Для полного счастья ему оставалось только вскарабкаться на стол, однако я схватила под локти спутников и, кратко поклонившись, утащила их отсюда. Впечатление, будто мы только что побывали именно в бродячем театре. Причем не в зрительских рядах, а почему-то на сцене.

Я потрогала за локоть женщину, которая склонилась над столом так, что Джад даже присвистнул. Эрсель взметнулась, словно подстреленное животное, затем схватилась за

сердце, тяжело дыша и круглыми глазами смотря на нас. Интересно, в префектуре все такие, или только эти двое?

— Вы меня ужасно напугали! — заявила она, поправляя платье.

— Простите, — развела руками я, — но нам срочно нужно посмотреть на книги записи посетителей. У нас человек пропал. Идо сказал, что по вопросам просмотра книг следует обратиться к вам.

— М-м-м... да, это можно. Секрета не делаем. А допуск у вас есть? — с подозрением спросила Эрсель. Вместо ответа я вытащила из плоского кошелька на поясе бумагу, которую молча сунула ей. На бумаге красовалась подпись капитана Мерчизон.

— Такого хватит?

— Оу. Я сейчас. — И след простыл.

И только юбки взметнулись. Все тонкие, едва ли не прозрачные, но одна поверх другой. И все разных оттенков. А еще куча различных заколок, кружев, бахромы в самых неожиданных местах. М-да, чем больше смотрю, тем больше смиряюсь со своей дремучестью относительно моды.

— А ничего барышня, — явно ухмыляясь, вот спиной вижу, шепнул Джад сзади. Рыжий, судя по тишине, повисшей в воздухе, не ответил.

— Я все слышала! — гневной фурией ворвалась в небольшой холл Эрсель, неся с собой стопку фолиантов, обернутых дешевой кожей. С размаху опустила их на стол.

— Но чересчур энергичная, — прокомментировал старпом. Мне показалось, что сейчас ему прилетит либо книжками, либо самим столом, однако девушка удержала свой характер в узде и снова замолчала. Показала пальцем на книги, затем на крохотный столик в дальнем углу. Схватив тома под мышку, я поспешно удалилась. Джад порывался что-то сказать, но я позволила ему открыть рот только тогда, когда окружила нас звуконепропускаемым щитом.

— Хотел только спросить, почему так много книг.

— Какая разница... лучше сами разберемся, чем звать кого-то на помощь в этом бедламе. Я не знаю, чего я хочу больше — восхититься ее вкусом в одежде или выколоть ей глаз, — проворчала я, открывая книгу с пометкой МЗИ 5337.

По правде говоря, вспомнила родную Академию. Только там можно листать страницы часами, пытаюсь постичь смысл причудливой вязи, которую по ошибке назвали рукописью. Так и здесь. К каждому посещению заботливо приписаны не только причины, но и последствия, например: «Направили к лекарю с соответствующими рекомендациями». Или: «Приняли меры по скорейшему сносу лачуги, загораживающей почтенному Вес Лебласу солнечный свет». Интересно, что насчет нас напишут?

«Выдали книги, в последней из которых позже сделали данную запись». Наверняка. Вот пари заключать готова.

— Ничего, — вздохнул Граф и отложил том. Я кивнула:

— У меня тоже ничего. Не ходила она сюда.

Ксам выругался, старпом похлопал его по плечу:

— Не сквернословь, брат. Пошли в гости к магу, возможно, он что-то видел или слышал. Если маг в городе один, обычно он пользуется уважением и обладает немалой сетью знакомств.

— Возможно, он даже сам приложил руку к спасению Узаны, — обнадеживающе сказала я. Мы отдали фолианты обратно, найдя их настолько же бесполезными, насколько тяжелыми, с опаской попрощались и покинули здание, населенное чересчур подвижными и

крикливыми людьми. С другой стороны, было бы ничуть не легче, если бы все они двигались, как сонные мухи.

В общем, загребли мы Ажоя на пару со слугой и отправились к серой башне.

Почти сизая, на первый взгляд она сложена из неровных камней, набранных как попало. Это уже потом становится понятно, что верноподданный империи укрепил свое жилище, как мог, и то, что мы видим — результат его непрестанных усилий по увеличению своей мощи. Вход открыт, внутри — нечто, похожее на подвесной подъемник. Но движется не за счет веревок и барабанов, а с помощью четырех тускло мерцающих камней розовато-белого цвета, расставленных по углам огражденной платформы.

Наверху нас встретила закрытая, однако, не запертая дверь. Я постучала, к нам степенно вышел пожилой мужчина в три обхвата, неожиданно тонким голосом заявил:

— Уважаемые, сейчас у меня занятие! Если не сочтете за дерзость, подождите либо внизу, либо в самом классе. При условии, что не будете мне мешать!

— Мы не будем, — нашелся Ксам, проскальзывая в дверь раньше хозяина башни.

И это — маг?

Спору нет, от него явно тянет тем неуловимым дуновением силы, сокрытой в разуме каждой Искры. А вот выглядеть сей мастер предпочитает вполне обыденно — простой кафтан непонятно-серого цвета, подпоясанный тонким ремешком поверх необъятного брюха, зеленые лосины и обувь, больше похожая на стянутый в узел кожаный мешок. Что ж, по одежке встречают. Я не раз видела существ, неадекватно выглядящих и в то же время проявляющих исключительное мастерство в своем деле.

Шагнув внутрь, я нашла там целый зал, посреди которого стояли четыре стола. За каждым ютилось несколько ребятишек возраста от восьми до двенадцати лет, зачарованно вззирающих на наставника. И «зачарованно» здесь — не фигура речи, потому что кудесник творил с тиглями и ретортами самые настоящие чудеса.

— Все поняли? Еще раз — добавляем экстракт муриса, он содержит синие частицы, название которых вам пока знать не обязательно, в количестве исключительно пятидесяти ас, то есть, десятой части унции. Если дома нет аптечных весов, не пытайтесь отмерить на глаз, все равно ничего не получится! После муриса — порошок белого олова, две унции, и все это залить половиной стакана обычного цветочного меда. Внимательно проследите, чтоб остатки меда стекли внутрь колбы, иначе реакция не произойдет.

— Вот куда нам нужно было пойти на обучение, — шепнула я Джаду. Мы разместились на узких и низеньких лавочках, стоящих у стены. Неудобно, но можно и потерпеть.

— Ага. А то — Академия, Искра. У нас же тоже были лекции по алхимии. Почему бы не додуматься, что ею могут заниматься и обычные люди? — так же, шепотом, ответил тот.

— Тщательно помешиваем на открытом огне двадцать секунд, и... все готово! — воскликнул маг, схватив колбу, и капнул тягучей жидкостью на каменную бабочку, стоящую на столе. Та внезапно ожила и, трепыхая желто-коричневыми крыльями, выпорхнула в окно. — Но не забудьте, что это снадобье помогает только от заклинательного оцепенения или превращения живого в неживое. Против других форм окаменения, например, взгляда горгон, оно бессильно.

Я не удивлюсь, если он делает это бесплатно. Дети явно обычные мещане, у их родителей не то чтобы золота в избытке. А у волшебника глаза горят, как будто тайную библиотеку откопал.

Сам рецепт мне знаком. Кстати, в случае с боцманом он бы не помог — всему виной

чертов ритуал Люгуса, который делает бессильными те немногие методы целительства, что известны современным магам. Хотя в тот момент о таких сложных материях я не думала. Некоторых ингредиентов не было под рукой, да и лаборатории поблизости не наблюдалось.

После того как некоторые из юных посетителей тщательно записали рецепт, маг, нетерпеливо подгоняя, выдворил их наружу. Видимо, хотел безотлагательно заняться нами. Причем для начала он скрылся за небольшой ширмой, и вынырнул оттуда в бледно-серой робе, расшитой синими искрами. Седоватые бакенбарды и оставшиеся по обе стороны плечи волосы были чем-то припудрены, да и выражение лица на сей раз величественное, надменное.

Я украдкой посмотрела вбок. Не-а, Графа все равно не переплюнет.

— Великий маг Роксомма, Хальд Нумерос, приветствует вас! — развел он руки в стороны. Я ухмыльнулась:

— Можно бы еще искр добавить. Или выходите с посохом, на котором будут расцветать цветы или сиять крупный драгоценный камень.

— Вы думаете? — забавно шурясь, спросил он. — О, как же вас зовут, прекрасная незнакомка?

— Ну, здесь бы я не спешила...

Меня перебил старпом:

— Великий Хальд Нумерос, мы были бы очень вам признательны, если б вы рассказали нам о девушке, которая, вероятно, проходила через ваши руки с декаду назад, возможно, чуть больше. Рыжеволосая, милая, очень недурна собой, попала под воздействие таинственного ритуала. Она приходится сестрой нашему другу Ксамрию Ягосу. Я — Джад Стефенсон, разговариваете вы с нашей госпожой, властительницей замка Беккенберг, леди Тави.

— А он? — Палец указал на Ажоя, что предусмотрительно держался позади.

— Это мастер-ремесленник, прибившийся к нам в пути, — сказала я, не имея особого желания рассказывать, что за фрукт под названием Ажой Бо Скаррав и чем же он на самом деле занимается.

Маг хохотнул, но затем обеспокоенно посмотрел на нас:

— Видали мы таких мастеров... погодите, вы сказали — девушка?

— Да, — кивнула я, ощущая недоброе.

— Помилуйте, леди Тави, но единственной девушкой, прошедшей через мои руки за последний месяц, была мисс Бринбелл, на которую навели порчу. И то, девушкой ее можно считать весьма условно — старухе сто два года не столь давно исполнилось.

— А можно нам хоть немножечко удачи... — пробормотал Ксам упавшим голосом.

— А еще вы сказали — ритуал, — медленно, размеренно произнес Хальд. Ответила я стараясь не смотреть на боцмана:

— Да, ритуал. Начало я не застала, однако, вероятно, и не могла — инициатор находился по ту сторону малоизвестного ритуала Люгуса. То есть, с человеком на этой стороне случились лишь последствия, привнесенные магией в организм. Я успела только запомнить симптомы. Странная синева, разливающаяся вдоль всего тела, оцепенение, похожее на паралич, все признаки смерти. Отсутствие дыхания, кровообращения, сердцебиения на протяжении почти двух с половиной часов.

— Ничего себе, — пробормотал пухлый маг, потирая переносицу. Что-то подсказывает мне, что некогда он носил очки. Уж больно жест характерный. — А как вы справились? Опытный целитель или травник? Какая-то специальная мазь?

Я покачала головой:

— К сожалению, ни тех, ни других рядом не было. Я прибегла к другому средству, менее щадящему. Когти Серрата.

— Вот это да! — восхитился Хальд Нумерос, казалось, он сейчас захлопает. — Нечасто можно встретить мага, который владеет техникой излечения с помощью Когтей. Спустить уже поглощенное заклятие ума много не надо — воткни костяные иглы куда попало, да произнеси формулу. А вот знание нужных точек... считайте, что вы завоевали кроху моего уважения, леди.

— Да, спасибо, — криво усмехнулась я, — но нам все еще нужно найти девушку.

Он задумался, затем проговорил:

— Хм, верите или нет, но то, что вы описали, больше похоже не на смертельное проклятие или порчу, а на... сейчас, мне нужно свериться с одним свитком.

— А можно посмотреть самим? — полюбопытствовал Джад. Хальд отрезал:

— Исключено!

И скрылся в одной из боковых дверей.

А башенка-то совсем небольшая снаружи. Тем не менее, тут и зал, и боковые помещения, и, небось, спальня самого мага. Сильный. Вероятно, большой хитрец и уж точно большой оригинал с переодеваниями. Выглядеть для горожан предпочитает неказисто, для путников — помпезно, вид старенького здания не меняет. Хальду и так хорошо, значит.

— Одно хорошо, она, скорее всего, не умерла, — шелестящим голосом произнес Ажой. Ксама успокаивает?

— «Похоже» — еще не панацея, — возразила я, — безупречная память встречается очень редко. Если, конечно, не говорить про народ йрвай.

— Много о них знаете? — поинтересовался жрец. Посмотрев на него, я фыркнула:

— По праву рождения.

— Вот оно как...

Вернулся Хальд встревоженным. Причем вроде как и обрадованным, но в то же время встревоженным.

— Так я и думал. Действительно, умереть от него ваша знакомая никак не могла.

— А что могла? — обеспокоенно спросила я.

— Превратиться. Перекинуться. Видите ли, подобное течение магии очень характерно для различных форм аниморфизма, вызванных ритуалами, причисляемыми к темным искусствам. Во всяком случае, так пишет Стефан Швондь, а он известный исследователь в данной области.

— Перекинуться, аниморфизм, темные искусства, — перечислил Джад, с тенью сомнения смотря на нас.

— Нист? — глухо спросил Ксам. Я кивнула, подтверждая его догадку:

— Нист.

— Можно еще точнее, — цинично произнес Граф, достав из поясной сумки, где он обычно таскает походный наборчик лекаря, несколько бумажек, свернутых в трубочку. Достал одну из них, развернул, поднес к носу боцмана:

— Знакомься. Разыскиваемая нечисть с плаката, скорее всего, и есть Узана. Не верю я в подобные совпадения.

Боцман грязно выругался и сжал разом побелевшие кулаки. Я потрясенно спросила:

— Но как? Просто взять и забрать у человека человеческую сущность? Это ведь не один

ритуал, необходимо потратить очень много ресурсов...

— Вероятно, в Роксомме прочно обосновались темные жрецы, — сказал Ажой, неотрывно глядя на изображение. — Уж поверьте моему многолетнему опыту, найти их практически невозможно.

Граф спокойно свернул плакат и спрятал его обратно. Произнес:

— Ненавижу говорить банальности, однако мы все еще способны найти ее. Где любят скрываться темные существа? Правильно, в тени. Спускаемся с Холма, господа. И готовимся к наихудшему развитию событий.

— Удачи вам, — буднично сказал Хальд. Навидался горячих голов. Он же маг, да еще и городской: то одному свиток продай, то другому головоломку расшифруй, а с третьим так вообще сходи в глубокие и опасные пещеры с жуткими тварями...

* * *

Мечи выходят из ножен легко, без лишнего усилия. Посох цел... пока еще цел, учитывая, что это обычная деревяшка. Хоть и крепкая. Тем не менее, он останется здесь. Полезные ингредиенты заранее размещены в десятках мелких карманчиков на портупее, надетой поверх длинного морского плаща, который здесь сойдет за дорожный. На поясе — пара собственноручно составленных зелий. Одно, чтоб быстрее двигаться, другое для ночного зрения.

Пришлось вспомнить несколько заклинаний, которые я использовала за всю жизнь раза два-три, а то и вовсе ни разу. Нам надо поймать смертельно опасное существо, а не убить, и в этом самая главная сложность. Говорят, на ее счету уже двенадцать горожан. Если данное число кажется вам небольшим, поделюсь ценными сведениями: там, внизу, вообще трупы не считают.

В Низинах вообще стараются подолгу не находиться. Даже хваленые тройки стражников, усиленные артефактами, не рискуют лишний раз спускаться вниз. Слухи, не слишком надежный источник знаний, говорят, что туда как-то раз отправили целый отряд, и тот пропал. Начисто. Ни единого человека из того отряда с тех пор не видели.

Джад наточил секиру до бритвенной остроты. Не знаю, зачем затачивать лезвие настолько, если после первого удара оно тупится и уже не способно резать волос на лету. Попрактиковаться в волшебстве не удалось, кодекс о боевой магии неодобрительно относится даже к слабеньким заклинаниям, применяемым на территории городов. Посему пришлось довольствоваться заверениями старпома о том, что он не совсем чурбан.

Ксам забрал вообще все, что было в его дорожном мешке. Обвешался ножами, пращу на пояс, рунные камни в сумке на боку, даже керамическую бутылочку с какой-то кислотой взял. Видимо, если все остальное не сработает. И видно, что не по себе ему, впрочем, как и всем нам.

Даже Ажой собирается. Не знаю, насколько он может быть полезен, но жрец клятвенно пообещал, что нам не придется его защищать. Кто знает, что у него припасено.

Мы идем в Низины.

Глава 12. Дело одного поклона

Все правильно. Если верхний город стерильно чист и спокоен, нижний — и в этом можете не сомневаться — будет таким же грязным, как сапоги золотаря.

Вонь, смрад, нескончаемый тошнотворный запах преследовал нас с тех пор, как спустились с Холма и вошли в район хижин. Наблюдая, как прячутся зеваки, мрачно сказала:

— Пора надевать волчьи шкуры обратно, парни. Залежались они у вас. Молью пахнут.

— Я и не снимал, — ухмыльнулся Джад. — Своя шкура ближе к телу. Это значит, что ты тоже без иллюзии теперь будешь бродить?

— Ну уж нет. Так далеко полет моей фантазии еще не заходил. Оставлю как запасной сюрприз для особо интересующихся.

— Капитан, даже ваша иллюзия выглядит уж сильно по-боевому, — кисло сказал боцман. — В таком виде ни к кому не подберешься особо, и разбойники будут просто шарахаться в стороны, увидев вас.

— А так? — подначила их я, добавив в образ ярких красок.

— Эм-м... нет, пожалуй, слишком. Хотя в любой другой обстановке я бы посмотрел на такой образ и вовсе без одежды, — гыгыкнул старпом.

— Вот и заткнись до наступления другой обстановки.

Пока болтали, едва не споткнулась о пьяницу в одних драных штанах. Ему было хорошо, совсем хорошо — проводил нас мутным взглядом, и даже не понял, что это и зачем вторгается в его уютный мир.

А как тут не споткнешься, если в таком узком проходе два человека не разминутся.

Весь Нижний Роксомм напоминает сеть кротовых нор. Лишь прорыты они не в земле, а в гниющем дереве, черепице, земляных и глиняных стенах. Кое-где земля устелена досками или бревнами, которые давно втоптаны в грязь. Всюду жутковатые тенты из парусины или простой плотной ткани. Немногочисленные выходы ведут к полям, что охраняются, как зеница ока — думаю, ради урожая люди снизу готовы даже забыть о своей вражде к людям сверху.

Иначе как объяснить то, что на склонах нескольких Холмов установлены огромные зеркала, направляющие вниз солнечный свет? Судя по малочисленным, но блестящим фигуркам на площадках, они еще и охраняются городской стражей.

Необычное сотрудничество.

— Вы придумали, как лечить будем? Если вдруг поймаем, — спросил Граф. Я едва не скрипнула зубами, проговорила зло:

— У меня остался еще один набор Когтей. Но не думаю, что он поможет — это вам не магическую сущность вытягивать. Здесь полноценное превращение, заверченный переход из одной формы в другую. Я попробую пару-тройку методик, однако они могут оказаться пустышками. И тогда придется искать того белого парня.

Ажой неожиданно развеселился:

— Ха-ха, капитан, вы всерьез полагаете, что ребяташки из Ордена умеют *исцелять*? Вы где-нибудь видели нистоборца, давшего обет спасти человеческие и прочие жизни? Вдумайтесь. Даже их клятва, те самые священные слова, всего лишь говорить, что преданный делу Света рыцарь должен убивать. У-би-вать, — медленно подчеркнул он последнее слово.

— А у нас есть выход? — не поворачивая головы, спросила я. — Всегда остается возможность скрутить ее и отвезти в Телмьюн. Правда, даже не представляю себе, что придется сделать с первым патрулем, который решит досмотреть нашу повозку.

— Не переживайте так на этот счет, — сказал жрец. — Думаю, достаточно будет зафиксировать монстра. Тогда я попытаюсь удалить из нее все то, что сотворила магия темного культа.

— Кого ты назвал монстром? — ледяным голосом произнес Ксам.

— Бесспорно, вашу сестру, уважаемый. Ибо, превращенная, она монстр и есть. Если у нас все получится, она снова станет той самой девушкой, которой была всю жизнь.

— Или? — настороженно спросила я, приподняв бровь. Что-то незавершенное скользило в его предложении, как одна из сокровенных тайн Лежизаля.

— Или умрет, — развел руками Ажой Бо Скаррав.

— Постарайся уж, чтоб не умерла, — с неприкрытой враждой сказал боцман, опуская руку на рукоять ножа. В полном боевом облачении он стал похож на того Искателя — тоже увешан ножами, с той разницей, что Ксам предпочитает обычные метательные ножи без рукояти. Хотя, при случае, может и горло кому-нибудь вспороть, да и основная боевая мощь его не в заточенных кусочках стали.

Ажой только усмехнулся:

— Капитан, а, если ваш подчиненный хочет меня зарезать, я имею право обороняться? Подразумеваю, допустит ли это магический обет?

— Думаю, что нет. Так что, если вы, мастер Ажой, действительно возьметесь очистить Узану от нистой скверны, лучше бы вам справиться.

— Учту, — лаконично ответил он.

— Боги, какие же вы... — не договорил Граф, только скривив рожу. Джад полюбопытствовал:

— Какие?

— Наивные! Почему-то все так уверены, что мы найдем, затем сможем поймать и обязательно выживем. То, что действие и вовсе происходит на чужой территории, вообще никто не учитывает.

Я возразила:

— Почему? Я вот жду, пока эти воины грязи и курительных трав явятся по наши души. Хочу встретиться с той мордой с плаката.

— Леди, — донесся скрежещущий голос сбоку, — а на кой хрен вам сдались морды с плаката?

— Говоря по правде... — начала было я, и осеклась, поморщившись. Бродяга стоял и ковырял в зубах кончиком длинного ножа. Ладно, ковыряние в зубах — это не такой уж и проступок, но делать это железом... я тут же почувствовала соленый металлический привкус на языке. Кое-как справилась с собой, заявила:

— По правде говоря, мне нужна только одна морда. Самая дорогая.

— А сюда вы как забрели? — усмехнулся он. — Король не правит этим районом. «По правде говоря», он вообще ничем не правит, кроме собственной жирной задницы. Да и вы свои тушки не туда занесли в этот прекрасный день. Прекрасный, полный добычи и богатства день.

— Ты закончил, любезнейший? — раздался скучающий голос Графа. Хе-хе, прямо по тону слышу, что уже достал меч, распеленав его из лишних одежд. — Из твоей пасти несет

дерьмом еще хуже, чем со всех окрестностей.

Не то чтоб я не могла попробовать себя в искусстве переговоров.

Наверное, просто не хотела.

С низких крыш высунулись две морды с дрянного качества арбалетами. Один болт ткнулся в заслон цехембве Джада, второй не ткнулся никуда. Он даже с тетивы не успел слететь — из глазницы стрелка уже торчал нож. Мужик, который секунду назад разговаривал со мной, тоже метнул нож в жреца, однако молчаливый Франк просто закрыл его собственным телом. Со слугой-то точно ничего не случится...

Нас окружила блистающая сталь. Есть в них все же какая-то гордость. Штаны могут быть и не слишком приглядными, но хорошее оружие ты себе достань и следи за ним. Оно может стать спасением собственной шкуры, или, как сейчас, основным средством добычи денег, еды и прочих благ. Не на тех напали, «любезнейшие».

Я с легкостью парировала первый удар и тут же сбросила иллюзию. Разбойник отшатнулся, но я не дала ему передохнуть и окружила сетью атак, одну из которых он все же пропустил. Однако, едва лезвие моего меча покинуло его грудь, на меня яростно навалились еще два вооруженных ублюдка.

Боцман пока не использовал ни пращу, ни рогатку — здесь негде с ними развернуться. Он подобрал с одного из поверженных кривой меч и дрался яростно, хоть и не слишком умело. Его спину прикрывал Джад, который расчетливо и методично взмахивал секирой, делал обманные выпады и колол полукруглым лезвием в ноги.

На Графа также напали двое. Еще один спешил с дальнего конца переулка, размахивая тяжелой булавой, тем не менее, ему не суждено было увеличить численное преимущество — голова с предсмертным оскалом и золотой серьгой в одной ноздре покатилась по грязи. Парирование, контрвыпад, финт и великолепный разящий удар, затем у мечника остался только один противник.

Честно говоря, охотно бы посмотрела на его драку со стороны, если бы мне не мешали удары, сыпавшиеся сразу с двух сторон. Благо, длинные руки позволяли держать обоих на достаточном расстоянии и искать бреши в их защите.

По переулку разлилась тьма, покрыв ступни сражающихся. Наши ноги она только облизывала, как море скалистый берег. А вот оставшиеся на ногах бандиты задержались в ужасе — из дымной, совершенно непрозрачной черноты возникали руки, которые цепко хватали их, удерживая на одном месте. Я отбила пару безвольных, сумбурных атак и безжалостно зарезала еще двух человек.

— Все? — донесся ироничный голос.

— Все, — спокойно сказал Ажой. Он стоял в центре поля боя, если перекресток нескольких вонючих улочек можно так назвать, не замеченный более никем. С его правой руки проистекала серыми хлопьями странная вязь, которая достигала левой ладони и разливалась по ней уже черной жидкостью. Затем жрец очень медленно сжал левую руку в кулак, раздавив черноту и стряхнул брызги неведомого с пальцев правой.

Граф держал меч на плече. Чтоб не пачкать рубашку, на которую и без того попали кровавые брызги, он тщательно вытер широкое лезвие о труп в самой дорогой одежде. Его лицо было искажено гримасой недовольства:

— Мастер Ажой, а можно вас попросить более не вмешиваться в бой?

— Мне казалось, помощь пригодится, — смиренно сказал жрец. — Кроме того, я не знаю, как поведет себя огненная печать на моей груди, если я буду просто стоять в стороне и

наслаждаться вашими красочными финтами, мастер Граф.

Мечник только вздохнул. Испортили дитятке все развлечение — даром, что дитя любит отсекать головы и наносить непоправимые увечья другим людям.

С другой стороны, этих ублюдков никто не просил на нас нападать.

С третьей, мы вроде как на их территории.

Я покачала головой и вернула личину на ее законное место. Подобные сложности нередко вводят меня в состояние глубокой задумчивости, которое чересчур опасно в местах, похожих на Низины.

Франк спокойно вытащил нож из плеча и передал его хозяину, который так же неторопливо зарастил его неживую плоть. Пара внимательных взглядов на подобное чудо развила во мне новую мысль. Увы, пришлось ее озвучить:

— Мастер Ажой... а ведь Нист поглотил не только Лежизаля, но и Тумпфа, властителя нежити. И Клинок Осужденного не избавляет вас от возможности хитроумно соврать, дабы укрепить наше доверие.

— А сейчас я мог бы якобы признаться и сказать правду, — заметил жрец, не отрываясь от работы, — и при этом заметить, что все равно связан клятвой, не причиняю вам вреда. В таком случае мы либо расстанемся, либо пойдем дальше. Ведь так, капитан?

— Не знаю. Какой тогда был смысл врать?

— Вот и я не знаю. — С этими словами он посмотрел на меня и мягко усмехнулся. — Если здоровой мотивации для вас недостаточно... что ж, я именем Лежизаля Ушедшего заклинаю вас поверить, что принес свою жизнь на службу ему и лишь ему!

И наступил ужас.

Первобытный, низменный ужас, щупальца слов, записанных первыми книжниками, тайные глубины знаний, магическая аркана, неведомые тропы алхимии. Сокрытые возможности, которые позволяют потрясать горами и осушать океаны, поле известных и неизвестных событий, обрывками цепляющих разум и вырывающих из него фрагменты, позволяющие сохранять здравый рассудок. Все до единого секреты ремесел, со времен того, как прадед снял шкуру с Великой Лани, и на многие эпохи в будущее...

Из меня как будто дыхание выбили. На мгновение я даже потеряла контроль над собственной маскировкой, хоть с шестнадцати лет такое происходило... ну, может, дважды. Джаду, судя по его выражению лица, было ничуть не лучше.

— Вы тоже это почувствовали? — скривился боцман. Граф молча ткнул его кулаком в плечо и указал на нас. Мол, почувствовали. Проняло.

Такова мощь бога, призванного, чтобы подтвердить слова своего прислужника?

Или это какой-то хитрый трюк? Нет, исключено. Обет не позволит ему повернуть нечто подобное.

Я никогда не хотела знакомиться с богами настолько близко, чего уж там.

— Больше никогда так не делайте.

Ажой молча кивнул и указал туда, куда мы шли до последних событий. Затем, когда процессия снова растянулась гуськом, приблизился ко мне и тихо сказал:

— Наверное, мне действительно не стоило. Искры гораздо более чувствительны к подобным преобразованиям, чем обычные смертные — возможно, потому, что магия тоже является родником, к которому вы постоянно припадаете. Я на долю секунды стал проводником частицы силы Его.

— Да, могли бы и не объяснять, — тоже приглушенно ответила я. — Вообще, начинаю

подозревать, что легенды о магах, которые вышли за грань возможностей волшебства и стали богами — чистой воды враки.

А про себя подумала, что поделом. Сами проявили недоверие — сами получили по голове. Причем никаких ран или увечий не нанесли, однако леденящий страх, сковывающий чресла, я запомню надолго. Можно сказать, важный жизненный урок.

Изначально предполагалось, что мы поговорим со зрителями полей. Кого попало к такой работе не приставят, потому господа зрители могут знать гораздо больше, чем обычный бродяга из низинных кварталов. Но судьба распорядилась иначе. Мой слух уловил нечто вроде резкого звука «С-с-с-т», и я тотчас же повернулась в ту сторону, воздвигнув между собой и предполагаемым источником угрозы щит.

— Король шлет весть. Хочет знать, зачем вы его искали, — скороговоркой произнес подросток, держащийся рукой за боковую стенку неказистого здания. Как будто там у него потайной ход. Тощий, в руках наполовину обгрызенная булка.

— Новости расходятся настолько быстро? — насмешливо спросила я. Мальчик не ответил. Кажется, ждал ответа на свой вопрос, после которого ему было предписано исчезнуть и стрелой лететь к своему главарю.

— Передай ему, что мы пришли убрать навсегда того монстра, что убивает людей в округе. Нам нужно поговорить с Королем.

Парень сделал быстрое движение языком. То ли облизнулся, то ли воздух проверил, как змея. Кивнул:

— Я провожу. Но только двоих.

— А остальные что? — не выдержал Ксам.

— Мне почему знать? Сказано — только двоих. Не я сказал, те, кто повыше.

Осмотрев свое воинство, я кратко сказала:

— Граф. Остальным ждать здесь.

Если чему меня и научила жизнь, так тому, что пренебрегать единственным шансом — непозволительная роскошь.

Пригнувшись, я проследовала за мальчишкой в открытый лаз, что, как по мановению руки, возник в тонкой стене. Мечник снова обмотал свое оружие веревками и нырнул следом. Затем мы спускались по неожиданно монолитным ступеням, шли вдоль длинных коридоров... если здесь и были ловушки, то на время прихода «гостей» их обезвредили. Вдоль стен вились какие-то орнаменты, выпуклые и покрытые то ли глазурью, то ли расплавленным стеклом.

— Знаешь, что это мне напоминает?

— Слушаю.

— Нечто вроде древней усыпальницы, — заключила я, провожая взглядом ниши в стене.

— А потом наверху все обильно полили дерьмом, построили на нем второй город и раскинули вокруг пахотные земли? — иронично спросил Граф. Я махнула на него рукой:

— Да брось. Кстати, тут не так смердит.

— Это вы уже просто приняхались, капитан.

— Куда уж мне до твоего невероятно утонченного нюха...

Несколько раз на пути встречались двери. Тяжелые, окованные железом, и тараном не вышибить сразу. Подросток выдавал нечто вроде сигнального стука, каждый раз разного — и нас пропускали, предварительно осмотрев. Кое-где приходилось пригибаться, поскольку рассчитано подземелье на обычных людей, не на долговязых зубастых выроdkов. С другой

стороны, и тот монстр, что якобы Узана, до них не доберется. Слишком хорошая оборона, тут и против армии можно долго держаться, если есть запасы еды и воды.

Что-то мне подсказывает, что такие запасы имеются.

Перед большой двустворчатой дверью, покрытой сценами с участием мифических зверей — мне привиделся даже тот костяной кот, анк, с которым сражался Муха — нас все же попросили сдать оружие. Мы, в свою очередь, категорически отказались. Возникла патовая ситуация, разрешить которую обе стороны не слишком-то и пытались.

Перебранки с оружием в руках не было. Скорее, были вялые попытки что-то доказать мужчине средних лет, что стоял на входе с огромным молотом в руках. Поскольку помещение ограничивало маневренность, молот выглядел убедительно. Не попадет, так придавит.

— Смотрите. Я пришла сюда по доброй воле. Следуя за неизвестным мне человеком. Если бы я хотела убить кого-то здесь, я бы взяла побольше людей. Так?

— Так, — невозмутимо кивал мужчина. Невыразительное лицо, одет в жуткую смесь кожаного доспеха и нашитых прямо поверх кожи металлических пластин.

— Поэтому нам нет смысла оставлять оружие тут.

— Вообще никакого, — соглашался со мной молотобоец.

— Значит, мы идем?

— Нет. Для начала сдайте оружие.

С таким же успехом можно биться лбом в стену. И то, шансов больше.

— Пацан, тебя как зовут? — спросила я замухрышку. Он помялся, затем ответил:

— Мик.

— Очень хорошо. Мик, тебе можно туда заходить?

— Можно, — кивнул он. — Вам нужно что-то передать?

— Передай, что для нас расставаться с оружием — урон чести. Передай, что ни один из нас не замышляет убийств или иных злых дел, в противном случае нам просто не выбраться отсюда живыми. И мы это прекрасно понимаем.

Мик переглянулся со стражем, затем проскользнул в едва приоткрытую дверь.

Ждали мы долго. Пожалуй, чересчур долго для обычного совещания. Может, владыка трущоб курит ньяц, или употребляет алкоголь в безудержной манере и в количествах, достойных гильдейских купцов. Или занимается любовью с фавориткой, а тут мы. Неуместные и упрямые, как бараны.

За дверью, кстати, не слышно ровным счетом ничего. То ли гонца уже казнили, то ли нас там ожидает несметная армия.

Появился Мик, стрельнул глазами туда-сюда, сказал:

— Король требует, чтоб вы зашли.

Я оглянулась назад — а не поздно ли теперь уходить, а? И смело открыла дверь.

О. Нас действительно ожидает несметная армия.

Тьма, обитавшая в зале, постепенно отступила, и мы обнаружили себя под прицелом, по меньшей мере, десятка арбалетов. Хорошо поставленному щиту не страшны и они, но все равно неуютно. Кроме того, я заметила среди арбалетчиков нескольких парней с метательными топорами. Такому снаряду простой магический щит, увы, не помеха.

Вообще цехембве, и Радужный Щит, и множество других средств защиты колдуна от внешних напастей, хорошо работают со стрелами и заклинаниями. В крайнем случае — с копьями. А вот со сталью в обычном оружии крайне плохо они действуют, особенно если

клинков несколько. Вспарывают те клинки защиту, как нож рыбе брюхо, без особых усилий. Не знаю, с чем связана подобная уязвимость. Возможно, боевых магов империи обучают, почему так происходит и как этого избежать, но с карьерой у меня, сами знаете, не сложилось.

Если говорить точнее, сложилось. Совершенно не так, как я себе представляла. Расскажите судьбе о своих планах, и она рассмеется вам в лицо.

На дальней стороне зала, за столом из толстых досок сидел мускулистый мужчина без единого украшения, одетый в простой парчовый жилет, застегнутый под горло, и темные штаны с сапогами. Жилет без единого узора, кстати, я только по блеску поняла, что это парча. Короткая стрижка, гладко выбритый, без шрамов и отметин. По его правую руку восседал лохматый черный пес.

Мужчина играл в хольстарг. Очевидно, сам с собой — либо со своей собакой. Других противников вокруг него не наблюдалось.

Он же и нарушил молчание.

— Я приветствую вас. До меня дошли определенные слухи... зачем вы разыскиваете Короля?

Его низкий, глухой голос звучал... величественно. Может, и вправду бывший аристократ? Беглый, ссыльный.

— Должен пояснить сразу. Вы находитесь на моей территории. Над этими людьми я властвую безраздельно, и, задумай вы несурязицу вроде «убить Короля и принести его голову на блюдечке начальнице городской стражи» — это самый неподходящий момент из всех возможных. С другой стороны, двадцать тысяч золотых еще и не на такое безрассудство толкали.

— Нам незачем ссориться, Король. Или лучше — «ваше Величество»? Мне не нужны деньги за чью-то голову, — сказала я, оглянувшись по сторонам. У колонн слева стоит парень с собакой из бойцовых пород, пес совершенно спокоен. А вот женщина, вальяжно сидящая на возвышении справа, в тени, прячет руки в рукава довольно просторной робы. Что там? Боевые или связующие заклятия? Пригоршня амулетов?

Эх. Мы ведь не драться пришли. Хоть и успели немного погонять кровь по жилам.

— Можно и так, и так, — поднял он глаза на меня. — Если не деньги, то какова же цель вашего прибытия в Низины?

— Убить монстра, — ответил Граф. Его, кажется, нисколько не беспокоило окружение. Я добавила:

— Вернее, не совсем убить. Хорошие отношения лучше начинать с честности, Король. Нам нужна зачарованная девушка, что скрывается под обликом той твари. Скольких она уже убила?

— Никто не считает сейтарров, леди, — с этими словами он передвинул одну из фигурок и скрестил руки у подбородка. — Но, по слухам, кладбище бедняков значительно увеличилось с тех пор, как она появилась здесь. Многие охотники за наградой уходили в ночь. Ни один не вернулся. Вы считаете себя сильнее их?

— Возможно.

— Тогда вам придется признать мою власть здесь и подчиниться любым приказам, которые я отдам. Вы проявили недостаточно уважения для того, чтобы вообще находиться в одном зале со мной, — чванливо сказал мужчина, поднимаясь из-за стола. — Однако сей прискорбный факт можно списать на невежество.

Граф вскинул было руку к мечу, но я остановила его.

— В чем измеряется уважение, ваше Величество? Если в тысячах варангов за голову, еще неизвестно, кто должен выказывать большее благоговение — вы или я.

Снять иллюзию, кровожадно ухмыльнуться, прислушаться к реакции зрителей. Боги, как же мне нравится этот трюк. Сейчас я еще и зажгла шар огня на ладони, дабы продемонстрировать серьезность намерений. И угрозу. Смотри на огонь, Король. Смотри на меня. Ты боишься меня?

Его зрачки едва заметно расширились, но повелитель бродяг не был бы самим собой, если б не умел держать себя в руках. Он молчал, ожидая, пока я сделаю свой ход. Невероятная выдержка. Может, мне тоже стоит обучиться хольстаргу?

Сжав кулак, я погасила огонь, шагнула вперед и едва заметно наклонила голову, произнеся:

— Нам нет нужды враждовать, Король. Я признаю твою власть в царстве роксоммских низин.

Глава 13. Ягермейстер

Если б не видела сама, с трудом бы поверила, что человек, от которого осталась ровно половина, может жить.

Туловище Солода, бывшего начальника охотников герцогини, было перерезано наискось там, где у обычных людей живот. К счастью, рядом был колдун, который не гнушался в средствах, и смог его восстановить, насколько умел. Для этого он использовал часть от собственного анимуса, поэтому Нантай Солод очнулся после тяжелейшей битвы, обладая нижней половиной из первосортного камня.

При ходьбе он издавал страшный грохот, даже несмотря на то, что ступни были обмотаны тряпками. А еще имел привычку громко ругаться и жаловаться на то, что место соединения постоянно чешется. А еще питался не едой, а какими-то энергетическими кристаллами, которые давали пищу и живому телу, и каменному.

В остальном — почти обычный человек, да. Половинка человека и половинка каменного голема.

Кроме жизни, ягермейстер сохранил упрямый нрав и несколько рыжих волосков на голове, которые отрастил и длинными прядями зачесывал набок. С этим очаровательным господином нас познакомил, конечно же, Король.

Владыка грязи и повелитель нищих не сообщил мне своего настоящего имени, однако сумел оценить жест доброй воли. Похмыкал, сказал, что вообще-то тварь он поручил самому умелому из своих людей по части слежки и охоты. И привел в одно из ответвлений подземелья, где и сидел данный тип, прижимая к груди темно-красный кристалл. Жрал он, то бишь.

Нас тут же послали к демонам.

Я вежливо возразила, что мне недосуг заявляться на собственную родину, во всяком случае, таковой ее считают в Ордене.

Меня снова послали.

И только после того, как Граф хорошенько треснул упрямца в челюсть, у нас наладилась почти приятная беседа.

— Удар у парня хорош, но видок, конечно, тот еще, — потирая подбородок, противным голосом сказал ягермейстер Солод. — Демоны с вами, садитесь. Чо владыка-то расщедрился на новых гостей? Обычно сам заходит, а тут эвон какие.

— Мы самопровозглашенные охотники на всяких тварей. Правда, интересна нам только одна тварь — вот эта, — я сделала знак Графу, и тот сунул нашему новому знакомому плакат под нос.

— А, зерран, — хмыкнул бывший «командир охоты». — Немало горячих голов сложено всего за месяц. Вот что я вам скажу — без особых талантов тварь не забороть.

Я пожала плечами:

— Особых талантов хватает. Чего нам не хватает — информации. Сведений о том, где ее искать. Кстати, откуда известно название вида?

— Название вида?

— Ну, имя твари.

— Ха! — осклабился ягермейстер в неприятной улыбке. — Был тут один. Приходит, значит, в очочках, с большой толстой книгой и мечом на боку. Говорит — я, мол, все знаю

о повадках зерранов. Подготовлю ловушку и казню тварь своими руками! Даже не придется особо потеть.

— И чего дальше? — любопытствовала я.

— Чего, чего — сдох, чего! Самонадеянный умник. Кстати, книга осталась. Могу продать за сто двойных золотых.

Я скрутила известную фигуру из трех пальцев и сунула под нос Солоду. Если умнику книга не помогла, значит, либо в ней что-то неверно написано, либо монстр совсем не зерран, а нечто иное. Тот пожал плечами: не очень-то и хотелось.

— И что ты сделал, чтоб оградить людей от зеррана?

— Изображал, что делаю, — с досадой крикнул Солод, затем откашлялся, сплюнул в сторону красной слизи. Я поморщилась. Мысленно. — Мы перекрыли систему катакомб под Холмами, но там монстр так и не появился. Вместо этого прячется где-то здесь и продолжает хватать людей. Даже сразу после убийства зеррана не выследить — идешь по следу, идешь, а след-то и обрывается.

— Твою мать, — с чувством высказалась я. — С таким ходом событий страже даже чесаться не нужно будет — Низины вырежут совершенно без их участия.

— Твоя правда, страшила. Думаю, подохло уже больше сотни человек. И ведь не жрет, скотина! Убийство ради убийства, рвет на части и исчезает. Как будто растворяется в ночной тьме.

— Растворяется, говоришь... а остались вещички охотников?

— Король обычно самые интересные блестяшки прибирает к рукам, — хмыкнул Солод. — Сам не носит, но раздает подданным за верную службу.

— Зачем тебе вещи умерших, Тави? — спокойно спросил Граф.

— Если кто-то охотился целенаправленно на зерранов, могли остаться какие-то амулеты, талисманы, специальное оружие, — пояснила я свою последовательность мыслей. — Хотя бы обычные поисковые побрякушки. Нам они здорово помогут.

— Тогда придется просить его Величество.

— Попросим, не переломимся от лишнего поклона. Я не хочу за один месяц терять сразу двух человек из команды, Граф. Нам надо не просто разыскать того зеррана, в которого превратилась Узана, а еще и сделать это раньше парня, которого специально обучали отслеживать монстров Ниста и готовили к сражениям с ними.

— Невеселая перспектива, — вздохнул мечник. Я редко вижу его таким, обычным. Проявляющим обычные человеческие чувства и не излучающим пафос направо и налево.

— Чего сидишь, Солод? С нами идем. Или ты предлагаешь мне самой объяснять, зачем вдруг понадобились чужие амулеты?

— Да иду, иду, — недовольно произнес ягермейстер.

Король выслушал нас молча и слегка раздраженно. Ему явно не по нраву, что уже второй раз отрывают от игры. Было бы с кем играть, вот уж действительно...

Он долго думал, но в итоге сказал:

— Хорошо. На секунду допустим, что я допущу вас к своей... хм-м, коллекции. Как вы определите, какой именно амулет вам нужен? Их там сотни.

— Если жизнь не слишком щедра на совпадения, ваше Величество, совпадения надо приводить с собой. В моей команде как раз временно присутствует отличный специалист по артефактам, — ухмыльнулась я. — Ничего больше, кроме того, что необходимо для отслеживания, мы не тронем.

Король снова оторвал взгляд от доски и посмотрел на меня с недоумением в глазах:

— Хотелось бы на это посмотреть. Но знай, что всю ватагу мы сюда не пустим, Морская

Ведьма.

— И демоны с ними. Мне нужен только лысый мужчина в темно-коричневой робе.

* * *

Жрец только ходил и ахал.

Не знаю, насколько мои домыслы о прошлом теневого монарха правдивы, но сокровищница у него точно королевская. Тому свидетельством и многочисленное оружие, и украшения, и дорогие ткани, тщательно уложенные в штабеля. Что касается разных вещей, похожих на колдовские — здесь ими все стены увешаны. Думаю, кто-то из подручных Короля либо он сам занимался амулетами, потому что на стенах — тщательно отполированные и выкрашенные в темно-красный цвет доски, на досках миниатюрные полочки, и на каждой полочке по амулету.

Все они рассортированы с изумительной педантичностью по цвету и размеру. В некоторых я вообще не ощущаю магии, но пусть каждый занимается тем, чем умеет. Ажой вот, например, умеет проникать в скрытую сущность предмета. Он сразу же возжег на каменном полу какие-то благовония, тщательно их вдохнул и пошел искать то, о чем я его любезно попросила.

— А вот это... обязательно? Нюхать? — поморщившись, спросил Король. Я пожалала плечами:

— Если работает, почему бы и нет?

— Не люблю курильщиков. И сам не курю, — сказал он. Я никак не отреагировала, тогда главарь спросил:

— А вы?

Как-то он неловко себя чувствует рядом со мной. Статный мужик, согласна. Но на несколько вершков ниже, и это хорошо заметно. Завидует, что ли?

— Я не курю, в моей команде некоторые коптят небо. Знаете, как-то безразлично к этому отношусь.

Он предложил, наблюдая за жрецом:

— Вступайте ко мне в банду. Пусть местность не слишком приглядная, под землей мы живем, подобно телмьюнским аристократам.

Я обвела рукой сокровищницу:

— Многие и победнее живут, не спорю. Тем не менее, мне нужен корабль, океан и жаркое солнце пополам с бушующим ливнем. Есть у вас тут океан? То-то же.

— С ума сойти! И Ливневица есть! — воскликнул Ажой Бо Скаррав, протягивая руку к очередному артефакту, но отдергивая себя.

— И что она делает? — громко спросил Король.

— А вы... не знаете?

— Нет. Если бы я знал свойства данных вещей, то расположил бы их по стихиям или по мощи, но никак не по цвету и размеру.

— Я мог бы...

— Стоять! — резко крикнула я. Он в недоумении посмотрел на меня. — Мастер Ажой,

не беритесь за несколько заказов сразу. Уж будьте так любезны.

Жрец несколько мгновений стоял, словно окаменев, затем часто закивал головой:

— Бесспорно, капитан. Вы правы. Король, Ливневица может, согласно названию, вызывать сильный и протяженный ливень. Притом не только под открытым небом, в чем и заключается ее уникальность. Я мог бы провести опись тех артефактов, которые мне знакомы — а таких тут больше половины — однако это займет, по меньшей мере, несколько дней. Которых у меня, к сожалению, пока что нет.

И продолжил осматривать артефакты, оглашая просторное помещение новыми возгласами.

— Он и в самом деле настолько хорош? — поинтересовался мужчина в парчовом жилете. Я развела руками:

— Конечно, Ажой может быть странным, но пока что он не давал ни единого повода не доверять ему. Думаю, никто в Роксомме не оценит загадочные устройства лучше него.

Спустя некоторое время жрец беспомощно повернулся к нам:

— Боюсь, мне тут одному не справиться.

Король нахмурился:

— В чем проблема?

Под его руку просунулся черный нос, мужчина потрепал собаку по загривку и скомандовал «Конунг, место!». Конунг. Вот, значит, как. Королю и пес с королевским именем нужен? Я слышала, что конунгами называли военных вождей в древние времена.

— Проблема в том, что тот, кто поместил артефакты слишком близко, сделал это крайне не... небезопасно, — тщательно подбирал слова Ажой, напряженно смотря на стену. — Поисковый амулет у меня в руке, однако, для успешного завершения дела желательно иметь при себе данную круглую штучку. Она называется эмбас.

— Эмбас? — спросила я, приближаясь к нему. Хозяин сокровищницы так и остался на пороге. Жрец прошептал:

— Представляете, у него есть призма из чистейшего гавтана! И просто валяется без присмотра в горшке с полудрагоценными камнями.

— Где?

— За вашей спиной.

— А что за эмбас? — спросила я. Ажой указал бледным пальцем на золотой шарик, словно состоящий из узорчатых лепестков, которые сходились на единственном украшении-жемчужине.

— Беда в том, что он расположен между двумя крайне нестабильными сущностями. И, вот там, видите? Справа. Что-то явно не с нашего плана.

— Я не так хорошо разбираюсь в этом, Ажой. Говорите, что нужно сделать.

— Если бы вы могли создать какую-то защиту вокруг полки...

Я задумалась, на сей раз всерьез и надолго.

Ажой грешит на высокую активность артефактов. Значит, и создавать нужно что-то нейтральное, а курс, посвященный так называемой «бледной» магии я проигнорировала. Не думала, что когда-нибудь пригодится.

С другой стороны, у меня есть в арсенале нечто вроде перчаток из осколков защитного поля. Старое колдовство, но рабочее. Может, древняя магия будет для чересчур опасных сокровищ, как бы это выразиться, поприятнее? Правда, на Ажое я их не создам — придется самой.

Отстранив жреца, я, твердо выговаривая каждую букву, произнесла:

— *Уикельва, аввешемм квенсимби-эффлох!*

Ай. Кажется, губа пострадала. Во время «эффлоха», как раз — мой идиотский прикус пагубно влияет на некоторые почти непроизносимые формулы.

Быстрым движением, как будто совершая классический прямой выпад, я взяла сверкающими пальцами шарик. Соседние... штуки даже не сдвинулись с места. Аккуратно поднесла его к протянутой ладони и выронила, тут же развеяв перчатку.

— Можно и так, — с благодарностью кивнул Ажой. — Все, теперь я совершенно уверен в успехе предстоящей миссии. Амулет у меня.

— Посмотрите еще. Может, что-нибудь пригодится, — предложила я, а про себя подумала: «Мне бы хоть каплю вашей уверенности, мастер темный жрец».

Сзади раздался лай и крики. Я повернула голову, Король тоже настороженно обернулся, затем дернул за рукав стражника у двери и крикнул:

— Смотри, чтоб эти ничего не стащили!

Бросился вниз. Двести малых демонов песчаной бури, да что там происходит?!

Стражник угрюмо воззрился на нас, я развела руками — ждем, не смотри так. Через некоторое время вернулся главарь, он тащил под руку почти не сопротивляющегося Графа, едва ли не полностью покрытого собачьей слюной. Едва хватило сил сдержать смех, пока смотрела на то, как он забавно и брезгливо отряхивается.

— Никогда не любил собак, — прокомментировал сие Ажой. Граф ткнул в него пальцем:

— Вот! Здравомыслящий человек среди окружающих меня придурков!

— Он про нашу команду, в основном, — пояснила я уже раздувающему ноздри Королю. — Ну, и в равной части про все остальные разумные расы, так или иначе населяющие Кихча.

Главарь только криво ухмыльнулся:

— Ну, раз всем досталось по справедливости, я не против. Вы нашли то, что искали?

— Да. Ажой, все?

— Несомненно, — кивнул жрец, показывая два артефакта. — Мастер Король, я вынужден позаимствовать у вас два предмета коллекции. Сочувствую, но один из них не вернуть после использования, а второй после поимки и устранения угрозы зеррана будет уже бесполезен.

— Черт с вами, — махнул рукой мужчина. — Если то, что вы делаете, прекратит резню в моих владениях, я согласен на столь малую цену.

Я покачала головой и молча потащила за собой Ажоя, едва не споткнувшегося от такого обращения. Если б не монстр, прощельга еще бы и заставил нас купить захудалый амулетик!

— Погодите, — окликнул нас Король. — Солод отправится с вами.

Ягермейстер тяжело вздохнул:

— Слушаюсь, Король.

— А если мы против? — резко спросила я. — Нам и себя бы защитить надо постараться, а еще этот живой бульжник тащить.

— Так вы вроде какую-то ловушку собирались ставить, — возразил главарь, — а он у меня по ловушкам и засадам главный знаток. Даром что инвалид.

— В знаниях — возможно. Но он же гремит при ходьбе!

— Оставьте там, где греметь не будет.

— А если придется бежать? Или какая-то окрестная банда нападет? Или еще что? — засыпала я его вопросами.

— Окрестные банды вы неплохо так потрепали. Вряд ли кто в ближайшие сутки нос на улицу покажет. И скажите спасибо, что за вами прибрали трупы. Хоть стража сюда особо и не суется, вопросы неизбежно возникли бы.

— Не привыкать. Забирайте своего егеря назад и мы проваливаем с чистой душой, — предложила я.

— Как я тогда узнаю, что вы сказали правду?

Сделала вид, что задумалась:

— Ну-у... скажем, зерран наконец-то перестанет резать людей по ночам?

Король некоторое время стоял молча. Кулаки упер в бока: не нравится ему мое щедрое предложение. Как будто ограбили и ушли, показав язык. Тяжело вздохнул:

— Хорошо. Но, если я узнаю, что вы меня обманули — живыми вам из Низин не выбраться.

Пуганые, парень. Скорее я нарушу запрет и все тут разнесу, невзирая на последствия, чем вам удастся нас убить. Разве что здесь, под землей — обвалом засыпать.

Когда мы окончательно покинули подземелье, я честно предупредила Ажоя:

— Слушай, я не знаю, как с этими штуками обращаться. Поэтому придется тебе самому все делать, моя задача — соорудить западню там, где ткнешь пальцем.

— Не думаю, что все обойдется так легко, капитан. Хотя поисковый амулет можно отдать и вашим парням, он очень простой в действии. А вот дальше... я тоже ни черта, как бы вы сказали, не смыслю в существах Ниста. Какие у нее повадки, чем опасна. Придется мыслить по ситуации и импровизировать.

— Кстати, про импровизацию...

Я протянула ему небольшой кубик, с виду похожий на стеклянный, однако внутри него яркими бликами играли радужные разводы. Ажой снова едва не полетел носом в пол на ровном месте:

— При...

— Т-с-с, — приложила я палец к губам. — Если ваши реагенты такие же дорогие, как и редкие, лучше приберечь деньги. Держите.

Мне хватило одной секунды, чтобы стащить призму из гавтана. Как раз, когда Король повернулся в дверном проеме. Думаю, риск стоил того.

— Теперь нужно найти хотя бы несколько пластинок бретценской стали, и дело в шляпе, — горячо заговорил жрец, пряча сокровенную вещицу за пазуху.

— Нельзя ли ее заменить обычной сталью?

— Увы. Если бы части артефактов так легко заменялись бы другими, самих артефактов было бы гораздо больше.

Я усмехнулась:

— Здесь не буду спорить. Из нас двоих только вы знаток.

— Смотря по части чего, — иронично заметил он. — Мне явно придется на время привыкнуть к вашим методам.

— И этот человек заявляет мне о методах, — притворно вздохнула я. Граф, плетущийся сзади, поддержал:

— Да уж. Мастер Ажой, перестаньте называть нас жестокими и беспринципными. Звучит как-то лицемерно и вашей чести в ущерб.

Тот только отмахнулся, скривив губы.

Остальные ждали снаружи. В наше отсутствие произошли какие-то перестановки: кажется, старпом и боцман решили всерьез допросить Франка. Вот не дает он им покоя, и все тут.

— А жена у тебя была? Семья, дети?

Слуга задумчиво приложил два пальца к подбородку, затем покачал головой:

— Если и были, я не помню. Думаю, нет. Если хозяин утверждает, что я бывший адепт Лежизаля, то и семьи у меня не было.

— Может, друзья? Или какие-то боевые товарищи...

— Прекратите домогаться к трупу, — окликнула я их, ехидно ухмыляясь.

Ксам ответил:

— Да мы так... хотели выяснить, что он еще помнит.

— То, что ему нужно для безупречных манер и исполнения своих обязанностей, Франк помнит великолепно. Бесспорно, по сравнению с кем-то живым он немного проигрывает в мастерстве бойца... тем не менее, я редко сражаюсь, — безразлично заметил Ажой.

— Что там, внутри? — с любопытством спросил Джад. Мы с остальными переглянулись. Ну да. Они видели только хижину, в которой мы исчезли, появившись спустя добрые два часа.

— Огромное подземелье, — ответила я, снова окружив нас звуконепроходимым куполом.

— Наверняка напичкано смертельными ловушками?

— Не без этого, думаю. В общем, там, как паук в центре своей паутины, засел мужик по кличке Король. Мы его немножечко удивили, немножечко припугнули и выказали совсем чуть-чуть уважения, после чего тот разрешил охотиться в своих угодьях.

— Какие еще угодья? — опешил старпом. Я обвела рукой все смердящее великолепие, окружающее нас:

— Вот эти, дорогой мой. К сожалению, угодья принадлежат вовсе не ему, а той, кого мы собираемся поймать.

Ажой Бо Скаррав прокашлялся и сказал:

— Капитан с присущей ей деликатностью не упомянула о том, что мы его немножечко обокрали. Если вдруг за нами будет гнаться толпа разъяренных отбросов общества, вините во всем ее.

— Очень любезно с вашей стороны, мастер Я-оживляю-мертвецов, — вернула шпильку я. Граф вмешался, рассудительно спросив:

— Я так понимаю, выйдем ночью? Неплохо бы запастись какими-то лампами или факелами.

— Да. Прощвырнемся обратно в Верхний Роксомм, купим огней с запасом, затем пару часов сна и вернемся сюда готовыми ко всему.

— Мрачно звучит, капитан.

— Сама знаю. Кто забыл, хочу напомнить, что мы собираемся поймать смертельно опасную тварь, уничтожившую не только многих беззащитных горожан, но и нескольких подготовленных охотников. Если вдруг у кого-то из вас колени дрожат — говорите сразу, винить не буду.

И весьма предсказуемое молчание было мне ответом.

Глава 14. Ночь

Кто посмотрит ночью с края Холма — возможно, вовсе сбежит из города, обуреваемый самыми противоречивыми чувствами. Потому что среди полей, усеянных сторожевыми огнями, раскинулась самая настоящая бездна. В роксомских Низинах никто не зажигает ламп, не вешает на стены факелы. Пустая затея — или погасят, или, что вероятнее всего, стибрят.

Ночью двери закрывают покрепче, да еще и приваливают всем, что под руку попадет. В крайнем случае, сами ложатся. Тем не менее, хижины иногда настолько хлипкие, что проще войти через стену, а для опасного монстра такие перегородки вообще не помеха. Все равно, что воздух. Пройдет и не заметит.

А нам чуть-чуть полегче. Все же когти у перерожденной сестры Ксама не стальные, поэтому щиты справятся. Надеюсь.

Эх. Могли бы мне от йрваев достаться феноменальная память, тонкий слух и ночное зрение, а достались большие несуразные уши и шерсть на спине. Блестящее наследство. Нет, на память я не жалуясь, но куда спокойнее видеть все, происходящее во тьме, собственными глазами, а не копаться в огромном амбаре изученного и запомненного в поисках подходящего наговора. Жрец, впрочем, отказался — говорит, что в его окуляре есть и специально обработанная линза для темного времени суток.

Интересно, для какого случая там линзы нет?

— Держи, — вручила Ксаму амулет я. — Все, как договаривались — идешь первым, держишь в руке, сообщаешь, куда показывает.

— Соображу, капитан. Все же не настолько тупой.

— А насколько? — невинно любопытствовал Граф. Боцман не ответил, только покрепче сжал в кулаке невзрачную тесемку, на которой подвешен небольшой серо-голубой камень.

Сначала камень не показывал ничего. Спустя час рысканий по глухим и темным переулкам я уже было хотела вернуться, однако Ксам вдруг произнес:

— Двигается. И дрожит.

— Посмотри на него, — обеспокоенно заметил Джад. — Прямо мечется из стороны в сторону, и светится все больше и больше. Не пойму я эти побрякушки. Был же просто камень, и тут...

Стену дома справа с железным лязгом и грохотом разрезало на части. Я с поднятым барьером метнулась навстречу, но там уже никого не было. Повертела головой по сторонам, однако все равно не обнаружила угрозу. Только что-то за углом соседнего дома шевельнулось, и тут же с испуганным писком унеслось прочь. Крыса.

Мы сгрудились, спина к спине. Пока мы планировали поохотиться на монстра, оказалось, что монстр совсем не прочь перекусить особо ретивыми бродягами. Или же она нас так пугает?

Вот тут у меня колени чуть не подкосились. Прямо передо мной в воздухе возник черный разрез, из которого длинная темно-серая рука с черными когтями взрезала пространство. Я каким-то чудом увернулась и опустила руку на эфес меча, однако червоточина тут же исчезла.

— Щиты бесполезны! — крикнул Джад, хватаясь за секиру.

Спасибо, родной, что предупредил. Как бы я без тебя?

Да, вся суть в буквальном смысле возникшей передо мной проблемы — она умеет каким-то чудом проникать под щит. И бить оттуда. Спасла реакция, но в следующий раз зерран может оказаться в центре нашего защитного круга.

— Она что, невидима? — быстро спросил Ажой.

— Нет. Это что-то вроде проникновения в наш мир... из другого. Чего-то темного и враждебного.

В ночной темноте — даже звезды сегодня затянуло тучами — окружающая обстановка вдруг показалась светлым днем. В той червоточине, я, кажется, увидела, что такое настоящая ночь. Резко отпустила стальной меч и достала другой, изготовленный из теджусского стекла дымчато-зеленого оттенка. Оно не уступает стали, но не мешает творить магию.

На сей раз вместо обычного защитного поля я воспользовалась Радужным щитом. Его, как мыльную пленку, можно изогнуть по форме тела, он гораздо крепче цехембве, но и сил вытягивает несоизмеримо больше. Тем не менее, если я недостаточно окрепла, чтобы его использовать, дело может закончиться нашей смертью.

Все озирались по сторонам, будто полоумные. Следующий удар выпал Ксаму, но мечник вовремя дернул его за пояс, и боцман шлепнулся в грязь. Когти прошли над ним — и исчезли. Я попыталась воткнуть лезвие в чернильные завихрения, не успела.

— Уходит! — рявкнул Ксам, не сводя глаз с амулета. Возможно, Узана что-то почувствовала, но камень рвался из его рук в западный переулок, постепенно угасая. Я рванулась вперед, со мной рядом, не отставая, несся Ксам. По части бега мы не настолько умны, чтобы заранее как-то подбодрить менее быстрых компаньонов, а вот амулет вдруг мигнул, подобно маяку, на секунду ослепив меня.

Чему быть, тому не миновать. Боцман лег на землю и подставил мне ногу так, что я едва не зарылась носом в вонючую размазню, что здесь именуется землей. Вовремя. На нас устроили классическую засаду, отвели двоих и подождали, пока остальные отстанут в достаточной мере. Я перекатилась, уворачиваясь от все так же исчезающих и на мгновение возникающих когтистых лап, попыталась парировать и задеть.

На лезвии меча появилась кровь, такая же темная, как и измерение, с которого атаковало существо.

Послышался жуткий звук, напоминающий трубный глас. Труба словно была переломлена в колене и то ли выла, то ли шипела, какофония звуков просто оглушила нас. Сзади слышался топот — приближался старпом, за ним тяжело перебирал ногами жрец. Его мертвец, похоже, тоже не бегун.

Я словно загривком ощутила, что тварь перепрыгнула через меня и понеслась к Джаду. Крикнула вдогонку:

— Щит!

Он все понял правильно и выдал простейшее заклинание, которым владел. Но такой мощи, что на долю секунды озарил свечением всю улицу. Зерран неумело скребнул когтями по магической заслонке, снова завыл и скрылся в боковой улочке.

Я видела ее.

Всклокоченная чернющая грива, совершенно безволосое тело, свисающие почти до бедер руки, задние ноги с еще одним, опорным суставом. А вот хвоста нет. Судя по всему, тот, кто рисовал плакат, изобразил тварь с чужих слов. Вокруг как будто выются волны темного измерения, обвивают тело странным платьем или костюмом, развеваясь при

каждом движении. Те молниеносны, не допускают, что обычный человек сможет хоть на долю секунды противостоять ей в открытом бою.

Узана, Узана. На что же ты такое напоролась? А мы теперь напоролись на тебя.

— Мы не можем гоняться за демонами всю ночь, — тяжело дыша и опираясь на колени, заявил Ажой.

— Если понадобится — будем, — жестко отрезала я.

— Она сама к нам придет, — поднял палец вверх жрец. — Можете изобразить страх?

— Почувствовать?

— Нет. Совершенно не то, именно изобразить! Зерран, судя по всему, руководствуется страхом, поэтому так быстро и сбежал!

Я нахмурилась:

— Не понимаю, о чем вы.

— Любое чувство можно так же прогнать через призму иллюзий. Если вы сможете обмануть монстра, внушив, что посреди домов бродит обреченный, умирающий от страха немощный человек, я поставлю капкан, — твердо сказал Ажой.

Изобразить... чувство? Внушить это чувство кому-то?

Я так и знала, что в Академии обучают не всему.

Трижды изменчивая кровь демонов... сосредоточиться. Отрубить все лишние нити, что связывают меня с реальным миром. Я плыву по океану иллюзий. Я повелеваю океаном изменчивых образов, миражей, личин. Но до сих пор я и помыслить не могла, чтоб затронуть не пять основных чувств, а что-то более глубокое.

Загулявший пьяница... нет, крестьянка с боязнью темноты. Или ребенок. Да, потерявшийся ребенок, который боится ночи и страшных звуков. Едва не начала сама входить в губительный транс, однако вовремя одернула разбушевавшиеся мысли. Я — всего лишь неразумное дитя. Со всех сторон меня подстерегает живая тьма, доносятся человеческие крики. Я совершенно не знаю куда идти. Эхо моих мыслей можно слышать в Орогленне, моим страхом можно расколоть хрустальный сосуд или даже гору хрустала.

Иди на мою наживку, зверь. Мое сердце сейчас остановится от безумного ужаса. Я умру без единого твоего прикосновения — а ведь ты питаешься страхом жертв. Долго кружишь вокруг них, охотясь, сокращая дистанцию. И в момент последнего удара они сами готовы молить тебя о смерти, как избавлении от собственных страхов.

Я с мучением открыла глаза, посмотрела на жреца снизу вверх:

— Не получается.

Кажется, я бухнулась на колени во время создания иллюзорного образа. Тем не менее, зерран не шел на мой зов.

— Пробуйте еще, — мягко попросил Ажой. Кивнув, я снова погрузилась в себя.

Полное, абсолютное одиночество. Вокруг меня нет никого, я позабыла лица и голоса тех, кто сопровождал меня в... я забыла название города. Потерялась. У меня нет сил выбраться отсюда, ноги отказываются сделать хоть один шаг, скованные ужасом.

Забуть! Слова, действия, мысли, оставить одинокую детскую фигуру в сплошной, вязкой и затягивающей темноте. И раскинуть эти мысли, словно ловчую сеть. Вот какой должна быть иллюзия мастера.

Крик выдернул меня из наваждения, словно бутылка игристого вина выстрелила пробкой. Я перекатилась по земле, неясные серые щупальца сковали конечности монстра, тут же зафиксировала зеррана еще и своей Дикой Лозой, колючие плети взметнулись из-под

земли и обвинили нашего пленника поперек туловища.

Монстр был сильнее, когти полосовали и магию жреца, и колдовские растения, однако бледный Ажой начал монотонно проговаривать:

— Именем Ушедшего, дарующего связь внепространственную, Поглощенного, явившего свою внутреннюю суть, именем Первозреца и его последователей, Постигших и Обращенных, дай ей силу, чтобы освободиться от пут, сковывающих душу, дай мощь...

Я округлившимися глазами посмотрела на темно-зеленое кольцо, змеей обвинившее его и ловушки. Крикнула, побуждаемая внезапным порывом:

— Ажой, внизу!

Жрец только посмотрел под ноги, как Франк молча поднял его за шиворот и с треском рвущейся робы опустил за пределами круга. Бритвенным лезвием змея срезала все путы, и освобожденным зерран с хриплым воем ушел прыжком вверх, где и без того темное небо прорезала тьма.

Переведя дыхание, я напряженно спросила:

— Все?

Ажой с обреченным видом покачал головой:

— Больше ее не приманить. Тот, кто проводил ритуал, позаботился... о дополнительной защите.

— Это и есть силы Ниста?

— Возможно. Я... мне больше не известны способы. Я думал, что... — не закончив предложение, жрец просто махнул рукой. Ксам с горечью в голосе спросил:

— И что, мы потеряли ее навсегда?

— Пока мы здесь, монстр больше не покажется, — неуверенно сказала я. — Она нас почему-то ощущает, и даже узнает, не глазами, даже не с помощью нюха. Разве что мы можем воспользоваться тем поисковым амулетом...

— Прошу вас, не стоит, — возразил жрец, с тревогой смотря на меня. Я поднялась на ноги, с отвращением стряхивая липкие и жирные комья грязи. Джад спросил:

— Что вы двое подразумеваете под словами «воспользоваться амулетом»? Мы его и без того использовали. Без видимого успеха.

— Юная леди подразумевает, что любой поисковый амулет можно напитать добавочной мощью. Перегрузить его. Тогда, в случае внепланарных существ, он действительно может стать неким... ключом. Однако риски, связанные с использованием простых вещей вроде этой не по назначению, очень велики. Не говоря уже о том, что в другом измерении мы можем столкнуться с условиями, которые и вовсе не подходят...

— Я - за, — глухо произнес Ксам. Джад кивнул, с неприязнью смотря на старика в робе:

— Я тоже, лишь бы прекратились эти лекции.

Граф пожал плечами. Весь его вид говорил о том, что ему не больно-то и охота гоняться за монстрами, с которыми даже не сразишься по-человечески.

— Предложение мое, поэтому я тоже за. И вообще, устроили тут голосование. Приказ капитана, — свирепо ухмыльнулась я. Ажой глубоко вздохнул:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

— Абсолютно не знаю. В этом-то и вся авантюра.

Джад поднес невзрачный камешек чуть ли не к моему носу, я скривилась и пальцами отодвинула его на нужное расстояние.

— Поможешь?

— Рад бы, да не знаю, как.

— Тогда просто держи.

Он покрепче стиснул в кулаке нить, на которой держался амулет. Собравшись с мыслями, я стала медленно передавать небольшой вещице часть собственных сил, в результате чего она, безвольно висящая в воздухе, снова начала дрожать. Хорошо, когда окружающие не лезут с внезапными глупыми вопросами.

Едва заметные линии, опоясывающие камешек, засветились бледно-голубым цветом, с каждой секундой все сильнее и сильнее. Ажой предостерегающе поднял руку, нелепо мотнув рукавом, я, краем глаза заметив его движение, кивнула и начала запечатывать энергию. Какое-то время амулет продержится — хватило бы на пару часов, не то чтоб на ночь. С другой стороны, если его вдобавок защитить...

И тут камень взорвался. Я вскрикнула, хватаясь за лицо, острая боль хлестнула по скулам и носу, отняла руку — на ней отпечатались следы крови. Мать его, хорошо, хоть не в глаза. Серьезно кровит, крупные капли падают в дорожную грязь.

Если рядом находится специалист, который честно предупреждает вас об исходе той или иной авантюры — лучше прислушаться к его заверениям.

— Свет, — требовательным голосом сказал Граф, расстегивая маленький плоский подсумок с инструментами. Выхватил оттуда пинцет и начал выбирать осколки из меня, чтоб им пусто было. Терпела, на особо чувствительных моментах кривилась, но старалась сохранять неподвижность. Тратить в боевой обстановке хотя бы крупицу сил на столь незначительные ранки — глупость и расточительство. И лекарь об этом знает.

Наконец, когда мою морду намазали поверх глубоких царапин чем-то едким и кровь наконец-то перестала лить прямо в глаза, я благодарно кивнула.

— Ну и видок, — хмыкнул Джад. — М-да, не стоило браться за такое дело без еще более серьезной подготовки.

Его задело только чуть-чуть — держал хоть и крепко, но отстраненно, как обделавшегося младенца. Слегка посекло руку, да и все.

Что я могла ответить?

Амулета больше нет. Каких-то способов проникнуть на тот план я не знаю. Джад не знает, жрец если и знает, то ни за что не скажет. Не привык ежечасно рисковать своей головой, а тут с нами за одну ночь наберешься на полжизни вперед.

Зверь затаился, и, скорее всего, больше на нас не полезет. Что еще больше отдаляет нас от цели. О. Можно поступить, как великие волшебники древности. Когда им не нравилось состояние дел вокруг, они просто разрушали или уничтожали то, что вызывало неприязнь. Что нужно для того, чтобы навсегда устранить измерение, в котором обитают зерраны и прочие темные твари? Безграничная мощь, говорите? Хм.

Кажется, задача мне не по силам.

Мы стояли посреди грязи, вони и темноты, и на фоне неудачной охоты, во время которой, скорее, поохотились на нас, казалось, что тут нам самое место. К счастью, пострадала только физиономия одной якобы опасной преступницы и ее же гордость — особого вреда поселению Низин мы не нанесли. Так же, как и наш монстр. Засаду на существо, умеющее скрываться во тьме, которому помогает его собственный бог или неведомые потусторонние силы, организовать... сложновато.

— Ш-ш-ш, — прошипел старпом.

Я уставилась на него. Джад явно что-то слышал, только вот что?

— Тот же самый вой, только едва слышный.

— Где? — быстро спросила я.

— Не могу разобрать... Такое чувство, что доносится сверху.

Мне как будто молнией между ушей врезали. А что, если твари Ниста в особом мире могут перемещаться не только на плоскости?

И тревожно застучало сердце: Холм, Холм, Холм.

Благодарите нас за то, что мы спугнули зеррана. Который пойдет и найдет добычу в менее защищенных местах, например, переулках жилых домов Торгового Холма. Туда ведь так редко забредают патрули. Зато в подобных местах всегда хватает чинных подвыпивших горожан, возвращающихся домой из ближайшего кабака. Спасибо нам за это, медаль от городского совета и ключ от города.

Я быстро направилась в левый переулок. Куда-то он меня выведет, с Холма все равно целых два спуска. Бежать бессмысленно, да и не успеем мы никуда. Коня бы... или чертов флевилл.

Пока мы добирались обратно, стало окончательно ясно, что нынче в Роксомме беспокойно. По стенам самых высоких зданий замечались огни, кое-где слышались человеческие крики. Завтра нас поймают, седовласая Мерчизон посмотрит на меня и с укором вздохнет — мол, что скажешь в свое оправдание? Лучше бы оставила тварь среди нищих, они не так ценны для настоящих мещан. А если завтра супружеская чета «отцов города» останется без булочек к чаю из-за того, что пекаря прирезали в собственном доме — вот настоящая трагедия.

Ксам грязно выругался. Под ноги попался труп одного из патрульных. Дело приобретает совсем скверный оборот, раз те защищенные парни в доспехах так запросто ложатся под ноги монстру. С другой стороны, что может сделать даже хороший доспех против существа, которое с легкостью сносило стены? Вот и стражники городские... не то чтоб они и в самом деле растерялись, однако тут нужна вполне конкретная подготовка.

Быстро перебежать площадь, заглянуть за угол дома. Никого. Вообще никого, ни людей, ни признаков нашей охотницы. Ажой изрядно умаялся, еле дышит. Что с ним делать? На закорках я его таскать отказываюсь, хоть и крепкая, и вымахала в рост так, что люди оглядываются. Боюсь, правда, не совсем из-за роста.

По правде говоря, я успела только моргнуть. Закрываешь глаза, затем быстро их открываешь, и обнаруживаешь себя в центре великого *ничего*. Попробуйте, очень интересное упражнение.

Я пощупала рукой угол дома, на который только что опиралась. Вернее, попыталась пощупать. Дома не было. Не было и стен, крыш, огней, каменной мостовой, неба над головой и людей вокруг. Исчезли звуки, тени, даже лишние мысли куда-то испарились. Внезапно очень сильно захотелось спать, но у меня заготовлено бодрящее средство на случай магического сна — отдачей со сверкающих кончиков пальцев даже руку встряхнуло.

Из темноты, едва заметная, вышла фигура Джада. То есть, я вообще не заметила бы его, здесь нет ни единого источника света, но каким-то образом старпом выделялся на фоне вездесущего наваждения. Я видела не его самого, а его отпечаток в пространстве. Если можно так выразиться.

— Теперь мы одни, — раздался шелестящий, и, без утайки скажу, пугающий голос человека, которого мы знали под именем Ажоя Бо Скаррава.

— Это... ваши трюки? — спросила я, стараясь, чтоб голос звучал твердо.

— Бесспорно, не мои. Я имел дело с разными силами этого мира, но с такой еще не сталкивался. Любопытно, — с этими словами человек в робе присел и рукой попробовал на прочность то место, где стоял до этого. — Попробуйте. Как... темное облако, только почему-то держит нас на ногах, подобно земле.

— Я надеюсь, на вкус он его пробовать не станет, — прокомментировал Джад. — Меня одного в сон клонит все время?

— Нет, не только. Я тоже чуть не заснула, как только началось. Где остальные?

— Не видел никого.

— Я тоже, — произнес Ажой, с хрустом распрямляя ноги. — Говорю же, теперь мы одни.

Мы — очевидно, те, кто прикоснулся к тайнам этого мира, одного из многих. Пусть даже не прикоснулся, а заглянул одним глазом. Мне бы плясать впору от такой избранности, да что-то настроение не танцевальное, пусть вселенная меня простит.

Джад насупился, его аура немного вздрогнула. Проговорил:

— Я так понял, идти в какую-то одну сторону до тех пор, пока не найдем выход, тоже бесполезно?

— Да, — кивнул жрец. — У меня колоссальные сомнения насчет того, что это пространство, простите, вообще линейно.

— Линейно?

Про линейное пространство я слышала впервые. И что-то мне подсказывало, оно из той самой области, которая мне никогда особо не давалась. Боги, даже счет вызывал у меня затруднения в детстве, хоть и пересилила себя. А тут механика, одна сплошная механика.

И корабль тот чертов тоже плод гения-механика, никак иначе.

— Там, где есть высота, ширина и длина. Три линии, — терпеливо объяснил Ажой, поглядывая на нас с сочувствием. Сейчас я больше ощущаю эмоции, чем вижу выражение его лица. Так и есть — неподдельное сочувствие.

— Вот это номер, — донеслось из темноты. Мы, словно ужаленные, обернулись в ту сторону. Голос казался смутно знакомым, однако пространство искажало любые звуки — я с трудом узнавала голоса Джада и жреца, даже мой собственный казался чужим.

— Я, конечно, понимаю, что мы направлялись в один и тот же город, но, господа хорошие, вы отбираете у меня кусок хлеба. И я этим крайне недоволен.

Из темноты выступил мужчина в белом с несколькими ножами в нагрудных ножнах и еще двумя в руках.

— А я не знала, что Искатели умеют вытворять такое, — сказала я с деланным восторгом.

— Мы все многого не знали, — таинственно ответил он.

— И вы охотитесь на зеррана?

— Зеррана... да. Я убиваю тварь, город освобожден, мне платят деньги, все счастливы, — резюмировал Муха. — Но отвлечемся на секундочку от охоты. Что в прекрасном городе Роксомме забыла опасная преступница по кличке Морская Ведьма?

Глава 15. Перекресток измерений

— Ой-ой, — саркастично произнес Джад. Несмотря на это, весь подобрался, готов к бою, даже приказа не нужно.

— Решила отдохнуть на вольных хлебах, — с неприязнью произнесла я. — Причины, что привели меня в этот город, почти те же, что и у вас, Муха. Проблема в том, что вы осведомлены о природе зверя, против которого боретесь, но не знаете, кем она является на самом деле.

— Она?

— Она. Зерраном стала невинная девушка, которой мы хотим помочь.

— Вы? — насмешливо спросил Искатель.

— Мы, — кивнула я. — Похоже на шутку, не правда ли?

— Вероятно. Я не дам себя обмануть рассказами о внезапной любви к людям, особенно если повествование исходит от такой, как вы.

Все четверо стояли на некоторой дистанции. Вздумай он атаковать сейчас, нам сложно придется — я от него дальше всех. Если Джад или Ажой встанут на линии атаки, ничего наколдовать я точно не успею. Да и магия здесь может сработать совершенно непредсказуемо, поэтому придется пользоваться мечом. Чтоб наверняка.

Возможно, жрец во тьме Ниста чувствует себя, как дома. Его бога сожрали, а теперь его самого поглотило измерение, в котором обитает одно из нистовых существ. А еще у нас тут живой и очень охочий до ответов нистоборец, а за мою голову его орден выделил особую награду. Где здесь дверь? Я хотела бы выйти, чем скорее, тем лучше.

— Это не внезапная любовь к людям. Есть такой ритуал имени великого мага Люгуса. Он связывает двух людей, судя по всему, кровных родственников. У меня остался за пределами вашей рукотворной ловушки человек, с которым связана его родная сестра. Ему уже ничто не грозит, однако я хотела бы ее освободить.

— То есть, одним ударом я убиваю и монстра, и пирата? — ухмыльнулся он. — Пока что все ваши объяснения ведут к единственному исходу.

Первое. Он не сомневается в своей способности убить нас так же легко и просто, как разделался с анком.

Второе. Я, кажется, не слишком сильна в риторике.

— Одним ударом вы убиваете ни в чем не виноватую юную леди, — сухо произнес Ажой. Я хмыкнула:

— Да ладно вам. О моральных устоях Ордена мне известно достаточно. Вы их не переубедите и не запугаете, мы несем ужас и разорение, они — свет и очищение. Правда, методы зачастую одинаковые.

— Много ли тебе знать о методах Ордена, Ведьма? — резко спросил Муха. Я кивнула:

— Лучше б вообще ничего не знала. Ловля и самостоятельная казнь пиратов? Серьезно? Да я в жизни бы не предположила, что организация охотников на монстров будет заниматься морскими разбойниками.

— Ты — особый случай.

— Спроси как-нибудь у Фастольфа Первого, короля Рид Ойлема, кому он обязан жизнью. И кто из высокопоставленных, непогрешимых Искателей хотел спасителей его Величества подставить, а потом казнить. Кое-что поймешь о том, как устроен мир, и какие

особые случаи в нем приключаются, — бросила я, оглядываясь по сторонам.

Самое время бы напасть, да вот только он не атакует по той же причине, по которой и мы тянем время. Если сейчас будем возиться в драке с непонятным исходом, примчится зерран и расплосует всех четверых. Скорее всего, если Муха как-то причастен к тому, что мы провалились в темное измерение, у него есть свои трюки. Но что-то он не спешит их использовать.

Мои пальцы заново обвязаны очередью боевых заклинаний, которые я предпочла бы спустить наверняка, чтобы они нашли свою цель. Ни одного смертельного среди них нет, мы ведь собирались поймать монстра, а не убивать его. Поэтому расклад сил в драке с Искателем, да еще и на чужой территории, остается неясным.

— Буду в тех местах — обязательно спрошу, — едва заметно поклонился Муха, с явной иронией в голосе намекает на то, что ему совершенно не интересны мои истории.

— Господа, а не заткнулись бы вы... — вежливо произнес Джад, и затем подробно объяснил, как нам следует заткнуться. Уложился при этом, что странно, всего в три слова, емких и непривычных для уха любого приличного мещанина.

— Мальчик дело говорит, — прошелестел Ажой, на что «мальчик» метнул гневный взгляд. Ну да, он всего на два года старше меня, а жрец попахивает пылью веков. — Пока мы здесь препираемся, где-то здесь рыскает алчущий зверь. В связи с данным фактом, несомненно, у меня назрели два вопроса. Первый — к нашему дорогому Искателю. Вы контролируете созданное вами измерение?

— Я не создавал... — начал было Муха, но Ажой властным движением оборвал его:

— Контролируете или нет?

— Нет.

— И второй вопрос, в том же направлении: если мы сейчас в темном измерении, или, как его еще зовут, нистойвой тьме, у вас есть способ найти зеррана, а потом отсюда выбраться? Желательно, без потерь.

Спасибо, уважаемый жрец, вашу почтенную душу б демоны забрали и насильовали двести веков подряд. Как назло. Заметить, что у нас нет времени обсуждать ситуацию, а потом облечь свои слова в такую длинную и неудобную формулировку, что сделала бы честь подлинным царедворцам. Он издевается, или обычная манера общения Ажоя Бо Скаррава не меняется даже в минуты смертельной опасности?

— Эта штука светится, — с интересом показал Джад на крупный полупрозрачный шар, свисающий с пояса Искателя, прежде, чем тот успел ответить. — И все сильнее.

— Тогда зерран нас почуял и приближается сюда, — быстро ответил Муха и приподнял иллунэвейс, водя им вокруг себя. Сильнее всего приспособление светилось, когда владелец протянул его... как тут различать стороны вообще? По правую руку от себя. Тут же закрепил прочную цепь обратно и выставил свои незримые клинки в том направлении.

Мы стали полукругом, я резко сказала:

— Пока — союзники. Все трения, кто кому чего должен, оставим на потом.

— Идет, — кивнул он, напряженно вглядываясь в ничто.

— План действий?

— Вам лучше стоять в стороне, — сквозь сцепленные зубы процедил он. — Я не для того сюда ехал, чтоб защищать кучку отбросов. Но, если отвлекете внимание зеррана на себя — буду благодарен.

Кучка отбросов, надо же. И не такое слышали, в общем-то.

Настроенная по-боевому, кучка отбросов выставила оружие во тьму. Вместо того, чтобы повелевать призраками и запугивать честных людей, нам сейчас предстоит вполне реальный бой. Страх? Ха.

Пусть зерран меня боится.

Почти над ухом раздался тот самый сиплый вой, я, наконец, увидела очертания чудовища. Странно, она ростом даже ниже, чем я. Вытянутая по-волчьей морда, на боках и груди отвратительные, корявые наросты, из которых торчат клочки косматой шерсти, ниже кожа гладкая, а на сильных ногах со вторым суставом покрыта какой-то черной слизью. Двигается молниеносно — едва только мы начали реагировать на появление противника, как зерран просто зачерпнул когтистой лапой воздух и швырнул в нас темно-лиловый комок. Шар быстро нарастал, словно снежный ком, что катится с горы, казалось, он вытягивал энергию отовсюду.

Так оно еще и колдовать умеет? Я рефлекторно вытянула вперед левую руку с зеленым мечом, и Глаз снова сработал безотказно, поглотив силу клубка из мглы силовых нитей. И тут же меня расплосовали вдоль руки и по ребрам, отшвырнув в сторону, глаз просто не уследил, а боль пришла не сразу. Но в полной мере, посылая в разум сигналы агонии. Я схватилась за бок и едва успела заметить, как падает старпом, не успев даже поставить щит.

Блеклая тень метнулась к Ажюю, и ударила его прямо в грудь, погрузив когти в робу, казавшуюся в царстве мрака светлой. Тут же вырвала лапу. Жрец изумленно стоял несколько мгновений, затем рухнул на четвереньки, кровавый ручей хлынул из ран. В новом зрении можно отчетливо разглядеть, как утекает его жизненная сила.

Я увидела, как ударил Муха — целился в голову, ножи, словно живые, метнулись к монстру, однако зерран уклонился, прыгнув на Искателя. Завязалась возня, поскольку неожиданно белый воин оказался почти настолько же быстр, и успевал уклоняться, одновременно сражаясь. Кроме того, на его руках и теле появились какие-то белесые щиты. Противник все же превосходил его в скорости, однако несколько ударов пришлись на таинственную защиту и не проббили ее.

Заклятия, что метнули мои пальцы, либо не попали вовсе, либо не оказали никакого эффекта. Не успевая за зверем Ниста, я вынуждена это сделать — кое-как зарастив самые опасные раны, достала наощупь маленькую колбу с зельем и опрокинула одним глотком. Уф-ф... неясное пятно дерущихся тотчас же распалось на отдельные фрагменты, движения и атаки. Бросилась в бой, перепрыгнув через Ажюю, что водил по земле руками. Прости, парень, если ты и в самом деле жрец, то как-нибудь себе поможешь.

Взмах.

Еще взмах.

Хоть и не в пустоту, но я едва смогла ее зацепить. Целилась в сухожилия, смогла лишь поразить гриву черного меха, отрезав несколько волосков и ранив в ногу, совсем не туда, куда метила. Правда, я смогла отвлечь зверя, и белый сумел нанести два быстрых удара, не смертельных — все же реакция монстра до сих пор куда выше нашей — но ощутимых.

Тот звук, что мы слышали раньше, хлестнул по ушам невыносимой последовательностью нот какофонии, заставив тех, кто это слышал, прикрыть голову руками. Все, что внушал звук — невыразимый ужас и отвращение. Благодаря такому хитрому трюку зерран смог атаковать Искателя и даже свалил его на землю, но я всадила острие меча в едва различимое плечо, и тварь поняла, что так от нас не отделаться. Она отскочила от нас и, расставив лапы с длинными когтями, яростно зашипела.

— Атакует, — резко произнес Муха, вскочив на ноги и покачиваясь. Не усталость, не ранение — какой-то прием боя, слабо мне знакомый. Похож на змею в угрожающей позе, если честно.

Еще прыжок. На этот раз противник проскочил мимо нас, хоть я и рубанула по ногам, а клинки временного союзника прочертили во мраке сверкающие полосы. Несколькими огромными скачками она рванула к Ажою, который пытался отползти в сторону, и, приземлившись, занесла над ним когти, однако Джад, непонятно как очутившийся там, со всей силы треснул зеррана по затылку обухом секиры.

И, несмотря на сильнейший удар, тот продолжал стоять на ногах, только злобно мотнув головой!

Дрожащая рука жреца протянулась к зеррану и коснулась сустава на ноге. Я неслась к ним, между нами около десяти метров, расстояние ничтожное, но я не успею.

Нистово существо отчаянно, плаксиво заскулило. Сгорбилось, прикрыв голову руками, а вокруг него заколыхались темно-красные огоньки, похожие на обычное пламя костра. С той разницей, что слишком лениво и механически они шевелятся. И... объединяются?

Пламя сомкнулось по кругу, взметнувшись вверх прозрачным столбом. Бросив в зеррана последним сковывающим заклятием, я наконец-то увидела, как оно попало и растеклось по серой коже, тут же покрыв ее темно-красными прожилками. То ли глаза уже привыкли к «душевному» спектрам этого мира, то ли я стала лучше видеть.

Со всех сторон к монстру протянулись темные нити — по их схожести с тем кругом, что разорвал наше колдовство, можно понять их природу. Уничтожить. Белый Огонь, Туманы Певерелла, один из наговоров Алькантума. Нист пытается высвободить свое дитя, пусть и не лично. Появись он тут лично, мы бы даже не успели заметить собственную смерть, настолько велика мощь богов. А зерран для него... не слишком важен.

У Безумного есть целые орды демонов и нежити в подчинении.

В опасную игру снова включился Муха. Он поднял сферу над головой и начал прорезать дыру прямо в пространстве. Иллунэвейс бил сверкающими молниями куда-то в темноту, оставляя неровные, словно оплавленные дыры, которые соединялись в равномерный круг. Пока монстр, очевидно, попавший в ловушку, не двигался, Искатель довел дело до конца и прыгнул в противоположную сторону, развернув руку со сферой к себе. Кивнул жрецу, тот отпустил руку, и сильнейший удар вышиб зеррана прямо к слабо светящемуся кольцу.

Зверь пропал.

Пока я соображала, что вообще произошло, Муха снял с пояса два филигранных металлических прута и с остервенением ударил ими над головой — наши глаза залил свет. Вернее, не совсем свет, но огни факелов и уличных фонарей. Ночное небо после пребывания во мраке казалось светлым и таким спокойным...

Судя по всему, последним ударом он снял ту ловушку, которая отбросила нас в измерение Ниста. Я внимательно посмотрела на Искателя — он тяжело дышал, плечо окрасилось в красный цвет. Где-то зерран успел его зацепить, несмотря на невероятную скорость боя «мастера ножей».

Вывалились мы недалеко от того места, где произошел первый переход: боцман с Графом уже набросили плотную веревку на устрашающие лапы монстра, стянув их за спиной, а потом развели ее концы в разные стороны. Граф крикнул, плотно натягивая свой аркан:

— Что дальше, капитан?

— Ажой, в порядке? — спросила я жреца, поддерживая того за плечо.

— Да, — коротко ответил тот, продолжая прикрывать ладонью грудь. Останавливает раны? Без заклинаний? Силен старик.

— Возноси свои молитвы быстрее, она уже приходит в себя.

Крепкая же попалась тварь! Несмотря на все попытки ее обездвижить, а наш светлый недоброжелатель и вовсе сражался всерьез, темно-серая кожа была покрыта только несколькими рубцами. Злобные красные глазки смотрели на нас сквозь косматую темную гриву, и этот звук... заткнуть бы ей пасть чем-то.

Веревки начали дергаться. Я умоляюще посмотрела на темного жреца, тот вздохнул и сложил ладони в особом жесте — одну поверх другой, тыльной стороной к зеррану. Снова завел тягучую песню:

— Именем Ушедшего, дарующего связь внепространственную, Поглощенного, явившего свою внутреннюю суть, именем Первожреца и его последователей, Постигших и Обращенных, дай ей силу, чтобы освободиться от пут, сковывающих душу...

Кажется, несколько волокон крепкого троса порвалось. Или мне только кажется?

— Быстрее, — сквозь сжатые зубы прошипел Ксам. Боцману нелегко приходится. Хоть он и массивнее Графа, но не так силен, его сторону монстр проверяет особо тщательно, мощными рывками едва не выдергивая веревку из рук.

— ...угасающего страха безмолвия, предел сил дарующий, отринь тьму и вернись в серый мир той...

— Это точно сработает? — спросил Муха. Несмотря на отчаянную решимость, он стал за спиной зеррана и держал воздушный клинок прямо над ее шеей.

— Ажой?

Тот продолжал говорить. Видимо, некоторые обряды требуют куда больше сосредоточенности... но пойманная нами меняться и не вздумала. Даже не начинала, все слова как будто разбивались о звериную ярость и рассеивались противным визгом-рычанием. Хоть уши зажимай.

Я обеспокоенно произнесла:

— Ажой, не помогает!

— Да к черту все! — крикнул он, расцепив руки, и достал из-за пазухи небольшой металлический шарик. — Искатель, в сторону!

— Я подстраховываю, на случай, если... — начал было воин, но жрец рявкнул во всю мощь своего тщедушного тела:

— В сторону, мать твою!

Муха отпрыгнул, не заставляя себя долго упрашивать. В ту же секунду вещь полетела к рвущемуся на свободу монстру и вонзилась прямо в грудную клетку, словно вгрызаясь в плоть. Зерран снова затих, а окружающий воздух несколько раз треснул, как будто ломали стекло. По линии изломов кто-то извне нанес сотню ударов в единое мгновение, две сотни, три, вырывая клочья сумрачного дыма. Из тела Узаны — теперь в монстре виднелись прозрачные черты рыжей девушки, измученной, обнаженной — на свободу вырывались липкие клочья чего-то, что и словами не описать, и застывали, привязанные к ее телу черными нитями.

— Отсекай! — скомандовал Ажой Бо Скаррав, грозно нахмутив брови.

Мать твою, дед, ты бы хоть предупреждал заранее.

Хотя сама хороша, о свойствах загадочного артефакта я так и не расспросила. Чересчур

понадеялась на мощь адепта Лежизаля.

— Джад... а, хорошо, — осеклась я, увидев, как старпом уже подбегает к ней со светящимся лезвием наготове. Сообразил раньше меня, что б я без него делала... повторив его действие по призыву Клинка, я быстро и аккуратно стала отделять связи с мерзостью, которая вышла из тела под действием неведомого мне ритуала. Отрезанные комья пустоты падали на землю и растекались неприглядной лужицей.

С каждым нашим взмахом Узана все больше и больше приобретала свои собственные черты, и, наконец, бессильно повалилась на землю. Она настолько исхудала, что веревки, только сдерживающие не слишком крупное существо, тут же упали на землю, частично запутавшись в ее ногах. Девушка не приходила в сознание. Слуга жреца, невозмутимо ожидающий развязки, снял свою огромную заплечную сумку, которую всегда без видимых усилий таскал с собой, и достал из нее бледно-желтое покрывало, а затем помог Ксаму завернуть худое тело.

— Дышит, — с облегчением произнес Ксам, еще не в силах поверить в случившееся. Он прижимал ее к груди, стоя на коленях, и словно баюкал.

— Ее нужно перенести на постоянный двор. Снимем еще одну комнату, я займусь лечением, — веско сказал Граф. Я хмыкнула:

— Ты ли займешься? Здесь явно следы магического воздействия, так что самое лучшее — заняться исцелением именно мне.

— Да и мой хозяин кое-что смыслит в лекарском деле, — заметил Франк. Испытав глубочайшее возмущение от осознания одного небольшого факта, я зло спросила у него:

— А ты где был вообще, пока мои парни держали зеррана?

— Неясная ситуация, — пояснил тот. — Приказа помогать не было.

Я вздохнула. Кажется, интеллект мертвеца все же оставляет желать лучшего.

— Странный у вас слуга, — ледяным тоном сказал Муха, наблюдая за Франком. — И там, в мире Ниста... это же была кровавая печать?

— Несомненно, — едко подтвердил еще более бледный, чем обычно, жрец, — ваша наблюдательность делает вам честь. У меня под рукой было немного крови, и я подумал — а почему бы мне ее не использовать в благих целях? Кровь моя собственная, смею заметить.

— Тогда я просто вынужден вас убить, — вздохнул Искатель и сделал шаг в его сторону, сводя руки с призрачными лезвиями.

И наступил в темную лужу.

Твою ж мать. Тридцать пять демонов Эфирных миров!

Вихри дремлющей силы поднялись вверх по его телу в мгновение ока — никто даже не успел предупредить, вообще, хоть как-то среагировать. Лицо Мухи посинело, во всяком случае, видимая его часть, он упал на землю, выгнулся всем телом, опоясанный только что извлеченной тьмой, и застыл в агонии.

Парень, ты думал, что все кончено? Ха.

— Найдите человека с телегой или хотя бы с носилками — пусть притащат его к постоянному двору, — велела я, ухмыльнувшись. — У меня есть опыт в устранении подобной напасти, есть еще один сверток с Когтями Серрата, да и практика никогда не помешает.

— Может, оставим его так? — рассудительно предложил старпом.

— Сдохнет. Жалко, — пояснила я, разводя руками. — Муха вроде как борется за идею, да и зеррана не прикончил. Хотя была у него такая возможность.

— Тогда почему бы побыстрее его не вылечить?

— Т-с-с. Торопиться не надо. Мне кажется, уважаемый мастер жрец хотел бы еще подольше задержаться на белом свете. А, учитывая его живучесть и умения, — с почтением подчеркнула я, — это будет весьма просто, если мы не станем подсовывать ему под нос тех ребят, которые спят и видят, как бы убивать темных жрецов сотнями.

— То есть, все же вылечишь? — уточнил Джад, запутавшийся в хитросплетениях фразы.

— Вылечу, — кивнула я. — Авось, где-то откликнется.

— У нас есть еще два часа, — глумливо сказал Ксамрий, в то же время бережно прижимая к себе ношу. — Кажется, именно столько я валялся на берегу нашей речушки.

— Тави-и, — позвал меня мечник, я повернула голову. Он рисовал круги возле лица.

М-да. Спасибо, дорогой. Что-то моя отличная память начала вдруг меня подводить. Или это называется «невнимательность»? Оглянувшись по сторонам, я торопливо набросила личину. Никого. Да и Холм, измученный ночными криками, наверняка только сейчас спокойно заснул: наблюдателей просто не осталось.

* * *

— Рыжий, демоны тебя раздери, здесь три целителя и один придурок, мешающий всем троим одновременно. Смекаешь? — с этими словами я вытолкала упирающегося боцмана за дверь.

— Откровенно говоря, я не совсем целитель, — мягко заметил Ажой.

— Да бросьте. Вы жрец, а это обязывает, — не согласилась я.

Он поучительно поднял палец вверх:

— Знание нескольких ритуалов и полноценное лекарское дело — совершенно разные вещи, юная леди.

Я поморщилась:

— Опять вы за свое.

Ксам сначала вообще никого не подпускал к сестре — сам обмыл ее худое, но красивое тело, сам принес еды, фруктов, кувшин свежего молока, даже разыскал где-то ночную рубашку. Боюсь, что просто стянул с ближайшей бельевой веревки. И только потом мы смогли добраться до подопечной. Посему мой благостный пинок под зад боцмана был не чем иным, как маленькой мстостью.

К счастью, состояние Узаны в данный момент далеко от смертельного. Она и в форме монстра-то особо при смерти не была, живенько так порвала нас троих. Джад, к слову, не залечил раны до конца, поэтому, когда на пути к постоялому двору он начал кашлять и хвататься за грудь, пришлось заняться им всерьез. Хоть не сдох, и на том спасибо.

Сестра боцмана теперь проживет еще много лет. Не прорицательница я, но эгоистично надеюсь, что она не будет ставить под угрозу здоровье и жизнь парня из моей команды. Несколько дней, чтобы оправиться, затем долгий путь в новый дом, под сенью замка Беккенберг. Здесь ее никто не оставит, уж поверьте.

В соседней комнате «выздоровливает» орденский пес по кличке Муха. И будет выздоравливать еще несколько дней, о чем трагично сообщил ему Ажой, а мы только поддакивали. Штука в том, что нам никак не выгодно выпускать его из постели, где он может решить — а чего это я слушаюсь злых пиратов, проще же их всех перерезать. И лысого мужика с его загадочными ритуалами, и ушастую серокожую капитаншу (вероятно, тоже

тварь Ниста), и ее дружков.

Терзает мое сердце смутное чувство, что он может справиться с подобной задачей.

Потому болезнь его — наколдованная нами, тщательно замаскированная под обычную магическую слабость. Боцман после Когтей Серрата скакал юным козликом уже спустя пять минут, а здесь мы со скорбными лицами заключили, что ему еще валяться в постели декаду, а то и две. Пока затянется аура, через которую со свистом вылетает сила в мировое пространство, пока то, пока се...

Заодно, глядишь, взрастим высокое чувство благодарности. Хотя, по правде говоря, тут мы заранее квиты. Без него у нас ничего бы не получилось, а вот у него без нас — вполне, пусть и не так легко.

А пока пациентка спит, накрытая особым пологом тишины...

Мы пьянствуем.

Дверь закрыта, скважина залеплена хлебным мякишем, от внешнего мира компания авантюристов наконец отгородилась.

Ажой достал из огромного дорожного мешка увесистый бурдюк с какой-то настолько забористой дрянью, что после первой чаши я долго отплевывалась... однако без лишних раздумий проглотила вторую. Граф не отставал, а сам жрец опрокидывал кубки так лихо, будто эта жидкость давно заменила ему кровь. Странно, что я до сих пор не замечала за ним пристрастия к алкоголю. И тут такой номер...

Нередки случаи, когда думаешь о том, какие странные вещи творятся вокруг, и тут происходит еще одна. Ажой в перерыве между жженой брагой и ее поспешным заеданием — Ксам натащил столько еды, что часть неизбежно испортится, чего добру пропадать — приглушенно сказал:

— Капитан, а ведь ваша печать больше не работает.

— Как это — не работает? — спросила я. Разум уже затуманен винными парами. Или даже не винными, черт его знает, что там в бурдюке было.

— Смотрите. Есть иголка?

— Сейчас.

Граф порылся в маленькой поясной сумке, с которой никогда не расставался, и достал оттуда искривленную лекарскую иглу. Задумчиво протянул ее жрецу, но все же решился спросить:

— А для чего?

— Демонстрирую! — обрадованно сказал Ажой, с силой втыкая иглу мне в плечо. Я ойкнула от неожиданности, а затем вlepила ему такую оплеуху, что старик грохнулся на пол вместе со стулом. Тут же вскочил, разводя руками:

— Я просто поставил вас в известность!

— Слова. Для этого есть слова, любезнейший мастер Ажой.

— Да? — обеспокоенно произнес он, затем потер подбородок. — Как-то не подумал. Я почему-то решил, что так будет нагляднее. Зерран пробил мне когтями грудь, я уж было думал, что умру, ан нет — вдобавок вместе с плотью он повредил печать Клинка.

— И рисковали сгореть в одно мгновение? Скажу я вам по секрету, риск умереть тогда и риск умереть сейчас примерно одинаковы, — поразила я. — Обычные люди не выживают после таких ранений. Вы какой-то монстр? Экстрапланарное существо? Может... крайт?

— Вряд ли, — нетвердым голосом сказал он, но я на мгновение увидела страх в том глазу, что не закрыт окуляром. Затем, после очередного кубка, неясное ощущение также

утонуло в спорах и пьяных рассуждениях.

Глава 16. Как случилось — и что случится

Старпом с боцманом на нас порядочно так обиделись. А мне как с гуся вода. За больной мы следили? Следили. А что выпили немного, ну так обстановка располагала. Несмотря на это, тройка лекарей — обычный целитель, лекарь-маг и жрец — пришли в норму уже на следующий день, продолжая оздоравливающие ритуалы. Эй, я про настоящие ритуалы, а не вознесение жертв богу пьянства!

Не в последнюю очередь благодаря нам девушка пришла в чувство уже к вечеру. После трогательного сеанса объятий, во время которого брат и сестра были взаимно обруганы балбесом и балбеской соответственно, я осторожно поинтересовалась, как же так вышло, что приехавшая с надежными деньгами юная леди осталась доживать свой век одним из существ темного измерения? По дороге сюда Ксам неохотно рассказал мне, что деньги, которые он рассудительно переводил в империю через гильдийский банк, достигли невероятной для обычного жителя суммы в пять тысяч золотых двойного веса.

Пять тысяч варангов. На такие деньги можно нанять в охрану подразделение гвардейцев, и еще на не самый плохой домик осталось бы. Глядишь, и дело свое можно открыть — лавочку какую или обувную мастерскую.

Узана только вздыхала в ответ на наши расспросы. Затем ее взгляд упал на еду, после чего о беседе пришлось на время забыть. И только когда последний кусок был проглочен, девушка собралась с силами настолько, чтобы поделиться рассказом.

* * *

— Все началось, когда мы расстались с Жаном, — стыдливо сказала она, накручивая кудрявый рыжий локон на палец. — Его отец неожиданно стал преследовать меня: подкарауливать, выкрикивать вслед непристойности. Даже тухлыми овощами кидался. Я потому и уехала из Фэрчайлда, что сил не было больше жить в месте, где про меня постоянно распускают слухи. Половина города считала меня ведьмой, вторая чем-то похуже.

— Все это из-за одной несчастной любви? — поразила я. Граф, тоскливо перебирающий собственные лекарственные травы в углу комнаты, хмыкнул:

— Поверь, люди способны и не на такие глупости. Если семья была уверена, что их единственное дитя обидели, я удивлен, что ее вообще не убили за такое.

Я фыркнула:

— Кому нужно такое дитя, за которого кулаками будет махать отец... продолжай, я перебила.

— Ничего, — улыбнулась она, — вы через такое прошли из-за меня.

Это она еще про морской бой не знает.

Черт. Что же делать с тем кораблем?

— Я купила телегу с лошастью, наняла пару ребят из приезжих, тем-то слухи до одного места. Двинулись в путь ночью, чтоб не вызывать куда больших проблем.

Ксам сжал кулаки:

— Эти твари выжили ее из города!

— Не кипятись, — оборвала его я, недобро нахмурившись. — Еще не хватало, чтобы все

разбежались по норам в преддверии большой драки.

— Капитан права, — подал голос Джад. — У нас есть кому мстить.

Узана с удивлением посмотрела на меня:

— Капитан?

— Долгая история. Мы больше не будем перебивать, честно, — усмехнулась я и красноречиво посмотрела на соратников. Ажой снова покинул нас, заявив, что ему неинтересны человеческие пересуды — мол, он их за жизнь наелся столько, что оскомину успел набить.

А девушка продолжила рассказ:

— Добрались мы на удивление спокойно. Как сейчас помню — ясный, солнечный день, мы въезжаем в восточные ворота, стражи небрежно досматривают почти пустую телегу и пропускают в город. Тут-то все и началось.

С самого начала я поступила опрометчиво. В качестве дополнительной оплаты я пообещала Яну и Густаву телегу вместе с лошадью, и, когда мы поднялись на Торговый Холм, я просто их отпустила. Парни намеревались вернуться в Фэрчайлд, а что с ними стало дальше, мне неизвестно. Зато отлично помню, что случилось со мной.

На Холме меня встретил пьяница, пообещавший за мелкую монетку показать, что и где находится. Я дала ему несколько медяков, попросив показать контору, где можно приобрести хороший дом. Забулдыга долго колебался и что-то вспоминал, затем радостно хлопнул себя по лбу и засеменял в переулки, которые вывели нас на небольшое приземистое здание. На его вывеске значилось: «Бюро градостроительства и частных сделок».

Каюсь, не обратила внимания на бедность обстановки. Решила, что новый город, здесь свои уставы. Зашла в контору — там меня встретил обходительный молодой человек. С бородкой, вот как у него, — ткнула она пальцем в Графа, — только не так смешно одет.

Ульгем, кажется, обиделся, но виду не подал.

— Так вот, отпустил он пару комплиментов, узнал о причинах моего приезда и обрадованно воскликнул: «Так у нас вторую декаду отличный дом стоит! Правда, на окраине». И пошли мы дом смотреть. На окраине или нет, меня волновало в последнюю очередь — главное, чтоб кровать хорошая и окна большие. И кухня чтоб приличная, не буду же я заказывать пищу на дом, подобно богатеньким господам.

Дом понравился, скажу честно. Несмотря на то, что сопровождающий все время как-то дергался и чересчур размахивал руками, он вел себя весьма мило и обходительно. В конце концов, я согласилась подписать бумаги на приобретение. Стоил он мне всего ничего — шесть сотен. Пожалуй, дешевле, чем солидный особняк в Фэрчайлде, я-то рассчитывала, что в крупном городе цены взлетят до небес.

Однако не на цены нужно было обращать внимание. Ловкач подsunул мне перо, которое испустило какие-то гадкие пары прямо под нос. Вдохнула и потеряла сознание. Когда очнулась, лежала распятой на столе, руки и ноги прикованы тяжелым железом, а надо мной тощие, бледные руки водили ветвью дерева айенли. Такой, с серо-голубыми листочками. Почему-то это запомнилось больше всего.

Дальше здравый рассудок покинул меня. Помню... помню неистовую жажду убивать, калечить, резать, помню голод дикого зверя и сумрак, по которому перемещалась куда быстрее, чем любой из ныне живущих, умей он даже летать.

— Как это было? — мягко спросила я. Не стоит давать переживать заново те воспоминания, возможна обратная реакция... однако я заметила, что последние слова она

сказала без всякого ужаса.

— Честно... мне нравилось быть этим... как вы сказали?

— Зерраном.

— Да, зерраном. Чувство такой... свободы, без застенчивости, без лишних пут морали и денежной зависимости. Думаю, попадись мне тогда Жан со своей семьей, их бы я разорвала с особым удовольствием, — вздохнула Узана, сложив руки на груди.

— Хвала богам, ты все же жива, — произнес Ксам, качая головой с непонятым выражением лица. — Я едва не окошел, когда тебя превращали, но точно бы повесился, если бы какие-то темные жрецы забрали у меня последнего родного человека на всем чертовом Кихча.

— Что будем делать со жрецами? — спросил Джад, стуча пальцами по колену.

— Ты точно больше ничего не запомнила? — поинтересовалась я у девушки. Та с досадой покачала головой:

— Простите... в самом деле, простите, я больше ничего не помню.

Граф заметил:

— Тот пьяница... он может что-то знать.

— А может и не знать, — хмыкнула я. — С темными жрецами поступим так: расскажем всю историю тому парню, который валяется в соседней комнате. Если он такой весь из себя героичный, пусть разбирается с темным культом. Зацепки слишком слабые, чтоб оставаться тут еще на месяц и включаться в расследование, а там и городская стража выяснит, кто мы и откуда... в общем, проблем не избежать.

— Да и сам Муха сболтнет кому не надо... — проворчал Джад. — Дерется он неплохо, а вот принципов у него с гору Рид наберется.

— Это точно. Так вот, пусть сам этим культом и занимается. Своего человека мы спасли, а дальше — будет видно. Есть более насущные вопросы, скажу по секрету.

Ксамрий посмотрел на меня с огнем благодарности в глазах:

— Спасибо, капитан.

— За что? — не поняла я.

— За «своего человека».

— Расслабься, Рыжий, я вообще-то про тебя говорила. Не спеши бросаться мне на шею. А сестричку свою перевезешь в Беккенберг, к нам под бок. Там и она целее будет, и за тебя меньше беспокоиться надо.

Узана жалобно сказала:

— Подождите... я ничего не понимаю. Капитан? Замок? Но ты же писал мне, что служишь на купеческом судне, — обратилась он к брату.

— Купеческом? — фыркнул Джад, затем уточнил:

— А что он еще писал интересного?

— Трепло, — покачала головой я.

— Балабол, — резюмировал Граф, но посчитал нужным дополнить: — С другой стороны, я его понимаю. Если бы кто-то прознал, какое ремесло на самом деле избрал ее брат, житья бы Узане Ягос точно не было. Ни в одном городе, смею заметить.

— Хоть один человек меня понимает, — буркнул Ксам, потирая пальцами рыжую бороду. Граф махнул рукой:

— Да пожалуйста. Но сей факт не исключает того, что вы, мастер боцман, тот еще врун и аферист.

— Разбирайтесь сами, — решительно заявила я, поднимаясь со стула. — Мы пойдем искать вторую повозку.

Боцман поинтересовался:

— Зачем вторую?

— Разве неясно? Для вас четверых. Мне с Ажоем сейчас совсем в другую сторону.

— Почему? — опешил Джад. Да, решение пришло мне в голову только что, но с меня станется сделать вид, будто это — часть коварного и многоступенчатого плана.

— Потом объясню, — усмехнулась я и покинула небольшую комнату, едва не стукнувшись лбом о притолоку. Пафосный уход как-то не задался.

С Мухой поговорили. Рассказали, что и как, он довольно серьезно обдумал новые сведения, сказал, что отправит письмо в резиденцию Ордена, ибо клубок темных сил обязательно следует распутать. Возможно, даже запросит подмогу, если темные жрецы умеют превращать обычных горожан в таких вот тварей. Не ровен час, кроме зерранов и другие неожиданности найдутся.

Рынок обыскали быстро — приценились и к лошадам, и к гужевому, как его пишут в документах империи, транспорту. Взяли за пятнадцать варангов, «бородатые» сперва решили, что и на полуразваленной телеге отлично доедут, но я вовремя вспомнила, что боцман грозился страшными карами, если еще хоть волосок упадет с головы Узаны. Не уверена, что он способен на страшные кары, однако страшные подлости и коварные розыгрыши вполне возместят отсутствие оных.

Да и волосок от трясущейся повозки, кое-как подлатанной, не упадет. Задница в синяках будет, это да. Купили хороший крытый экипаж, да с какой-то там подвеской, чтоб не так беспокоила дорога. Торговец еще расщедрился да целое ведерко смазки для осей в подарок отдал, Джад тут же хозяйственно подвесил его на специальный крюк сзади.

Побродили еще, в поисках чего-то необычного, заодно я расспросила большую часть постоянных обитателей рынка на предмет бретценской стали, однако, как и Ажой, потерпела крах в благих начинаниях. Не то чтоб я ему вдруг перестала верить, когда вооруженный нейтралитет только-только перешел в неплохое, по сути, знакомство, но так уж бывает. Если человек без твоих советов и твоего надзора что-то пытался сделать, и у него не получилось, зачастую думаешь, что у тебя получится лучше.

Ан нет. Самолюбие любит над нами подшутить и отвесить смачного пинка под мягкое место.

Кроме бретценской стали, я искала и серьезные артефакты, и книги магов. Даже дневники, и те не обделяла вниманием. Тем не менее, на то, чтобы отрыть в книжной лавчонке что-то стоящее, ушло несколько часов. Команда уже вся извелась, поджидая меня снаружи, я даже перечислить могу список тех шуток про меня и книги, что они успели придумать за пару лет.

С книгами я, оказывается, обращаюсь очень небрежно. Топлю ими очаги и костры, развеиваю прахом в результате неудачных заклинаний, даже ем, отчего постоянно требую новые. В библиотеку меня пускать нельзя — дурная примета, библиотекарь повесится. Один раз у меня своровали ценный экземпляр, и я испепелила два города. Встречаются и вовсе соленые моменты, например, решила как-то раз Морская Ведьма кентавра читать обучить...

Разве не придурки, скажите на милость?

Нет, я действительно с огнем в душе воспринимаю каждый новый томик, будь он из пергамента или бумаги, отпечатанный или рукописный. Однако восторгу предшествует одна

малюсенькая деталь — я должна найти книгу полезной. Только затем наступает период, когда я злобно отмахиваюсь от любого, кто посмеет меня побеспокоить, а беспокоят часто. Признаюсь откровенно, ни один труд великого (или не очень) мага я не прочитала от корки до корки так, чтобы мне никто не мешал.

И все равно они каждый раз вздыхают с облегчением, когда видят меня живой и невредимой. Страшное место, оказывается, книжная лавка. Я спустилась по ступеням, победно потрясая наглухо заштопанном в тисненую кожу блокнотом, книгой сие не назвать. Старпом лениво поинтересовался, темно-карие глаза смотрят с упреком:

— Откопала клад?

— Больше, чем клад! — потрясла я добычей перед его носом. — Это исследование, чтобы ты знал, Медекса Прибрежного по морским и океаническим существам. Возможно, я найду здесь ключ к составлению некоторых наговоров.

— А, возможно, и не найдешь, — возразил Джад, пальцем проводя по странному рисунку на обложке. — Как в карты играть, вот честное слово.

— В картах хотя бы есть некоторый шанс выигрыша, — высокомерно произнес Граф. — Что вы находите в магическом искусстве, дабы называть его искусством, я так и не понял.

— И не поймешь, — фыркнула я. — Тут надо родиться Искрой.

— Капитан, вот родился я, как вы говорите, Искрой. Пусть даже отдали меня на обучение в эрвиндскую магическую школу или вовсе отправили в Телмьюн. Это как-то оправдывает то, что вся магия — крохи божественной мощи, которую по недосмотру упустили в мир? — задал вопрос мечник, неодобрительно прищурившись. — Вы же подбираете их и просто пользуетесь, что тут выдающегося?

— Стой, стой, — покачал головой старпом, ежик черных волос, казалось, еще больше оцетинился. — Здесь чушь на чуши едет и чепухой погоняет. Магия — это внутренняя сила самого мира, даже я помню. К богам она имеет косвенное отношение, во всяком случае, это не их сила.

Я возмутилась:

— То есть, ты где-то усмотрел разницу между школой фехтования, где оттачивается искусство боя, и обузданием другой мощи, которая теплится внутри нас?

— Несомненно, я не так выразился, — произнес Граф, засунув пальцы за пояс. — Просто народу, да и мне лично, не по нраву, что фехтовальщиком может стать любой, а магом — только избранные единицы. Какая-то случайность явно руководит всем этим, безумный бог или такой же безумный маг высших рангов.

Кашлянув, я развела руками:

— Любым искусством — будь то владение мечом, луком или написание портретов и пейзажей — владеют воистину немногие. Не дано нам понять, почему у одного получается с первого раза, а другой должен пытаться дни и ночи напролет. Талант, сродство — назови это как хочешь, но ведь и человек, и саррус могут появиться на свет хилыми и болезненными. Какой тогда из них мастер меча?

— Должно быть нечто с самого начала, — пошевелил пальцами в воздухе старпом. — Так и с Искрой. Если она есть — можешь стать магом. А можешь и не стать — я ведь ушел из Академии.

— Но магом стали, мастер Стефенсон, — криво усмехнулся Граф.

— Большинство серьезных волшебников назовут меня шарлатаном-самоучкой, и отчасти будут правы, — возразил тот. — Посмотри на Тави и взгляни на меня. Если

поставить нас друг против друга, она оставит от меня обожженный, искалеченный кусок мяса. Все дело как раз в корпении над книгами и записями лекций выдающихся профессоров. Ну и в практике, бесспорно.

Бесспорно, несомненно... они что, от Ажоя набрались?

Я ухмыльнулась:

— Так вот как удержать команду в подчинении. Поставлю Джада на ют, и пусть вещает, проповедник чертов. Бойтесь страшной магии!

Мечник только приподнял уголок губ. Смешно, да не настолько. К тому же, явно заметно, что его мысли занимает наша общая беда.

— Тави... то есть, капитан...

— То есть — Тави. Ульгем, ты принципиально необучаем, — вздохнула я.

— Я просто стараюсь сохранить хоть какие-то манеры, в отличие от большинства наших товарищей, — надменно заметил он. — Что будем делать с тем кораблем?

— Пытаюсь придумать. Веришь, в голову лезет только всякая чушь. Вроде «Подобраться под покровом невидимости и перебить двести человек без всякой магии». На их корабле, где они знают каждую лазейку.

— Можно было бы подговорить кого-то, — предложил Джад, почему-то оглядываясь по сторонам.

— Кого? Наемников Беркли?

— Нет. Другие... корабли. В конце концов, обратиться к Фастольфу, сказать: так, мол, и так, есть пиратский корабль недружественного государства, невероятной мощи, разделает под орех небольшой флот. Чем в данный момент, ваше величество, он и занимается.

— М-да, — хмыкнула я, постучав его костяшками пальцев по твердому лбу. Вроде бы не деревянный. — Пираты жалуются королю на других пиратов? Вот уж новость.

— Дык мы ж эти, как их — верноподданные теперь, — возразил Джад.

— Весь военный флот Рид Ойлема — с десятков изрядно устаревших галеонов и вдвое большее количество фрегатов. Рейдер из Аргентау пройдет через них, как раскаленный нож сквозь масло, да еще и новых рабов наберет. Магия, как вы видели, не помощник.

— Численное превосходство противника во всех войнах обычно гасилось либо магией, либо какими-то разрушительными штуками из разряда механики, — задумчиво сказал мечник, перебирая веревки на перевязи своей оглобли. — Только вот проблема — магия, как мы все видели, не работает, а численное превосходство и разрушительные штуки как раз у них.

Я вздохнула:

— Именно поэтому я ничего лучше и не придумала, кроме как поехать в Телмьон. Ажой сможет завершить работу над Призрачным Танзором, а я навещу единственного знакомого человека с патентом механика.

— Да уж. Семью иногда навесить полезно, — усмехнулся Джад.

— Не сказал бы, — возразил Ульгем, навсегда изгнанный из рода Рьюманостов.

— Джад, отправляешься с остальными к «Храпящему». По возможности, постарайтесь перетащить его в новое место, если парни уже справились с ремонтом. Я... поищу что-то, что поможет нам справиться с металлическим монстром. С живыми уже научились, хоть и не без крови. В столицу не суйтесь, даже если меня загребут.

— По крайней мере, мы теперь знаем, что ты задумала, — кивнул старпом, затем поднял руку и хлопнул меня по плечу. Даже не хлопнул, а просто опустил ладонь со

словами:

— Ты не особо доверяй старику. Нас-то рядом уже не будет, некому подстраховать.

— А кому тогда доверять? — невесело пожала плечами я.

— Никому, — с таким выражением лица, будто доносит до моих ушей очевидное, произнес Джад.

Они знают, что я задумала.

Осталось только понять — а знаю ли я?

Часть вторая Внутренний огонь

Глава 1. Домой

Телмьюн, сердце империи Грайрув, встретил нас с Ажоем промозглым ветром и холодным дождем, неустанно стучащим по мостовой. Даже не досмотрели, чучелы заводные. С другой стороны, в повозке все чинно, а всяких хитромудрых линз у обычной стражи нет. Жрец поселился в простой, но добротной комнате известнейшей ночлежки «Гормунд», не преминув заметить, что гранильный зажим у него с собой тоже имеется.

Оказывается, призме необходимо было придать какую-то специальную форму. Если артефактор где-то ошибся в количестве граней или их расположении — все, пиши пропало. Посему комната, любезно снятая мной для жреца, находилась в подвальном помещении. Меньше головной боли соседям, меньше вопросов к Ажою, хозяина постоянного двора мы честно предупредили, что беспокоить того стоит только в случае пожара.

Да и то... честно говоря, сомневаюсь, что пожаром можно напугать такого старикана. Если уж проткнутое когтями насквозь тело кое-как сохранило жизнь, обычные методы нанесения смертельных увечий не годятся. За долгую жизнь Ажой Бо Скаррав явно научился методам защиты, отличающимся от привычных остальным людям.

А еще, как только он приступил к работе, посыпались намеки, что неплохо будет и туда заглянуть, и у того мастера крепления взять, а на улице Уховарок, как он прознал, делают отличнейшие медные пластины для нужд алхимии. В общем, денег вынь да положь, да еще вынь. Одно могу сказать. Я почти час молча наблюдала за его работой, и вопросов к жрецу больше не имею. Да, он странный, но в ремесле показывает такую ловкость рук и сноровку, куда там опытному карманнику браться.

Поэтому я без тени сомнения оставила на расходы едва ли не треть сохранившихся денег. Он оценил срок изготовления в целых три декады, однако сделка есть сделка. В то же самое время, если вообще существует способ уничтожить таинственный рейдер, я не собираюсь сидеть сложа руки.

Особняк с зеленой угловатой крышей на улице Тиламана Страбского не смотрится, как дом очень богатых людей. Впрочем, мои родители, если сравнивать с доброй четвертью обитателей столицы, зажиточными и не являются — так, богатеи средней руки, которых тут полно. Телмьюн он и есть Телмьюн — крупнейший город Кихча шестого тысячелетия, если считать от момента основания империи Серого Жемчуга, она же Грайрув.

Так вот, дом как дом. Стены выложены белым камнем, образующим подобие колонн по углам, остальная отделка в бледно-коричневом цвете. Массивные окна с полукруглыми арками, такая же толстая и увесистая дверь, к которой ведет извилистая дорожка из гранитных плиток. Ответвления тропы ведут в сад, полный цветов и фруктовых деревьев, к мастерской, которой пользуется отец и слуги, а также на конюшню, что в самом дальнем углу земельного владения.

Я провела рукой по листьям растения, очень похожего на плющ. Оно за все годы обвило ограду из толстых кованых прутьев красивым хаотичным узором, отчего имение Шнапсов выглядело совсем сказочно. Отец, помню, специально сказал, чтоб его не чистили, и сейчас выглядит весьма уютно. Подергала за витой шнур — где-то в глубине двора раздался тихий звон. Сейчас у кого-то над ухом раздастся внушительное «донннг», заставит вскочить (и только потом пробудиться от ленивой дремы), позвать мажордома...

Если он все еще не помер, это должен быть Йетельд. Сухощавый, очень похожий на

Франка в его черной ливрее, но с теплым взглядом янтарных глаз и затаенной в уголке губ вечной улыбкой. По крайней мере, таким я его запомнила в детстве, когда главный из слуг нянчил маленькое чудовище. Кроме того, Йетельд обладал безукоризненными манерами и очень красивым низким голосом, которым иногда, если просил отец, даже пел.

Хорошие песни, как и певцов, я искренне уважаю. Возможно, по той же причине, что и любого человека, марда, сарруса, хоббита или йрвая, которые наделены талантами, мне недоступными. И дернула же меня когда-то стая подлых демонов собрать команду совершенно безголосых моряков! Они даже фальшивят каждый на свой лад — кто сипит, кто хрипит, кто выводит рулады, как петух утром.

Один Сейтарр кое-как вытягивает ситуацию. Умеет попадать в ноты и бренчать на лютне, а мы можем тихо мычать в такт. И пара человек из матросни даже ухитряется подпевать, чего уж там. Но не я, увы. Моим пением только ворон пугать.

— Простите? — оторвал меня от раздумий знакомый голос. Йетельд. Стоит и невозмутимо ждет, пока посетительница соберется с мыслями.

Для того, чтобы пробраться через город, я нарочно избрала личину невысокой пожилой особы в старомодном платье, почти без украшений. Чтоб отвести лишние взгляды, еще и добавила большую волосатую родинку на подбородке, однако такой прием не смутил верного слугу. Его зрачки лишь немного расширились, когда я, предварительно оглянувшись и убедившись, что на улице никого нет, сняла фальшивый облик.

Тепло улыбнулся, показывая рукой внутрь:

— Прощу, госпожа Матави.

О-ох. Как давно меня не называли полным именем. Не то чтоб я его не любила, просто есть в мире те, кто предпочитает официальное обращение. А оно, в свою очередь, напоминает мне о прошлой беззаботной жизни.

— Ничего, что я так, вечером? — спросила я, заходя.

— Вы же знаете — дверь родительского дома для вас всегда открыта. Несмотря на публичные заявления, — усмехнулся он, запирая калитку толстым стальным ключом, который затем аккуратно спрятал в нагрудный карман. Другое название мажордомов — хранители дверей, ключники. И, говоря откровенно, не зря они заслужили это имя.

Конечно, никакого заведения, обучающего ремеслу мажордомов, подобно академии магов, не существует. Отец рассказывал, что в его мире все дети сгоняются в большие здания, называемые «школами», там их делят на группы, муштруют, и вдалбливают в голову какой-то необходимый объем знаний. Варанг в первые годы своего правления тоже пытался провернуть нечто подобное, однако потерпел неудачу. Мещане и простолюдины посмотрели на эти «школы» и даже думать не стали о том, чтобы отдавать туда детей. Мол, а если по хозяйству надо будет чем помочь? А скотину пасти кто будет?

В общем, идея хорошая. Если б подданные империи, как говорит отец, мыслили бы прогрессивно... сам он, тем не менее, нанимал мне частных учителей. Есть у Рихарда Шнапса такая вот черта характера — в то время как об остальном населении он мыслит «прогрессивно» и «в общих чертах», то для себя и семьи всегда выберет самый выгодный путь, независимо от благосостояния государств и иных территорий.

Что бы я ни говорила о нем, все же он остается моим родным отцом. Не его вина, что я была незапланированным ребенком... когда мать появилась на пороге этого самого дома со свертком в руках, отец не стал выкручиваться и ловчить, а просто принял случившееся. Довольно стойчески, если учесть, что ни о семье, ни о детях он и не думал в тот момент,

хоть и был женат до того. Я подсознательно замечала, что на мою внешность он тоже реагирует болезненно, тем не менее, мало у кого был такой хороший отец. Он говорил то, что считал правильным, совершал хорошие поступки и даже дела вел по возможности честно.

Не помогло, пап. Но даже последний мой выбор ты принял, как должное.

Хотя в мой первый визит — уже после того, как мы угнали мою временно реквизированную шхуну — ты все же вымотал душу расспросами. Использовал свое право, так я считаю, и вовсе не сержусь.

Подолы моих сапог отбивали нечастую дробь по каменной тропе. Йетельд идет немного впереди, неторопливо, а я не бегу стремглав, как делала это в детстве. Ну и, кроме того, на четыре его шага приходится три моих, вытянулась с колокольню высотой. Что удивительно, при крайне низкорослых родителях.

— Тави! Хэнш и'мзальме! — донесся радостный вопль слева. Я молниеносно повернула голову, чтобы обнаружить собственную мать, которая совсем не чинно и степенно неслась ко мне. Даже опустилась на колени, потому что по сравнению с ней я выгляжу, как саррус рядом с мардом.

Хэнш и'мзальме — это йрвайский язык. Точный перевод — «в радостной растерянности». На нем никто не говорит, кроме, как вы уже догадались, самих йрваев. И то, мама рассказывала, что у других племен есть некоторые особенности произношения или письма, пришедшие за многие сотни лет отдельной жизни в смертельно опасном лесу.

У йрваев очень забавная внешность. Серьезно, первое, что приходит на ум, когда видишь представителя данной расы — «забавный». Короткая шерсть всех оттенков от темно-бурого до белого, хотя встречается и рыжий, и, очень редко, черный. Лицо с подвижной мимикой, словно унаследованное от помеси кошки с человеком или хоббитом — почти незаметно выступающие вперед челюсти, огромные глаза традиционно желтого цвета, приплюснутый нос. Прямоходящие, без хвостов, женские фигуры заметно грациознее, чем мужские.

И самое главное — уши. Большие, длинные, шерстистые и остроконечные, почти в треть высоты всего существа. Символ расы, можно сказать. У мужчин, подобно Локстеду, вечно торчащие вверх, почти не меняющие положения и у женщин, что служат очень милым подспорьем для разговора. Они непрестанно двигают ими, задерживают под разными углами, прижимают. Такая подвижность служит йрвайкам дополнительным способом жестикуляции при разговоре или выражении своих чувств.

А еще она до сих пор ходит босиком, Тэйме из племени Поющей Скалы. Приличная леди и жена баронета Рихарда Шнапса. Данный факт только добавляет эксцентричности всей моей семье — чужак-отец, мать, которую нередко пытались обозвать «ручным зверьком». По крайней мере, до того момента, как ее супруг несколько раз очень недружелюбно брался за меч.

И я, публично изгнанная из рода Шнапсов, дабы не ставить под удар отцовское дело. Мое решение, собственно. Опасная преступница, капитан пиратской команды. Очень милая, если не злить... и не заглядывать под личину.

Сейчас я застыла, обняв ее, нежно поглаживая по спине. Как обычно, тонкое и короткое платье, других не признает — хотя различаются они очень сильно. Покрой, цвет, количество и качество материала. В самых простых копошится в саду, выращивая цветы и настоящие теджусские травы. Лекарственные, да. Не как в Роксомме, нет.

Вместо того чтоб умиляться и пускать слюни, мать тут же перешла к делу. Сердито размяла пальцами прядь моих чернющих волос, сказала мелодично:

— Ты совсем не следишь за волосами, Тави. Знаешь же, как на них действует морская вода.

— Ма-ам, брось, — протянула я. — Я же и пресной мою, не деревенская девочка, чай. А что расчесываться иногда забываю — очень помогает созданному образу.

— Смотри, — усмехнулась она, отстранив меня, — к сорока годам будешь лысой.

— Зато еще восемнадцать побегаю как душе угодно. Столько всего можно натворить...

— Давай не будем про «натворить». Я к двадцати одному году...

— Давай не будем про то, что ты к двадцати одному году успела родить меня от мужчины другой расы, который был едва ли не вдвое старше тебя, — парировала я, пусть и слегка грубее, чем хотелось. Обычная семейная пикировка.

Да, мать значительно моложе. Разница между ними не то в четырнадцать, не то в пятнадцать лет, что само по себе совершенно непримечательно в мире, где люди живут по сто с гаком.

— Зато не становилась капитаном пиратской команды, — тепло улыбнулась Тэйме, прижав уши. — Пошли в дом, устроим чаепитие. И тортопоедание. Рих рассказывал о ваших похождениях, говорит, что «Телмьонский вестник» издал большую серию статей о процветающем Рид Ойлеме и спасении короля.

Я тоскливо произнесла:

— Чед, чтоб ему провалиться. Теперь я должна его убить.

— Убить, убить... между прочим, о тебе там самую малость упомянуто. Как и обо всей вашей ватаге. Он долго с вами плавал, тот паренек? Сюда больше не заявлялся.

Растянув усмешку во всю широкую пасть, я сказала:

— Мама, я думаю, у него остались не слишком приятные воспоминания о гостеприимстве рода Шнапсов. Да и мне бы самой вести себя хоть немного разумно. Взяла, похитила человека только из личной прихоти... до сих пор не пойму, что за демон меня дернул тогда. Выходит, я ничем не отличаюсь от тех работорговцев из Аргентау.

— Странно, — заметила она, недоуменно дернув ухом. — О вашем путешествии мальчик отзывается в лучших красках. А что за работорговцы?

— Значит, на самом деле не все так плохо. Что до Аргентау, обязательно расскажу. В мире творится нечто очень странное, — подытожила я.

* * *

Отец сначала чуть трубку не съел — то ли от восторга, то ли от испуга. Затем, когда он откашлялся, а супруга долго колотила его по спине, последовала череда объятий и еще одна серия вопросов. Что, как, где, почему. Я, тем не менее, отказалась отвечать наотрез, прежде чем хорошенько вымоюсь с дороги и набью живот обещанным тортом.

Когда еще училась, от родителей получила в подарок большой ургахадский банный халат. Толстый, махровый, из дорогой и мягкой ткани феббс. К сожалению, он так и остался здесь — вы когда-нибудь видели пиратов в халате? Вот и я не видела. Даже капюшон расшили на мою необычную голову, но я им все равно не слишком пользовалась. Сейчас же с удовольствием завернулась, наскоро взлохматив мокрые волосы, прошла по паркетным

деревяшкам до гостиной, где с наслаждением утонула в мягком кресле.

Нужно, кстати, перевезти его в Беккенберг. Что-то я не подумала о такой возможности, а стоило бы.

Давно этого не было. Всего вот этого — домашний уют, спокойствие, отсутствие забот насчет хозяйства, корабля, команды. Хотя и прошло только полгода с тех пор, как я последний раз была в Телмьюне, мне казалось, что пронеслись века, а то и целые эпохи. С благодарностью приняла большую чашку с мутно-коричневой жидкостью, отхлебнула. Да... пусть Тэйме и передала мне свои умения насчет варки зелий, чай я заваривать так не научусь никогда.

— Рассказывай, — потребовал отец, улыбаясь. Они смотрят на меня с умиленным выражением лица уже битый час, хотя я — то еще зрелище для созерцания.

— Да что уж там рассказывать, — пожала плечами я. — Пап, ты же читал творчество Чеда. Я еще не имела честь ознакомиться, но, бьюсь об заклад, половину он выдумал сам. Что касается ситуации на сегодняшний день... боюсь, она попадает в разряд «плачевных».

— Это еще почему? — нахмурился он, набивая новую порцию табака.

Вот как объяснить?

— Сначала все шло довольно неплохо. Ты получил мое письмо насчет флевилла?

— Да. Более того — груз уже ушел в Рид Ойлем. Вернешься, будешь рассекать на новой железной лошади.

— Значит, о замке и прочем вы и так знаете. Вот... а затем понеслось. Чуть не угробила всю команду, дралась с всамделишным демоном Ниста, чуть не сразилась с еще одним Искателем, завела друга, который практикует темные искусства и создание различных артефактов. А, ему прислуживает мертвец. Который при жизни завещал свое тело для нужд некромантии.

— Дочь как всегда, — с мудрым выражением лица, но чересчур ехидно заметила мать. Я только кивнула.

Подробный рассказ занял три четвертых торто-времени, если позволите так выразиться. Отец не охал и не ахал, на особо красноречивых фразах только покрепче сжимал зубами мундштук. Йрвай вообще растут в условиях постоянной опасности, поэтому мать только качала головой, но особого волнения не проявляла.

Когда я завершила повествование описанием героической схватки в Роксомме, оба долгое время молчали. Затем отец произнес:

— Удивительно. И я имел глупость называть себя авантюристом!

— Справедливости ради, в Теджусс до тебя совались немногие, — погладила его по начинающей лысеть голове жена. Так и не избавилась от привычки вечно перебираться к нему на боковую опору кресла, хотя для отца оно, надо признаться, выглядит чересчур большим. Даже я тону в этих мягких подушках, которыми оббит чудесный ансамбль мебели местных мастеров.

— Я все же надеюсь, что твой визит не из вежливости, — усмехнулся он, смотря на меня. Я огорошено спросила:

— А почему «надеюсь»?

— Ты рано выросла. Если мы сейчас чем-то можем тебе помочь, только скажи — я задействую все знакомства и связи вплоть до Пройдохи, не выдав при этом имя особы, что нуждается в помощи.

— Вообще-то, в помощи я действительно нуждаюсь, — тихо сказала я, не зная, с чего

начать.

— Тогда, может, удержишься? Хотя бы на декаду-другую, пока Рихард решит необходимые вопросы, — предложила мама.

Сцепив пальцы перед лицом, я задала вопрос:

— Ты рассказывал мне про летающие машины, полностью сделанные из металла. Надо полагать, металлические корабли у вас тоже были?

— Да. — кивнул отец.

— И как с ними сражались?

— В основном, с помощью группы таких же кораблей. Я... не слишком силен в морской инженерии. Знаю, что гонка вооружений продолжалась вплоть до времени, когда я попал на Кихча. Что было потом, одним богам известно.

— А так, чтоб маленькая группа смельчаков могла пустить подобное чудо ко дну, не обладая серьезными познаниями в этой вашей механике?

Отец отрицательно покачал головой:

— Для чего-то разрушительного нужны или хорошие познания в химии...

— Алхимии? — уточнила я, он усмехнулся:

— Нет, в классической химии. Кстати, странно, что они смогли построить настолько мощное оружие. Как рассказывал мне Тидас, тот самый, который Алатор, порох здесь изготовить невозможно.

— Порох?

Сегодня день глупых вопросов. С моей стороны, разумеется.

О порохе я никогда не слышала даже от отца — надеюсь, тому есть какое-то объяснение.

— Да, он самый. Черная смерть, взрывной порошок и прочие ласковые названия. Помнится мне, я рассказывал тебе в детстве, что такое пистолет.

— Помню, — кивнула я.

— Ну вот. Патроны, которые находятся в магазине — не что иное, как спрессованный порох в латунном цилиндре. Сверху вставлена пуля из свинца, стали или особого сплава, а под порохом находится особый капсюль, который...

Я зевнула. Я не умею зевать с закрытым ртом. Даже когда пытаюсь сдержаться, не получается — акульи челюсти все равно хоть немного да приоткрываются. Это неизбежно замечает мой собеседник, если я не использую личину. А в родительском доме мне ее использовать и вовсе незачем.

Отец добродушно заметил:

— Ладно, ладно. Утомил я тебя. В общем, пороха в этом мире нет. То ли воздух какой-то особый, то ли еще что. Насчет воздуха мысль может оказаться здоровой — пытались полвека назад наладить производство по методу еще какого-то любителя приключений с Земли. Открыли патрон, тот взорвался. Извлекли пулю из следующего — тот взорвался. Попытались составить порох из известных ингредиентов... в общем, ты поняла.

— Ага. Но, тем не менее, загадочное «орудие», стреляющее железными ядрами, существует, — заметила я, когтями ноги расчесывая пушистый бежевый ворс ковра. Отросли. Спилить бы, да сегодня уже неохота.

— И это само по себе возможно... если они заменили порох чем-то другим, что тоже умеет взрываться, — справедливо заметил Рихард Шнапс, член Объединения Механиков Телмьюна. Ох, не только лишь за деньги он получил свою лицензию. Отец постоянно

говорил, что в устройствах своей родины он полный профан, не смог воссоздать даже какой-то загадочный «дэвээс», однако его теперешние рассуждения вгоняют меня в тоску. Не дается мне подобная наука... или я просто недостаточно стараюсь, чтобы познать ее.

— У меня две мысли. Первая — в королевстве Аргентау завелся какой-то гений. Вполне возможно, с моей родины. Если его переманить сюда, в Грайрув... — тут отец заметил мой злобный взгляд, замахал руками: — Я имею в виду, если его убрать, производство новых чудес техники прекратится. Но, Тави, это ведь означает, что ты сознательно опустишь мир во тьму регрессии!

— Слова-то какие, — пробурчала я, — «тьма», «регрессия». А то, что они с помощью своего металлического монстра похищают людей и делают их рабами — хорошо?

— Это ведь только догадки, насчет рабов, — неуверенно произнес он.

— Либо их скормили рыбам. Пап, Аргентау уже добрых пятьсот лет существует, и не было такого года, чтоб они прекратили пополнять численность своих рабов! Кому вообще нужно такое бельмо на глазу?

— Что тоже не слишком хорошо, да... здесь твоя правда, — удрученно произнес отец, потирая начавшую тоже сесть бороду. Локстед — знакомый йрвай, большой друг семьи и партнер отца по его фирме — говорил, что когда-то папа брился постоянно. А как перевалило за сорок — перестал. Маме чужая шерсть все равно не мешает, она сама не слишком нормальное существо, а отец ленится.

Он снова заговорил:

— Пойми правильно, я не слишком разбираюсь в политике межгосударственных отношений... наверное, самый серьезный щит, закрывающий королевство Аргентау от посягательств — оно, по большому счету, никому не нужно. И флот у него до сегодняшнего дня был очень слабый, и досаждать кому-либо, включая даже самые малые страны, они не пытались. А теперь...

— А теперь они без разбора нападают на все встреченные суда, получив в распоряжение оружие, превосходящее мощь даже магии, — закончила я его фразу. — Выглядит так, будто ошалели от силы в собственных руках. Это можно прекратить. Это *нужно* прекратить. Особенно, если Аргентау создаст целый флот из железных галеонов.

— У тебя была вторая мысль, — мягко проговорила мать, едва ли не кусая его за ухо, затем обратила взгляд на мою чашку: — Тебе налить еще?

Все ее жесты... как однажды призналась мне Тэйме, вокруг отца возникает какая-то особенная аура в минуты, когда он думает. Привлекающая ее. Я, как маг, несколько раз изучала ауры папы во всех доступных спектрах, но чего-то особенного так и не обнаружила. Что ж, это их любовные игры и только их.

— Нет, — с легким удивлением покачала головой я. И когда только успела? Чашка-то с ведро размером. Оно как-то незаметно произошло, само по себе — под рассказ, под сладкое.

Отец развел руками:

— Вторая моя мысль очевидна и плавает на поверхности. Марды.

— Ты предлагаешь плыть к мардам в гору Рид и требовать, чтоб они изобрели нечто, способное потопить их же изобретение? — удивилась я, затем уточнив: — Если это действительно их рук дело.

— А кто говорил про мардов горы Рид? Я думал о мардах Золотой горы, — нахмурившись, произнес он.

Глава 2. Долг — платежом

— Еще раз, — нахмурилась я. — Те марды и эти марды — два разных народа?

— Немного не так. Генетически, они, может и одно целое...

Я перебила:

— Как?

— По крови это одна раса, но сообщества у них разные, — уязвленно сообщил отец. Он сто раз зарекался не использовать слова, смысла которых не может мне объяснить, но все равно использует. — Как, к примеру, человеческое государство Дейн и человеческое государство Аргентау. И там, и там соблюдают чистоту рядов высшего дворянства, тем не менее, люди одинаковые.

— Не совсем одинаковые, — возразила я, намекая на узкоглазие и другой оттенок кожи дейнцев.

— Только внешность. По сути — одна раса. Даже могут иметь детей.

— Как йрвай и человек, например? — задала я вполне невинный вопрос. Не знаю, почему отец так сердито на меня посмотрел.

— Дело не в этом. Мы ведь говорили о том, что у мардов нет единого правительства. Они разрознены точно так же, как и мы, по сути, все послы во всех государствах курируются *разными* правителями. А в нашей империи, вероятно, объединено сразу несколько государств мардов.

— И в чем тогда секрет? Я имею в виду, что ввиду разрозненности вряд ли они сумеют достать чертежи нового корабля.

— Секрет в том, что, если дельцы одного подземного королевства сумели сбавить людям придуманное местными умельцами чудо-оружие, другие сумеют изобрести нечто, способное дать ему бой.

Я поежилась, не представляя, как бойкий и элегантный «Храпящий» вдруг заменят на стальное гротескное чудище.

— Такой же корабль?

— Не уверен. Может, какую-то мощную взрывчатку? — с надеждой произнес он. Я мрачно пожала плечами:

— Нам бы сгодилась и та, что применяется у них. Но штурм места, где корабль наверняка отдыхает под присмотром едва ли не половины армии Аргентау, еще безрассуднее, чем пытаться атаковать его в море. А магия, сам помнишь, не работает.

Чтоб атаковать обидчика в лоб, нам надо совсем уж отчаяться. А вот идея с мардами, стоит признать, выглядит интересно. Вот только...

— Па-ап.

— Чего?

— Ведь они не бесплатно соорудили подобное судно.

— Да, не бесплатно. Король Аргентау наверняка обещал им какие-то преференции... возможно, добычу руд или нечто в этом роде, — с досадой произнес отец, затем поучительно поднял палец вверх: — Но ведь у нас есть деньги.

— И сколько денег понадобится на металлический галеон?

— Казна нескольких королевств, — тут же ответил он.

Да, я и сама прикидывала, что для постройки флагмана понадобится полностью

разорить золотые запасы королевства. С точки зрения пиратства, он не слишком продуктивен... а вот если замахнуться на новые территории, тогда ситуация разительно меняется. Можно отщипывать прибрежные кусочки у Рид Ойлема и Рид Мезахта. Можно вообще перекрыть им выход к океану, а особенно — к торговле с империей Грайрув и владычеством Ургахад. И требовать солидные деньги за право прохода.

Много чего можно придумать, пока странствуешь по безразмерной территории Грайрува. Правда, и в обслуживании такое судно тянет из карманов владельца гораздо больше сверкающих кругляшков, чем любое другое. Плата рунным мастерам, инженерам-механикам, корабельным архитекторам, судостроителям, команде, что наверняка включает в себя не самые обычные должности.

Отец очень хорошо считает. Доверюсь ему на слово.

— И где же мы собираемся взять казну нескольких королевств? — беспомощно спросила я.

— Не обязательно, — хитро усмехнулся он. — В моем времени паровые котлы часто взрывались от самых различных вещей, зачастую вообще не связанных друг с другом. А та конструкция, о которой ты рассказала, по внешним признакам выглядит основанной на работе классического парового двигателя.

— Предлагаешь заслать шпиона с какой-то безделушкой от мардов?

— Возможно. Я не знаю, что взбрдет им на ум. Но осмелюсь предложить другой вариант.

— Тогда каков план действий?

Отец развел руками:

— Ты везешь пару сундуков с деньгами к Золотой горе, заводишь полезные знакомства и просишь сделать тебе такое оружие, что способно к чертям собачьим потопить цельнометаллическую скорлупку. Вот мой план, если вкратце.

Как-то не по себе от такого плана. Я потеряла капюшон, затем неуверенно возразила:

— Но что я могу у них попросить?

— Заказать. Свыкайся с нужными словами заранее. Если ты приходишь с деньгами, ты не проситель, а выгодный клиент. И выбор, в основном, лежит на них — заработать немного золотишка или повернуть тебя восвояси.

— Хорошо. Что я могу у них заказать? — терпеливо повторила я.

— Рунное оружие. Конечно, оно должно быть воистину великим, обычной ковырялкой борт твоего рейдера не пробить... однако я убедился за годы жизни в столице: металлические, холодные сердца мардов можно растопить только выгодной сделкой!

— Ага. Скажи, что я тебя правильно поняла — ты предлагаешь мне везти груз золота через половину страны? Без охраны?

— Тут же вертелись твои люди, — опешил он. — Я сам им отгрузил запасные части с завода, такой белобрысый здоровяк-лучник и плешивый саррус.

Ну, Хог не то чтоб плешивый... он, скорее, почти лысый. Только венчики волос у самых ушей, да и те он старается особо не отпускать.

Отец с опаской произнес после небольшой паузы:

— Только не говори, что...

— Нет-нет, — успокоила я его. — Это мои бродяги, все в порядке. Иначе откуда бы у них записка, написанная моим почерком?

— Мало ли какой проходимец вздумает...

— Так вот, мы говорили об охране.

Он замялся, выпустив облако дыма. Вторая порция табака уже пошла в ход, а то и третья — за разговором я могу не заметить подобные мелочи.

— Я могу дать тебе отряд крепких вооруженных бойцов. Не думаю, что они сравнятся с твоими головорезами, но свою работу выполняют — холодно произнес отец, и едва заметный огонек снова затлел.

Криво усмехнувшись, я заметила:

— Папа, это лицемерие. Я, между прочим, капитан тех самых головорезов. И мне приходилось убивать. Не раз.

— Ты — моя дочь. Если я не сумел должным образом тебя воспитать, это не означает, что я и вправду должен рвать все кровные узы и отправлять тебя в свободное плавание, уж прости за тавтологию, — возразил он. — Что касается тех, кто служит под твоим началом и потрошит каждое встреченное торговое судно, скажу так: вассал моего вассала — не мой вассал. Я не должен их любить и проявлять хоть толику уважения.

Помолчав, отец добавил:

— Я не хочу, чтоб это было похоже на выговор. Но, какими бы хорошими не были твои парни — и, кажется, еще одна девушка? — для тебя... мне и любому дельцу они кажутся угрозой для общества. Вот.

Он протянул мне листок, на котором стройными буквами было выведено шесть названий. Приподняв бровь, я спросила:

— Что это?

— Это корабли моей новой небольшой флотилии. Пожалуйста... нет, не так. Я был бы очень рад услышать, что во время нападения пиратов твоя команда совершенно случайно прочитала название на борту и *не стала* атаковать.

— Разве это не бросит на тебя подозрение?

— Известный риск есть, однако я предпочитаю быть уверенным в сохранности жизни тех, кто подписал со мной контракт, — отрезал он.

Я тоскливо заметила:

— Нам бы сейчас вообще в море выйти. Уже не говорю про океан. Но... если вдруг справимся с угрозой, то я подумывала вообще бросить пиратское дело. Заняться чем-нибудь другим.

— Например? — с подозрением произнес отец.

— Спрошу своих советников.

— Ха! Они насоветуют. Жду новостей о том, как шайка идиотов обчистила императорскую казну, — со вздохом произнес отец, но за облаком табачного дыма я видела, что он иронично посмеивается.

Рихард Шнапс и сам убивал. Рискну сказать, что не всегда за правое дело или защищая собственную жизнь — понятия добра и зла для моего отца всегда были немного эфемерными, размытыми. Чего он никогда не делал, так это не переступал какую-то невидимую черту. Поводок морали.

Возможно, кто-то возразит. Имеете право. Убийство — всегда момент спорный, и в жизни его как-нибудь половчее обойти не получится. В радужной сказке всегда найдутся моменты: убитый на людях, оказывается, был примерным семьянином, а дома расчленил хоббитов и проводил с помощью их крови темные ритуалы. А в жизни...

Есть моя правда. Та история, в которой у нас согласно какому-то из бредовых указов

императора отняли корабль. Мы его выкрали, убив двух солдат. Затем взорвали тюрьму города Москалл, наверняка угробив еще какое-то количество невинных. И парочку виновных, чего уж там. И затем я, взбалмошная девчонка двадцати лет от роду, решила, что дорога преступлений прямо гладью накатана. А когда в первый раз увидела чужое брюхо, вспоротое моим мечом, едва удержалась чтоб не вывернуться наружу прямо там.

Есть чужая правда. Он ни в чем не был виноват, тот матрос. Просто охранял вверенный ему корабль. Я даже не знаю, выжил ли он — с современными средствами исцеления подобная рана редко бывает смертельной, однако не все судовые лекари так хороши, как тот же Граф. Но вот, попался на моем пути...

Так что любые мысли о том, что моя команда, и я вместе с ней — невинные ягнята, стараюсь отсекай заранее и беспрекословно. Мы — тоже тьма, хоть и непохожая на безумную вечную ночь Ниста, демоны б его побрали. Вместе мы совершили несколько действительно хороших поступков, однако заниматься подсчетами, скольких мы спасли от кровавой междоусобицы в королевстве Рид Ойлем, не стану.

Использовать вместо цифр человеческие жизни... плохой метод. Сама не пользуюсь и никому не советую.

Посему отец делает хоть и раздражающие, но очень правильные замечания.

— Почему сразу казну? Можем заняться чем-нибудь благородным — например, выискивать затонувшие корабли. Или вести хозяйство Беккенберга, к слову.

— Ты — и хозяйство? — насмешливо заметил он.

— Согласна, — защищаясь, вскинула когтистые руки я, — не слишком похоже на правду. Но мы два месяца этим и занимались! Не грабили честных граждан, не выходили в океан с целью попутать каботажников...

Отец процедил сквозь зубы:

— И за два месяца другие создали оружие, способное разнести ваш — да и любой другой — корабль в щепки. Сами начали пиратствовать, чего уж там.

— Сомневаюсь, что работы не велись еще раньше. Мы как-то по чистой случайности захватили чертежи того орудия. Никто в них не разобрался, однако, поскольку судно направлялось в Грайрув, мы почти полгода выделили на тайную проверку всех имперских верфей.

— И ты мне не сказала? — укоризненно спросил он. Я покачала головой:

— Тогда я не понимала, насколько разрушительным может быть оружие. Переслать тебе чертежи?

— Да, потом, — махнул рукой отец, встал, поправляя полы халата, подошел к небольшому бару у стены и достал пузатую бутылку темно-коричневого стекла. — Будешь?

— Не отказалась бы, — кивнула я, блекло улыбнувшись. — Немного, половину кубка. Мама куда пошла?

— Ой... как будто ты ее не знаешь. Каждый раз в первую очередь несется собирать тебе солидный узел с едой и знахарскими травами. Как будто конец света.

Бутылка звонко булькнула и наградил нас видом темно-красной струи, медленно наполняющей резной деревянный кубок. Деревянная посуда — хорошо, удобно и практично. А еще деревянные кубки могут неплохо впитывать винный букет, и, если держать отдельную посуду для каждого сорта, как делают особые гурманы, можно узнать много нового о вкусе простого, в общем-то, напитка.

Пожав плечами, я заметила:

— А я по пустякам и не приезжаю. Разве что если очень сильно захочу свидеться с вами. Возможно, так и не выросла.

И была награждена благодарным взглядом отца.

— Так как будем обстряпывать план? — спросил он, снова располагаясь поудобнее, но на сей раз трубку в руке заменил сосуд с вином. Пахнет «Арентийским». Нюх у меня так себе, просто знаю, что отец всегда любил именно это вино.

Про мать не упоминаю. Алкоголь для йрваев — смертельный яд. И какое счастье, что мне такой взбрык организма не передался по наследству.

Я предложила:

— Может, мне стоит отозвать пару ребят покрепче?

— Переборка рунного двигателя — дело, которым обычно занимается не двадцать человек, а добрых сорок опытных судостроителей, — сказал отец рассудительно. — Им понадобится каждый, и займет это никак не меньше месяца. Плюс дорога отсюда до Жумейжика, плюс вам еще прятаться надо все время... если пронюхает Тайная Канцелярия, пиши пропало. Нагонят весь имперский флот к укрытию.

— Месяц? — охнула я, зарываясь пальцами в волосы. Отец мягко заметил:

— Клади два, чтоб наверняка.

Нет, Ажой-то справится за это время. Но за два месяца они и второе судно сумеют построить! Я имею в виду Аргентау, конечно, а не свою команду.

Про жреца я, между прочим, не рассказывала никому. Представьте, приходит ваш взбалмошный ребенок домой и первым делом говорит: мама, папа, я тут познакомилась с одним интересным темным жрецом, некромантом, и мастером артефактов. Ваши действия? Желательно, что-нибудь еще кроме как «связать и оставить в подвале, пока не прояснится рассудок».

Вот и я не хочу выглядеть внезапно ополоумевшей.

Правда, стоило все же начинать заботиться о репутации немного раньше...

— Тогда возьму, что дают.

— Они не должны знать, кто ты, — предупредил отец. Я только фыркнула:

— Я маг, и, поговаривают, неплохой. Как-нибудь справлюсь.

Он обеспокоенно заметил:

— Боюсь, не все так просто. Если я покажусь на улицах с любой женщиной, кроме твоей матери, газетчики тут же настрочат статью — мол, бывший дипломат меняет вкусы на нормальные. Наконец-то, свершилось. И все бы ничего, Тэйме посмеется да и забудет, а вот наши знакомые из Тайной Канцелярии насторожатся.

— Есть такая штука — «закрытый экипаж» называется, — хмыкнула я, отхлебывая из кубка. — Очень помогает, собственно, не показываться на улицах.

— Раз уж тебе так охота это услышать — я не совсем уверен в своих людях.

Что ж, напрочь меняет дело.

— А толку тогда от таких людей? — насмешливо спросила я.

— Если бы речь шла о работниках, связанных контрактом, тогда другое дело. А эти иногда выполняют для меня поручения, которые требуют молчания, особого доверия и пренебрежительного отношения к имперским законам.

Прелестное двуличие.

— Давай договоримся, что я больше не слышу дурных слов о моей команде. Сам набираешь каких-то бандитов, а на меня все шишки.

Отец катнул желваки по скулам, затем глубоко вдохнул и расслабленно выдохнул воздух, бросив всего одно короткое слово:

— Идет.

— Так вот... я создам иллюзию. Ручного демона в ошейнике. С вот такими...

— Тави! — укоризненно воскликнул он. Я усмехнулась:

— Ладно. Простоватый мужик-саррус в звериных шкурах. Пойдет?

— Уже лучше. Легенда тогда будет примерно такой — я ссужаю своего давнего знакомого деньгами, дабы тот приобрел у лучших умельцев оружие, равного которому не знал мир.

— Не слишком ли пафосно? — обеспокоенно спросила я, подливая в оба кубка еще вина. Вкусная пакость, жаль, что так мало. Бутылка уже наполовину пуста, а пью я, как лошадь. Нет, не фыркаю в процессе, но объемы схожи.

— Ни в коем случае. То, что я никогда не устану повторять: этот мир просто полон различными героями. И каждый спасает женщину, деревню, заблудших путешественников, детей, целые города...

— Королевства.

— Тут еще спорный вопрос. Глядишь, если на троне воссядет новый король вместо такого любимого старого, Рид Ойлему будет куда лучше, — возразил он, опуская меня с небес на землю.

— Все шло к междоусобице, пап. Я не уверена, что может быть еще хуже.

Отец с задумчивым видом пожал плечами:

— Значит, и в тебе что-то хорошее есть. Может, стоило отдать тебя в детстве к учителю танцев, а не на фехтование?

Я попыталась было пнуть его под столом, однако не дотянулась. Конечно, пнуть не просто так, а с большой долей любви и уважения — родитель все-таки.

* * *

Обычные зеркала никоим образом не показывают личины их носителю, тем не менее, если соответствующим образом заклисть зеркало или любую отражающую поверхность, все пройдет как нельзя лучше.

Я добрых полчаса уже крутилась перед зеркалом. На полчаса больше, чем обычно. В каюте у меня зеркал нет, в замке лишь одно, и то внизу, рядом с обеденным залом. Не люблю их, знаете ли. Однако сейчас надо и прочесть то самое заклинание, и позаботиться о том, чтоб иллюзия выглядела предельно убедительно.

Карий глаз, с небольшими морщинами в уголках. Разумеется, один-единственный. Темные, но не черные волосы, стрижены коротко, небрежно зачесаны назад, прижатые к черепу уши, крупные скулы, широкий нос, немного кривой. Вроде как след от перелома. Толстые губы, крупная челюсть. Нет, так не пойдет, я бессознательно скопировала Хога. Тонкие, поджатые губы. Подбородок широкий, выступающий вперед.

Одежда. Несмотря на то, что я остаюсь в столь удобном длиннополом кафтане из дорогой (естественно, награбленной) темно-красной ткани, сама сказала: «в звериных шкурах». Теперь отдувайся, Морская Ведьма.

Шерсть... черные демоны, мне и своей хватает, на спине и руках, а тут еще чужую

подобрать надо. Кто у нас там в Ургахаде водится? Хотя он мог купить накидку и здесь... остановимся на мехе моргала. Стоит упомянуть, что моргал так назван не случайно. У него, единственного среди всех теплокровных животных Арн-Гессена, лишь одно моргало. Глаз, то есть.

Никакой мистики, вроде «Моргал был древним богом, и его тотемное животное назвали в честь...». Просто и со вкусом. Одно моргало. Я уже упоминала, что мне нравится традиция наименований в Ургахаде? Кстати, имя-то уважительное — буква «р» присутствует. Иначе бы звался одноглаз.

Шерсть серо-бурая, длинная, косматая. Сам моргал, кстати, похож на огромную крысу, которой невероятным образом присобачили — или прикрысили — голову большого ящера. Получившаяся зверюга обладает невероятно высокой живучестью, хваткой стального капкана и очень красивым мехом, что пользуется высоким спросом на юге империи. Устойчивость к холоду у него высокая.

Накидка, под ней простой кожаный жилет с полуоткрытой волосатой грудью, штаны с несколькими просторными карманами по бокам, подпоясанные кожаной полосой с большой защитной бляхой. На запястьях массивные браслеты из потускневшего металла, на пальце — золотой перстень с крохотным рубином. На поясе меч... хм, нет, не меч. Возьму боевую секиру или алебарду, чтоб не вызывать лишних мыслей о разыскиваемой мечнице. Безусловно, мечи тоже будут со мной, но скрытые фальшивым образом.

Теперь походка. Грузная, тяжеловатая. Можно изобразить хромоту, однако не стану. Вдруг придется за кем-то гнаться или, наоборот, убежать? Сразу вся тайна моргалу под хвост.

— Смотрю, и глаз отвести не могу, — произнес мелодичный голос сзади. — Только что была моя дочь, и тут какой-то недружелюбно настроенный мужчина, неизвестно как оказавшийся в нашем доме.

Я обернулась и проворчала:

— Ходишь неслышно, впору шпионом быть.

— Куда мне, — рассмеялась мать. — Я читала местные фолианты про захватывающие приключения работника Тайной Канцелярии — он там такое вытворяет, ни одному живому существу и не снилось. И механические устройства иного мира, и магия, и драться умеет... примерно, как ты.

— Мам, ну это же книга... чистейшей воды выдумка наверняка, — поморщилась я, вспоминая, что и сама нечто такое читала в юном возрасте. — Тем более, я в механике совсем тупая, а в драке хорошо освоила, пожалуй, только меч. И древковое оружие, если уж на то пошло. На чем угодно другом меня побьют, даже на кулаках.

— Выдумка, не выдумка, а написано, что основано на биографии реального человека, — не согласилась она.

— Как называется? — спросила я, смекнув, что в дороге все равно нечем будет заняться.

— «Скрижаль доблести». Интересные приключения, присутствует занимательная теория по доставке в наш мир чужаков, которые, в свою очередь, собираются в нечто наподобие тайной ложи, из которой...

— Стой, стой. Ты сейчас всю книгу наизусть перескажешь — что мне тогда читать?

Я не шучу. Она йрвай. Она действительно может пересказать всю книгу, не забудет ни единого имени или мелкого события. Даже если книга скучная, цепкий ум обязательно занесет в картотеку памяти имена главных героев и сюжет, а уж если познавательная — пиши пропало. Этим страдал Локстед, деловой партнер отца, этим отличается и моя мать.

Правда, глядя со стороны, вы никогда не скажете, что йрвай вообще способны от чего-то страдать. Они отличаются философским подходом к жизни в сочетании с поразительным любопытством, пожар которого не унять ничем. Даже большой императорской библиотеки, что, по слухам, занимает солидное пространство внутри Дворцового плато, будет мало.

— Тогда возьми сам, загадочный здоровяк, — ласково проговорила она и дотронулась до моей руки, указав в сторону нашей небольшой библиотеки. — Темно-зеленый переплет на третьей полке углового шкафа, там больше нет подобного цвета. О, так это настоящее превращение?

— Нет, что ты. Просто более сложная иллюзия. Обманывает не только зрение, но и осязание, — усмехнулась я. Еще пару лет постоянной практики, и я стану докой по части фальшивых образов. Малину портит только наличие в мире Кихча различных артефактов и заклинаний Истинного зрения, которые порой изрядно досаждают.

Не разрушит ли образ сурового воина пристрастие к чтению?

Да к черту. Я же не собираюсь тонуть в книжных страницах, как иногда делала это на протяжении последних двух месяцев в своем замке...

Хорошенько отдохнув, на следующее утро я направилась к месту встречи, где окончательно приобрела уверенность в созданной иллюзии. Наемники, даже их немногословный предводитель Сот, шарахались от меня, как демоны от Светлой Сферы. Или как беккенбергский конюх, что, согласитесь, тоже неплохо.

Кинув последний взгляд на отца, я пробасила, поглядывая на большие сундуки:

— Спасибо, Рих. Обернусь и при случае отдам.

Оси телег разве что не стонали под суровой нагрузкой. Золото, мать его. Надо было наложить какие-то руны на сами телеги, они ведь рассыплются по пути. Хотя... зная отца, предположу, что он так и сделал, с помощью верного ушастого друга. В обычном состоянии руны не видны, искать их без особого проявляющего порошка — затея глупая и бессмысленная.

— Куда же ты денешься, — меркантильно заметил отец, сквалыга и фабрикант. Его бы просто не поняли, скажи он по-другому. — Иди, спасай мир или что ты там спасаешь, Брег, а проценты я с тебя сдеру потом.

Но взгляд его красноречиво твердил: только попробуй возомнить, что ты мне что-то там должна.

Глава 3. Тайные истории

«Уф. Тави, я, конечно, понимаю, что у тебя важная миссия и все такое, но эта штука мне явно не по зубам».

Голос Джада застиг меня внезапно, когда наемники, осмелев у лагерного костра, принялись болтать и хвастаться. Я прикрыла глаза и сделала вид, что сплю, иллюзия послушно повторила мои действия. Не думаю, что Сот станет меня будить, разве что если тревогу поднимут. Все же не рыбу везем, надо быть настороже.

«Какая еще штука?».

«В общем... Мехрес не уследил. У простака Ойгена, оказывается, был какой-то план — в один из вечеров он просто подпоил лысого и сбежал».

«И не вернулся?».

Так у меня вся команда разбежится. Нехорошо.

«В том-то и дело, что вернулся», мысленно вздохнул Джад. «И выглядит он сейчас куда забавнее, но я опасаясь за последствия такого решения».

«Да какого, мать твою, решения?! Скажи уже прямо, крутишься и крутишься, как свинья на вертеле».

«Ойген принес себя в жертву морским богам. Вернее, одной богине — Мившарату».

Я грязно выругалась вслух. Сот посмотрел на меня с недоумением:

— Плохой сон приснился, командир?

— Ага... не то слово, — буркнула я и перевернулась на другой бок.

«Что она с ним сделала?».

«Так не объяснишь, нужно увидеть. Был у нас Ойген, а теперь вместо него — здоровенная рыбина о двух ногах».

«Страшное зрелище, наверное. А в остальном как — разум сохранил? Не бросается на людей?».

«В остальном — все тот же идиот, каким и был раньше», усмехнулся он. Мысленная усмешка ни на что не похожа, нужно чувствовать — словно кто-то едва заметно пощекотал тебя за ушами. «Даже жаль, что не поумнел».

«Думаю, теперь поумнеет», ответила я. «Как остальные? Ремонт как продвигается?».

«Разобрали всю корму, иначе эти самые штуки не установишь на нужное место. Ох, чую, заделаемся мы кораблестроителями. Приходили разбойники, требовали кучу золота. На второй раз и вправду принесли нам кучу золота. Тави, я чего задействовал Нить... там Ажоя рядом с тобой случайно нет?».

«В Телмьюне остался, работает над Танцором. А зачем тебе Ажой?».

«Ну... если ты не знаешь, как развеять превращение, может, жрец что-то подсказал бы. Тем более, что он адепт того хитрого извращенца — Лежизаля, который все же бог тайн».

«Развеять превращение *божественного* уровня? Думай, что говоришь. Тут не простая смена облика, а изменение глубинной сути, наделенное сопутствующей мощью. Даже если маги Коллегии соберутся вместе, вряд ли им что-то удастся сделать», хмыкнула я, предложив: «А зачем вам вообще превращать его обратно? Каждый сам несет ответственность за свою глупость, ты же знаешь устав».

«Есть определенная проблема», мрачно заметил Джад. «Как только он ступит на землю, то умрет».

Я мысленно перечислила едва ли не треть известных мне грязных эпитетов, не передавая их Стефенсону, досчитала до пяти, успокоилась, спросила: «Это относится только к суше?».

«Вероятно, да. Во всяком случае, он без вреда для себя может находиться на борту корабля, уже выяснили. Что с ним делать-то?».

Изобразив равнодушие, я ответила: «Не знаю, как ты, дорогой старпом, а я думаю, что, пока он находится в здравом уме, мы нашли постоянного вахтенного для высадок на берег. Ойген, конечно, дурак, но свой дурак, и если он вдруг начнет бить поклоны демонической морской змее, я не против. Лишь бы делу не мешало. А вернемся — найму с десятков мужиков покрепче, и пусть роют прудик. Он как вообще с пресной водой, проверял уже?».

«Плавал до Жемчужной, вроде жив еще. Он тебе ноги за это целовать будет. Правда, я их с Мехресом уже назначил по очереди драить гальюн, когда выйдем в море», хмыкнул старпом. Я отмахнулась: «Вот еще. Мне еще только всякие рыбы ноги не целовали. А наказание за проступок никогда не помешает, ты знаешь мои мысли по этому поводу. Ладно, заканчивайте работу и ожидайте меня в одном из условленных мест. Возможно, удастся приобрести у мардов что-то действительно смертоносное».

А если не удастся, то остается лишь классический самоубийственный абордаж.

За сим Нить оборвалась.

Казалось бы, зачем нужны условные знаки и условленные места, если есть отличная мысленная связь? Только вот если команду сгонят из бухты, а в другом месте Нить внезапно откажется работать, долго я их искать буду. Несколько раз уже сталкивалась с ситуацией, когда столь безупречное умение Искр вдруг выходило из строя. И до сих пор я не смогла вычислить закономерность — почему и при каких обстоятельствах это происходит.

Спать под личиной — дело особое. Если говоришь во сне или бродишь по окрестностям, пиши пропало. Разум каким-то образом снимает иллюзию, и миру предстаешь истинная ты. Благо, я подобным никогда не страдала, поэтому могу сотворить долговременную маскировку на себя и спокойно засыпать.

Говоря откровенно, страдала. Когда сплю в кровати — каждый раз оказываюсь или на полу, или частично сползаю. На втором этаже родительского особняка огромное двуспальное ложе, и то раз в месяц регулярно с него брякалась.

А вот в походе, на палубе, на чем-то твердом и неудобном сплю, словно ленивый кот. Не ворочаюсь, почти не шевелюсь даже.

Проснулась ни свет ни заря. Предраассветный туман все еще стелился по траве, а роса подернула зелено-голубые стебли. Часовой заметил, что я поднимаюсь, и приветственно кивнул. Пробурчав нечто среднее между «доброе утро» и «демоны тебя раздери», я подхватила тяжелую алебарду и степенно ушла в кусты. Подальше от лагеря.

Когда вернулась, словно по мановению руки просыпаться начали все. Как будто между ними витал невидимый дух, таскающий их за уши, щекочущий в носу и проделывающий все те штуки, что для спящего не слишком приятны. Сот даже звонко чихнул, отчего оставшиеся двое, бородатый Вилао и новичок, смуглый черноволосый Люсьен с островов, подпрыгнули на месте. Еще не разлепили сонные глаза, но руки уже тянутся к оружию, а из горла поднимается произвольный рык.

Хороших ребят Сот подобрал, дикие и боевитые. Это вам не наемники Беркли, которых я разделала едва ли не в одиночку. Конечно, большая их часть была чересчур пьяна, да и Линд пару раз лениво натягивал лук, но все же тех было тридцать с лишним человек. А здесь

шестеро, и каждый, вероятно, стоит пяти тех.

Со своей командой, правда, даже сравнивать не буду.

Но эти чувствуют друг друга, как будто у них тоже есть какая-то особая метка.

Сот уловил мой вопросительный взгляд, усмехнулся:

— С мое поживешь, парень, еще не так научишься людей будить. И не только людей.

Чего там орать «Подъем!», ежели дело можно решить одним громогласным чихом.

Сам Сот невысок и коренаст. Бочкообразная грудь, кривые толстые ноги, чем-то похож на марда, но бороду не отпускает. Показывает миру квадратный подбородок, вызывающе выставленный вперед. Губы, вечно слегка изогнутые в насмешке, пересечены шрамом, что уходит аж до левой скулы и почему-то раздваивается. Странное оружие ранило его, не поспоришь.

Еще эти пронзительно-зеленые глаза. Такие ночью увидишь вблизи — обделаться можно, если даже помнить, что Сот на твоей стороне. Только по седым волосам можно понять, что наемник постарше будет, чем даже наш корабельный интендант. В драке, впрочем, не назовешь его стариком — Сот орудует щитом и кистенем очень ловко. Я вообще крайне редко видела настолько гармоничное использование кистеня не единственным оружием, а в паре со щитом.

В поединке, правда, я с ним еще не сходилась. Видела в бою, когда нас подловил фальшивый патруль недалеко от столицы. И хватает же наглости подобным...

Не поймут мужики, если не исправлю столь досадное упущение.

— Может, пока суд да дело, разомнемся? — предложила я, хищно взглянув на его щит и оружие.

— Как скажешь, Брег. Но, учти, что контрактом мы связаны с мастером Шнапсом, а не с тобой. Придется поесть земли вместо завтрака — не взыщи, — ответил мне Сот, смотря куда-то в точку за моей головой. Очень раздражающий взгляд, пока не вспоминаешь, что как раз он тебе в глаза смотрит. В глаз.

Несмотря на бахвальство, я уловила его обеспокоенность. Он тоже видел меня в бою, пусть даже и ту личину, что сражалась вместо меня. Но скорость движений и направление выпадов она передает замечательно.

Подхватив собственное оружие за древко, я отошла на двадцать шагов от костра и приглашающе указала стальным наконечником на землю перед собой. Здесь часто останавливались путники, мы находимся недалеко от перекрестья Южного имперского тракта и дороги на небольшой городок Дименсис, и поляна у небольшого перелеска — почти идеальное место для стоянки.

Земля все еще влажная, поскользнуться и ударить в грязь лицом... шансы велики. Как в прямом, так и в переносном смысле. Если молодой герой может и проиграть поединок старому, бывалому наемнику, я-то прекрасно помню, кто я на самом деле.

— Мужики, может, вы в карты свой спор решите? — предложил Вилао, подвешивая над огнем котелок с травяным отваром. Вроде чай, но не совсем. Бодрит гораздо лучше и сохраняет ясность мыслей надолго, секретное варево их команды.

— Эх... если б все споры можно было решить в карты, — мечтательно проговорил долговязый и длинноволосый Голод, уплетая вяленое мясо. Оправдывая прозвище бойца, оно мелькало в его руках, словно те же карты у хорошего шулера.

— Чушь городишь, — хмыкнул Вилао. — Представляешь, просыпаешься ты в эновской таверне, а император всю провинцию в тысячу продул владыке Ургахада. И назад тебя не

пускают, потому что документов на прохождение границы туда, к саррусам, ты не заполнял.

Голод чуть не подавился от такой перспективы, но пересилил себя. Чего еще пропадать, правильно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я криво усмехнулась, глядя на веселящуюся компанию:

— Все равно границу так скоро не перенесут.

— Да? — усомнился Сот, поплотнее вдевая руку в ремни. — А я слышал, такой деревянный форт можно за сутки перевезти.

Он говорит о приграничных фортах. Дрянная штука, учитывая, сколько бумаги они переводят ежегодно. Но пусть о том голова болит у Варанга, а не у меня. Простите, Варанга Пройдохи Величайшего, императора Грайрува, покровителя королевства Дейн и демоны его знают какие еще титулы мужик себе нахватал.

А самое смешное — они с отцом из одного мира. Вот что значит «расхождение в амбициях».

— Не перевезешь, — покачала головой я. — У меня дядя работал на их строительстве. Армейский инженер или что-то такое. Я сам у него бегал в помощниках. Они едва ли не месяц один возводили, затем еще и укрепляли... такое строение рассчитано на штурм небольшой армии. И не думайте, что их можно поджечь, раз деревянные.

— Да брось. Просто хочешь вписаться за любимую страну, — бросил Сот.

— Сдалась она мне. Начнем?

— Давай. Только без всех этих пышных возгласов и стоек.

Я пожалала плечами и перехватила алебарду наконечником к противнику. Конечно, в тренировочном бою следует быть гораздо более осторожным, чем в обычном. К счастью, среди бравой шестерки имеется и целитель — южанин по имени Ликан Мордверсон.

Пробный выпад, резкий и не в тело, а по ногам. Сот пытается отодвинуть ногу и припечатать лезвие сверху, однако оно уже снова в воздухе и покачивается, ожидая удобного момента. Наемник яростно усмехнулся и бросился со щитом ко мне, в последний момент изменив направление движения. Врезал кистенем сверху, я неверно подставила древко, едва не получив взамен шипастым шаром по лбу.

Цепь совершила один оборот вокруг дерева, я отступила назад и двумя руками рванула на себя, одновременно пнув его в живот. Пинок пришелся на заблаговременно подставленный щит, однако кистень остался у меня.

— И все? — спросила я, разматывая цепь и бросая ему оружие.

— Я просто не проснулся еще! — проревел он, подхватывая кистень за оплетенную кожей рукоять и бросаясь на меня.

В ближнем бою пришлось несладко, Сот явно подметил, что я сумею продержаться его на дистанции, дай мне такую возможность: теперь он, умело орудуя щитом, перекрывая угловые атаки, сам раскручивал стальной шар и охаживал меня с боков. Раз даже попал, на плече здоровенный синяк будет.

Поднырнув под следующий удар, я зло пронзила его сапог острием, задержав руку, чтоб не наносить серьезных ран. Так, обычный укол. Он на секунду приподнял ногу, тем не менее, мне хватило и доли секунды — алебарда-то не простая, а с хорошо знакомым мне абордажным крюком вместо клевца на обратной стороне. Поддев его за вторую ногу, я резко отстранилась, и Сот шлепнулся на землю, попытавшись перекатиться в сторону, но через миг его горло с интересом разглядывало стальное острие.

— Твоя взяла, — прохрипел предводитель, растирая ступню и с сожалением разглядывая небольшую дырочку на обуви. Щит валялся рядом, тут же сброшенный в момент падения. — Такой сапог испортил, засранец. Ликан, а ну марш сюда.

— Ногу ведь не испортил, — ухмыльнулась я, подавая ему руку.

— А не хочешь ко мне? — закинул живца Сот, когда мы встретились глазами. Отрицательно помотав головой, я деланным басом проговорила:

— У меня подвиг, а не какие-то там деньги. Нужно только оружие, созданное величайшими мастерами наземья и подземья!

— Ну хоть на сапог новый денег дай, что ли. Раз ты их так не уважаешь.

Стервец, чует обстановку и меняет направление, как добротный флюгер. Я презрительно бросила в его ладонь мелкую монетку, хозяйственный Сот подошел к своему мешку и бережно спрятал деньгу туда. Затем взгромоздился на борт телеги, скинул сапог, а поморщившийся от запаха целитель начал осматривать его ногу.

— Может, мне попробовать? — подал голос Вилао. Сот рявкнул:

— Бабу свою попробуешь! Еще учить меня будет, как драться.

— Так не учить... самому попытаться.

Старый наемник усмехнулся:

— Говорю по собственному опыту и из того, что видел в том бою: Брег вам дурные головы порасшибает, и не слишком запыхается.

— Чересчур ты мне льстишь, старый лис. Что-то опять задумал? — с подозрением посмотрела я на него. Тот лишь покачал головой, оставив мой вопрос без ответа.

Отвар выпили молча, только Голод, давясь и фыркая, рассказывал предлинный анекдот, который устарел еще при Клаусе Омерзительном. Закусив сухарями и куском козьего сыра, бережно завернутым в тряпицу, я закинула в телегу пожитки и запрыгнула на место возницы.

Сутки... еще сутки, и еще одни. Когда дни текут однообразно и без приключений, они сливаются в один. Монотонный, серый. Только и различий, что в одни идет дождь, в другие светит солнце. До первого снега еще долго, однако с каждым часом небольшой обоз продвигается все дальше на юг. Становится холоднее.

Дни, когда жизнь течет неспешно, словно липкая патока, побуждают искать ответы в собственной душе. Когда нет вопросов, находятся новые. Например, Нист, Лежизаль, а теперь еще и Мившарату, дрянная морская змея. Не то чтоб я жаловалась, но... почему два десятка лет я спокойно жила без всяких богов, а тут появляются сразу трое? Все косвенно, ни один напрямую меня не затронул.

Я чувствовала ужас, которым наградил меня бог тайн через своего адепта. Пребывала во тьме, которую создал могущественный покровитель зерранов и прочих монстров. Теперь на моем корабле служит парень, которого коснулась богиня океанов. Такое чувство, как будто вокруг меня смыкается кольцо.

Симпатий я ни к кому из этой троицы не испытываю. Смертным пора бы научиться не совать нос не в свое дело, точно так же, как делают сами боги. К примеру, упомянутая Мившарату властвует только над солеными водами, окружающими континенты. Реки — безраздельная территория речного бога Жасма. Кстати...

В год, когда я впервые покинула империю Серого Жемчуга, ледник огромной протяженности придвинулся почти к стене города Остенгрев. Пустыня Мавен снова показала свой нор, а в южных широтах стало еще чуть-чуть холоднее. Остенгрев — один

из нескольких городов крайнего Юга, данный титул делит с ним Томерг, и на востоке, у побережья Морозного залива, раскинулся Зиммерстанд.

Так вот... а какому из богов принадлежит ледяная пустыня Мавен? Ведь лед — всего лишь вода, просто замерзшая. И как с ним тогда мирятся маги Коллегиальной Академии, которые ежегодно посылают туда студентов на испытания?

Вопросы, вопросы. Столько вопросов, а ответов — кот наплакал.

Живет ли до сих пор в мачте «Храпящего» тот дух? Если что, он засел в гроте еще с той поры, как мы всю грабили торговые суда. Во время обстрела она единственная осталась неповрежденной. Случайно, или вмешались какие-то иные силы?

А в Роксомме, городе пяти Холмов, странным было вообще все. Начиная от неумного бургомистра и заканчивая участниками столь необычной встречи на не самой заурядной охоте. Зерран, опять же.

И Король этот... почему бы не стать главой города окончательно? Хитрая схема, чтоб налоги не платить? Ха. Я отчетливо видела его силу, количество людей, оценила влияние. Катакомбы под городом просто пропитаны чужими секретами. Деньги у него есть, и немалые. Возможно, свою роль сыграла привычка жить в тени.

Привычка заново переживать и перелистывать в голове все, что произошло за последнее время, преследует меня с раннего детства. Следствие ли это хорошей памяти или беспокойного образа мыслей — одним богам известно. И, в том случае если линию моей судьбы ведет кто-то из них, могущественных и загадочных существ... могу поставить голову на кон, что мой бог безумен.

Постепенно на горизонте взгляду стала являться едва заметная шапка Золотой горы. Честно говоря, это не одна гора, а кряж, что по протяженности запросто обставит Щит Корда, однако на картах данное место нанесено именно как Золотая гора. Причины весьма просты: большинство скальных пород серые или черные, однако частые вкрапления минерала фэймнита и песок, приносимый пыльными бурями с запада, окрашивают гору в рыжевато-бурый цвет.

На западе от нее бушуют холодные пески Голдмур, непроходимые в сезон дождей. В особенности, сейчас, в месяц Гроз. К счастью, путь лежит восточнее — именно там находится город Бергверк, моя конечная остановка. Предполагается, что там я разыщу подрядчика, и в недрах Золотой горы марды изготовят оружие, способное побороться даже с металлическим рейдером.

Никто не исключает возможности, что, узрев угрозу (которая все же нешуточна), короли как-то договорятся и соберут объединенный флот для того, чтобы разделаться со злодеем раз и навсегда. Ни один пиратский корабль не способен нанести столько ущерба. Однако, помня, с какой легкостью он мог переломить нам хребет, предполагаю, что так же легко можно пустить на дно целую эскадру современных галеонов с рунным двигателем.

В Грайруве пока нет оружия, способного на равных говорить с «орудием второго класса». Представляю, какие разрушения может натворить «орудие первого класса». Если, конечно, их ранг измеряется так же, как ранг волшебников. В противном случае может существовать и третий, и четвертый... и восьмой. Который стреляет чугунными болванками размером с гору Рид.

Эрвиндские баллисты, что установлены на защитных донжонах, могли бы поговорить с ним на равных. Вот только каждая из них размером с пять кораблей, поставленных бок о бок. Для подобного гиганта нужно поднимать со дна морского печально сгинувший «Молот

Теллода». А как его поднимешь, если у залива, названного в честь невезучего судна, и дна-то нет?

Невеселые мысли приходили в голову, что и говорить. Нет, я не имею вредной привычки впадать в уныние, все же студентов Академии сильно муштруют в сфере контроля собственных чувств. Однако, честно говоря, шансов у нас немного. Даже с чудо-оружием, чем бы оно не оказалось. А уж без него и вовсе — добраться бы до Рид Ойлема спокойно.

Да, океан огромен, а рейдер — всего лишь небольшая скорлупка на великих соленых просторах. Только ведь кроме него есть и военные суда Грайрува, Ургахада и Дейна. Есть чудовища, которые накануне зимы особенно лютуют. А с каждым днем вероятность, что укрытое на берегу судно кто-нибудь обнаружит, все выше и выше. Мы редко заходим в море Зиммергауз, что, по сути, совместное владение империи и вассального ей королевства. Теперь бы его покинуть.

За полторы декады пути на нас больше никто не нападал. Сот вздыхал и полировал полоски металла на обитом кожей щите, остальные развлекались как могли, не забывая посматривать по окрестностям. Обошлось без лишних сражений. Единственный раз наткнулись на стаю волков, задравших у крестьянина лошадь — хвостатые горели желанием схарчить самого мужика, да не задалось. Голод в мгновение ока перебил троих, вонзая хищно зазубренные стрелы в глаза и тела, а остальные с визгом умчались прочь.

Я тоже расшибла одному голову. Героизм, хоть и показной, надо как-то оправдывать — если не умею говорить пафосные речи, за меня скажет алебарда. С моего одобрения даже подвезли спасенного до ближайшей деревни. Мужик раскланивался, чуть ли не земные поклоны бил, а от зареванных лиц его детей, примерно десяти и двенадцати лет на вид, я смущенно отворачивалась и глухо ругалась под нос.

Угораздит же.

Когда до Бергверка оставалось несколько часов пути, и стены города уже виднелись вдалеке, с неба начала сыпаться мелкая снежная крошка. Вслух удивилась, на что один из наемников ответил:

— На юге всегда так. И зима приходит раньше, и весна наступает позже. Чем дальше к югу, тем меньше настоящего лета видят люди.

Морская Ведьма знает, парень. Она бывала в Ластрале, недалеко от северного магнитного полюса, где всего один месяц лета и шесть месяцев зимы. По половинке месяца приходится на совсем короткие весну и осень. А вот Брег, молодой и наивный, просто обязан был удивиться.

Под белоснежной шапкой, что не таяла даже самым жарким летом, угрюмо приютилась Золотая гора, неприветливо смотря на путников. Какая-то шутка природы или одного из сильных мира сего вырезали на ее склонах провалы, слишком напоминающие глазные впадины, а кривая скала, что чуть ближе к нам, очень похожа на нос. Пугает только то, что воображаемое лицо способно проглотить одну из провинций Грайрува в мгновение ока, таких оно размеров.

Хорошо, что рот молчаливому истукану не изобразили.

Глава 4. Переговоры

Если Сот и предполагал, что я умею не только драться, то виду не подал.

В небольшом, по сути, городе, что служит только перевалочным пунктом для торговли с народом мардов, самих мардов мы разыскали достаточно быстро. И тут-то дело застопорилось напрочь. Как бы я не изощрялась в вежливости и ругани, они стояли незыблемо.

Проблема заключается в следующем: марды — неисправимые традиционалисты. Так было всегда, так будет еще бесчисленные века. И, когда я высказала свою бесхитростную просьбу, невзначай указав количество золота, что привезла с собой, лица переговорщиков стали совсем не радостно-возбужденными, как ожидалось. Скорее, угрюмыми и задумчивыми.

Как пояснил мне Рю Энд из рода Джексонсов, красноволосый крепыш с совиным взглядом, все не так просто. На моих глазах из-под стола достали фолиант с метровыми страницами, нашли нужную и принялись, тыкая пальцами в абзац, бурно обсуждать его. О нас словно забыли. Мы с Сотом удивленно переглянулись.

— Так и должно быть? — неуверенным шепотом спросила я. Наемник хмыкнул:

— Во всяком случае, деньги их почему-то не зацепили.

— Зацепили. Но... здесь что-то еще.

— Традиции, — презрительно протянул Сот, затем оглянулся в сторону двери: — Ты слышал?

Я прислушалась. Нет, ничего подозрительного. Хотя, подозрительно само поведение Сота. Не думаю, что хочет сбежать с золотом — подобный фокус стоило проверить гораздо раньше, тут мужики отработали свою плату полностью. Что могло его так потревожить? При этом, как раз потревоженным он и не выглядит.

Или старый пес просто борется со скукой? Перехватив его тоскливый взгляд, я ухмыльнулась:

— Иди уже... вояка. Как драться, то всегда и с радостью, а торговые сделки заключать — меня одного оставляешь?

— Не мое это, — буркнул Сот, поглаживая подбородок. — Так я пойду?

— Иди, иди. Даже не скажу, куда.

Он молниеносно исчез. Как будто и не было его здесь, в небольшом помещении с низкими потолками. Только деревянные створки, прикрывающие лестницу вниз, негромко хлопнули.

Мне здесь тоже не слишком уютно. Большинство мардов, даже те, кто активно ведут торговлю с людьми, предпочитают размещать свои конторы под землей. Говорят, что они напрямую связаны с их подземными городами, но я никогда не встречала тому прямого подтверждения. А вот что-то насчет печально известных традиций отец мне рассказывал. Мол, тот, кто покидает Подземье хотя бы на сутки, изгоняется из него навсегда.

Если поразмыслить, я встречала одного такого изгнанника. Мард-торговец в Ластрале, в обычной лавке, хоть и полутемной. Они любят полумрак, и сейчас на стенах тускло горят сальные свечи, едва позволяющие мне видеть буквы в исполинской книге. Книга-то большая, а вот буковки маленькие, и написаны хоть и на Общем, но с непонятными закорючками. Вернее, не написаны, напечатаны.

Технологию печатных штампов люди переняли именно у мардов.

Как и многие другие чудеса механики.

Кое-что принесли выходцы из других миров, что-то украли, с чем-то подсказали покровительствующие высшие силы... что-то, безусловно, изобрели сами. Последняя часть, правда, не столь велика, как хотелось бы.

С другой стороны, в то время, как я считаю людей «своими», они меня частью стаи не признают никогда. Пора бы прекращать гордиться достижениями чужого общества, и страдать от его недостатков. Серьезно, Тави, хватит быть великовозрастной балбесиней.

Я опустила на низкую табуретку и снова вслушалась в их дебаты.

— Уважаемые, давайте все же придем к единому мнению, — грохнул кулаком по каменному столу Рю. — К нам пришел молодой саррус за отличного качества оружием — согласитесь, от нас сложно ожидать другого. То есть, мы не можем прямо сказать заказчику «нет».

— Это очевидно, Рю. Давай ближе к делу. — проворчала плотно сбитая женщина, темно-красные волосы которой были уложены в аккуратные косы, у концов прихваченные золотистыми полукруглыми заколками. Одеты все трое одинаково или почти одинаково — несколько слоев искусно выделанной плотной ткани с золотистыми и серебряными орнаментами, обрезанной либо под прямым углом, либо в форме клина. У женщины на голове стальная диадема с крупным рубином, мужчины без головных уборов.

Тот громко продекламировал:

— Параграф одна тысяча семьдесят восемь, раздел «О регуляции экономических взаимоотношений с Надземьем». Подпункт десять «О рунных клинках и ином особо мощном оружии». «Сим запрещается к выносу и вывозу любая частица души жителя Подземья, буде она вкована в металл или заключена в иной сосуд, вреда не приносящий. Любой, кто попытается таким образом пронести клинок либо иное оружие, соответствующее вышеизложенным принципам изготовления, да будет наказан отрубанием обеих рук и проставлением клейма «В», что есть «вор», на левой щеке».

Рю Энд перевел дыхание и заключил:

— Пометка в конце еще какая-то... «За исключением укладов братания с великими правителями Надземья и прочих торжественных случаев».

— Повторим для особо тупых. Для меня, например, — вмешалась я. — Рунное оружие изготавливается с применением каких-то частиц души, о которых я слышу впервые. Так?

— Так, — одновременно кивнули все трое, польщенные тем, что молодой саррус сумел не запутаться в хитросплетениях формулировки закона. Нас же, героев, хлебом не корми, дай только кого-нибудь в капусту порубить. Желательно, пострашнее. А вот всякие буковки — слишком сложно. Я продолжила:

— И два сундука с золотыми рецебами, стоящие сейчас наверху, считаются недостаточно торжественным случаем, чтобы сделать исключение?

— Именно, юноша, — сурово произнесла женщина. Я торчу здесь уже больше, чем полчаса, и ни разу не услышала, как ее зовут. — Сами по себе деньги или драгоценные ресурсы не могут являться поводом для торжества. Это всего лишь справедливая оплата.

— Но ведь тогда и оплаты никакой не будет.

— Мне очень жаль, Брег.

— Даже если я скажу, что необычайное оружие предназначалось в подарок Владыке? — подначила я их. Рю вздохнул:

— К сожалению, при дворе Владыки есть свой поставщик. Даже если бы он решил заказать оружие у нас, сие совершалось бы не таким образом. Со всеми нужными бумагами и разрешениями, которых мы от вас так и не увидели. Это, знаете ли, препятствует всяким богатым преступникам Надземья, что хотят разжиться изделиями мардов для свержения законных королей и императоров.

Да не хочу я никого свергать, остолопы упрямые. Мне бы один кораблик потопить...

— Хорошо. Давайте перевернем ситуацию с ног на голову, — вздохнула я, не видя иного выхода.

— Как же? — поинтересовался третий, золотобородый Вер Гро с темно-карими глазами, упрятыми под массивными надбровными дугами и крупным, мясистым носом.

— Предположим — просто предположим, что я пришел к вам для того, чтоб в кратчайшие сроки изготовить оружие против нового мореходного средства, что грабит купеческие корабли.

— Вы уже говорили нам об этом, — заметила женщина.

— Да, да. Так вот — как еще я могу сделать это, если не обратиться к лучшим мастерам? То есть, если я правильно понял, заказ сделать невозможно. Вернее, возможно, если бы я был королем какой-нибудь захудалой страны. Тогда в рамках церемонии братания я мог бы купить у вас нужное, как вы выразились, «изделие». Как еще можно его получить?

— Ну... вы могли бы сделать его сами, если бы обладали нужными знаниями, — сказал Рю. — Но по этому поводу существует другой закон... сейчас, он тут где-то рядом.

Перелистнув с десятков страниц, он уставился желтыми совиными глазами на самый угол книги:

— Ага! Вот оно: «Ни человеку, ни саррусу, ни хоббиту не позволено обучаться у мастеров народа Подземья искусству, что испокон веков принадлежит и является нерушимым культурным достоянием народа Подземья. В числе таковых — следующий перечень...», так-так, и вот за номером тридцать пятым «изготовление рунного оружия».

— Я чего-то не понимаю, — беспомощно произнесла я. — Так называемые «народы Надземья» уже сотни лет наносят руны на все, что только можно. А то и тысячи лет. Кто-то ведь должен был их обучить?

— Уважаемый, нанесение рун — совсем не то же самое, что изготовление рунного оружия. Хотя слова и термины созвучны, но, поверьте нам, перед вами два принципиально разных ремесла. С другой стороны, вероятно, «нанесение рун» также когда-то было в списке, однако сейчас его здесь нет, — хмуро сказал Рю. Из всех троих он самый разговорчивый, хоть и мард.

— А йрваю можно обучаться? А кентавру? Черт, у нас же еще с десятков разумных рас наберется, помимо четырех Основ! — воскликнула я. — Хотя кентавров сложно назвать действительно разумными. Копытные звери, что еще с них взять.

— Мы не имеем никаких дел с кентаврами, юноша. И не потому, что они неразумны, а только потому, что данная раса крайне неосторожно относится к торговым сделкам, — сухо заметила женщина. — Насчет йрваев, с момента повторного открытия Теджусса, идут постоянные и даже ожесточенные споры. Тем не менее, в Кодексе никаких мер по пресечению доступа йрваев к обучению у мардских мастеров нет.

— Не было прецедента, — заметил Вер, пожимая плечами.

— А был бы, так старейшины еще нескоро бы раскачались на однозначный запрет. Точно так же, как с расой лдимм, — снова ударил ни в чем не повинный стол Рю. Кажется,

он недолюбливает правителей своего народа.

— Итак, я не могу обучиться у рунных кузнецов вашего народа в том случае, если я саррус, человек или хоббит? — осторожно уточнила я. Интересно, что за раса лдимм такая.

— Да. Вы все верно поняли.

Шесть демонов подземного мира...

Кажется, автор изречения «Всегда есть два пути» был прав. Только вот говорил он о пути вперед и отступлении, что, как известно, не путь вообще.

С другой стороны, марды веками строили башню собственной цивилизации, камень за камнем, не слишком вмешиваясь в военные дразги наземников. Неужели им не все равно, кто или что я такое?

— Тогда вынуждена признать, что я не саррус, не человек и даже не хоббит, — угрюмо произнесла я.

— Позвольте, но мы ведь прекрасно видим...

И тут я сбросила личину. В последнее время сей нелегкий для ума процесс занимает у меня какие-то доли секунды. Продолжая сидеть, я уставилась на Рю, который открыл рот, но окаменел на середине фразы.

— Чего застыли? Я и так могу, — нетерпеливо сказала я и скопировала его облик, затем облик женщины, вскочившей с каменной скамьи. — Но только одно лицо — настоящее. К сожалению, оно не слишком приглядное, однако выбрать перед рождением мне почему-то не дали.

— Э-э-э, — произнес Вер, поглаживая золотистую бороду.

— А-а-а, — присоединилась к нему женщина. Кажется, они сейчас запоют дуэтом. — А... вы уверены, что не состоите в родстве ни с одной из перечисленных в Кодексе рас?

— Посмотрите на меня, — улыбнулась я, — Конечно, уверена. Семьи у меня нет, однако схожесть со всеми остальными расами Кихча исключает любое родство.

— Ну... — беспомощно произнес Рю Энд. — Тогда, наверное, можно.

Семья у меня, безусловно, имеется. Однако, раз меня лишили родового имени и возможности наследства, разве не могу я сказать, что у меня нет семьи? Маленькая недоговорка, а сколько пользы приносит.

— Итак, я могу использовать собственные деньги, чтобы оплатить ими необходимые материалы и обучение у великого мастера? — надавила я. Они переглянулись, затем женщина твердо сказала:

— Да. Это не противоречит нашим законам, укладам и традициям. Я тотчас же отправлю весть в Хетжеб.

— Хетжеб? — удивилась я.

— Так зовется наш дом. То, что вы называете Золотой горой, — пояснил Рю. — Вы не против, если я стану вас сопровождать? Случай беспрецедентный, хотелось бы поприсутствовать.

— Думаю, это ваше царство, не мое. Можете делать все, что заблагорассудится, — разведя руками, заявила я.

Вер долго мялся, все поглаживал бороду, как будто хотел спросить что-то совсем глупое. Наконец, подал голос — и совершенно не разочаровал ожиданий:

— Так вы — женщина?

Я с деланным удивлением оглядела себя, затем ощупала и кивнула:

— Несомненно.

Одно лишь потребовала у мардов — никому не рассказывать о моей настоящей личности. Перед наемниками показала в облике Брега-подвижника, хмуρο указала, куда сгрузить сундуки. Брались вшестером — подкладывали под низ ремни из толстой кожи и только так могли двигать. Все же золото.

И жалко его до синих чертиков в глазах, а сделать ничего не могу. Как сказал отец, с ценами меньшего порядка они даже на словах откажутся работать, и сейчас вижу только подтверждение. Сто тысяч, судя по толстому контракту, что держу сейчас в руках, «безвозмездно жертвую государству Хетжеб в качестве уплаты за вероятные потаенные намерения». Хорошо устроились, твари бородатые.

Еще сто тысяч я унесу в глубины Золотой горы. Мне настойчиво предлагали чек Тан'Лубен Хетжеб — видимо, какая-то местная купеческая гильдия — однако я любезно отказалась. Иметь дело с чеками? Ха. Да уж лучше я сама принесу себя в жертву какому-то местному божку, чем отдавать живые деньги и получать за них бумажку. Бывают, конечно, случаи, когда по-другому никак... не в этот раз.

Поворчали, нашли мне плавающую в воздухе тележку. Мы с усилием водрузили на нее сундук, затем Сот, долго глядя мне в переносицу, заявил:

— Ты уж не теряйся там надолго, Брег. Хороший ты парень, мало нынче таких.

Я только хмыкнула, однако обняла его за плечи и с силой, по-медвежьи, похлопала по спине.

— Бывай, Сот. Кихча маленький, авось, свидимся. Рихарду привет передавай, скажи, что успешно добрался.

— Баронет больше за золото свое дрожит, — ухмыльнулся он, отстраняясь. — Передам.

Перед расставанием я сняла с пояса кошель и долго на него смотрела. В недрах дорожного мешка, замаскированный под грубо вырезанную деревянную голову, лежит еще один, битком набитый монетами и драгоценными камнями. Тощий можно и отдать.

Однако предводитель небольшой группы наотрез отказался. Сказал, что платят ему достаточно, а вот мне деньги пригодятся еще. Тем более что я ими так разбрасываюсь.

Мелькало где-то у старого волка сомнение — мол, как этот молодой парень вообще собирается отдавать долг, если столь небрежно обращается с золотом. Видимо, мысли обо мне, как об удачливом искателе приключений, вышли на первый план, затмив остальные. Серые и невзрачные.

Здание, в котором располагался вход в подземную контору, примыкает вплотную к горе. Весь город словно прилепился к серо-желтой поверхности одним боком. Даже городских стен нет, хоть и имеется стража. Говорят, в Бергверке никогда не было бунтов — но и знати, титулованной на обладание городом, нет. Здесь действительно управляют торговые интересы.

Сбоку от конторского дома, прямо в скале, проделано солидное отверстие, которое проходящему мимо путнику кажется обычными линиями, нарисованными на поверхности камня. Только когда створки массивных ворот начинают сдвигаться, с ужасом и восхищением понимаешь: это механизм. Его части ювелирно пригнаны друг к другу, а створки ворот настолько плотно закрывают отверстие, что кажется, будто поработали вовсе не каменотесы, а опытные маги.

Или йрвай. Кажется, у них в племени есть специальная кислота, позволяющая делать из камня мягкую, податливую массу.

Глядя на Рю, тут же ругаю себя за крамольные мысли. Такому не надо делать из булыжника какую-то там массу. Палец толщиной в моих два. Подобными пальцами можно мять камни до тех пор, пока они не приобретут нужную тебе форму. И он, судя по всему, торгош и законник, никак не ремесленник. Они, вероятно, и вовсе звери.

За массивными воротами нас подкараулил еще один мард, на сей раз — в полном боевом облачении. Только маленькие глаза угадываются за массивным забралом из толстого металла. Броня черненная, отдельные полосы поблескивают начищенной сталью, пальцы в искусно скованных металлических перчатках тут же потянулись к моей котомке. Я безропотно отдала, провожая взглядом закрывающиеся врата. Алебарду поставила в угол — она мне больше не понадобится.

Все, в клетке, в капкане. Сердце вопило и металось туда-сюда, однако я лишь шикнула на него и заставила себя успокоиться. Для большей уверенности положила руку на трубчатую рукоять небольшой повозки, почему-то окрашенную в темно-красный цвет. Чем-то, кроме парения над землей, подобные устройства напоминают куфы Торговой Гильдии или флевиллы фабрики Шнапса — вероятно, плохой управляемостью.

Тем не менее, таким образом передвигать невероятно тяжелый сундук легче, чем любым другим.

Мард распотрошил мешок, нагнулся над «головой», с которой я тут же сняла иллюзию, недоверчиво пощупал бока кожаной сумки, затем принялся за остальные вещи. Мешок мой довольно тощ. Там книга, взятая в родительской библиотеке, деньги, небольшой запас еды, швейные иглы с нитками, одежда на смену, небольшой точильный камень, короткий нож, топор и длинная веревка, прикрепленная сбоку одним мотком. А, и привязанная снизу, скатанная в рулон подстилка с покрывалом.

Ах да — еще бурдюк с вином. В этот злосчастный бурдюк и впился цепкий взгляд привратника.

— Что это? — спросил мард, гневно подняв бурдюк за горлышко. Словно задушить его хочет.

— Вино, — пожала плечами я. — Если нужны подробности — «Орогленское», год не спрашивала.

— Вино — нельзя, — покачал головой он, откладывая бурдюк в сторону.

— Да как угодно. А почему нельзя?

Рю подергал меня за рукав, приглашая отойти в сторону, шепнул с опаской:

— Если есть другая выпивка, во фляжке или ином сосуде, лучше отдать сейчас. Вердиктом Ро Вуда из рода Вилсонов распитие и подпольная доставка алкоголя на территорию Хетжеба запрещены.

— Во фляге вода, — заговорщическим шепотом произнесла я, — а больше ничего и нет. Ни выпивки, ни зеленой пыли или как там ее называют.

— Отлично, — с облегчением вздохнул красноволосый мард.

Его тщательно причесанные волосы и борода немного светлее, чем у женщины в конторе, однако все равно не рыжие, а огненно-красные. У людей такого оттенка волос и вовсе не встречается. Глаза желтые, зрачки, словно у совы — круглые, широкие. Явно хорошо видит в полумраке. На пальце кольцо-печатка, которым он скрепил наш договор, после того тщательно протерев извлеченным из-под многослойной одежды платком.

— А что еще у вас нельзя? — на всякий случай поинтересовалась я.

— Многое, — буркнул Рю. — Но, в отличие от алкоголя, все остальное не сразу приходит в голову наземникам. Поскольку вы собрались обучаться у одного из наших мастеров, вам следует найти того, кто подпишет с вами еще один договор. Далее он будет нести ответственность за большую часть ваших поступков в нижнем мире, Тави.

Я, кажется, знаю, откуда у чиновничьих крыс такая страсть к различного рода документам, справкам, грамотам. Переняли у просвещенных бородатых бумагомарателей.

— Предполагаю, что в данный момент эту ответственность несете вы?

— Именно так, — с гордостью и в то же время с опаской подтвердил он.

— Да, еще одно, — сказала я, сдавая для осмотра мечи и расстегивая португеею. — В контракте написано, что на время пребывания в Хетжебе мне будет предоставлен кров и постель. Известно ли вам что-либо о состоянии так называемых «гостевых» домов?

Кажется, досмотреть меня решили целиком. Раздеваться пока не требуют, и на том спасибо. На португее, правда, куча кармашков и пара навесных кошель, где можно хранить все, что вздумается. У меня там лишь всякие полезные мелочи, вроде ингредиентов для некоторых заклятий.

— Увы, нет.

— Проверьте. А еще мне понадобится копия Кодекса. Для изучения.

— Хорошо, но...

— И, если можно, оповестить о моем присутствии здесь всех, кого только можно. По крайней мере, из публичных лиц.

— Но зачем? — удивился Рю. Я ухмыльнулась:

— У вас же есть всякие торговые лавки, библиотечные архивы, оружейные? О трактирах не спрашиваю, запрет на выпивку до сих пор вводит меня в недоумение. Так вот, я в любом случае *вызову* нежелательное внимание. Тем не менее, в ваших силах, мастер Рю, сделать так, чтоб его было как можно меньше.

— Вы не слишком многого требуете? — сухо спросил привратник, которому наш диалог показался чересчур натянутым.

— В договоре ни слова не сказано о том, что... — попытался было поддакнуть красноволосый бюрократ. Наклонившись, я изобразила прямо перед его лицом добрейшую из своих улыбок, смотря прямо в глаза:

— Я не требую почестей, подобно любой из особ королевской крови. Более того, я буду избегать любых двусмысленных ситуаций, в которых под ударом окажусь и я, и те, кто меня впустил в ваш закрытый мирок. Но я отдала за вход сто тысяч, мать их за ногу. И будет очень любезно с вашей стороны попытаться возместить гостеприимством хотя бы часть из них. Правда?

— Д-да, — кивнул мард, отведя совиный взгляд в сторону. — Это... справедливо.

Мне наконец-то предоставили возможность собрать собственные пожитки и указали ладонью вглубь темного коридора. В двадцати метрах от нас виднелась тусклая лампа, за ней еще одна, дальше мгла. Лампы давали недостаточно света.

Я уперлась в парящую тележку и сдвинула ее с места, дальше сундук поплыл легко. Нужно только знать, когда остановиться, разогнанный груз так потянет за собой, что впору и землю носов вспахать. Хотя какая здесь земля — каменная толща, перемежаемая трещинами и прожилками иных пород.

«Джад?».

«Кто... а, капитан. Я сначала подумал, что снаружи кто-то зовет».

«Если я узнаю, что ты занял мою каюту, прибью без лишних разговоров», пригрозила я. «Как ремонт продвигается?».

Старпом помолчал немного, затем Нить исказилась. Ругается вслух, что ли?

«Иногда я жалею, что родился Искрой. Отлично продвигается, споро и без лишних увечий».

«Рада. Ничего, избавишься от меня в своей голове весьма скоро».

«Тави?», обеспокоенно спросил он.

«Джад... я не знаю, что происходит, но сейчас я плыву по течению. Или дрейфую. Короче, у меня чувство, будто на палубе вдруг к чертовой матери сорвало штурвал! В общем, я остаюсь у мардов. На месяц. Или полтора. На какой срок получится, на такой и остаюсь. На этот же срок я, скорее всего, пропаду из зоны видимости всех знакомых магов».

Я слишком много слышала о подземных городах мардов, чтобы не делать подобного предупреждения.

«Но зачем?».

«Все по той же причине. Нам нужно это оружие, демоны его раздери».

«Хм-м. Ясно. В любом случае, чинить рунный двигатель — тоже не самая скорая работа. Удачи там. И береги себя».

«Трогательно, сейчас слезу пущу», зло ответила я. «Не поминайте лихом».

И пнула ни в чем не повинную тележку.

Рю Энд, чинно шагавший рядом, удержался от комментариев.

Глава 5. Солнца Хетжеба

— С ума сойти, — сказала я, прикипев взглядом к пространству, что находилось за толстыми металлическими прутьями защитной решетки.

Подъемник был прост, и, в сущности, гениален. Перед спуском мы прошли взвешивание — так, теперь я знаю, что вешу двести восемь фунтов, Рю — двести семьдесят девять, а тележка, хоть и парит, но все равно давит на землю всем весом сундука. Итоговое число передали вниз по длинной металлической трубке, и мимо нас только что проплыл вверх тщательно подобранный противовес. В Грен Тавале, столице Рид Ойлема, для подъема используется колесо и рабочая сила. Но удивило меня вовсе не это.

Да, как и ожидалось, Хетжеб колоссален. Более того, я подозреваю, что вижу только одну часть города, а на деле их несколько, связанных между собой сетью тоннелей в горной породе. Вот только и эта часть поражает воображение.

Многоярусный, соединенный многочисленными, прямыми, как стрела, мостами, город любовно выполнен по единому плану и замыслу. Строгие геометрические формы домов, одинаковые цвета — серый, золотистый, бронзовый, примитивность крыш. Конечно, кровельное искусство здесь не развилось. Нет дождя, нет снега... разве что камень может упасть.

Там, где нет ярусов, из стен выступают различные прямоугольные барельефы. Судя по всему, это плоды многолетней работы, но отсюда я не вижу, что там изображено. Хотя возможность все хорошо рассмотреть имеется: точнехонько в центре города возвышается монолитная колонна, устремляющаяся к потолку. Наверное, даже великан не смог бы ее обхватить.

И колонну эту в несколько рядов опоясывают круглые источники света, каждый из которых размером в шесть-семь человеческих ростов.

— Я, наверное, чего-то не понимаю, — пробормотала я, наблюдая за тем, как поднимаются исполинские лампы — по мере того, как опускаемся вниз мы.

— Возможно, — согласился Рю Энд. — Я мог бы вас просветить, если бы знал сам вопрос, от которого вы пришли в столь любопытное замешательство.

Я обернулась к нему и, указывая ладонью в сторону мягкого, но всепроникающего света, спросила:

— Но вы ведь живете в вечной тьме? Вернее, простите, в полумраке?

Мард усмехнулся в бороду.

— Мы одинаково хорошо — или, правильнее было бы сказать, одинаково плохо видим на свету и в полутьме. Однако Кодекс велит соблюдать минимальное освещение в пунктах дипломатических и торговых контактов...

— ...для того, чтоб наземники не получили преимущества, пусть даже небольшого? — догадалась я.

— Bravo. Вы делаете успехи, — кисло сказал он, кажется, не слишком обрадованный моей смекалке.

Глядя на вещи с противоположной стороны, я и не должна ожидать, что хоть кто-то в Хетжебе будет мне рад. Чужак, врывающийся в упорядоченное царство застоя и традиций, всегда первым делом мутит воду.

— И как называются эти штуки?

— Полярные газовые лампы. Автор изобретения — Ман Гер из рода Блау. Но мы называем их «Солнца Хетжеба».

Я покачала головой:

— Горазд у вас народ на выдумки разные. Особенно механические.

Рю ответил, любуясь светлыми кругами:

— Чтоб быть справедливым, должен уведомить вас о том, что Ман Гер не местного происхождения. Около шестисот лет назад он переехал сюда из поселения Кельпциг, что на дальнем востоке. Здесь и скончался в возрасте двухсот двадцати девяти лет от роду.

— Кельпциг?

— То, что вы называете горой Придлав, — терпеливо пояснил краснобородый.

— Только не говорите, что у вас есть еще пути подземного сообщения на тысячи миль.

— О, нет! Это сложнейшие горнопроходческие работы. Конечно, перебрался он по поверхности. Но мы работаем в этом направлении.

Мысленно я вздрогнула. Сначала пути под землей, потом по ним пойдут сложнейшие механизмы, управляемые могучей мыслью мардских инженеров, а дальше что?

Когда обучаешься магии, особенно в юном возрасте, структура мира кажется неоспоримой. Вот простые люди, вот всякие титулованные особы, которые, по сути, такие же обычные люди, но с возможностями, значительно превышающими оные у предыдущей ступеньки. Вот следующая ступень — маги, сначала слабые, затем сильные, затем те, кто вышел за грань магии одного плана. И чуть выше — боги.

Потом ты постигаешь мир, видишь вот эти механические штуки, слышишь всякие байки об иных мирах и понимаешь, что далеко не все так примитивно.

А уж как страдают те, которые любят внутри своего разума возвести стройную классификацию — словами не передать.

Меня подергали за рукав, отвлекая от раздумий.

— Когда будете перемещаться по улицам, старайтесь придерживаться правой стороны, — сказал Рю. Я не сразу сообразила:

— Правой стороны чего?

— Правой стороны улицы, относительно направления, в котором двигаетесь. Если вам необходимо зайти в здание на противоположной стороне улицы, рекомендую поворачивать налево прямо у его входа, дождавшись, пока образуется свободный промежуток в потоке идущих в противоположную сторону.

— Эм-м... и это обязательно?

Мард отрицательно покачал головой:

— Нет, такого закона нет, но это считается правилом хорошего тона и взаимоуважения.

Уф. Я еще не особенно успела изучить местные обычаи, однако почему-то не сомневаюсь, что данные «рекомендации» исполняются всеми и беспрекословно.

Наконец, мы опустились на самое дно великолепного котлована города. Снизу он напоминает арену. Большая площадь, по бокам которой, судя по всему, расположились муниципальные здания, а выше, по уровням все больше врезающиеся в окружающие скалы, жилые ярусы города.

Сначала мы направились в чудханд, местное название для бюро документов, где мне выписали нечто вроде подорожной грамоты. Форма, тоже набранная с помощью штампов, хоть и пожелтевшая уже от времени — требовалось только записать свое имя и подписаться. После этого худощавая (для народа мардов) женщина шлепнула сверху квадратную печать и

аккуратно свернула листок, затолкав его в серый футляр.

— А футляр зачем? — с интересом спросила я. Она спокойно ответила:

— Для сохранности важных документов. Кстати, с вас два золотых за футляр.

Я попыталась было поторговаться, но Рю довольно ощутимо подтолкнул меня под колено. Безропотно рассчитавшись, я уже за пределами чудханда спросила его, что он вытворяет. Вежливо спросила, без лишней грубости.

— Цены в учреждениях, оказывающих услуги подобного рода, утверждены правлением старейшин. Либо вы покупаете, либо идете восвояси.

— А в лавках или на рынке? — спросила я, криво ухмыльнувшись.

— Рынка у нас нет... в понимании наземников. Есть кварталы ремесленников на различных ярусах — как правило, там находится и их торговый представитель. С ними можете хоть драться, никто слова не скажет, — ухмыльнулся Рю Энд.

— Кстати, Рю... я что хотела еще спросить. Почему мне оставили мечи? И на алебарду даже не глянули. У вас такие строгие правила входа, и вдруг...

— А вы присмотритесь к окружающим, Тави.

Последовав его совету, я едва удержалась от желания хлопнуть себя по лбу.

Мимо ходили марды. Мужчины, женщины, кто-то равнодушно окидывал меня взглядом, некоторые на мгновение останавливались, заодно давая возможность разглядеть себя. Обилие золотых и даже стальных украшений, крупные поясные пряжки самых разных видов, у женщин их обычно заменяли не менее крупные броши, которыми они зажимают тяжелую ткань прямо под грудью. Серьги, запонки, ткани с поблескивающими металлическими нитями.

Но главное — оружие. Мечи и кинжалы в богато украшенных ножнах, боевые молоты, топоры самых разных форм, как боевые, так и небольшие, метательные. Реже встречались копья и секиры. Эта толпа выглядит не просто толпой, а армией на привале — однако, армией, снаряженной за бесчисленные деньги.

Я кивнула:

— Ясно. Хороший ответ.

— Мы трепетно относимся к оружию, — пояснил сопровождающий, шевеля сильными пальцами так, будто поудобнее перехватывал рукоять боевого топора, — хоть под землей и мало угроз, способных заставить нас вправду взяться за него. Тем не менее, государство Хетжеб создавалось со сталью в руках, и запрещать подданным носить оружие — все равно, что пустить всех по улицам голыми.

— Мне по душе такое правило, — хмыкнула я, погладив эфес простого меча, который сразу же после проверки сунула обратно в ножны. Здесь вообще-то не слишком холодно. Более того, я почувствовала, что мой излюбленный кафтан все же придется оставить на месте временного обитания — спина явно взмокла после небольшой прогулки.

А мардам хоть бы что — закутаны в свои многослойные ткани, как кочаны капусты.

Наверху-то понятно, зима на носу. Сейчас месяц Гроз завершится, и пойдут тягучие снегопады, во время которых замирает вся жизнь. Тем не менее, внутри Золотой Горы намного теплее, чем снаружи. Может, они используют что-то неизвестное наземникам специально для обогрева? Я спросила об этом Рю, однако тот отшутился.

Далее через два яруса вверх мы проследовали к «гостевым домам». Ряд непримечательных зданий из серого камня ютился в конце улицы, правда, от окружающих они отличались только полным отсутствием украшений. В остальном — тот же проект, та

же конструкция. Я уверена, что и внутри различий мало.

В последнем пришлось убедиться, как только зашли внутрь. Только что убранная комната, хоть и была просторной, но заставила меня немного пригнуться. Потолок — едва ли два метра с парой вершков. Понятное дело, мардам, самые рослые из которых достигают целого метра с аршином, излишества вроде высоких потолков ни к чему.

Предельная лаконичность в убранстве. Стол на каменных лапах, крышка, как ни странно, сделана из дерева и тщательно отполирована. Стенной шкаф — просто ниша за тканым гобеленом, правда, с полками и крючками для одежды. Каменная кровать и пара табуретов.

Окон нет, зато имеется газовая лампа с вентилем. Повернула — лампа загорелась, ровно освещая комнату. Повернулась к Рю:

— Думаю, все.

— Возможно, вы захотите какую-то перину или пару одеял, — помолчав, предположил он. Я рассмеялась:

— Поверьте, я с легкостью могу спать на крайне твердых и неуютных поверхностях. А как вы устраиваете смену дня и ночи? Гасите солнца?

Мард пораженно ответил:

— Нет, конечно же, нет. Если одно из Солнц погасло — значит, оно сломалось. Среди простых горожан царит поверье, что подобный знак приводит к беде.

Я удивленно приподняла бровь:

— И когда последний раз такое случалось?

— Около шестидесяти лет назад.

Сильно. Лампы, которые требуется менять раз в шестьдесят, или даже больше, лет... хотя мебель у них, судя по сплошному камню везде и всюду, тоже долговечна. И дома. И сами марды кажутся крепкими и нерушимыми, как будто вытесаны из окружающего их материала.

— И все же, как вы определяете, когда наступила ночь и пора спать?

— Звуковые сигналы. Один удар колокола — время вечерних дел, два — время сна. Три — наступило утро, — с важным видом объяснил филиноглазый мард. Вздохнув, я произнесла очевидное:

— Придется привыкнуть.

— Раньше трех ударов обращаться куда-то все равно бессмысленно. Я слышал, что на поверхности многие трактиры открыты до самого утра... у нас этого нет.

— У вас и трактиров, в общепринятом значении, тоже нет. Как может существовать трактир без выпивки? Это уже не трактир, это... трапезная какая-то, — возмутилась я. Рю молча пожал плечами. — Да и трапеза, должно быть, дрянная.

Мард неодобрительно произнес:

— Здесь, позвольте, не соглашусь. Еда у нас почти не отличается от той, что подают наверху. Возможно, мы растим меньше пряных трав, однако с тем же успехом закупаем их на поверхности. Мясо у нас собственного производства, много разновидностей грибов, мука из пещерных злаков, а, значит, и хлеб, и пироги, и прочая сдоба. Вот с молоком и сырами беда.

— Не беда, — отмахнулась я. — Я вышла из общества гурманов, как только стала капитаном собственного корабля. Правда, потом нам посчастливилось отыскать отличнейшего повара...

— Капитаном? — с любопытством спросил он.

— Ну да. Я выгляжу, как обычный капитан морского судна.

— Я не знаю, как выглядят капитаны морских судов, — пожаловался Рю, заново осматривая меня с ног до головы. — И они все... похожи на вас?

— Боюсь, что среди них гораздо чаще встречаются мужчины. И все они, в том числе мужчины, имеют гораздо более обыденное лицо, — криво усмехнулась я, для наглядной демонстрации щелкнув себя по нижнему клыку. — Но одежда, снаряжение, здесь я почти ничем не выделяюсь.

— Что ж, буду знать.

После того как Рю написал мое имя на специальной табличке, прикрепив ее над тяжелой дверью, и покинул жилище, снабдив меня подробнейшей инструкцией по расположению нужных мне ремесленников, я разлеглась на кровати и уставилась взглядом в потолок. Лампа не слепила, более того, на ее свет очень приятно смотреть — так же, как и на сияние тех огромных фонарей. Посмотри на солнце в летний день, и ты на время ослепнешь. А здесь — ничего страшного.

Кровать, правда, хоть и сделана с помпой, однако стоит прямо по центру комнаты. Нет стенки, в которую можно упереться, после корабельной каюты и различных постоянных дворов — странное ощущение. А еще она коротковата. Чересчур большая для марда, но короткая для меня. За пределы каменного постамента торчат серые лодыжки и ступни с коротко подрезанными когтями. Сапоги, небрежно сброшенные, валяются рядом.

Плевать. Мешок под голову вместо подушки, камень не слишком холодный, не простужусь. Больше ничего для здорового сна не нужно. А мягкие кровати пускай остаются для изнеженных тел дворян и прочих официальных лиц.

Интересно, что за «вечерние дела»?

Не подумала спросить, где здесь у них удобства. Поскольку в комнате имелось всего две двери, я заглянула за вторую и обнаружила аскетичный, строгих форм сортир. Даже дырка, простите, квадратная, что мне показалось очень забавным. А вот чего-то, похожего на воду, я в доме так и не обнаружила. Мыться-то где? Или марды совсем не моются, а просто присыпают тело каменной пылью?

Чего-то, походящего на вонь, я до сих пор не чувствовала. Значит, как-то все же моются, только меня все еще не посвятили в сие таинство. Возможно, как в Ластрале, используют общественные бани. Или в Глоффине, где, говорят, под свои нужды приспособили небольшие водопады на Серой речке.

И, да, Серая речка, как можно догадаться, впадает в реку Жемчужную, основную торговую нить Грайрува. Империи Серого Жемчуга. Не потому ли возникло столь странное название? Отвлекаюсь, вообще-то. Сейчас-то я у мардов, недосуг размышлять об исторических эксцессах.

В дверь трижды постучали. Нет, в ту, которая вела на улицу. Я открыла ее и обнаружила двух дюжих ребят, которые тащили еще больший том, чем тот, наверху.

— Копия Кодекса, как заказывали, — отдуваясь, сообщил один из них.

Быстро они. Возможно, Рю отдал необходимое распоряжение еще по пути сюда, но все равно я не ожидала столь скорого и безукоризненного исполнения моих скромных пожеланий.

— Спасибо, уважаемые. Положите на стол, — кивнула я. Один из них недовольно спросил:

— А нам заплатят?

— Ага. Конечно же, заплатят. Городское управление платит всем, кто содействует гостеприимству Хетжеба по отношению к одинокой гостье, — ухмыльнулась я и выпроводила сметливых парней наружу. Видали таких, знаем. У одного вон, борода еще не выросла толком, а уже хочет меня бросить через седло.

Изменчивая кровь демонов! Этот Кодекс, наверное, писали те седовласые, умудренные жизнью глупцы, которым охота контролировать каждый шаг в жизни молодежи. Сначала я пролистала несколько страниц, на которых едва ли не полным текстом было изложено «Наставление для юных умов» Вердрика Ларса Шмидта, затем, понимая, что так книга нескоро перейдет к сути, отделила сразу стопку листов из плотной бумаги.

Думается мне, что наставления мардов все же древнее будут. То есть, это Шмидт стянул у них часть Кодекса, а никак не наоборот.

И пошли уклады, законы, прецеденты и разрешения.

Кодекс знал все, что уже произошло, и предполагал то, что еще только могло произойти. Я теперь понимаю, что фолиант, возможно, и полезный. Однако он был бы гораздо полезнее, если б не весил чертов хахед. Ладно, тысячи фунтов в нем нет, но под сто пятьдесят наберется.

Обручение, женитьба, ведение домашнего хозяйства... а, вот то, что меня интересует. Я вчиталась в мелкие буквы. Почему, если у них зрение неважное, не писать крупно? Или размер букв тоже указан в толстенной книге законов?

«Поведение в общественном месте.»

Не предполагает:

1. Преднамеренное либо непредумышленное убийство, в том числе убийство себя.
2. Преднамеренное либо непредумышленное причинение вреда, в том числе, себе».

Это вообще как? Споткнулся, упал, расквасил нос, а тебя еще и оштрафовали? Или, чего доброго, в тюрьму посадили?

- «3. Кражу, будь то имущество личное или общего пользования.
4. Публичную хулу иного лица с целью клеветы или забавы ради.
5. Публичную хулу заведения либо управляющего органа с теми же целями.
6. Демонстрацию наготы в персональном и художественном виде.
7. Нарушение предписанных правил движения на улицах Хетжеба.
8. Использование устройств, потенциально опасных для общества, а также неизвестных устройств без соответствующих документов и инструкций.
9. Выполнение опасных работ без соответствующих мер предосторожности.
10. Исполнение песен, не соответствующих правилам приличия текстом либо голосом исполнителя».

О, даже про меня пункт нашелся. Хотя, по правде говоря, здесь многие пункты про меня...

Вообще, пресловутые «правила поведения» занимают три колонки из шести на одном большом листе. То есть, немного — если не учитывать, что вместилось их туда ровно сто семьдесят штук. И, если некоторые сформулированы и начертаны весьма мудро, то другие последовательно заставляли впадать меня то в уныние, то в дикий восторг. Например, «Перемещение животных по улице общего пользования без заблаговременного предупреждения городских властей». Или «Исполнение любых стихов собственного сочинения», что следовало сразу за песнями «неподобающим голосом». А еще «Мысленное изображение неприличных фигур и жестов в сторону Великой Истории».

Я, конечно, понимаю, что история мардского народа насчитывает гораздо больше, чем летописи империи, и должна внушать почтение пополам с трепетом, однако мысленное изображение...

Чего здесь не нашлось, так это запрета на игру в карты. То есть, публично играть в карты все же можно. Вопрос в том, где есть место для таких игр. В том, что у предусмотрительных мардов под каждое занятие отведено отдельное помещение или площадь, да еще и со строгим распорядком по времени, я почему-то не сомневалась.

С другой стороны, карт у меня все равно нет. Не прихватила. Вдруг там можно играть только личной колодой? Или они вообще не подозревают, что есть такая штука, как карты. Но это вряд ли.

А с третьей, не играть я сюда приехала. Поставлю пару монет на кон, и наутро очнусь в одних штанах, а то и вовсе без них. И, учитывая правило под номером шесть, несладко мне тогда придется.

Часом позже, в ремесленном разделе, я нашла запись, которая совсем не обрадовала взор.

«Ремесленник, обладающий соответствующей лицензией, вправе отказать в передаче собственных знаний лицу со стороны без объяснения причин. Примечание: лицом со стороны следует считать не только представителя другого рода, но и любое разумное существо, получившее право входа в Хетжеб, будь оно единоразовым или пожизненным».

То есть, какие деньги им не предложи, они могут просто задрать нос и сказать: мол, иди-ка ты, милая, куда шла. Только для мардов и только для своих мардов.

«В то же время, лицо, получившее отказ, вправе обратиться с обжалованием напрямую в совет старейшин, разбирающий случаи высокой важности, к которым относится и данный».

Прецеденты показывают, что средний срок удовлетворения жалобы составляет от трех до пяти лет».

Уф. Говоря другими словами, о жалобе можно забыть.

Трудная, чувствую, предстоит задача.

Корпения над книгой нарушил первый звон, глубокий и размеренный. Я повертела головой, в расчете обнаружить хоть какое-то подобие часов, но потерпела неудачу. Пожав плечами, достала из мешка сменную одежду, которая неким чудом превратилась в тугий узел. Странно, я помню ее совсем другой... до осмотра на входе в гору. Такая шутка или

необычное правило?

За одеждой полетело покрывало, затем платок, который я намочила водой из фляги и тщательно протерла лицо, затем запястья с ладонями, а другим уголком — уши. К сожалению, они требуют особого ухода. Любые ушные болезни до сих пор обходили меня стороной, однако, учитывая их размер, я волком буду выть, если где-то не услежу.

Между первым и двумя последующими ударами колокола прошло приблизительно тридцать минут. Я еще немного полистала Кодекс, стараясь запомнить как можно больше, а затем легла, натянула на себя тощее одеяло, и разум, озадаченный потоком новых сведений, погрузился в сонную темноту.

Глава 6. Иоахим

Конечно, тренировки по контролю собственного сознания в Академии чудо как хороши. Но они не помогают, если тебе вдруг начинают отказывать без видимой причины. После первого отказа я все еще храбрилась, однако после того, как последний мастер молча покачал головой, чувство растерянности пришло на смену былой браваре.

Ни деньги, ни уговоры не помогли склонить на свою сторону суровых ремесленников. Конечно, я подозревала, что искусству переговоров надо учиться с детства, однако нечто было в их взгляде такое... будь я даже самым опытным дипломатом, все равно ученицей рунного кузнеца мне не стать.

Что ж, для того, вероятно, и существует городской архив. Любой поиск следует начинать с городского архива. Даже в деревнях хранится какая-нибудь учетная книга — обычно у старосты, а уж в крупных городах поиск следует начинать только с него.

Если с действующими мастерами не повезло, возможно, обучать меня согласится отошедший от дел?

Открыла для себя один недостаток упорядоченности. Когда все идут по улице с одной размеренной скоростью, может найтись тот, кому эта скорость совсем не по душе. Для коротких ног мардов подходит, а вот для меня — медленный прогулочный шаг.

Еще я поняла, что Рю не зря пообещал мне отсутствие лишнего внимания со стороны жителей Хетжеба. Оно было, бесспорно. Но было настолько ненавязчивым, что я совершенно не чувствовала отчужденности, вызванной взглядами и перешептываниями. Марды свято блюли, насколько вообще возможно, уважение к любому существу. Выше оно или ниже, умнее или глупее... то, что творит существо — его личное дело. Конечно, до тех пор, пока его действия остаются в рамках Кодекса.

Я очень старалась. Нет, серьезно, я имперские и ойлемские законы никогда так тщательно не выполняла, как правила жизни подземников, демоны их раздери. Они не лучше и не мудрее, в них есть множество абсурдных и мелочных придинок, непривычных для любого деталей. Однако в том случае, если марды найдут предлог изгнать меня отсюда взащей, обратно попасть уже не получится.

И, как только «Храпящий» снова выйдет на водные просторы, сражаться нам будет нечем.

Коротко постучав в низенькую дверь, я дождалась, пока с той стороны отодвинется засов. Толстенный архивариус с коротко подрезанной седоватой бородой сначала невозмутимо уставился на мой живот, затем поднял глаза вверх, встретившись с моим взглядом. После короткой паузы произнес:

— Айт Ду. Руководитель архивного бюро Хетжеба. Чем могу?

— Тави, гостья Хетжеба. Не подскажете, у вас хранятся списки мастеров, которые больше не работают?

— Отчего не подсказать, подскажу, — сухо сказал он. — Если бы вы только потрудились объяснить, что означает «больше не работают». Умерли?

— Нет, не умерли, — стусевалась я. — Просто отошли от дел.

— Таких, скорее всего, немного. Пройдемте внутрь. Осторожно, притолока.

— Спасибо, я уже привыкла, — усмехнулась я, пригибаясь. Уже после первой шишки начинаешь задумываться, как бы избежать большего их числа.

Убранство архива также скромное, тем не менее, стены отделаны позолоченным орнаментом, а у одной из нескольких дверей висит нечто, напоминающее стилизованную фигуру марда из каменных пластин многоугольной формы. Как мозаика, только очень крупная.

— Элайза, займись, — приказал Айт молодой женщине, просматривающей какие-то бумаги за столом справа. Она подняла взгляд на меня, затем сняла с шеи пенсне на золотой цепочке и протерла его платочком, ловко выгащенным из-за пазухи. Водрузила на переносицу, разглядывая меня. Я коротко поклонилась, затем поинтересовалась у архивариуса:

— И все? Никаких допусков, оплат?

— А зачем? — пожал плечами он. — Раз уж насчет вас принято особое решение, пользуйтесь теми же правами, что и любой местный. Для них доступ к архивной информации бесплатный и свободный, кроме особых категорий. Информация о жителях и их занятиях к таковым не относится.

— Понятно. Элайза, да?

— Вы расслышали верно.

— Что неудивительно, — рискнула я пошутить, коснувшись одного из тонких золотых колец в левом ухе. — Тави. Просто Тави, без титулов и церемоний.

— И не надейтесь, — усмехнулась она. — Титулы наземников для нас — просто пыль.

— Как и для меня. Суть запроса довольно проста — мне нужны рунные кузнецы. Или мастера по изготовлению рунного оружия. Кто-то, кто больше не творит, однако все еще жив, поскольку всех остальных я уже оббегала.

— С целью? — поинтересовалась Элайза, вставая с невысокого табурета.

— Обучение, — кратко ответила я.

За те, тянущиеся, как патока, десятки минут, в голову уже успела прийти мысль, что девушка где-то пропала. Наконец, она вернулась, неся с собой крохотную бумажку.

— Наши мастера работают до последнего вздоха. Или пока есть силы держать молот в руках, — словно извиняясь, заметила Элайза, отдав мне бумажку. На ней ровным почерком были написаны всего два имени — и напротив них адрес. — На вашем месте я бы поторопилась, поскольку со дня на день данный список может сократиться еще на одно имя.

— Это еще почему? — удивилась я.

— У господина Джеймса из рода Бьюкененов проблемы с сердцем. В возрасте трехсот лет удивительно лишь одно — что они не достигли уважаемого мастера раньше.

— А второй?

— Там... своя история, — пряча взгляд, ответила она.

Нехорошая, видать, история. Или чем-то порочащая благородные уклады общины подземников.

Я поблагодарила обоих и снова оказалась снаружи, под ярким сиянием Солнц Хетжеба. Нужно заметить — несмотря на то, что свет идет лишь от центра, темный камень стен и некоторых зданий отполирован и равномерно пускает не слишком яркие блики на все ярусы. Там, где улицы совсем закрыты от центрального светила, в дело вступают миниатюрные газовые лампы вдоль недостаточно освещенных кварталов.

Учитывая, что окна мардами не признаются, фонари могут гореть хоть всю ночь. Для кого? Тот еще вопрос, если все спят. К тому же, я не видела, как их наполняют газом, когда старый выгорит. Очередная новинка механики, видимо.

Есть идея.

Отчего бы не плюнуть и не пойти сразу по второму адресу?

Что бы там ни было «другое», какая «своя история» связана с тем мастером, я все равно узнаю только когда познакомлюсь с ним. Дряхлый старик, быть может, мудр и сведущ, но он со дня на день отбросит копыта. А состояние смерти, согласитесь, резко снижает качество обучения.

Еще одна улица, на сей раз уходящая от яруса вглубь горы. Здесь и вправду темно, а приземистые квадратные дома кажутся еще ниже. А еще слышен какой-то шорох. Слух у меня ничем не превосходит слух обычного человека, что бы я там ни говорила, тем не менее, шорох очень громкий и настораживающий.

Заглянув за угол, я увидела обычную серую крысу. Ее-то когти и цокотали по камню. Как вообще животное могло выжить в мире, где я пока что не видела ни единой помойной свалки? Разве что питаться тем же камнем, что окружает ее со всех сторон.

У них нет названия улиц. Совсем. Есть номер, просто номер, без буквенных обозначений. Цифры разделены промежутками. Первая обозначает номер яруса, вторая — улицу на нем, третья — номер дома. Обычно здания украшаются только цифрами собственного номера, однако нередко можно встретить и полную запись. Например, «3 12 49». Сорок девятый дом двенадцатой улицы третьего яруса.

Мастер — или, вернее, бывший мастер Иоахим живет в конце улицы, в доме под номером десять. Три — двадцать восемь — десять. Не знаю, дома ли он, однако проверить все равно никогда не мешает.

Костяшками пальцев стукнула в дверь, затем, не поверив, еще пару раз. Твою мать. Его дверь сделана из камня, только слегка отделанного «под дерево» — прожилки, даже пара сучков. Сначала я подумала, что это доски, плотно пригнанные друг к другу. Теперь вижу, что все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

И чем теперь в нее стучать?

Я пару раз пнула дверь ногой, потом сняла с пояса меч и стукнула наверху. Глухо. Изнутри не доносится ни звука, словно хозяин сего прекрасного жилища тоже решил исключить свое имя из списка, выданного мне любезно помощницей архивариуса. Несколько раз позвав хозяина по имени, я также не добилась успеха. А повышать голос нельзя, ибо недопустимая громкость речи в публичных местах.

Усевшись на ступеньки, принялась ждать. Мог и выйти куда-то, не обязательно же ему весь день тут торчать. Записался в какой-нибудь... клуб единомышленников. Или объединение бывших мастеров. Или еще какую-нибудь странную организацию с не менее странными занятиями. Я вдруг поняла, что вообще не знаю, как живут мещане.

Нет, завалиться в кабак мы и сами с усами. А вот здесь — как жить в мире, где в тавернах не подают брагу? Что делают горожане в свободное время? Дерутся? Обсуждают уход за младенцами? Да бросьте, уверена, что младенец-мард настолько суров, что с рождения ест мясо, закусывая черствым хлебом из местной грибной муки.

Хлеб, кстати, неплохой. Я утром купила пару хлебцов у лоточника, так по вкусу и не скажешь, что они из грибов сделаны. Рю рассказывал еще что-то про пещерные злаки, но куда девают их урожай, если не на хлеб, загадка.

Из-за угла донеслось:

— В глубине Нурменгола лежит «Лисбола», судьба у ней непроста...

Я наострила уши, хотя куда уж больше. Если это не песня, исполняемая с

неподобающей громкостью, то провалиться мне на месте.

К счастью, голос был красив, хоть мелодия и прерывалась постоянным хриплым кашлем.

— Борт усопшей сосны видит сны, тихо шепчут ее уста! Кх-хе, кхе, тьфу, мать твою.

Подволакивая ногу, в переулок свернул самый необычный житель Хетжеба, которого мне доводилось видеть за два неполных дня.

Во-первых, он ничуть не соответствовал «чинности облика», утвержденной и рекомендованной составителями того самого толстого фолианта. Мард был обнажен до пояса, на животе красовались два широких ремня, один поверх другого, ниже находилось нечто вроде угловатой и потрепанной юбки. На ногах — плотно зашнурованные и обвязанные какими-то тряпками сапоги.

Я не сразу заметила толстые металлические браслеты на предплечьях. Внимание было приковано к самим рукам. Обе они искусно выполнены из металла, но при этом шевелятся и жестикулируют пальцами в такт песне. Все подвижные части закрыты, поперек груди — крест из толстых металлических полос, которые, видимо, поддерживают руки. И ведь как-то он ими управляет?

Морщинистое, широкое лицо с выступающими скулами, широкий нос, темные глаза. Две блекло-синих татуировки по бокам от глаз. Чем-то напоминают знаки вопроса, но более угловатые, с тремя дополнительными линиями внизу, даже больше похожи на абордажные крюки, чем на письменные знаки. Голова гладко выбрита, даже выскоблена, бледная кожа поблескивает в свете немногочисленных тусклых фонарей.

Седая борода, хоть и длинная, но завязана в небрежный узел. Широкая грудь и слегка выступающий живот до сих пор хранят впечатление дремлющей силы. Наверное, как и у любого марда, однако этот — и вправду нечто особенное.

Кроме того, он еще и поддат.

Слишком по-хозяйски направляется к дому, на пороге которого я сижу, из чего я сделала вывод — передо мной и есть прославленный Иоахим. И, глядя на него, даже можно сказать, чем мард так прославился уже после того, как отошел от дел. Многочисленными нарушениями Кодекса, полагаю.

Поднявшись навстречу ему, я сделала короткий шаг вперед со словами:

— Здравствуйте. Я Тави, ждала вас. Хочу обсудить...

Мард на секунду поднял глаза на меня, потом перевел их пониже и обрадованно вскинул руки, прогремев хрипло:

— О! Си...

Если бы голова уважаемого мастера была сделана из металла, обитатели Золотой горы приняли бы звонкую оплеуху, которую я от души ему отвесила, за первый звон колокола. Старика это не смутило — он слегка пошатнулся, оставшись на ногах. Поднял палец вверх, не слишком внятно проговорил:

— А это — аргумент... может, тогда завтра поговорим?

И попытался обойти меня. Разумеется, я не дала этого сделать, цепляясь за те немногие шансы, которые у меня остались. Взяла его за плечо, твердо заявив:

— Мастер Иоахим, мне нужна ваша помощь.

— А я говорю — завтра, — буркнул он.

— Хорошо, завтра, — кивнула я. — Но сейчас вы подпишете одну бумажку.

— Как-кую еще м-му... бумажку?

— Контракт наставника.

Мард прищурился, пытаясь рассмотреть меня получше, помотал головой:

— Не буду я ничего подписывать. Пошла...

Вторая оплеуха. Надо как-то привести его в чувство — вероятно, тут нужна рука покрепче, чем моя. Хотя на недостаток физической силы никогда не жаловалась, но мне не равняться с мардами.

— Прекрати. Меня. Хлопать, — уже более злым и размеренным тоном.

Я отстранилась и подняла руки вверх, обратив ладони к нему:

— Прекратила. Мастер Иоахим, мне очень нужна ваша помощь.

— Яхим.

— Что?

— Зови меня — Яхим. Не зови тем... другим именем.

Разница, как по мне, невелика.

— Яхим. Мне нужно обучиться искусству изготовления рунного оружия.

— Иди в квартал ремесленников. Чего ко мне привязалась? — злобно фыркнул он.

Я только развела руками:

— Мне отказали все. Я не вашего рода и не вашей культуры.

— Тогда с какой стати я должен принять тебя в ученики?

— Потому что мне это нужно. Потому что я плачу хорошие деньги. Этого недостаточно для мотивации?

Яхим еще немного пораскачивался из стороны в сторону, дернул себя за узел на седой бороде, затем отрицательно покачал головой:

— Деньги — само собой разумеется. Но что хочешь получить ты?

— Знания.

— Тьфу на тебя. Овце понятно, что знания! Ради чего?

Вздохнув, я произнесла:

— Ради мести. Я хочу выковать нечто, способное пустить ко дну величайшее достижение современного мореходства. Корабль, созданный вашими собратьями из горы Рид, полностью защищенный от магии и стреляющий чугунными шарами, что летят во много раз быстрее стрел.

Он икнул, затем расплылся в улыбке:

— Гы... а интересная работа. Только вот почему ты не заказала оружие через этих ублюдков наверху?

Я возмутилась:

— Потому что они сами запретили вынос рунных клинков и прочего барахла за пределы Золотой горы! В смысле, Хетжеба! В смысле, не самих рунных клинков, а каких-то «частиц души» местных мастеров...

— Давай свою бумажку.

Достав контракт из футляра и вложив его в протянутую холодную руку, я с интересом наблюдала, как он корябает свою подпись в нужном месте. Все же мелкие движения с трудом даются его сложным механическим конечностям. Хотя лучше уж с такими, чем вообще без рук. Кстати, на животе у него несколько шрамов. Как будто что-то взорвалось прямо перед мардом, однако Яхим сумел выжить.

— Как ты видишь, — поднял он перед собой руки, из плеч почему-то со свистом вышел пар, — я ни хрена сам не могу. Поэтому не надейся, что тебе все сделают, а ты будешь бегать

рядом и подавать молотки. Еще раз, как тебя зовут?

— Тави.

— Хм... необычное имя. А другого нет?

Я ухмыльнулась:

— Много других. Все перечислить или только основные?

— Да мне... плевать, в общем. Тави так Тави. Что умеешь?

— Творить магию, драться, разбираюсь в лекарском деле и алхимии, знаю все или почти все о парусных кораблях... не так много, если прикинуть.

У Яхима на этот счет было другое мнение.

— Вообще бесполезная. Ладно... приходи завтра с тремя звонами. И с деньгами. Их у меня хватает, однако понадобится выкупить кое-какое имущество. Я распродал большую часть инструментов и оборудования, когда случилось... то, что случилось.

— А что именно случилось? — любопытно спросила я. Он взял меня за локоть и грубо дернул, развернул к выходу из тупикового переулочка, хрипло выкрикнув при этом:

— Чеси отсюда! Завтра приходи, а спрашивать что-либо будешь только по обучению.

Увернувшись от хмельного, размашистого пинка и скорчив гримасу, я, не оборачиваясь, направилась к выходу. Еще прощаться с этим типом... чует мое сердце, общения с ним мне хватит на долгое время вперед.

Почему «бесполезная»? Он намекает на то, что корабли тут не ходят, а магия не работает?

Если с плавучими средствами и так все ясно — озер и рек я внутри горы еще не видела — то вопрос с магией остается открытым. Я ведь больше принимала на веру слова о том, что марды не только сами не практикуют колдовские занятия, но и могут на время гасить Искру в каждом волшебнике, хочет он того или нет.

Как говорил коллегияльный магистр Кертис Вунтен, «Любое сомнение, что может быть проверено — должно быть проверено. Иначе вы недостойны называть себя магами».

Магистры вообще редко опускались до банальных лекций в Академии Телмьюна, хоть она и приписана к их ведомству. Правда, когда опускались — это всегда было достойно присутствия. Перемежая прописными истинами смелые магические опыты, они вдальблывали в наши головы чувство собственного достоинства, смелость и предусмотрительность.

Кертис всегда был мне симпатичен, хоть он и холодно относился к любым «иллюзионистам», он же из всех семи чаще всего бывал в наших аудиториях. Говаривал маг, что задача Коллегии состоит не только в поддержании всемирного магического равновесия, но и в воспитании достойной смены. Стоит заметить, что, глядя на результаты воспитания, он явно был недоволен.

К тому же, спустя всего два года после выпуска я очень близко подобралась к нарушению того самого магического равновесия. Это с моим-то слабеньким вторым кругом. Да так, что магистр Вунтен был вынужден вмешаться лично. Потому, уверена, лично меня он хоть и запомнил, но сильно недолюбливает.

Приступим к так называемой проверке любого сомнения.

Добравшись в свое временное место обитания, я поставила на стол небольшую восковую свечу. Села на каменное возвышение, что марды по недоразумению зовут кроватью. Только потом задумалась — откуда у них воск? Воск делают пчелы, пчелам нужны цветы, цветам нужно солнце. Откуда внутри Золотой горы, демоны его раздери, воск?

В том случае, если бы они закупали свечи из Наземья, их стоимость была бы не два медяка, а все двадцать. А то и целый золотой.

Уперлась взглядом в тонкий фитиль, еще белый. Так я увижу, продвигаются ли результаты. Сможет ли он хотя бы затлеть, а уж до вызова полноценного огонька усилием воли еще шагать и шагать. Я уже выяснила, что не могу вызвать привычные мне силы ни щелчком пальцев, ни мысленным усилием, ни долгим и четким провозглашением известного заклинания.

Золотая гора просто скушала всю мою силу без остатка, нравилось мне это или нет.

Скорее всего, способности вернуться, когда я покину Хетжеб, но полной уверенности нет. Потому будет неплохим подспорьем, если я сумею сделать хоть что-то, относящееся к магии. Например, зажечь свечу.

Фитиль оставался девственно-белым, как новенькая парусина. Потуги сделать хоть что-то, вызвать мизерного размера огонек, оставляли его глухим и безучастным. Собственно, каким и должен быть свечной фитиль. Если вдруг с вами начинают разговаривать окружающие предметы — свечи, подсвечники, часы, чайные чашки — вы, скорее всего, не в прекрасной сказке, а в жилище безумного мага. Или близкого к безумию.

Пока что я сижу на мардской кровати и пытаюсь преодолеть блокирующее поле, которое не дает мне применять способности. Известных мне вещей, способных разрушать способность существа к колдовству, всего ничего. Железо либо специальные сковывающие руны. Либо заклятие другого мага, однако магия здесь как бы и не в счет.

Можно ли предположить, что вся гора состоит из железа? Можно, конечно — в случае, если это единственная такая гора на весь мир. А ведь те байки про недоступность магии в поселениях Подземья не относились конкретно к Золотой горе, речь там всегда шла о городах мардов в целом.

Не думаю, что суть только в металле и особых горных породах...

Хм. А если попробовать призвать inferнального демона, который зажжет свечу? Не самое изящное решение задачи, однако я просто обязана проверить, запретна ли любая магия, или только колдовское усилие волшебника, попавшего сюда. Ритуалы призыва, по сути, никакой иницирующей магии не требуют и весьма просты в освоении. Отсюда и множество тайных культов.

Все верят, что демон даст им силу, власть, возможности, укоротит ослиные уши, заново вырастит волосы на плечи... мало ли чем могут руководствоваться люди? А демон, между прочим, всего лишь неприспособленный для жизни на нашем плане организм. Плана — как среде существования, имеется в виду. И вся его мощь, в большинстве случаев, является защитной реакцией.

Особняком стоят существа, тоже относящиеся к классификации демонов, но созданные искусственно. Эти отвечают лишь целям своего создателя. Надо признать, что существуют и лечебные демоны, и созидающие. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев творец обычно хочет получить совершенное орудие убийства. И получает.

Попытка призыва также провалилась. Подошва сапога затерла нарисованные линии, и взгляд мой снова устремился к непреклонной свече. Безрезультатно, тщетно, зря. Я ломала концентрацию, выстраивала в сознании силовые линии, способные оградить от разрушительного влияния Хетжеба, однако фитиль так и не зажегся.

За короткие минуты, разделяющие первый звон и второй, я успела только перехватить пару кусков вяленого мяса да устроиться поудобнее. Завтра определенно что-то будет.

Глава 7. Если наступит завтра

Нет, оно определенно наступило. За мной не водится привычки отлеживать бока, но на сей раз тело слегка ныло, как будто противилось подобному сну. Даже подстилка, которая не раз спасала в дороге, не слишком-то и помогла.

Что ж, земля, в которую меня хотели бы упрятать несколько государств мира, определенно намного мягче. Как говорится, все познается в сравнении.

Я снова добралась до дома мастера, и застала его в нетерпении и полном здравии, да и к тому же чадающим трубкой, чаша которой размером с половину моего кулака. При виде меня Яхим молча кивнул и резво вскочил на ноги, как будто и не стар еще. Хотя... что я знаю о нем? Второй, тот да, невероятно стар по человеческим масштабам, а по Яхиму не скажешь, что ему уже три сотни.

Борода седая, однако, она могла поседеть еще в сто пятьдесят. Морщины на лице — следствие возраста или разгульной жизни? Тело крепкое, да и не так много я видела здесь обнаженных торсов, чтобы сравнивать.

А еще надо спросить, как он умудряется нарушать едва ли не половину важнейших предписаний Кодекса. Что я и сделала, пока мы шли к бывшему зданию его мастерской.

Мастер только ухмыльнулся, поведав мне дивного идиотизма историю.

— Совершенно любое законодательство, девчонка, это когда не только правая рука не знает, что делает левая, но и ноги заплетаются одна за другую. Оно ведь как выходит — я вроде бы сведущ в своем деле. А все ребятки моего уровня не только находятся на особом положении, а и обречены на вечное заключение в стенах горы. Виной тому сам Кодекс. Скажу честно, я не ищу приключений в Надземье. И здесь хорошо. Потому сложившаяся ситуация меня полностью устраивает, кхе-кхе.

— То есть, вас не выпускают, потому что нельзя? — уточнила я. До раздела ремесленников и правил относительно них еще не добралась, придется так спрашивать.

— Нас — мастеров, или меня? Завязывай с этим «вы». Ученик должен испытывать уважение к учителю, но к демонам формальности. Если меня что-то не устроит, я тебя просто отлуплю, — хмыкнул Яхим.

— Где твои года, старый хрыч, — усмехнулась я. — Отлупит он меня, как же. Я вообще-то при оружии, и не позволю себя тuzить всяким балбесам, пусть они и в летах.

— Это, что ли, ты называешь оружием? — указал он на рукоять меча и неуловимо быстрым движением выдернул его. Придирчиво осмотрел от кончика клинка до наверхия и... сломал механическими руками, словно простую тростинку!

— Ты что творишь?! — моментально вскипела я и выхватила из-за голенища сапога нож, приставив его к горлу марда. Тот поднял руки вверх:

— Ты меня резать собралась, или тебе нужен наставник? Вот мой первый урок: этот клинок — дрянь. Закажешь новый меч или скуешь сама, как захочешь. Но драться дерьмовой сталью — неуважение, прежде всего, к себе.

Я выругалась, грязно и долго. Яхим с интересом вслушался, затем с одобрением заметил:

— А последнее надо где-нибудь записать.

— Ты полоумен, старый пень, — покачав головой, процедила я. Тот хохотнул:

— Я знаю! И это прекрасно, не правда ли?

Достопочтенные граждане шарахались от нас, как от чумы. Главным образом, от кузнеца, тем не менее, я ростом и внешностью также вносила свою лепту. Яхим продолжил объяснения, которые я прервала:

— В общем, получается что? Живи — не хочу. Я действительно могу творить все, что мне вздумается, старейшины никогда не выгонят мастера из города, хвосты поджали и боятся, что я тут же поведаю всему свету о секретах рунной ковки. Штрафовали не раз, это да. Но я скопил достаточно денег, чтобы жить безбедно и платить все штрафы еще лет пятьдесят.

— Доиграешься, Яхим. Ради такого возмутителя спокойствия им вполне по силам и особый закон издать.

— Пока раскачаются, я уже сдохну, кхе, — скептически заметил он. — Жизнь в Хетжебе течет очень неспешно.

— Кстати. Если у тебя так много золота, почему принял мой контракт?

Мастер скривился в гримасе и поводит рукой в воздухе, изображая какой-то не вполне определенный жест:

— Во-первых, кое-кто был очень настойчив. Во-вторых, я вчера невероятным образом захмелел!

Фыркнув, я поправила:

— Ты нализался до пьяного визга.

— Я божественно нажрался! — сердито сказал Яхим, подняв стальной палец вверх. Его локти, только сейчас заметила, похожи на части нашего рунного двигателя. Такие большие диски, окантованные золотой каймой, один из которых свободно вращается внутри другого. Странная механика.

— И где только достал выпивку...

— Но-но! Секрет профессионального мастерства. Расскажу, но за отдельную плату.

— Да пошел ты...

— А контракт... скажем, мне было скучно. Сойдет за причину?

Кивнув, я ответила:

— Вполне. Если оценивать по возможности досуга, Хетжеб — гнилое болото. И вы в нем, как лягушки: плаваете, дрыгаетесь, а болото не покидаете. Потому что свое, родное.

Вопреки ожиданиям, мард только рассмеялся:

— Охренительно точно подмечено. И это ты еще на пьесах не была.

Мое недоумение в этот момент было просто не передать словами.

— Какие еще пьесы?

— О-о-о... некоторые из моих «приличных» собратьев мнят себя великими драматургами, и ставят невероятно скучные и продолжительные пьесы. Ну, знаешь, где напыщенные болваны замогильным голосом читают какую-то лютую чушь. Благо, что лицейский дом находится в другой части города, — с облегчением вздохнул мастер. Я удивленно сказала:

— Не думала, что марды сильны по части лицедейства.

— Выдам большой секрет. Только, смотри, никому, — деланным шепотом проговорил он. — Они и не сильны! Зато другие, стремящиеся быть озаренными ореолом славы, ласкают их слух всякими лестными глупостями. Отчего все эти дрянные актеришки еще больше возносятся в собственных глазах, кхе, кхе, тьфу, мать их.

Такое чувство, что ему пресловутые актеры не то в суп плюнули, не то на лысину

нагадили.

— Вот мы и на месте, — хмуро заметил мастер, выуживая из кармана металлическое кольцо с единственным ключом на нем. — Я несколько раз был здесь, оплакивая былое, однако в мастерской по-прежнему стоит страшная разруха.

— Как будто меня это остановит, — ухмыльнулась я, привычно пригибаясь на входе.

Черт побери. Я такой разрухи не видела с того момента, как мы нашли безжизненно дрейфующий торговый корабль, на борту которого не осталось ни единого человека. Тут и вправду словно что-то взорвалось.

Я повернулась к кузнецу:

— Яхим... а ведь ты был тут, когда все произошло.

— Какая же ты, мать твою, догадливая, — злобно произнес он, стукнув кулаком в стену. Движение было сопровождено очередным паровым свистом. Ни кулак, ни каменная стена от такого обращения не пострадали.

Помещение кузницы значительно больше, чем обычный мардский дом. По правде говоря, оно занимает площадь трех-четырех домов, однако о том, что это была именно кузница, напоминает только полукруглой формы печной очаг. Труба, идущая от него, очень массивна. Увидев такую в обычной крестьянской хижине, я подумала бы, что ее возведением занимался исключительно неумелый печник.

Тем не менее, это Хетжеб. И мы в кузнице некогда одного из лучших мастеров города, что наталкивает на определенные мысли. К примеру, мысли о том, что такая конструкция устроена вовсе не зря.

— Здесь ничего нет, — выдали мои уста еще одно очевидное предложение. — Как ты собрался меня учить?

— Кое-что придется выкупить, — вздохнул Яхим, — Я распродал все инструменты, все равно мне больше не трудиться. А после рунной ковки переходить в обычные кузнецы...

— Тяжело?

— Унизительно. И, знай, взбалмошная девчонка. Полное обучение может занять до сорока лет. Если ты намереваешься провести тут годик и сбежать, сразу учись тому, что тебе нужно.

Изобразив легкое раскаяние, я сообщила:

— Вообще-то, я думала о совсем небольшом сроке.

Он насторожился:

— То есть?

— Месяц, возможно, два.

— Кхе! Кхе, кхе, кхе... ты издеваешься! Даже соберись мы тут все вместе — я, Джон древний Ям Виль, Лард Мил из Филлморов — нам не вдолбить в твою ушастую башку хотя бы пары премудростей настоящего мастерства!

— Настоящий мастер вобьет, — пожалала плечами я. — Кроме того, мне не нужно постигать все секреты... лишь одно оружие, отточить его изготовление до идеала.

Некоторое время Яхим еще гневно раздувал ноздри, казалось, его темные глаза сейчас засверкают молниями. Обошлось. Воздух вышел из его груди с тяжелым присвистом. Что-то явно не в порядке с легкими, заметила та часть разума, что некогда прилежно усваивала знания по лекарскому делу.

— Плевать. Нам нужны инструменты. И хорошая наковальня. И меха. Для начала. Потом... куча заготовок. Ты вообще хоть что-то умеешь?

— Нет. Если говорить о кузнечном деле — увы, нет, — покачалась я.

— Дура, — веско произнес кузнец. — Не понимаю, на что ты надеешься.

— На наставника, которому, согласно его словам, очень скучно. А еще я быстро учусь.

— Все так говорят.

— Но не у всех один из родителей — йрвай, существо с невероятной памятью.

Мастер чуть не подавился трубкой, которую снова собрался раскурить.

— Кто?

— Йрвай. Вернее, йрвайка, из племени Поющей Скалы, — разъяснила я. — Их ум очень гибок и способен запоминать все, что видит или слышит. Практически все. Скажу честно, в жизни ее кровь не раз помогала.

— А я скажу, что затейник твой отец, — покачал головой грубый мард. Узел на бороде, как маятник, последовал за его движением.

— Как будто по мне неясно.

— Ладно... быть может, ты и не совсем безнадежна. Доставай деньжата, длинная, и пошли за инструментом.

* * *

На инструментах и другом оборудовании мы долго не задержались. Яхим словно заранее знал, к кому идти и где брать самое лучшее. Что ж, он тут вырос. А затем мы застыли в местной гильдии литейщиков, словно муха, попавшая в патоку.

— Вот что это такое? — в гнев стучал он кулаком по наковальне.

Мард средних лет, чье круглое лицо обрамлено пышной коричневой бородой, задумчиво смотрел на нас, но больше, как ни странно, уделял внимания моему наставнику. Наконец, он рискнул ответить:

— Это наковальня, уважаемый.

— Это дерьмо свиное! — вспыхнул рунный кузнец. — Где наковальни из медленного сплава? Почему я должен довольствоваться обычным? И что за литейные нынче пошли, если не могут предоставить лучшее?

— Это стандартный сплав восемьдесят семь, мастер Иоахим. Если вы ищете наковальни из сплава девяносто пять, вам следовало сразу обратиться к Лин Франку. Его литейный цех находится в конце улицы, здание под номером двадцать один.

— Пошли, склочник, — потянула я его за плечо. Когда мы оказались снаружи, Яхим обрушился на меня:

— Почему ты не оказываешь мне должного уважения в присутствии других?

Язвительно усмехнувшись, ответила:

— И не обязывалась. Во время учебы — пожалуйста, а сейчас я деловой партнер по восстановлению твоей мастерской. Разве не так?

— Так, — сварливо кивнул он. — Но могла хотя бы поддержать.

— В идиотском требовании сию же минуту доставить нам тот товар, которого у него нет? Ищи дураков. Яхим, ты нарочно пытаешься сделать так, чтобы весь Хетжеб тебя ненавидел?

Мард скрестил руки на груди, встав в горделивую позу:

— Да мне вообще наплевать. Еще скажи, что я должен щадить чьи-то чувства, точно

прибью.

— Прибивалку отрасли для начала, — хмыкнула я. — А что это за медленный сплав?

— Увидишь, — буркнул он, шагая по едва обитаемой улице.

И вправду, увидела. Когда кузница стала обрастать Действительно Необходимыми Предметами, многие из которых были мне незнакомы, Яхим вручил мне большой молот и приказал с размаху ударить по наковальне.

— И что произойдет тогда?

— Прекрати оспаривать мудрость наставника. Лупи, со всей дури.

Не заставляя себя долго упрашивать, я двинула по наковальне мощным ударом с плеча. Как если рубила бы противника. Тяжелый молот приземлился, издав приглушенный звон, и... все. Нахмурилась. Чувствую, что-то здесь не то. Ощупала поверхность наковальни — холодная, как и была, слегка шероховатая.

— Ощущаешь? — хитро спросил мастер. Задумчиво кивнула:

— Ощущаю. Понять бы еще, что.

— Совсем ты темная. Отдачи же нет!

А ведь, правда. От такого удара инструмент должно было отбросить назад почти с такой же силой, как и сила удара. Тем не менее, боек молота словно влип в темный металл наковальни, даже не подпрыгнув.

— Что за сплав такой удивительный?

Яхим развел руками:

— Я кузнец, а не литейщик. Знаю, какими свойствами он обладает, но секреты его хранятся внутри гильдии. И поставляется он не только нам, само собой разумеется. С такой наковальней вся мощь твоего удара, в том числе и предполагаемая сила обратного действия, уйдет в проковку клинка!

Криво усмехнувшись, я полюбопытствовала:

— И много у вас таких секретов?

— Хватает. Разводи огонь и суй туда заготовку.

Яхим чуть ли не силком напялил на меня какой-то кожаный передник, объяснив, что его народ в сродстве с высокими температурами, и обжечься по-настоящему может только безбородый мальчишка. Или чужак, вроде меня.

Нет, я видела кузнечные фартуки и раньше, однако этот больше походил на попону для лошади, чем на защитную одежду. Подозреваю, его с какой-то скотины и сняли, специально для меня. Еще перчатки со слишком широкими раструбами. К счастью, пара подобных, но пригнанных по более тонкой руке, чем пятерня мардов, у меня имелась с собой — купила в Бергверке. Когда я сбегала за ними, дело пошло куда более споро.

Конечно, мой благородный наставник не раз дал почувствовать себя откровенно тупой и неумелой. Три или четыре заготовки обычного ножа, которые я вроде бы проковала старательно, он бесхитростно сломал между пальцами, неустанно давая наставления:

— Для начала, тебе надо обучиться самому процессу закалки металла. Ручки у тебя так себе, но удар, признаю, ничего. Для наземника.

— Механическая работа — вот что главное! А ты лупишь молотком куда ни попадя, вот и выходит сплошная дрянь. Надо аккуратно, вершок за вершком, так, чтобы каждый участок металла был равномерно сжат.

И прочее в том же духе.

Даже сам показал, что и как, превратив полосу металла толщиной с треть вершка в

грубое лезвие. Еще не заточенное, не сформированное окончательно, однако даже с его неуклюжими искусственными руками работа вышла куда более изящной, чем мои потуги.

Устало вытерев со лба набегающие капли пота, я уселась прямо на голый пол. Оперлась спиной о стену, смотря на то, как учитель набивает очередную трубку. Кстати, ее вонючий дым становилось куда легче переносить в жарком помещении кузницы.

— Сдохла? — ласково спросил Яхим.

— Не дождешься. Расскажи что-нибудь про рунное ремесло, раз уж ты отказываешься так сразу ему учить.

— Я не потому отказываюсь, что нельзя, а потому, что бесполезно. Если ты пока не понимаешь, благодаря чему что получается в обычной работе кузнеца, то рунная ковка — это вообще за гранью. Как для рыбы — летать, примерно так, кхе-кхе. Чего тебе рассказать-то?

— Не знаю. Почему ваши бюрократы так стараются разграничивать нанесение рун и изготовление рунного оружия?

Мастер нахмурился:

— Потому что меч, на который нанесли пару невидимых знаков — еще не рунный меч.

— Идиотизм, — покачала головой я. — Почему тогда не назвать это по-другому?

— Потому что только тупые наземники любят давать название новым для себя вещам, при том совершенно наивно считая, что постигли их суть! Рунная ковка — грубо говоря, те же силы, но примененные совершенно другим способом. Ты замечала, что руны лучше всего работают с металлами?

Кивнув, я заметила:

— В моей команде есть парень, который немного разбирается в рунах. Мангает, как он говорит. Он рассказывал. Но упоминал, что далеко не все можно наносить на металл. А еще — что руническое покрытие, или, вернее, гравировка золота делается совершенно особым образом, далеким от традиционного.

— Как и любых металлов, называемых драгоценными, — добавил Яхим. — Они обладают совершенно особыми свойствами.

— Какими, например?

— Это не относится к делу.

— Да ладно тебе. Секретом больше, секретом меньше...

Кузнец сердито рявкнул:

— Я сказал, нет! Хватит прохлаждаться, берись за молот. Если устала правая рука, бери в левую и продолжай.

«Если устала правая, перехватывай меч левой. Противник не даст тебе времени на раздумия и апелляции». Так, бывало, говаривал Айви Столлрус, мой наставник по фехтованию. Один из лучших бретеров империи, между прочим.

Что ж, многие методы обучения в чем-то схожи. Особенно если они обучают искусству нанесения ударов по чему-нибудь... или кому-нибудь.

Я с грехом пополам отлупила еще несколько одинаково дрянных ножей, однако на последнем, ничем не отличающемся от других, Яхим задержал взгляд. На мой робкий вопрос:

— Есть какие-то улучшения?

Он ответил лаконично:

— Нет. Все та же дрянь.

Потом, кажется, хотел что-то добавить, но смолчал.

Некоторая правота совершенно не приносит радости. Одно дело, когда ты заключаешь пари с кем-то и оказываешься правой. Тут и слава, и почет, и прибыль. А когда ты считаешь, что кузнечное ремесло вовсе не такое простое, как кажется на первый взгляд, что ему невозможно обучиться за короткий срок, и такие мысли оказываются абсолютно верными...

Возможно, в каждом ремесленнике должна быть жилка. Как в маге Искра, так и у хорошего мастера тоже своя Искра в глубине души, только другого цвета или формы. Судя по насмешливому выражению лица Яхима, таковой у меня не нашлось. Вероятно, меня бы это заботило куда больше, если б я всерьез думала заняться подобной работой.

Мне всего-то надо иметь в руках грозное средство устранения не менее грозного противника. В обычных условиях не имел бы значения способ, которым его можно получить. Всегда можно украсть, затеять аферу, подкупить, но здесь...

Конечно, можно было бы пойти на обман, однако именно сейчас риск неуместен. Если уж удалось получить временное подданство Хетжеба, лучше воспользоваться единственным верным путем, направившись по которому, я не попаду в тюрьму, на виселицу и в прочие прелестные места.

Даже простое изгнание означает, что мы будем ходить по темным водам с постоянной дрожью и опаской. Гордость морских разбойников никак этого не примет, команда, скорее, решится на самоубийственную атаку рейдера. Да и у меня глупости хватит так поступить, не сомневаюсь. В результате я уж точно не сомневаюсь — даже если каким-то чудом нам удастся одолеть команду в пару сотен голов, экипаж «Храпящего понесет серьезные потери.

Потому, если в кузнечном деле я продвинуться не смогу, впору бросаться на стены и яростно выть на Солнца, за неимением луны.

А еще я скоро начну ходить и яростно чесываться, нарушая с дюжину предписаний великого фолианта законов Золотой горы. Тот еще риск.

— Яхим.

— М-м?

— Где у вас тут можно помыться?

— Помыться? — вопросительно поднял он глаза на меня. Я обескураженно уточнила:

— Ну... да. Водой. Чистой. Чтоб удалить с тела лишнюю грязь.

— Наземники делают это *водой*?!

Мы уставились друг на друга, словно кошка с собакой. Причем собака впервые в жизни увидела кошку, но инстинктивно чувствует, что должна ее гонять. А кошка хочет залезть на дерево, хоть и понимает, что при необходимости может и морду псу разодрать.

— Учитель... я, конечно, не спорю с местными законами и не лезу с собственными привычками в традиционный уклад жизни мардов. Более того, я ни в коем случае не хочу назвать вас грязными или неопрятными. Но, во имя богов, чем это можно делать, *кроме* воды?!

Глава 8. Разночтения

— Гнусное вранье, — прокомментировала я, когда меня втолкнули в предбанник с воплем «Да она мыться не умеет!». Мардша уставилась на меня, как филин на добычу. Спросила, хлопая огромными ресницами:

— Ты кто?

Сама моложавая, хотя по морщинкам в уголках глаз видно, что уже хорошо за сотню годков перевалило. И в более легком наряде, чем те, на улицах. Неудивительно. В помещении, которое кузнец обозвал «ирам», очень жарко. Но сухо.

— Призрак. Пришла вас пугать. И помыться, если можно, — пожала плечами я.

— Ты мне зубы не заговаривай, — рассердилась хозяйка загадочного места. — Сейчас стражу позову.

О, боги.

— Рю Энд должен был всех предупредить, или позаботиться о том, чтобы предупредили. Официальных лиц города, булочников, вообще всех. Вот только ему, похоже, в голову не пришло, что я захочу смыть с себя грязь, — пожаловалась я, присаживаясь на лавку у стены. — Меня зовут Тави, временно допущена в Хетжеб на правах гостя.

Я заметила, что, когда я сажусь, многие марды тут же начинают относиться ко мне гораздо более благожелательно. Что ж, я и сама бы устала, случись разговаривать с существом в полтора раза выше меня. Шея заболит постоянно голову задирать.

Тем не менее, черноволосая женщина продолжала сверлить меня взглядом. Наконец недружелюбно представилась:

— Садхи, держатель Шестой процедурной.

— Процедурной?

— Да. Процедура очистки от лишней пыли и пота очень важна, — назидательно подняла она палец вверх, я едва не рассмеялась. Только кивнула в знак согласия:

— Всенепременно. Можно воспользоваться вашей процедурной?

Еще одна пауза заняла чуть больше времени, чем мне хотелось бы.

— Разрешаю. Ты вообще знаешь, что делать, Тави?

— Судя по тому, что мой наставник был очень удивлен, услышав, как это делаем мы... нет, даже не представляю.

— Наземники, — с ноткой превосходства произнесла она, затем прошла к большим двустворчатым дверям и приоткрыла створку, поманив меня пальцем. — Иди сюда, серая. Это каменная пыль тебя так покрасила?

— Не-а. С рождения такая.

— Не везет.

У нее самой кожа темная. Вообще у мардов оттенок кожи темнее человеческого, вопреки тем, кто утверждает: без солнца все бледнеют. Люди-то, может, и бледнеют, а местным и так хорошо.

Садхи показала путь вдоль длинного, несколько раз изгибающегося ряда каменных ниш, закрытых плотной тканью. Оттуда доносились разные звуки, однако ни один из них не был похож на звук льющейся воды. Шуршание, кряхтение... скрежет? Из левой ниши только что донесся звук, как будто металлом провели по камню. И с каждым услышанным звуком было все сложнее сохранять невозмутимость.

— О, вот свободная, — обрадовалась она, отдернув ткань. — Одежду скидываешь в кадку, накрываешь сверху крышкой.

— А дальше? — настороженно произнесла я.

Не то чтоб меня огорошило изобилие предметов. Более того, предмет был всего один. Длинная, овальной формы лопатка с изогнутой ручкой. Воспоминания из детства настойчиво продолжали утверждать, что похожей мажордом Йетельд резал торт. Кроме загадочного инструмента, в сплошной стене имелся небольшой квадратный булыжник, очерченный глубокими линиями, и выступающая трубка диаметром около вершка.

Это прекрасно. Это настолько прекрасно, что я замерла в ступоре, созерцая весь ансамбль мардских средств для мытья. Садхи успокаивающе похлопала меня по спине, до плеча явно не дотягивается:

— Сейчас все объясню. Давишь на выступ, из трубки выступит *ирамизис*. Полностью натираешь себя, только глаза закрывай, уж больно он едкий. И затем снимаешь пену *люмпачкой*. Только подожди немного, пока хорошо взойдет.

Ага. Нанести ирамизис, подождать, снять люмпачкой.

Кажется, все просто.

— Благодарю, — кивнула я, глупо улыбнувшись. Мардша задернула плотную штору, крикнув:

— Полотенце по левую руку!

О да, первый знакомый предмет. В самом деле, небольшое горизонтальное углубление с каменным же навесом скрывало в себе плотное, расшитое немного колючими нитями полотенце. Любящие порядок представители подземного народа свернули его аккуратным рулоном, чтоб не промокло и не помялось. Я скатала его и сунула обратно.

Может, мне стоит продолжить практику обтираний? Хотя и воду марды пьют очень редко. Во всяком случае, по стоимости кувшин обычной воды здесь равен двум-трем приличным обедам, а я уж никак не соразмерю свою жажду с местными. Поэтому кадка живительной влаги — и вовсе разорение.

Странно. Я слышала о целых подземных реках. Их что, только для слива нечистот используют?

Я разделась и осторожно прислонила пальцы к холодной породе, надавив и заблаговременно подставив другую руку под отверстие. Оттуда с хлюпающим звуком выступила прозрачная зеленая слизь, которая неровными комками устроилась в ладони. Я скривилась. Не слишком похоже на обычное мыло.

Тем не менее, доводилось мне видеть и различные масла для мытья, что используют в Дейне. Как можно изобрести масло для личной гигиены? Оно ведь жирное!

А слизь — скользкая и неприятная на ощупь. Что ж...

Разделив порцию на равные части, я, морщась от странных ощущений, полностью натерлась предложенной субстанцией. Помня, что ирамизис едкий, избегала попадания его в уши, глаза и вообще осторожничала — перед боем лучше недоесть, чем переест, как говорится.

Потом эта штука начала шипеть, жутко щекоча кожу. Никогда не боялась щекотки, однако, как оказалось, зеленая дрянь действует особенно сильно — сдерживало только понимание того, что за смех в ираме меня вполне могут счесть угрозой для общества. А из груди рвался не смех, а жуткий хохот. Кожа покрылась мурашками, и все скрыла обильная зеленовато-белая пена. Я как будто стояла в шубе из белого меха.

Подцепила пальцами клочок пены, который продолжал раздуматься со слабым шипением, поднесла к глазам. Жуть. Кажется, что на тебя смотрят множество глаз, которые потом вдруг разлетаются на мельчайшие осколки. Совершенно не похоже на мыльную или какую-то другую пену.

Когда пена начала слабо жечь, я сняла лопатку и начала неумело снимать с себя «шубу». Вот здесь бы пригодилась вода. Полностью удалить все излишки загадочной слизи не получилось, кроме того, вспенилась она не вся. К счастью, неизвестный мне металл снимал ее без остатка, пришлось орудовать инструментом, словно скребком для коня.

Может, когда-то так и появились скребки для лошадей?

С другой стороны, я слишком много простых вещей приписываю достижениям мардской мысли. Возможно, некоторые вещи выглядят слишком непривычными или откровенно дурацкими.

Колючей тканью я стерла последние следы и с удивлением ощутила, что ирамизис действительно чистит, да еще как! Пылающая кожа словно дышала заново. Небольшие участки плотной черной шерсти на тыльной стороне рук стали как будто более пушистыми, даже поблескивающими. Под потолком тускло светился очередной газовый фонарь, обеспечивая прекрасную видимость.

В голову пришла шаловливая мысль. Пустить в народе слух о чудодейственном средстве для омоложения и обретения красоты, а затем из надежного укрытия наблюдать, как армия верноподданных гражданок империи штурмует подходы к Золотой горе.

Когда я выбралась из небольшого лабиринта, Садхи обеспокоенно смотрела на карманные часы, массивные, хорошо сработанные. Увидев меня, она зачестила:

— Полотенце туда, на общую кучу, а сама давай, собирайся. Первый звон уже был.

— Да? — обеспокоенно спросила я. — А я и не слышала.

Кроме меня, не осталось никого — все портьеры отдернуты, ниши пустовали, одинаковые, как солдаты в строю.

— Сюда звук с неохотой проникает — все эти ткани, изгибы коридоров. Почистилась?

— Ага, — мимо воли проскочило любимое словечко Джада. — Странно, но ощущение потом приятное. Только этот ваш ирамизис жжется, собака такая.

— Зато хорошо влияет на рост бороды, — ухмыльнулась Садхи.

У меня нет бороды. И не предвидится. Или это попытка состричь? В любом случае, я вежливо приподняла уголок губ, произнеся:

— Я найду еще на днях.

— На днях? — удивленно приподняла бровь она. — Странно, такая серая, а такая чистолобивая.

— Честолобивая?

— Чистолобивая! Чистоту любишь, значит. Ну, все, двигай отсюда. У тебя минуты три, не больше.

Нехватка времени привела к тому, что я, хоть и успела добраться до дома вовремя, всего ничего уделила чтению очередных законов. Пробежалась только мимолетным взглядом по структуре общества подземников и легла спать. Сон, правда, не шел. Вместо него в голову настойчиво лезли странные мысли.

Как только отзвучит второй звон, над городом, погружившимся в тишину, восстают тени предков горной расы, которые блюдут некий, одним им ведомый порядок. Любого, посмевшего покинуть свой дом и бродить по Хетжебу, они утаскивают с собой — и на

следующий вечер еще один дух пополняет унылую армию.

Или... не знаю, на ночь все погружается в иное измерение, а привычные кварталы изменяются до неузнаваемости.

Должен же быть хоть один разумный повод не выходить из дома именно в ночное время?

Да, первое, что приходит на ум — невероятно надежная защита от воров, грабителей, от создания глупых тайных обществ, которые предпочтут действовать скорее ночью, чем при свете дня. Но здесь, где двадцать часов из двадцати светят Солнца, такой вывод представляется несколько скоропалительным.

К тому же, ввиду хитроумных уловок тайные общества могут собираться когда им угодно. Например, в семь утра, когда начинается традиционная городская суeta. Во всяком случае, заговорщики из того романа, что посоветовала мать, делали именно так. Подобный замысел выглядит не только разумным, но и весьма тонким. Как и решение главного героя не делать никаких тайных знаков, например.

Любопытство обуяло меня настолько, что я вскочила с кровати и приоткрыла дверь на улицу, одним глазом наблюдая. Ничего. Вдалеке слышны сдвоенные шаги, однако они принадлежат как раз тем, кто и следит за соблюдением пункта о ночном порядке.

Городская стража здесь, кстати, подчиняется не совету старейшин, а совету гильдий. Справедливо, поскольку именно цеховые мастера должны платить за содержание «сил правоохранения». Так любезно обозначены стражники в Кодексе.

Старейшин всего пятеро. В случае с Хетжебом это и вправду старейшие из мардов, столь высокую должность не может занять никто младше двухсот сорока лет. Кроме того, совет старейшин не может состоять только из мужчин или только из женщин. Каждый из совета иногда занимает, кроме того, должность, связанную с профессией самого старейшины, принимая сан архонта.

Так, например, кузнец может стать архонтом металла, художник — архонтом творчества, каменщик — архонтом строительства и расширения. Под расширением в данном случае Кодекс имеет в виду увеличение города за счет проникновения вглубь горы. Однако, старейшина и архонт не являются единой должностью. Первый может быть вторым, а может и не быть, если у него не хватает ремесленной подготовки.

Тогда в сан архонта производится, цитирую: «лицо, не омрачившее уклады ремесла, представителем коего является, в течение минимального срока в сто двадцать лет». Учитывая, что марды взрослеют где-то в тридцать-сорок лет, можно сказать, что архонтами становятся уже перевалившие за середину жизненного пути.

Как оказалось, каждому архонту подчиняется целый штат дармоедов, однако все решения, касающиеся его сферы, он принимает единолично и несет за них ответственность собственной шкурой. Да уж. Я и без того догадывалась, почему столь развитая технически раса стала жертвой продолжительного застоя во всем остальном, но Кодекс лишь подтвердил мои опасения.

Дать одному человеку решать судьбы чего-то большего, чем его родной огород, означает свергнуть того в бездну страха и неуверенности. Не знаю, может у мардов иначе.

В империи над нами, к примеру, царит весьма противоречивая система — с одной стороны, в случае внезапной гибели повелителя трон достанется самому хваткому дельцу. Претенденты на трон должны основать собственную денежную жилу-компанию, из которой за год вытягивают столько золотишка, сколько получится. Проверка итогов осуществляется

при помощи зловредной Книги Золотых Цепей и одного невероятно сложного заклинания. То есть, в итоге престол займет тот, кто умеет обогащаться сам и обогащать окружающих.

С другой стороны, здравствующему монарху (а Тайная Канцелярия вовсе не дремлет, отражая вечные попытки покушения) вполне по силам дать воспитание сыну или дочери, которые затем преспокойненько развалят огромную страну. Вспоминая слова древней грайрувской поговорки, «убийство наследника-идиота всегда идет на благо».

У мардов как-то... спокойнее. Например, я ни слова пока не нашла о том, что же делать, если старейшина или архонт вдруг умрет в результате насильственной смерти. Хотя у них должны быть свои разногласия. Кто-то кому-то на ногу наступит, а кто-то и на большее способен. Не особо верится, что все вокруг такие учтивые и законопослушные.

Подытоживая, архонты здесь — нечто вроде министров при короле. Одно лишь заинтересовало: пока что я не встретила ни слова о казначее или самой казне. Я уже убедилась, что торговля здесь процветает. Так, если есть деньги в обороте, почему нет министра финансов?

Или же, в отличие от остальных публичных фигур, в Хетжебе его, наоборот, предполагается скрывать от глаз народа?

* * *

Делаю поразительные успехи.

В основном, по обретению самоконтроля при чередке неудач.

Изучаю письменность мардов. Вроде бы и Общий язык, но записанный настолько неудобоваримым методом, что куда там письменам Древних. Попыталась сама научиться писать на нем, пользуясь сборником законов как учебным пособием — ничего не понятно. В одном и том же слове на разных страницах одна и та же буква может писаться с хвостиком в левую сторону или в правую. Поди разбери, что хвостик тот означает.

Кроме того, буквы, явно напечатанные, а не написанные от руки, в некоторых местах невообразимо меняли свой вид. Ширина, стиль, все говорило о том, что Кодекс делали либо в страшной спешке, либо очень небрежно и спустя рукава. Немного узнав о том, как и чем живут хозяева Золотой горы, я полагаю обе версии несостоятельными.

Пришлось отступить.

Свеча не уменьшилась ни на долю вершка. Более того, фитиль по-прежнему оставался белым. Может, лишь слегка потемнел от времени, тем не менее, попытки его зажечь до сих пор не возымели результатов. Каждый раз, когда я, разбитая и уставшая, зачастую с перебинтованными пальцами, приходила и сосредотачивала усилия на той точке, где должно было возникнуть жаркое пламя — ничего не происходило.

Хетжеб давил на меня всей мощью. Какой уровень собственных сил здесь нужно иметь, чтоб зажечь небольшой огонек посредством магии? Или же результат и вовсе не зависит от того, какой ступени диплом тебе некогда выписала Академия?

Воспользоваться магическим лечением, конечно же, я тоже не могу. Приходится вспоминать давно заброшенное искусство составления целебных мазей, микстур и порошков — руки все в ожогах и мелких царапинах. А еще чуть глаз окалиной не выбило на днях, едва успела отвернуть голову. На ухе добавился крохотный ожог, да Яхим едва заметно поморщился, увидев, как я уворачиваюсь от брызг металла.

Как можно догадаться, успехов в кузнечном деле у меня ровно ноль. Заготовки наставник уже не ломает в пальцах, но все еще отправляет на переплавку, как знак того, что ничего стоящего мне так и не удалось создать. Растет не умение, а количество ссадин. Если б они еще и наделяли бесценным опытом, было бы вообще замечательно.

Иногда Яхим сам берется за кузнечный молот, порой помогает мне раздуть меха, когда видит, что я едва уже на ногах стою. Пару раз наградил подзатыльниками, вернее, болезненными тычками в спину. От его кулаков остаются солидные отметины, кажется, что тебя бьют, да еще и по-настоящему — не розгами, а, скорее, цепом для молотьбы.

Несколько раз я позволяла душе взмыть вверх и удалялась вглубь квартала, где с удовольствием наблюдала, как работают настоящие мастера. Потирая сбитые суставы, любовалась, как мерно и без малейшей ошибки отбивают и закаляют топоры, мечи, доспехи, куют дивные барельефы и делают тонкую работу, за которую ни один кузнец с поверхности даже братья не стал бы.

Яхим редко меня сопровождает. Восстановив мастерскую, он стал немного реже пить и чаще общаться с бывшими собратьями по молоту, но самих рунных искусников я ни разу так и не видела. Тех, кого он называл Ям Вилем, Джоном и Лард Милом. Более того вспомнилось, что ни один из посещенных мной мастеров руннойковки не носил хотя бы отдаленно похожее имя.

Быть может, они вчетвером основали клуб Ушедших, и заседают там? С выпивкой, картами, танцами продажных женщин. Остров свободы посреди чинного благообразия Хетжеба, так сказать.

Либо моя буйная фантазия все никак не хочет оставлять различного рода домыслы.

Две декады уже прошли. Кажется, будто зимний ветер сдул лишние дни, как снежную пыль с подоконника. Наверху сейчас должна разразиться самая настоящая зима. Снег, крестьяне, поспешно забивающие остатки свободного места в сарайчиках, сараях и сараищах дровами и хворостом. Городские жители тоже не пальцем деланные — заранее почистили печные трубы, а кое-кто и обзавелся согревающими рунными камнями.

Думаю здесь, в Бергверке, они должны присутствовать в большем количестве, чем где-либо еще. Все же около мардов живут, торговля должна способствовать.

Сами рунные камни, если что, ничего особенного собой не представляют. Просто булыжник, иногда выделанной формы, с хитроумным знаком, начертанным специальными чернилами. Помимо всяких шгук с температурой и водой, рунные мастера могут сделать их взрывающимися, излучающими, или наоборот, поглощающими свет, охранными или подражающими звукам.

Не слишком сильна я в вышеупомянутой области. Вот боцман, не к ночи будь помянут, тот разбирается.

Сейчас, когда пятая часть отмеренного срока прошла, нужно всего-навсего признать: я не продвинулась ни на шаг. Ни в чем. С таким настроением и приходится бороться, потому что оно подшибает колени и ломает спину не хуже разъяренного быка. А надо выстоять, удержать молот... сплющить солидную полосу металла в тонкий, но прочный клинок.

День, день, еще день. Оказывается, от работы можно бежать в нее же. Монотонность и размеренность с успехом заменяют отстраненные размышления, а постоянные оттачивания на мне злобных шуточек не заставляли опустить руки, а лишь подстегивали и подначивали отвечать в том же ключе. Яхим, что бы я ни говорила про его склочный характер, оказался блестящим учителем, неустанно вдалбливая в меня нужные для ремесла основы, заставляя

достигать краугольные камни той огромной башни, что зовется «изготовлением рунного оружия».

Несмотря на отсутствие продвижения, спустя несколько дней заметила, что уже не так уязвима к огню, да и мелких, досадных ошибок совершаю намного меньше. Кую если не так же, то почти так же, как местные — размеренно, удар стал точнее и сильнее, а еще я перестала выматываться, словно портовый грузчик. Уставала, конечно, но спотыкаться на ровной мостовой прекратила.

Пролетел еще десяток дней, или тридцать звонов, как говорят здесь. Я потеряла ход времени, лишь благодаря зачеркиваемым на полях романа дням знала, что холодное время года в самом разгаре. Внутри горы зима никак не ощущалась, более того, температура воздуха совершенно не изменилась. Попыталась выяснить у учителя, однако тот лишь раздраженно отмахнулся, послав меня к архонту снабжения и благоустройства. А на второй раз — в места куда более далекие...

В темных глазах Яхима появилась легкая тень одобрения, когда он не смог с первого раза сломать короткий меч, уже закаленный и отшлифованный, даже приложив всю мощь механических протезов. Они лишь изумленно фыркнули маслянистым паром и затихли. Не смог мард сделать задуманное и со второго, и с третьего раза, лишь согнул, однако закаленный металл легко принял первоначальную форму.

Он изумленно произнес, глядя то на меч, то на меня:

— Этому учатся по пять лет. Три, в лучшем случае.

— У меня нет пяти лет, — с польщенной улыбкой покачала головой я. — Трехсот лет мне не прожить, да и своей положенной сотни, скорее всего, тоже. Приходится учиться быстро.

— Тогда время переходить к следующему этапу обучения. К, собственно, рунной ковке, кхе.

— Я уж думала, ты никогда не скажешь этих слов, старый хрыч.

— Ты выглядишь гораздо более дремучей, чем являешься на самом деле, гоблинша. Может, я и чертовски знатный наставник, но, думается мне, тут дело совсем в другом... смотри, — он ущипнул меня за предплечье. — Твои руки окрепли, ты почти не получаешь ожогов, а сталь, что выходит из-под твоего молота, можно сравнить с работой неплохого подмастерья.

— Пока что этим уроком нельзя фехтовать, — с сожалением сказала я, беря клинок за неоформленную еще рукоять — один только хвостовик, и тот без единого крепления.

— Никто и не требовал создавать произведения искусства. Главное, чтобы обучаемый понял процесс и мог его детально представить. Дальше все будет совсем по-другому.

Я ехидно ухмыльнулась:

— По-другому? Яхим будет проявлять уважение к ученице, не курить свою вонючую трубку внутри кузницы и поделится, наконец, своей контрабандной выпивкой?

— Пока ученица напрашивается на выбитые зубы, это в лучшем случае, — хмыкнул он. — Трубку я не брошу, выпивкой не поделюсь. Если кто-то вдруг решил, что маленькая удача вдруг меня разжалобит, этому кому-то придется очень несладко.

— Ну, хоть глоток, — жалобно сказала я, отпуская рычаг, который открывал и закрывал заслонку огромной печи.

— Нет, — отрубил вредный мард.

— Вот скотина бородатая.

— Завтра ты будешь делать вот такие большие глаза, обзывать меня сумасшедшим и, вероятно, молить о пощаде. Хорошенько подготовься к завтрашнему дню и будь благодарна, что я заранее вселил в тебя страх!

Глава 9. Новые уроки

На следующее утро в мастерской меня ожидал не только Яхим, но и незнакомый мард с жалкими клочками бороды, хаотично разбросанной по широкому подбородку. То, что она была перевязана золотистым шнурком, никак не помогала делу. Шнурок, увы, был крайне замызган и сохранял цвет лишь местами.

Пышных многослойных одежд парень явно не признает. Вместо этого он облачен в небесно-синего цвета бархатный сюртук с золочеными пуговицам и короткие штаны. Из грубых коричневых ботинок трубами выходят темно-синие гетры с белыми полосками, плотно облекая ногу. Забавно видеть эдакого франта в столь суровом окружении.

На широком носу, к тому же, раздвижное пенсне в деревянной оправе, а черные волосы сзади заплетены в тугую косу, которая еще и чем-то смазана. То ли масло, то ли бальзам специальный.

— Я же говорил, что она страшная, — хриплым голосом произнес наставник. Наши разговоры имели тенденцию без всякого предисловия переходить в пикировку, посему я ничуть не удивилась.

— Сам тот еще красавец, только со свиньями в загоне валяться. Познакомь, что ли.

— И дерзкая, к тому же. Это Лард Мил из рода Филморов, некогда известнейший в нашей дыре рунный кузнец. Лард, это Тави, которая рискнула несколько раз съездить мне по морде, чтоб пойти ко мне же в ученики.

Незнакомец даже не улыбнулся, внимательно смотря на меня снизу вверх. Но руку протянул. Я крепко пожала ладонь-лопату, поинтересовалась:

— А чем занимаетесь сейчас?

— Пищевая отрасль, — хмуро заметил он, — грибы, полезные сорта лишайника, каменные специи. Яхим, все?

— Откуда мне знать? — проворчал тот, затем схватил меня запястье и вывернул руку ладонью кверху. На ней отчетливо красовался замысловатый знак, отдаленно напоминающий те самые руны, которые мне уже доводилось видеть. Учитывая, что никаких знаков на моих ладонях никто не рисовал, рукопожатие Ларда Мила, вероятно, стало ключевой точкой.

Что гораздо хуже — я ощущала, как таинственный символ начинает гореть, и боль передавалась все дальше и дальше. С искаженной гримасой спросила:

— И что теперь?

— Теперь — терпи.

— Яхим, я, случайно, не рассказывала, как важно предупреждать, что именно произойдет в результате того или иного действия? Так знай, ты, сын помойной крысы...

— Можешь идти, дружище, — с ухмылкой сказал мастер, не обращая внимания на мою ругань. — Сейчас ей будет совсем хорошо, мы-то подобное переносим с легкостью, а вот изнеженные дети наземников...

— Как знать, Иоахим, как знать, — покачал головой франт. — Я вообще не слишком одобрительно отношусь к передаче сокровенных знаний ей. Однако, раз совет допустил подобное развитие событий — они знают, что делают.

Я злобно наблюдала за, пожалуй, чересчур учтивым разговором. Так бывает, когда встречаются друзья, расставшиеся после очень неприятного инцидента — сплошные

любезности, ни единой шутки или подначки. И, да, терпеть то, что начиналось в теле, было выше всяких сил. Изменчивая кровь демонов!

Что ж, дело чести. Сцепить зубы и не издать ни звука, когда пылающая агония начинает разливаться по телу. От руки она идет выше, к плечу, оттуда к спине и груди, и через минуту понимаешь, что полем битвы стал каждый участок организма. Не в силах бороться с болью, я отшатнулась, оперлась на стену, а потом и вовсе сползла вниз, обхватив колени.

— Эй, эй, — обеспокоенно похлопал меня по плечу Яхим. — Не скопытилась еще?

— Пошел к черту, — глухо процедила я.

— Послушай, что бы изменилось, если б я предупредил тебя? В ожидании боли мы только накручиваем себя еще больше. А так — прошло и прошло.

— У нас... есть практики... есть некоторые методы борьбы с любыми болевыми ощущениями, даже самыми страшными.

Я не соврала. В Академии действительно обучали превозмогать боль, не используя для этого ни крупицы магической силы. В определенные дни это становилось настоящим спасением, хоть я и привыкла использовать магию при любом удобном случае.

Мастер заявил:

— Ишь, чего удумала... не-е, ушастая, это как раз та боль, которую нужно пережить и прочувствовать всю, без остатка. Иначе ты никогда не станешь настоящим ремесленником.

— Я и не хочу! — яростно воскликнула я, сцепив пальцы. — Мне всего-то понадобилось хорошее оружие, и кто виноват, что ваши дурацкие законы не позволяют просто его продать?

— Терпи, терпи, — вздохнул он. — Можешь меня как-нибудь обозвать, если полегчает.

— Яхим...

— Что?

— А давай я тебе глазик выколю? У тебя второй ведь еще останется. Сделаешь себе красивый... ай... протез, будешь ходить важный.

— Они мне еще нужны, — буркнул мард. — Замахнешься на мой глаз — сделаю ожерелье из твоих клыков и буду носить на шее, как трофей.

Скомкав в руках фартук, я бессильно легла на пол, едва ли не скрутившись в клубок. Не отвлечься ни разговором, ни размышлениями. Спазмы огненной ярости волнами ходят вдоль тела, горят внутренности, кожа, глаза, даже волосы и те словно змеями корчатся от боли. Так прошла одна вечность. Возможно, даже одна с половиной.

Сознание, к несчастью, потерять не удалось.

Наконец, когда мне удалось распрямиться и даже подняться на ноги, тяжело дыша, кузнец покачал головой:

— Может, я и вправду должен был... в общем, извини за такой сюрприз.

— Ничего, — мотнула головой я. — Надо — значит надо, я же все понимаю. Сколько времени прошло?

— Минут пять, не больше.

— А этот твой загадочный друг?

— Лард? Он ушел давно. Больно ему охота смотреть, как ты корчишься.

— Зачем он вообще нужен был? — спросила я, измученно глядя куда угодно, но только не на своего учителя. Мучителя, мать его.

— Нет, иногда ты все же тупее камня, из которого высечены эти стены. Как я тебе передам знак, если у меня и рук-то нет? — зло спросил мастер, поднимая металлические

ладони. — Я ведь поэтому и ушел из дела. А Лард может. Правда, я ему за это тысячу золотых отдал, так что...

— Возмещу, — кивнула я. — Почему так важны руки? Твои протезы работают не хуже, во всяком случае, с молотом и наковальней.

— А на этот вопрос ты, Тави, в скором времени ответишь самостоятельно. Вот тебе схема, вот инструмент. На ребре ладони три символа, один над другим, а эти четыре — на костяшках пальцев. Удобнее будет, если сжать кулак.

Осмотрев продолговатый блестящий стержень, я попробовала черкнуть им по камню. Ни следа. Письменные принадлежности Подземья успешно загнали меня в очередной мыслительный тупик, из которого не суждено выбраться самостоятельно.

— Яхим, а как этим писать?

Он слегка наклонил голову, поражаясь дремучести наземницы:

— Раскалить докрасна и писать.

Я скривилась:

— Ты предлагаешь мне выжечь непонятно что на собственной коже?!

— Я предлагаю тебе стать рунным кузнецом, — совершенно спокойно произнес Яхим. — Выбор за тобой, однако, должен заметить, что самую болезненную часть процесса ты уже прошла.

Скрывать не стану, я долго колебалась. Упрямство все же взяло верх — не для того я сюда приехала, чтобы терять время. Руки покрылись еще парочкой шрамов. Не знаю, смогу ли потом их залечить, да и не имеет это такого уж большого значения! Сейчас мало что вообще имеет значение. Не устаю спрашивать себя — насколько далеко я готова зайти ради мести?

Не устаю одергивать разум, который тут же стремится ответить на поставленный вопрос. Не нужно.

Наконец, когда все подготовительные процедуры были завершены, Яхим отвел меня в другую мастерскую, где в одиночестве среди зала стояла большая квадратная чаша из очень толстого, темного железа. Даже не чаша — целое корыто. Жара царила невероятная. Оно и неудивительно, когда перед тобой почти литейный цех: в корыте оранжевым светом переливался расплавленный металл. Я оглянулась в поисках печи или чего-то, поддерживающего температуру, но ничего подобного не обнаружила.

— Как он остается жидким?

— Внутри ванночки (ванночка? Это корытище целое!) специальный нагревательный стержень из гнадия. Он поддерживает расплав в нужном, жидком состоянии. Теперь смотри на меня очень внимательно.

Кузнец прошел вперед, встал по другую сторону корыта и развел руки в стороны, остановил, с силой свел, хлопнув в ладоши. Лязг от хлопка отразился от голых стен. Я недоуменно пожала плечами:

— И что?

— У меня — ничего. Делай.

В точности повторив его движения, я вызвала хлопком солидный всплеск, который, словно живой, вдруг рванулся к моим ладоням. Испуганно отдернула руки. Даже если так и должно быть, ничуть менее пугающим это не становится.

Яхим фыркнул:

— Пугливая какая.

Это, демоны тебя раздери, расплавленный металл. Большого ума не надо, чтобы смекнуть — живая плоть обугливается при температурах куда меньших.

— А теперь сунь туда руки.

— Ты совсем ополоумел?!

— Просто посмотреть на рунного мастера в деле тебе обойдется еще в столько же, сколько ты заплатила мне, — заметил он. — Поверь, наконец, мне и поверь в собственные силы. Ты научилась чувствовать, что делаешь, правильно нанесла руны — иначе расплав бы не среагировал — и теперь готова действительно начать обучение.

— Не слишком ли похоже на колдовство? — скептически спросила я, однако эти слова только вызвали усмешку на его губах. И ответ:

— Тебе лучше знать.

Глубокий вдох, медленный выдох. Пора.

Если б не возможные глубокие раны, прикусила бы язык от усердия. Потянулась пальцами, презрев жар, бьющий прямо в глаза, сощурилась и резко опустила обожженные символами руки в бурлящую лаву. Металл не обжег, не оставил меня без рук, а вместо этого плавно потек по предплечьям, не пересекая незримой границы.

— Что это за... — попыталась задать вопрос и внезапно поняла: мне нет нужды спрашивать. Я знаю. Неясно, откуда именно, но знаю, что за состав передо мной, какого металла и в какой пропорции туда намешано. Конечно, без названий. Названия знает разум, он же и соотносит их с величинами, а здесь, скорее, чувство.

— Самое время подумать, чего ты хочешь, — донесся голос Яхима, приглушенный и бледный.

Окружающий мир словно потерял в красках. Он и до того был серый, каменный, с небольшими вкраплениями золота и серебра, однако сейчас совсем поблек. Идея, какое именно оружие должно поразить тот рейдер, роилась у меня с самого начала. Конечно же, это должно быть копье.

Не представляю, однако, как с помощью обычного копья можно пробить металлический борт солидной толщины. Разве что если оно будет выпущено из мардской баллисты...

В глубине ванны начал формироваться крупный шар чистого пламени, видимый только для меня. Вероятно, металл под руками может принимать какую-то форму, что придаст ему воля рунного мастера. Я сосредоточилась на форме будущего копья — четырехгранное, с отдельными лезвиями для каждой грани, похожее на стилет или бронебойную стрелу с длинным, игольчатым наконечником.

В несколько мгновений из меня словно вытряхнули душу. Одновременно пришло и понимание — почему именно «душа» рунного мастера участвует в создании оружия. Да потому, что он наделяет итог своих трудов едва ли мыслящей частью. Порождает то ли жизнь, то ли аниму, которая внешне похожа на первую, но на самом деле являет собой лишь жалкое подобие.

Внутри раскаленного клубка что-то беспокойно зашевелилось, затем начало собираться в конечную форму. Опустив руку немного глубже, я выловила нечто твердое и подняла его вверх, стряхнув горячие капли. На щеке остался палящий след. Лицо, увы, рунами не защищено.

С недоумением уставилась на то, что лежало в руке.

На копье оно никак не похоже, как и на оружие в целом. Выглядит как чья-то неудачная шутка — бесформенный продолговатый слиток с едва намеченными линиями. Сложно даже

примерно угадать, чего я хотела достичь, смотря на уродливое произведение искусства.

В тишине послышался добродушный смех мастера. Он крикнул:

— Бросай!

Я с непониманием уставилась на него.

— Бросай, а то обожжешься!

Бросив горячее нечто, обиженно затрясла руками. Горячо, даже жжется! Но почему?

Яхим подошел и двумя пальцами приподнял плод моих трудов. С интересом осмотрел со всех сторон, заключив:

— Лучше, чем ничего.

— Но? — ожидая продолжения, спросила я, не забывая дуть на пальцы.

— Хуже, чем все остальное. Сказать по правде, я даже у подмастерьев не припомню такого откровенно дерьмового результата. Как будто и не училась ты, а дурака валяла.

— Я вообще не понимаю, как я это сделала.

— Уже почувствовала себя повелительницей металла, а потом вдруг резко села в лужу?

Ха. Понимать и не надо, — постучал он себя по лысой, вернее, обритой голове пальцем. — Надо чують, что идет не так и в нужный момент поправлять. А ты начала формировать идею и бросила в первый же подвернувшийся момент.

Насупившись, я сказала:

— Так. Яхим, мне нужно подробное объяснение. Как дураку или младенцу. Что это за чувство, с чем его едят, как им управлять или хотя бы направить в нужную сторону. Иначе ничего у меня так и не выйдет.

Кузнец тяжело вздохнул:

— Постепенно вдолблю в твою голову, как нужно это делать. Не все же сразу!

— А еще мне нужна баллиста.

— Зачем?

— Требуется поразить вражеское судно на огромном расстоянии. Причем не просто поразить, а пробить борт и уничтожить вероятное место расположения парового котла. Рукой я ни одно оружие не доброшу, даже самое что ни на есть рунное, — пояснила я свой замысел.

— Можно просто подойти поближе, разве не так?

— Не так. Они палят тяжелыми металлическими шарами на две мили, а, возможно, и больше. Подобраться в открытом море можно только с помощью невидимости, и я не знаю, какое время смогу ее сохранять. В тот момент справилась, скорее, благодаря сильнейшему страху, тем не менее, лишь поэтому нас не разнесли в щепки.

— Будет тебе баллиста, ушастая. Я договорюсь со старыми знакомыми... но даже так тебе она влетит в копеечку. И, конечно же, она будет самая обычная, без всяких секретных сплавов или особо запретных технологий.

Я позволила себе откровенную лесть:

— Даже самое обычное осадное или корабельное орудие мардской работы ценится куда выше, чем человеческие достижения на том же поприще. Просто скажешь мне цену, а я скажу — хватит у меня золота или нет.

Яхим сурово отчеканил:

— Рано пока еще. Передохнула? Давай еще раз, только старайся отсечь лишние эмоции. Все, что не относится к процессу — гони к треклятым демонам.

— А с каким еще сплавом можно так работать?

— Только здесь, и только с этим. Насколько мне известно, вне Подземья так и не сумели построить печь, которая может обеспечивать достаточно высокую температуру плавления, не говоря уже о добыче гнадия — уж слишком глубоко он залегает. Ты будешь меня разговорами отвлекать или делом заниматься?

— Страшно, — честно призналась я, проверяя, туго ли стянула волосы. В первые дни еще поняла, что в кузнице, где постоянно летают искры и угли, рискую остаться вовсе без них, так что теперь хожу с хвостом.

— Теперь, когда знаешь, как оно — страшно?

— Конечно. Я не боюсь неизвестности... может, совсем немного, особенно, когда мне подстраивают подобные сюрпризы. Но известного любой человек, да и нелюдь тоже страшится куда больше, уж поверь!

* * *

Оставшуюся половину месяца училась отсекать ненужные чувства. Попутно, к вящему огорчению, выяснила, что никакой власти над металлами звание рунного кузнеца мне не дает, повторить ремесленный ритуал я смогу только здесь, а всевозможными предостережениями Яхим мне прожужжал все уши. Нет, вообще все, каждый клочок поверхности. А парусность у них — та еще.

Тем не менее, «дело», как его называет учитель, здорово походит на магию. Даже не на магию, а на поклонение богам или природным сущностям. Общий ореол таинственности и загадки, практики, связанные с начертанием таинственных значков, ритуальные жертвы в виде боли и собственной плоти. Печать эта, опять же, которая является пропуском в мир раскаленного металла. И каждый раз — опустошение, которое вновь неохотно заполняется собственной сущностью.

А еще никто, в том числе и я, не задумывался о последствиях. Например, что в итоге я не смогу колдовать, обладая таким знаком на ладони. Проверить это можно, например, покинув город, вот только есть сомнения, что меня пустят обратно. Кроме того, можно зажечь свечу, которая, собака, зажигаться вовсе не хочет.

Постепенно, день за днем, я научилась ковать только лишь с помощью собственного воображения и контроля над сознанием. И, хотя вещи, рождающиеся в расплаве, все еще были далеки от представляемой формы, по крайней мере, они уже похожи на оружие, а не на старый башмак. И день за днем неудачные копыя отправлялись обратно в ванну, где тут же исчезали в высокотемпературной смеси.

— Гляди, что принес, кхе, — заявил однажды Яхим, войдя без стука и бережно опустив на пол сверток грубой материи. Раскатал его, обнажив несколько прямых мечей различного вида.

— Это вроде как извинения за сломанный меч?

— Если и дальше будешь называть ту свою зубочистку мечом, унесу все обратно.

— Да будет тебе, — смеюсь, — он не раз мне послужил верой и правдой.

— Пора начинать пользоваться нормальным оружием, — ворчливо произнес он. Я присела на корточки, разглядывая тускло поблескивающие лезвия, не преминув подколоть:

— А сам-то?

— Что «сам-то»? — не понял Яхим.

— Сам, говорю, фехтовать умеешь?

— Тут иной раз бы задницу подтереть толком с этими причудами, — покрутил он искусственной рукой в воздухе, — а ты про фехтование.

— Столько лет прожил — и сражаться не умеешь? — округлила глаза я. — Так, а ну-ка бери меч.

— Будет еще всякая соплячка мной командовать! Я вообще тебе мечи принес, думал, может, выберешь что.

Я ухмыльнулась:

— Так я и выбираю, вот только всякому клинку проверка нужна. Бери вон тот, с широкой гардой.

Меч, о котором я упомянула, мне не слишком понравился. Прямой, честный клинок, аккуратный дол посередине лезвия, однако грубая сабельная рукоять и сплошная защита кисти, пусть и тщательно украшенная черным травлением. Себе я выбрала другой — также прямой, но с затупленной частью у эфеса, сбоку защищенного витой стальной полосой вдобавок к обычной гарде.

Яхим неуверенно поднял и повертел в руках предложенное оружие, затем спросил:

— И что дальше? Я как-то больше молотом... кузнечным или боевым, без разницы.

— Меч для тебя чересчур длинный, — оценила я, затем связала два факта воедино и удивленно спросила:

— Их что, специально для меня ковали?

— Ну... не совсем. Что не возьмешь, пойдет втридорога наземникам по обычному обмену. Еще чего придумала — прибылью разбрасываться.

Вздыхнув, проговорила, снимая толстый фартук:

— А вы, ребята, гораздо более дружелюбные, чем может показаться на первый взгляд. В общем, смотри — вот такая стойка с мечом называется базовой или классической средней. Ее значение в том, что ты ставишь меч под углом к глазам противника. Это, в свою очередь, позволяет скрыть реальную длину меча и нанести первый быстрый выпад, зачастую поражающий цель.

— Это для тебя она средняя. А для меня очень даже высокая, — справедливо отметил кузнец, я отрицательно помотала головой:

— Не имеет значения. Главное, чтобы острие было направлено примерно в шею, вне зависимости от роста противника. Рукоять держишь вот здесь, ноги ставишь вот так. Хотя Айви говорил, что в базовой вообще нет особого положения ног. Какую удобнее, такую и поставишь вперед. Но учитывай атакующую руку и плечо.

— Как учитывать? — хмыкнул Яхим, подозрительно смотря на меня: что я за чушь втираю. — Оно ведь и дураку понятно, что атаковать лучше той рукой, что впереди. Вместе с ногой.

Я усмехнулась, в чем-то узнавая свои аргументы лет семь назад.

— Не всегда. Особенно, если твой противник — мард, вы, ребята, чересчур любите бой на ближней дистанции. Тогда нанести грамотный удар или выпад можно только той рукой, которая дальше от противника, что стремительно начнет сближаться.

— Хорошо. Вот я стал в твою среднюю стойку.

Пнув его по ноге, заметила:

— Не годится. Передняя нога прямая, ты лишаешь себя пространства для маневра. Запоминай — передняя всегда полусогнута, только если ты не стоишь в длинной или

защитной стойке, а задняя, наоборот, выпрямлена...

Я осталась довольна качеством мардской работы, пусть и противник у меня по всем статьям неважный. Огорчает лишь цена — в трубу вылетели еще восемь тысяч. Страшно представить, сколько стоит «втридорога», если только и вправду не в три раза. И, как я ни пыталась сбить цену, мастера справедливо указали, что на клинке после тренировочного боя не осталось ни царапины, а сама я подобные мечи научусь делать ой как нескоро.

Что и говорить, оружие отменное. Затупленная часть только кажется деталью совершенно идиотской, а ведь сюда будет крепиться Призрачный Танцор. Если темный жрец и, по совместительству, артефактор меня дождется, конечно.

В обычных мечах подобного вида это считается укреплением сильной части клинка. И, скажу по секрету, в настоящем фехтовании можно за всю жизнь ни разу не применить единственный прием, который настойчиво требует остроты лезвия именно здесь.

Глава 10. Осада без стен

Безрезультатно потыкавшись по кузнецам, я узнала, что осадные орудия делают не они, а вовсе даже цех по производству осадных орудий. Легко догадаться, если мозги хоть немного напрячь. Поскольку грубый и незавершенный образец копья с его размерами у меня уже был, я направилась на поиски. Впрочем, они завершились быстро.

Цех оказался на самом первом ярусе — не том, что верхний, а на дне. В отличие от Роксомма, здесь быть на дне — буквально «находиться в самом сердце почета и уважения». Так, на основной площади первого, он же нижний, яруса располагалось здание совета, суд, квартал механиков и исторический архив. Чуть поодаль раскинулись кварталы рунников, как кузнецов, так и начертателей, а еще дальше, примыкая к одной из стен горы, возвышалось требуемое мне здание.

Мастерская Яхима, кстати, была на втором ярусе. То ли в бытность его действующим ремесленником рунные кузнецы еще не были в таком почете, или, что более вероятно, наставник и тогда позволял себе игнорировать некоторые пункты законодательства. Не устраивающие лично его.

Такая дверь, что и не знаешь, как в нее стучать. Две высоких створки толщиной в три-четыре Кодекса, прямо, врата целые. К счастью, я заметила сбоку длинный шнур колокольчика, которым местные почему-то не пользуются, предпочитая колотить в каменные двери, выточенные под дерево. Наверное, у самых богатых — из настоящего дерева, но с купцами Хетжеба общаться еще не приходилось.

Дверь — часть ворот, которую я сразу не заметила — открыла миниатюрная девочка с плоской каменной скрижалю в руках. Увидев меня, она завизжала и закрыла проем с силой и скоростью, подобающей взрослому мужчине. Я запоздало крикнула:

— Эй, я тебя не съем!

И еще раз потянула за шнур, который снова разбудил мелодичный колокольчик внутри. Дверь снова приоткрылась. На сей раз там образовалась лишь тонкая щель, достаточная, чтобы разглядеть глаз. Глаз, в свою очередь, разглядывал меня.

— Честно, не съем, — пообещала я, стараясь не улыбаться. — Мне нужно поговорить с ответственным за внешние соотношения Тин Маром, или хотя бы со старшиной цеха Ари Заком. Есть заказ.

Не знаю, что больше подействовало на девочку — миролюбивый тон, упоминание ключевых людей, то есть, прошу прощения, мардов или магическое слово «заказ». Однако, убежала она довольно шустро. И минуты через две тот же самый проем уже распахнулся широко, а средних лет мужчина приглашающе указал внутрь.

Выглядит необычно. Довольно высок, дышит не в живот, как остальные, а чуточку повыше... внимательные бледно-синие глаза, черноволосый и чернобородый. Безупречно вычищенная одежда, такая же, как и большинство виденных мною — накидка с угловатыми полами и широкими рукавами, однако плотно пригнанными манжетами. Цвет ее, правда, светло-песочный. Жители Хетжеба предпочитают больше темные тона.

Борода заплетена в несколько кос, перевязанных лентами в тон одежде, усы аккуратно расчесаны и уложены вдоль губ. Тщательно следит за собой, при этом не старается выглядеть аляповато и крикливо, интересный мужик.

— Чем могу вам помочь? — приятным басом спросил он. Помещение, где мы

находились, отгорожено от остальной части цеха — небольшой домик внутри большого. Благодаря этому здесь почти не слышен шум, а шума там хватает.

Я помню отцовские заводы с их тяжелыми станками и паровыми молотами. Ни один из них в долю не падает увиденному здесь, поскольку весь процесс настолько отлажен, что сами марды кажутся деталями хорошо пригнанного механизма. Массивные хватательные и переносящие приспособления, управляющиеся при помощи всего лишь пары рычагов, длинные конвейерные ленты, снующие туда-сюда тележки и живые существа. Кажется, я даже заметила парочку людей, хоть и не слишком уверена.

Одно лишь непонятно. Такая суета способна за месяц удовлетворить потребность в осадных орудиях для небольшой армии. Куда они девают остальное?

Или же у Хетжеба, впрочем, как и других подгорных стран, какие-то свои войны? Со злыми духами, с другими народами, неизвестными наземникам?

— А вы кто именно — Тин Мар или Ари Зак? — уточнила я с интересом. — Видите ли я искала либо вас, либо второго, в надежде, что смогу оформить заказ. Меня зовут...

— ...Тави, гостья города, — улыбнулся он. — Наслышан. Зря вы, конечно, связались с Иоахимом, однако это целиком ваш выбор. Мое имя — Тин Мар из рода Бюренов, я отвечаю за связи осадного цеха с общиной и покупателями. Если, конечно, совет разрешает общаться напрямую, вот, как в вашем случае.

— То есть, вы можете и подниматься на поверхность?

— Имею такие полномочия, да, — важно подтвердил Тин. — Если хотите, перейдем к сути заказа.

— Да... у меня есть несколько набросков.

Я вытаскала кипу бумаги и разложила перед ним. Рисование в числе моих нелюбимых занятий, не говоря уже о чертежах. Не люблю и не умею. Сейчас показалось, что так будет сподручнее, однако, судя по лицу марда, он весьма скептически настроен. Тем не менее, на нем застыла маска дружелюбия и готовности сотрудничать.

— Мне нужна баллиста. Не простая, а корабельная, на поворотной основе, с регулируемым углом высоты. Предполагаемые размеры — дуга не более четырех метров, с орудием должны свободно управляться два человека не ниже метра с аршином. Дальность выстрела — хотя бы одна миля тридцатиградусным навесом. Морская миля, само собой.

— Там, как я предполагаю, снаряд? — спросил он, указывая пальцем в дальний угол комнаты. Я оставила там заготовку копья-стрелы.

— Лишь общие размеры, — поводила я пальцами в воздухе, показывая, что это все еще не снаряд, а всего лишь результат труда... даже не подмастерья. — Толщина и длина совпадают, в остальном мне еще предстоит многому научиться, так что не судите строго.

— Не буду, — кивнул Тин Мар, благожелательно смотря на мои корявые рисунки, — типоразмер по наброскам у вас, конечно, хромает, однако в целом орудие обрисовано достаточно верно. Не возражаете, если я заберу заготовку?

— Конечно.

— Мне нужно поговорить со старшинами и с кое-кем еще. Безусловно, мы можем изготовить такую баллисту, но, в основном, производим колесные средства с усиленной рамой. Если ваша — корабельная, значит, под нее потребуются особая стойка, да еще и поворотная. Плюс большое расстояние стрельбы... сейчас обговорим детали, и я вернусь.

Я молча кивнула.

Отсутствовал он почти час, а когда вернулся, на лице красовалась печать

удовлетворения и расслабленности. Сел в просторное, мягкое кресло — редкость здесь, а в комнате этих редкостей целых две — сложил пальцы на животе и провозгласил:

— Мы беремся. Общая стоимость с последующими испытаниями составит шестьдесят тысяч варангов.

Остолбенело смотря на него, я сказала:

— Простите... мне послышалось, или вы сказали — шестьдесят тысяч?

— Именно столько.

— Но это форменный грабеж!

Тин Мар качнул головой, как будто был готов к подобной фразе:

— Понимаете, мы ведь не спрашиваем, зачем частному лицу осадное оружие. Заказ явно не армейский, они берут редко и целыми партиями, а с какой целью вы его будете применять — дело совсем не наше. Цена справедливая. Хотите — ищите дешевле.

— То есть, вы могли запросить и миллион? — возмутилась я. Мард выставил ладони вперед, словно защищаясь:

— Послушайте, в цену вошли все редкие материалы, особые сорта оружейной стали, которую производят только здесь, в Хетжебе, сложные механические расчеты. Нам нужно чем-то платить мастерам. К тому же, испытания...

— Да, насчет испытаний. Можно их как-то убрать из итоговой цены?

— Позвольте, как вы тогда будете знать, что она стреляет как надо?

— Положусь на вашу репутацию? — саркастично усмехнулась я. Тин Мар неловко пожал плечами:

— Понимаете, без должной проверки мы все равно не выпустим продукцию. Разве что можем скинуть пятьсот золотых за возможность вашего личного присутствия, но тогда, сами понимаете, вам и в самом деле придется полностью положиться на нас.

Личное присутствие?

Хм. Получается, они впускают чужака в святая святых, дабы тот убедился в их кристальной честности? Прекрасный метод ведения дел. К сожалению, мне есть чем заняться и без регулярной беготни на первый ярус... но заходить иногда и смотреть, как продвигается конструкция — почему бы и нет?

Точно так же я следила за постройкой «Храпящего». Ничего не понимая в кораблестроении, бегала и спрашивала: а это что? А зачем? Пятьсот варангов за чувство уверенности. Да пропади оно пропадом!

По материалам на обучение я понесла предполагаемый расход в четыре с половиной тысячи. Меч стоил восемь. Еще двадцать я заплатила Яхиму по контракту — остальные мастера отказывались работать со мной и за сорок, а с некоторыми до суммы контракта даже не доходило. Теперь еще шестьдесят тысяч на одну-единственную баллисту, хоть и собранную лучшими ремесленниками мира.

Сундук пустел с пугающей скоростью. Учитывая мои расходы на еду и различные мелочи, оставалось едва ли несколько тысяч, и я в который раз мысленно благодарила отца. В вопросах счета денег ему никогда не было равных.

Я буду чувствовать себя очень мерзко, если не исхитрюсь их отдать. Даже несмотря на его «страшные» угрозы.

— Идет, — проронила я, отчетливо наблюдая, как расплывается в улыбке чернобородый. — Мне привезти оплату сюда или вы можете кого-то со мной отправить?

Он замялся:

— Согласно традициям моего народа, мы требуем деньги только после окончательного завершения работы. Брать предоплату означает оскорблять покупателя.

— Тогда задаток? — предложила я. Тин, прикрыв глаза, отрицательно покачал головой. — Странные вы.

— Мы — честные. Что бы про нас не придумывали наземники в различных легендах и страшных сказках, мы не ворует детей и не берем предоплаты, Тави.

Видимо, договоров на обучение данный факт не касается.

Оставшуюся часть дня я провела, словно на иголках. Не знаю, чем меня так взбудоражила встреча с цеховиками, однако Яхиму пришлось даже пару раз прикрикнуть, дабы не сожгла себе руки до костей. Ни о какой точности не могло быть и речи.

А время все шло.

* * *

Для тех, кто представляет себе дом в виде уютного помещения со всеми удобствами, личным кабинетом, кухней, гостиной и спальней, скажу лишь одно. Марды вас не поймут. Первые декады я питалась в различных кабаках, что и кабаками-то недостойны называться ввиду уже не раз упомянутых причин, однако затем открыла для себя такое явление, как общественная трапезная.

Она чем-то походит на различные организации помощи бездомным в крупных городах. Ну, знаете, там, где сердобольные горожанки готовят для бродяг еду и отдают им старую, поношенную одежду. Правда, очереди здесь чинные, продвигаются размеренно, драк не бывает никогда. Два-три блюда на выбор, теплый напиток или простая вода, пирожное или кусок торта. И так питается большинство подданных Хетжеба.

При всей суровости внешнего облика, местные обожают сладости. Потешно наблюдать, как заботливая супруга с помощью клетчатого платка стирает с усов мужа остатки варенья или заварного крема. Я тоже привлекаю к себе излишнее внимание, когда ем, да вот незадача — плевать я хотела на укоризненные взгляды.

Марды не уважают кухню! Причем, не кухню как набор различных блюд, характерных для той или иной культуры, а кухню как помещение. В тех домах, где она все-таки, кухня строится отдельным зданием, которое никогда не примыкает к жилым комнатам. И то, такое расточительство жизненного пространства считается, откровенно говоря, безумием.

Не думаю, что причины для подобной традиции запрятаны так уж глубоко. Скученность, скудность еды, отвратительное проветривание. Проблему вентиляции и еды гордые подземники со временем решили, а вот обычай остался.

На каждом ярусе есть одно или несколько подобных заведений — длинных, просторных, неизменно с длинной трубой из металла, уходящей куда-то ввысь и теряющейся под каменными сводами. Трапезные, как и многие общественно важные заведения, курируются напрямую архонтами. И, к слову, их самих нередко можно заметить здесь.

Правда, обращение по делам за едой считается в высшей степени неприличным и даже противозаконным.

Несмотря на такую строгость, определенного времени для принятия пищи у мардов нет. И в десять часов, и в двенадцать, и в шестнадцать можно прийти в продолговатое здание и обнаружить, что пустых мест почти нет. Хотелось бы знать, как они при этом избегают

излишних столпотворений — поскольку большая часть жизни регулируется укладами, хаотичный самотек именно в вопросах еды слегка удивляет.

А еще у них нет банков. Возможно, только Хетжеб лишен подобного рода организаций, ибо я слышала что-то о финансовых предприятиях мардов, действующих в империи, однако факт остается фактом.

Тщательно сражаясь с каждым недостатком в оружии, сотканном из «волшебного» металла, в начале второго месяца я, наконец, смогла получить то, что задумывала изначально. Когда серебристо-серое копьё, вернее, наконечник с четырьмя пока еще не отточенными лезвиями остыл, даже Яхим крикнул с одобрением. Оно воплощало неутоленную жажду мести и хищно смотрело в небо с невысказанным вопросом: ну, когда уже, поскорее бы.

— Очень хорошо. Форму ты освоила. Теперь будем работать с сутью, — озадачил меня наставник. Я чуть было о голову ему не сломала плод своих трудов, однако Яхим движением ладони остановил меня и произнес:

— Смотри.

Взял копьё за крепление для древка и с силой вонзил его в пол.

Наконечник согнулся, словно был изготовлен из столового серебра.

— Теперь понимаешь, что я имел в виду?

С досадой наблюдая за собственным провалом, я спросила:

— Почему тогда сразу не направлять усилия на укрепление?

— Потому что ты будешь расплывать внимание на две стороны руническойковки сразу, и в итоге не выйдет ни формы, ни прочности. Помнишь работу молотом в самом начале обучения?

— Угу.

— Создай такой же молот мысленно. Пусть он вминает металл, забирая из окружающего расплава еще крупницы, чтоб сделать его крепче. Сделай свою работу негибкой и несокрушимой!

Когда он сам того хочет, этот старый забулдыга может быть неплохим оратором. Огонь в моем сердце ему, конечно, не разжечь, но за следующую попытку я принялась в неплохом расположении духа.

Яхим пояснил, что для каждой формы, каждого очертания, будь то оружие, броня или крестьянский плуг, есть свои внутренние облики. Глазом они не видны — настолько мелкие, что даже под увеличительным стеклом не рассмотреть, однако особый порядок мельчайших частиц в сплаве может невероятным образом укрепить клинок или доспех, а сила рун, что перейдет через руки ремесленника, вдохнет в него разрушительную мощь.

Когда я спросила, во сколько же тысяч обойдется рунный плуг или борона, он едва меня не побил кочергой. Благо, в фехтовании предметами, совершенно не предназначенными для поединка я также превосходила учителя.

К неприятным ощущениям в вечно саднящих руках теперь добавились еще и боли в спине. Сказалась необходимость часами простаивать над ванной с обжигающим содержимым, которая, как это ни печально, на мой рост вовсе не рассчитана. Приподнять ее также оказалось невозможным — виной всему тот самый стержень из гнадия, что прогрел расплав.

Боль и неуверенность в собственных силах преследовали еще с того, не слишком удачного сражения с зерраном в Роксомме. Пусть нам и удалось скрутить совсем

озверевшую Узану, моей личной заслуги в том было немного. В Хетжебе ко мне пришло понимание, как живет обычный человек, не имеющий доступа к целительной магии, и это чувство пришлось совершенно не по нраву. Некоторые из рун воспалились, и каждое утро я смазывала руки особо вонючей мазью, которая, тем не менее, помогала.

Большого от нее и не требовалось.

Когда показанные мне облики, наконец, достигли нужной точности и выверенности, копия стали куда лучше. Во всяком случае, камень они пронзали с великой охотой, а после первых двух раз портить пол мне больше не дали.

Кроме того, осадный цех закончил работу всего за полторы декады, что не могло не радовать. Вернее, не совсем закончил, а только изготовил баллисту. К испытаниям меня привлекли уже как непосредственного заказчика.

Когда я впервые увидела это чудо, едва не ахнула от восхищения. Потом, конечно, первый восторг сошел на нет, но в тот момент я, несмотря на внешнюю невозмутимость, готова была бегать вокруг стального чудовища и радоваться чересчур громко для приличного общества. Возможно, даже с грязной бранью, оттеняющей чувства.

Баллиста полностью сделана из металла, выглядит одновременно легкой и несгибаемой. На неокрашенном, но отполированном круге виднеются отверстия — под крепежные болты, что будут проходить прямо через палубу. Из круга, бережно поставленного на поддон, торчит шарнирная «нога» с двумя изгибами, каждый из которых заключен в толстый диск. Чем-то смахивает на локти Яхима, по правде говоря.

В специальном захвате, снабженном в задней части пружинным упором, чтоб стрелка не отбрасывало назад, находится сложной формы продолговатый короб, который в передней части разрезан пополам. Разрез напоминает ухмылку ящера, так и хочется нарисовать там зубы. И, как уздечка в упряжи неведомого существа, «ящер» закусил тетиву, отведенную в крайнее положение.

Смертоносный снаряд будут бросать вперед две стальных дуги — одна в верхней части короба, вторая в нижней. Во избежание поломок тетива изготовлена из волоса неизвестного мне существа, со всем тщанием закреплена на всех четырех дугах и сплетена воедино. Даже если использовать обычные стрелы, разрушения от подобной диковины должны быть куда выше, чем от наших корабельных баллист.

Процесс отделки, увы, не контролировался. Усердные работники украсили и короб, и шарнирную опору орнаментами, по которым легко определить происхождение оружия, однако заботит меня не это. И даже не отсутствие традиционного спускового крючка — я пока не могу понять, как из этого стрелять. Разберемся.

— А где мы будем испытывать ее? — с подозрением спросила я, оглядывая большой цех, где, тем не менее, стрелковой площадки не наблюдалось. Тем более, расстоянием в милю.

Тин Мар и несколько стоящих рядом мастеров, поочередно расписывающих преимущество своего детища, переглянулись. Один, незнакомый мне, улыбнулся:

— Для этого нам придется пройти в обитель Берт Роба.

— Обитель? — непонимающе переспросила я, осматриваясь в поисках пресловутой «обители».

Значение данного слова, боюсь, мардами слишком преуменьшено.

Поскольку обитель Берт Роба, марда в летах, с небольшим брюшком и в мешковатых одеждах, оказалась отдельной пещерой, соединенной с цехом хоть и широким, но более

ничем не примечательным переходом. Боюсь, чтобы подсчитать количество дней, необходимых на ее рытье, потребовалось бы серьезно засесть за расчеты, а то и воспользоваться одной из новомодных счетных машин. Здесь можно было стрелять и на милю, и даже на две.

Здесь возвышались руины различных башен и небольших конструкций, напоминающих крепостные валы. Своды также очень высоки — вероятно, здесь испытывают не только баллисты.

Берт числится в цехе, насколько я поняла, главным механиком. Своей должности он соответствует на все сто — презрев традиционные ткани, носит нечто вроде сплошного костюма с кожаным ремнем, на котором развешены многочисленные закрытые и открытые подсумки. Из некоторых торчат инструменты, назначение которых мне непонятно. Таких ребят мне доводилось видеть в Объединении Механиков, в их собственном столичном квартале.

Рассмотреть лицо марда мне не удалось — вместе с головой оно наполовину скрыто небольшой смешной шапкой, наружу торчат только округлые уши, рот с округлыми усами и слегка подпаленная седоватая бородка. Глаза и нос закрыты очками с темными окулярами, поверх которых еще несколько слоев линз. На некоторых из них заметны нарисованные линии, толщина которых не больше волоса.

Пещера отдана ему единолично. Ни следа других мардов — лишь рабочие, что пришли со мной из цеха, погрузив баллисту на очередную плавающую тележку. Но, как только мы прибыли, он тут же развернул бурную деятельность, визгливым голосом командуя, что и куда подать. Цель тоже обнаружилась на некотором отдалении — ровно в милю, как сказал механик.

— Только одно? — отрывисто спросил он, глядя на копьё. Я пожала плечами:

— Сказали бы, что нужно больше.

— Ничего. Сбегают, не переломятся, — заключил Берт, подводя меня к грозному устройству. — Вот здесь, под рукоятью управления, спусковой рычаг. Усилие нужно большее, чем при стрельбе из традиционного арбалета, но, как только прицелитесь, можно зажать другой рычаг на левой рукояти.

— А что он делает?

— Заставляет баллисту застыть в данном положении. Следующее нажатие снова освободит сгибы, после чего можно произвести перенацеливание.

Обойдя широкую дугу, я поместила копьё в ложу. Тут она закрыта, еще одно отличие. Взявшись за «рога», с усилием повернула и направила в сторону мишени, остановив прицел немного выше. Нажала сначала левый рычаг, затем, сконцентрировавшись, правый.

«Т-р-р-к», — сказало что-то в глубине короба.

«С-с-т, дзеннь», — отозвалась тетива.

На огромной скорости копьё, взрезав воздух с жалобным свистом, прошло на метров десять выше и немного левее цели, довольно обширного листа металла. Учитывая, что он закреплен на таком большом расстоянии, это еще весьма неплохой результат.

Правда, в следующие несколько часов мы выяснили, что большая злобная стрела попадает куда угодно, но только не в цель. Под руками у цеховиков оказался небольшой куф, исправно курсирующий туда-сюда, что значительно ускоряло испытание. Но лететь прямо и ровно копьё не хотело никак. Попробовала метнуть его рукой — дуга полета, как по мне, идеальна. С немым вопросом в глазах уставилась на Берта.

Главный механик тоже немного растерян, однако соображает куда быстрее меня:

— Коуди, Торк, тащите сюда наши стрелы. Либо что-то с баллистой — что маловероятно, либо снаряд кривой.

— Какой же он кривой? — с возмущением спросила я. — Идеально ровное, крепкое копьё, что ещё нужно-то?

— Балансировка. А она, скорее всего, кривая, — заключил Берт, задумчиво взявшись за мочку уха.

Глава 11. Подведение черты

Загадочную «балансировку» довели до ума еще несколько дней, пока, наконец, главный механик не остался доволен показаниями прибора с многочисленными захватами и грузиками. Тщательно наведенное орудие опробовали — и раз за разом блестящая молния поражала цель. Теперь мое копьё действительно похоже на идеал.

Ровная, тщательно отполированная древесина, на которой закреплен сложной формы наконечник. Конечно, такое оружие сложно использовать в бою, однако нам того и не надо. Подойти бы на достаточное расстояние к рейдеру, да сделать так, чтоб он подставил нам борт...

Хитрый Берт предложил еще и загнуть заднюю часть каждого лезвия немного в сторону. Когда я спросила, зачем, он пояснил: копьё в полете будет вращаться и приобретет еще более устойчивую траекторию. Правда, это снизит дальность стрельбы примерно на одну пятую.

Подумав, я все же отказалась. Сейчас дальность углового выстрела составляет милю и двести сорок метров, а, потеряв пятую часть расстояния, мы еще больше рискуем быть замеченными. Кроме того, экипаж корабля Аргентау, а также их адмиралы могли извлечь урок из нашей предыдущей встречи, снабдив и без того опасное судно средствами для обнаружения невидимых противников.

Затем счет пошел на часы, а то и минуты. Я вдруг осознала, что в Хетжебе меня больше ничего не держит.

Обошла всех, с кем успела завести не слишком продолжительное знакомство, вежливо попрощалась. На пороге кузницы, где Яхим, что-то бурча под нос, придиричиво осматривал раскаленную заготовку, разве что не нюхая ее, застыла. Мард, кажется, меня не заметил. Решила сыграть одну из самых дурацких и старых шуток в мире — подкралась и схватила его за плечо.

Ругань, которой он меня осыпал после того, как споткнулся о ведро с углем и влетел бритой головой в другое, с мутной водой, показалась сладкой музыкой. Гоняться за мной бессмысленно — уж точно не с их короткими ногами. Отдышавшись, Яхим рявкнул на меня: — Ростом вымахала, а ума так и не нажила, дрянь наземная!

Я протянула:

— Да ла-адно, кое-кто здесь мне заявлял, что ничего не боится.

— И не боюсь. Шуточки твои не по нраву. Чего пришла? Все готово уже, а учиться дальше, как я понимаю, ты не хочешь.

Последнее время я слишком часто пропадала в осадном цехе. То ли ревность наставника, то ли еще что...

— Яхим, — вздохнув, сказала я. — Сам же видел — рунного мастера из меня не выйдет. Пусть и осваиваю все быстро, но душа не лежит к такому ремеслу. Делаю все из-под палки, мысли совсем о другом.

— Кхе-кхе, да лежит все — и душа, и руки, и сердце наполнено огнем, как полагается, — проговорил он, откладывая в сторону железяку. — Ленивая ты.

— Пусть так. Вот... зашла попрощаться, старый пень.

Темные глаза внимательно посмотрели на меня. Не слишком похоже, что будет скучать или оплакивать холодными зимними вечерами.

— Тебе тут принесли кое-что.

— Что?

— Вон, на наковальне валяется.

Я недоуменно подняла за толстую цепь увесистую плиту сплошного камня. Где-то в аршин шириной, выполнена в виде пятигранника со стрелкой вниз, на нем глубоко вырезаны две линии, протравленные золотом.

— Почему эта штука предназначалась мне, а принесли ее к тебе в кузницу? И вообще — что это такое, демоны его раздери?

— Считается, что я вроде как отвечаю за твои поступки здесь и все такое, — буркнул Яхим. — Это ключ.

— От сокровищницы?

— От города, глупая. Если тебя еще каким-то лихим ветром занесет в Хетжеб, уже не нужно будет тащить с собой гору золота. Достаточно будет показать ключ.

Удивленно приподняв бровь, я хмыкнула:

— На шее я его таскать точно не буду. Но за какие подвиги? Я ничего такого не делала, просто... жила тут.

Камень весит фунтов десять, если не больше.

Мастер поднял тускло поблескивающий палец вверх:

— Совет считает, что для наземника прожить здесь, следуя всем, или хотя бы основным пунктам Кодекса, уже сойдет за подвиг. Слишком непривычен наш уклад для любого с поверхности.

— «Наш», вот оно как. Сам же его постоянно нарушаешь.

— И плевать я хотел, — надменно ухмыльнулся он, затем воровато выглянул из-за меня — закрыла ли дверь — достал из-за пояса маленькую плоскую флягу, свинтил пробку и отхлебнул.

Я только покачала головой:

— Старый пьянчуга. Дай хоть попробовать. Ты из-за того, что меня могли вышвырнуть, не делился?

— Отстань! Не делился я потому, что не хотел. И сейчас не хочу.

О, да, как же я могла заподозрить Яхима в малейшем проявлении заботы. Вероятно, мои просьбы все же допекли старого кузнеца, некогда одного из лучших рунных оружейников Золотой горы — он сердито швырнул мне сосуд, однако предупредил:

— Аккуратно. И потом не жалуйся.

Боги. Мерзопакостный вкус той сивухи, которой травился пожилой мард, мог сравниться только с его крепостью. Горло свело, даже слезы выступили из глаз. Подобной дряни я не пила, наверное, за всю свою жизнь.

Некоторые просьбы лучше не удовлетворять. Так безопаснее для того, кто просит.

Я осторожно поставила флягу рядом с ним, как будто она могла сию же секунду взорваться. Гадкий привкус все еще чувствовался во рту, в горле, даже в желудке, который неожиданно протестующе квакнул.

Яхим похлопал меня по спине, ехидно спросил?

— Ну как?

— Ты был прав, не стоило этого делать, — медленно ответила я, тщательно прокашлявшись.

— Может, еще трубку дать покурить?

— Нет!

— Да и не дам, — осклабился он, — ты же весь мундштук мне погрызешь своими зубищами.

— И все же... благодарю тебя, учитель.

— Да чего там, — почесывая затылок, посмотрел куда-то в сторону мард. — Ты ничему не научилась еще, но спешишь куда-то обратно, летишь, как стрела из баллисты... понимаю, месть — мотив благородный. Однако, если захочешь продолжить обучение, я не стану сжигать контракт.

Помолчал, добавил:

— Будь ты вполонину ниже — самое место тебе здесь, в нашей стране.

Я улыбнулась, мягко, не показывая звериный оскал:

— Моя страна даже не там, наверху. Она между берегами Арн-Гессена и Арн-Зула, она превосходит по размерам даже величайшую империю на всем Кихча. Правда, сейчас там завелся самозванный король.

— Тогда иди и убей его, — рассмеялся Яхим. — Удачной охоты, Тави.

Встав во весь рост, я опустила руку на пояс, там, где свешивались искусно выделанные ножны с покоившимся в них клинком. Ответила:

— Спасибо, старик. Постараюсь.

* * *

Оставшиеся четыре рецеба — продолговатых, тяжелых слитка золота с руническими печатями имперского монетного двора — легко вошли в дорожный мешок, хоть и заставили лямки врезаться в плечо. Тяжелый фолиант, сиротливо лежавший на столе, я с сожалением закрыла. Оставалось больше трети нудного, вязкого текста, и где-то там еще таились законы, которые я, по счастливой случайности, не сумела или не успела нарушить.

Покидая гостевой дом, я развернулась и прищурилась, смотря на свечу. Даже приложив все усилия, спустя почти два месяца так и не смогла добиться результата. Чем бы она ни была, природным свойством или могущественной охранной магией, другая сила, гораздо более мощная, чем моя, напрочь блокирует любое колдовство. То же самое я испытывала и в так называемых «кандалах магов».

Что-то получается — а что-то и нет. Нельзя ожидать, что успех будет подкарауливать на каждом шагу, таиться за углом, а затем набрасываться на тебя с растопыренными когтями.

К мешку крепко приторочена связка из пяти копий. Чем меньше потратим, тем лучше, а сделать больше двух-трех выстрелов нам не даст разрушительное «орудие второго класса». Кроме того, главный механик Берт снабдил два из них взрывчатым порошком, плотно спрессованным между деревком и металлом. Если первого выстрела будет недостаточно, всегда сможем добить.

Запасных стрел еще штук тридцать. Сделаны в той же мастерской, с десятка два уйдет на то, чтобы пристреляться. Правда, иногда мне кажется, что Линда или Сейтарра за какое дальнобойное оружие не поставь, они в момент с ним разберутся. Первый, тем не менее, превыше всего уважает классические луки, в то время как интенданта больше тянет к механике.

После того, как подъемник опустили, двое сопровождающих меня мардов помогли

затолкать и ровно поставить тележку с частями баллисты. Нарочно попросила разобрать ее на отдельные дуги, короб и опору — легче перевозить, да и есть одна идея. Затем мы провели несколько томительных минут, ожидая, пока управляющий платформой подстроит вес, и медленно понеслись вверх.

Хетжеб... я не слишком буду скучать по нему. Чопорные граждане, забавные, но в то же время строгие традиции и каменный аскетизм. Слишком застыл он в пелене веков, чересчур медленно и размеренно здесь проходит жизнь, что, в общем-то, неудивительно для существ, чей возраст отмерен тремя сотнями лет. Кажется, урони каплю воды, и она будет падать втрое дольше.

И в то же время, когда-нибудь я сюда вернусь. Не для обучения. Марды, бесспорно, обладают тем жизненным опытом, что не стыдно и впитать, но в мыслях роится шальное предположение: за толщей скальных пород хранится куда больше секретов, чем я смогу увидеть за всю свою жизнь.

Старый коридор с идеально ровными и гладкими стенами. Воин, словно скала стоящий у входа, бросил на меня один-единственный взгляд и снова уставился прямо. Я ведь выхожу, а не... погодите-ка. А проверить, не стащила ли чего особо ценного? Даже алебарду, впопыхах оставленную здесь, наверху — и ту вернули.

Или камень-ключ дает некоторые особые привилегии?

Что ж. В любом случае, я оплатила гораздо больше того, что может себе позволить благородный пират.

Толстые створки неохотно раздвинулись и вбросили внутрь горсть снежинок вместе с ветром. Месяц Ночи только подходил к концу, в этих местах снег будет лежать еще декады три-четыре. И только потом, во второй половине Месяца Рассвета, начнет неохотно таять.

Магия. Сила, разлитая в воздухе, вновь наполняла тело, снимая ставшую привычной слабость, отмечая холод и боль. Или же воспрянула та часть меня, что все это время подавлялась таинственной защитой Золотой горы. Нужна была лишь капля — вместо этого хлынуло море, и чертовски трудно в нем удержаться на плаву. Теперь я не то, что свечу, я гору смогу зажечь. Хотя, наверное, не стоит.

Вдохнула морозный воздух, голова кругом шла с непривычки. Поблагодарила мардов, и, не забыв набросить облик молодого сарруса в моргальей шкуре, потянула тележку с увесистым грузом за собой.

Бергверк жил привычной жизнью, если так можно назвать ее полнейшее отсутствие. Только редкие закрытые кареты, сани и подводы, груженные, вероятно, дровами или углем, иногда проносились по улицам. У дверей конторы, шурясь от снежного великолепия, стоял Рю Энд из рода Джексонов и что-то быстро строчил в небольшой записной книжке.

Увидев меня, он с едва заметной усмешкой кивнул, словно старой знакомой — хотя в последний раз мы виделись в тот день, когда я известила его о том, что нашла наставника. Не искушая судьбу, я приветственно приподняла ладонь. Не ограничиваясь простым приветствием, мард подошел ко мне, скрипя сухим снегом.

— Как успехи?

— Лучше, чем можно было ожидать, — ответила я, ловя снежинки на ладонь. — Всю зиму просидеть в теплой горе — это ли не счастье?

— А что касается вашего... заказа? — осторожно поинтересовался он.

— Выполнен.

Баллиста заботливо накрыта грубой тканью. Это не парусина, но нечто весьма похожее.

Не имея свободного пространства для разведения животных на шерсть, лишённые обширных полей и лесных угодий, марды все же ухитряются производить ткань — от грубых и толстых отрезков до высококачественной крепкой материи, похожей на шелк.

Кстати, веревки у них куда крепче, чем оные с поверхности. Эх... переоборудовать бы «Храпящий» полностью по лекалам подземников. Да вот, боюсь, для такого нам придется ограбить несколько королевств.

Рю задумчиво спросил:

— Насколько я помню, речь ведь шла о рунном клинке?

— Клинок тоже имеется, однако выяснились дополнительные подробности. Знаете, как оно бывает, — неопределенно отозвалась я. — Пара мелочей, не упомянутых ранее, и все становится с ног на голову. А то, что стояло раньше на голове — снова на ногах.

— Я к тому, что могут возникнуть проблемы, — пояснил он, — особенно, если вы будете перевозить это по территории империи. Слышал, что ваши законы не допускают свободной транспортировки... подобных вещей.

Видит, шельмец, что именно на тележке, но все равно старается избегать опасных слов. Дипломат, демоны его раздери. И законы имперские он не то чтоб «слышал», а изучил полностью и тщательно. К счастью, и я не лыком шита.

— Знаю. И сделаю все возможное, чтоб избежать их.

— Тогда я спокоен, — кивнул Рю. — Еще когда-нибудь собираетесь к нам?

— Возможно... лет через тридцать или сорок, — ухмыльнулась я. — Когда устану от странных вещей, что вечно крутятся возле меня, и захочу отдохнуть в каком-нибудь тихом болотце.

На этой подначке, оставленной без ответа со стороны краснобородого, мы и распрощались.

Идея у меня и вправду имеется. О, это больше чем просто идея. Целый план!

Император действительно не допускает перевозки осадных и прочих орудий, а также магических артефактов без соответствующих мер предосторожности. Страшно законотворцам, что кто-нибудь воспользуется парой десятков баллист и возьмет штурмом не особо укрепленный городок вроде Бергверка или Перецветов. Здесь Рю был абсолютно точен.

То же самое касается и грайрувской почты, и компаний по доставке грузов. К счастью, одна из них есть на соседней улице, и даже три ненавистные лилии на вывеске не могут отвадить меня от собственных намерений. Торговая Гильдия, быть может, и самое черное зло, что свободно распространяется по империи, но в оказании некоторых услуг они просто незаменимы.

А сделать я хочу вот что. Если даже в мардских законах находится не одна лазейка, то в человеческих очень легко найти большую дырищу, через которую тащи хоть баллисту, хоть целую армию. Поскольку она разобрана на части, то и отправится не в одном ящике, а в целых трех. И значиться на каждом будет — запасные части к защитному устройству.

Никому нет дела, что устройство на самом деле исключительно призрачное, и существовать будет только тогда, когда его соберут на месте. И что оно вовсе не защитное, а очень даже атакующее. Однако запасные части не проверяют, поскольку ими никого нельзя убить.

И четвертым ящиком отправится груз стрел, на всякий случай для него укажу другого получателя. Мне не составит труда зайти за угол и выйти оттуда в ином образе, таком же

фальшивом, как и предыдущий.

Но сначала нужно сделать очень важную вещь.

«Джад, толстая ты морда».

«Кто... Тави! Черт, мы уже думали сами за тобой ехать».

«Ага, с фанфарами и гиканьем через всю империю мчится пиратская команда.

Вызволять любимого капитана от злых мардов, так и поверила».

«Ты слишком долго там задержалась», упрекнул старпом.

«Как вышло, Джад. Хотя у мардов довольно тепло, все расскажу по приезду. Вы там не замерзли?».

«Не-а. Перебрались в Жумейжик, корабль приковали на оба якоря, а там его лед схватил прибрежный. Корпус, конечно, жаль, но за одну зиму с ним ничего серьезного не случится. А так, после ремонта как новенький».

«Лед?», недоуменно спросила я. Он объяснил:

«Ну да, берега Зиммерстанда на зиму крепко промерзают».

«Странное море».

«Какое есть. Когда ты до нас доберешься?».

«Думаю, на второй декаде прибуду, еще в Телмьон надо попасть по дороге, забрать у Ажоя артефакт и дожидаться, пока он обнюхает мой со всех сторон».

«Тави», проговорил он мысленно, и сделал такую паузу, что мне показалось — оборвалась Нить. «Скажи мне, что у тебя что-то есть».

«Да. Вы ждали не зря. У мардов я обрела особую мудрость — мы можем оставить морское дело и зажить спокойной жизнью в своих землях. Сбирать налоги с крестьян и мещан, завести виноградники, выращивать ца-си...»

«Что?», недоуменно переспросил он.

«Поверил? Ха! Я везу с собой баллисту и рунические копья, что способны пробивать несколько слоев металла на огромном расстоянии. Мы пустим этих ублюдков на дно».

«Опять шутишь», укоризненно сказал старпом.

«Прости, воспользовалась случаем. Невозможно было удержаться. Погоняй там ребят по мачтам, небось, забыли уже, с какого конца за гардель браться».

«Сделаю, капитан. Будем ждать в полной готовности, только еду в последний момент погрузим, чтоб не простаивала».

«Тогда — до встречи».

То ли я была в чересчур приподнятом и слишком игривом для воина-сарруса настроении, то ли служащие компании чересчур убоялись именно моей иллюзии, но посылки отправились в два счета. Еще и расписку о стоимости мне выдали, сверив с актом оплаты, выданным мардами.

Если не ошибаюсь, такой груз Торговая Гильдия обычно отправляет снаряженным конвоем и только по основным дорогам, дабы не рисковать, выплачивая клиенту довольно крупные суммы. Правда, какими бы эти суммы ни были, для меня все равно важнее сохранность поклажи. Лучше не думать о том, что приеду на место — а там пусто.

Отправила, конечно же, в Жумейжик, да еще и на свое имя. Брег Зордан, саррус, получатель. Он же и отправитель.

Самую драгоценную часть снаряжения повезу с собой. В Ластрале я неплохо научилась править тирренами, добродушными и пушистыми собаками-увальнями размером с лошадь, а здесь, в городе, нашла хорошую псарню. Выбор очевиден — тиррены умеют не только

мчаться по заснеженным путям с большой скоростью, но и охранять имущество путника.

Южный тракт, вероятно, очищен от снега, так что с выбором повозки пришлось поломать голову. Наконец, приобрела шаткую и легкую конструкцию, способную ехать как на полозьях, так и, после небольшой возни с осями, на среднего размера деревянных колесах, покрытых резиной. Был соблазн взять одноколку, но вовремя вспомнила, что тирренам жесткая упряжь не полагается, а посему передвигаться я подобным образом никак не смогу.

Копья, отощавший дорожный мешок, немного еды, инструменты и другие припасы надежно затянуты поверх двумя слоями парусины. Больше тысячи миль по землям империи в одиночку, через Рименкройц и Телмьюн. Задача интересная и, благодаря крайне высокой награде за мою голову, все еще опасная. Однако мысленно я уже на берегу океана Оси, рядом со своей командой и кораблем.

* * *

В Телмьюне под покровом ночи еще раз наведальась к родителям, понимая, что потом еще нескоро их увижу. Даже роман в домашнюю библиотеку вернула, такой порядочности ранее за мной не водилось. Наверняка заразилась от подгорного народца.

С Ажоем пришлось повозиться дольше. Несмотря на все предостережения, он разобрал Глаз Овеам на мельчайшие части, правда, ни единой при этом не сломав, затем в течение двух мучительных и бессонных суток провел подробную опись каждого фрагмента. Кроме того, темный жрец записал с моих слов все особенности его работы, которые я только могла припомнить.

Если раньше я была не слишком уверена, что, исследовав Глаз, он сможет его воспроизвести заново, то сейчас последние сомнения исчезли. Этот человек умел чувствовать каждую особенность составных частей, предугадывать роль некоторых из них, а с остальными знал если не функцию, то хотя бы материал или происхождение. После обратной сборки Ажой сам почтительно закрепил артефакт на зеленом мече из йрвайского стекла.

Я щелчком проверила исправность Глаза Овеам, и оружие послушно переместилось в руку. Вот что оно такое — поклоняться Лежизалю? Поглощенному, но все еще живому и знающему...

Мне бережно передали не один, а целых два Танцора. Продолговатый предмет с ребрами из той самой бретценской стали, немного желтоватой и холодной на ощупь, увенчан вдоль «спины» многогранным кристаллом, в который словно впились тончайшие волоски металла. Я медленно потянула меч из ножен, затем поднесла награду к нему.

Ребра тут же превратились в паучьи лапки, которые неторопливо вонзились в мардский прямой клинок — Призрачный Танцор как будто сжался немного, прилипнув к лезвию, а потом и вовсе слился с ним.

Словно впустили. На пробу несколько раз взмахнула мечом, однако разницы в балансе так и не почувствовала.

— Работает, — кивнул Ажой, на несколько секунд отодвинув сложный окуляр. — Ваш силуэт словно расплывается при каждом движении, делая попытки предугадать следующую атаку весьма затруднительными. Если будете сражаться с большей скоростью, эффект станет куда заметнее.

— Следует потренироваться, — усмехнулась я, скептически оглядывая тот не слишком выступающий барельеф, что остался от артефакта. — Да и все же, как ни крути, это та же иллюзия.

— Да, но на ее поддержание не нужно тратить часть внимания, — возразил темный жрец.

— А второй?

— Хотите — продайте, хотите — подарите одному из самых верных людей, — пожал плечами он. — Мне как-то без разницы. Призма, что вы украли у Короля, оказалась слишком большой, поэтому пришлось разрядить ее силу двумя экземплярами. Что у вас с руками, Тави?

— Э-э... последствия чересчур усердного обучения. Которое, вероятно, больше никогда не пригодится.

— Бесспорно, разумное занятие, — с легким ехидством заметил Ажой Бо Скаррав.

Этим же вечером, оставшись в теплых отношениях с одним практикующим, однако, в целом, добрым некромантом и тщательно избегая малейших контактов со стражей, я покинула столицу.

Глава 12. Встреча

За день пути до Жумейжика я повторно связалась с Джадом, выяснив, где именно они остановились. Старпом привычно поворчал, но серьезной обиды я в его мысленном голосе не нашла. Было б чего обижаться. Наконец-то они проснутся от зимней спячки, и снова в море.

Означенный трактир я, побродив по кривым улочкам, нашла на самых задворках. Тем не менее, на двери красовалась красноречивая деревянная табличка с небрежной надписью «Закррито». Одно из двух — или не ждут никого, или...

Как следует пнула дверь. Дверь сдаваться не желала и раскрылась наружу. С продолговатым и увесистым свертком на плече я ввалилась в тесное помещение, собираясь огласить его саррусским ревом, как вдруг услышала быстрое:

— *Таганэр вйин лапшау!*

И, растеряв весь боевой задор, фыркнула, самостоятельно развеяв иллюзию. То, что только что пытался сделать старпом.

— Джад, ты сам «лапшау». Ланкшау! Ланк-шау это произносится! Даже я со своими кривыми челюстями... — и тут на мне повисла Чинка, отчаянно визжа.

Трактир взревел и, будь я хоть на голову ниже, точно придушили бы меня на радостях. Больше всех вопила, конечно, девушка, но и мужики орали так, что будь здоров. Несколько человек тоже бросились ко мне, в результате чего у входа образовалась самая настоящая свалка. Причем Ксам, прижатый головой к моей груди, орал «А мне самое мягкое досталось!».

Я отвесила ему затрещину и с огромными усилиями растолкала это бушующее, орущее нечто. Плюхнулась на стул, ухмыляясь:

— Скучали, бродяги?

— Я готовил пышную речь, но к черту ее, — громко, стараясь перекричать гам, произнес интендант. Подошел и просто обнял меня за плечи. — Рады, что ты цела.

Похлопав его по спине и отстранившись, заметила:

— Да что со мной могло произойти? Рассказывайте лучше, как вы тут без меня.

— Нет, ну вы слышали?! — заорал рыжий. — Она возвращается оттуда, где еще не бывал ни один человек, и утверждает, что все в порядке вещей!

— Я такого не говорила.

— Почти то же самое, — был непреклонен боцман.

— Даже не близко, демоны тебя раздери! Да, я была у мардов.

— Ну и как там? — с любопытством спросил Джад, придвигаясь с табуреткой поближе.

Вся команда сгрудилась вокруг, сдвинув столы. Те, кому не хватило места, просто стояли и жадно ловили каждое слово. Пф... был бы рассказ о каких-то удивительных приключениях или битвах, а то — поехала заказать рунное оружие, и в результате сама кое-чему научилась.

Я, не скупясь на слова, рассказала им и про Хетжеб, и про знакомство с Иоахимом-Яхимом, про неспешную жизнь внутри горы и колокол, отмеряющий часы бодрствования и сна. Упомянула о том, что сложнейшую механику там не выставляют напоказ, предпочитая руководствоваться древними укладами архитектурного вида.

Как ни странно, наибольшим восторгом мои бродяги встретили описание процесса

мытья. Турлей все время переспрашивал:

— Что, прямо вот так пенится, а потом металлической лопаткой снимаешь?

— Во дела... я в тюрьме так стены отделывал. Тоже берешь и размазываешь, а потом лопаткой снимаешь лишнее, — задумчиво произнес Шэм. Он тоже чем-то напоминает марда — вероятно, кустистой темной бородой и бровями.

— И ни капли воды?

— Но так-то вообще вода у них есть?

— Есть, но только питьевая и для приготовления пищи, — кивнула я. — Если б там еще и воды не было, я бы точно повесилась.

— Ага, а выпивка? — поинтересовался старпом.

— Не пьют. Вообще. У них это в законе прописано, стервецов эдаких. Даже бурдюк с вином мне запретили с собой захватить, отобрали на входе в гору. На моей памяти за два месяца там что-то пил только мой учитель, но ту дрянь, которую он хлебал, лучше за милую обходить.

Граф вальяжно отметил, в очередной раз приподнимая медный кубок в мою сторону:

— Странный вам попался наставник, капитан. Изгой, но не изгнанный. И все еще поддерживающий хорошие знакомства со многими.

Я хмыкнула:

— Думаю, многие «хорошие знакомства» как раз и были теми самыми контрабандными связями.

— Что отнюдь не мешает им быть хорошими и дружескими, — усмехнулся он.

Сейтarr, перебирающий между пальцами небольшой нож и с неизменной травинкой в углу рта, мечтательно вздохнул:

— Эх, посмотреть бы краем глаза на их устройства...

— Ну, на одно точно посмотришь. И не просто краем глаза, а сам соберешь и пристреляешь. Я отправила отдельным грузом части мардской баллисты, невероятно мощной и красивой. А снарядами к ней прослужит вот это.

Встряхнув сверток, стоящий рядом и распутав шнуры, я одним движением раскатала содержимое по столу. Четырехлезвийные копыя хищно уставились прямо на Ксама. На зиму боцман все же приделался в некое подобие теплой стеганой куртки, но грудь все равно открыта, и прямо туда смотрят поблескивающие лезвия.

Он же и попробовал пальцем одно острие, затем другое, удивленно посмотрел на выступившую бусину крови:

— Ничего себе острота... но поможет ли против металлического корабля? Это ведь всего лишь копые.

— Это копые, которое пробивает металл. Марды дали мне понять, что паровые котлы — штука очень опасная. Достаточно будет одного удачного попадания.

— А где гарантии? — осведомился Сейтarr. Я с мрачной ухмылкой посмотрела на него исподлобья:

— Мой дорогой интендант, я *сама* создавала это оружие. Душу в него вложила, можно сказать. И соответствующую проверку мы, конечно же, провели.

Насчет души — вовсе не красивые слова...

— Дивны причуды богов, — насмешливо сказал Джад. — Беглая дочь аристократа сначала становится капитаном пиратской команды, затем кузнецом...

— Ой, а сам-то! — возмутилась Чинка. — Не ты ли говорил, что хоть и четвертый сын,

н у вашей семьи уже шестое поколение?

Граф хитро сощурился, скрывая усмешку за бокалом. Ему-то, бывшему носителю фамилии, восходящей к основанию города Рьюманост, которому без малого две тыщи лет, незачем кричать о своем превосходстве.

С другой стороны, забавно, когда преступники начинают мериться длиной рода.

— Я за себя отмахалась, — сказала я, с любопытством оглядывая сборище. — Теперь ваша очередь. И притащите мне чего-нибудь поесть — трактир это вообще или нет?

— А вот и подоспело как раз! — раздался из-за спины знакомый бас.

Хог, ухмыляясь, водрузил на стол поднос с огромным фазаном и кучей вилок, небрежно воткнутых в различные места птицы. Я оторвала кусок мяса, и из бока тут же повалил пар — умелый повар нафаршировал фазана овощами.

— Восхитительно, — оценила я и принялась за еду, требовательно поглядывая на Джада. Как-никак, он без меня был главным, ему и ответ держать. Боцман проследил за моим взглядом, сочувственно похлопал старшего по плечу и потянулся за вилкой.

— Ну... корабль мы перебрали. Он в хорошем состоянии, и...

— Эфо ты уве говофил, — прочавкала я, крутя пальцем в воздухе: мол, дальше.

— Подумали, что зимой будет тяжело, вот и перебрались в город. Туда ездим по три-четыре человека, но пока что «Храпящий» еще никто не обнаружил. Кроме того, я навел иллюзию, как умею.

— А умеешь дерьмово, — безжалостно прошлась я по его колдовству. Старпом пожал плечами:

— Это снимать пока не научился с первого раза, а наколдовывать — чуть-чуть поднаторел. Так вот — благо, до сильных метелей успели полностью отремонтировать двигатель и заново перекрыть палубу. Иной раз зимой приезжаешь, а там такой треск стоит от новых досок.

— Но сейчас все в порядке, и можно идти в море?

— Ага, — лаконично ответил Джад.

Я спросила, энергично орудуя вилкой:

— А что за трактир?

— Хога трактир, — ухмыльнулся старпом. — Он всю зиму бурчал, что всю зиму без дела просидит — вот, нашли занятие. И, скажу честно, от клиентов отбоя нет. Некоторых даже заранее предупредить пришлось, что скоро закрываемся.

— Вот так вот без проблем?

— Были проблемы. Ну, как проблемы — пришли в середине Месяца Ночи несколько молодчиков, требовали плату за охрану и защиту.

— Хоть живы остались?

Турлей хохотнул:

— Живы, здоровы... передавали много золота и очень извинялись!

— Стоило их оставить на пару месяцев — осели на земле, завели трактир... что дальше? Сапоги тачать? — иронично поинтересовалась я.

Старпом вздохнул:

— Если не сладим с рейдером — придется подумать и о сапожничестве. Хотя, вероятнее всего, после второй стычки либо мы, либо они... кто-то один останется лежать на дне.

Обглодав фазанью ногу, я расслабленно откинулась на спинку стула, медленно

проговорила:

— Нельзя ожидать, что так сразу их найдем. Возможно, придется провести в океане не пару декад, а пару месяцев.

— Я заготовлю побольше «длинного» провианта, — понимающе кивнул Сейтарт.

— По остальным — возражений нет? — окинула взглядом я прочих членов экипажа.

— Капитан, бросьте, — горячо сказала Чинка. — Мы спим и видим, как бы пустить этих ублюдков ко дну, а вы еще начинаете колебаться и спрашивать, кто хочет, кто не хочет. Только дайте приказ.

Остальные поддержали ее нестройными, но яростными возгласами. Такой боевой настрой мне по нраву.

— Тогда пойдем и покажем им, — хищно ухмыльнулась я, обнажив зубы.

— Где Ойген зимует? — невинно спросил Ксам. Я кивнула, затем озадаченно спросила:

— А кстати, где он зимует? И как?

* * *

Спустя всего один час мы уже тряслись в седлах. От повозок я отказалась наотрез — успела получить свою долю удовольствия от ежедневного восседания на узком облучке. Скрыга Хог с большим сожалением заколотил дверь трактира, сокрушаясь, что не удалось предварительно кому-нибудь продать, но наше дело поважней будет.

Все четыре ящика благополучно добрались до Жумейжика, причем на день раньше меня. Что ж, не зря глашатаи на каждом столичном углу кричат «Пользуйтесь услугами Торговой Грузовой компании!». Воспользовалась, понравилось. Возможно, даже хвалебный отзыв оставлю в книге благодарностей, подписавшись полным настоящим именем — забегают, как ошпаренные.

Сейчас груз благополучно трясется на телеге в центре растянувшегося отряда. Сейтарт скачет рядом и поминутно облизывается, представляя, как будет крутить все эти болтики, рычажки, крепить тетиву, настраивать прицел... что ж, каждому — свое.

Ойген... я раньше не совсем понимала, что с ним приключилось. Всю жизнь знала, что «приносить в жертву» по отношению к живому существу — убить. То есть, «принести себя в жертву» казалось чем-то вроде добровольного вонзания кинжала под сердце. На деле не все так прискорбно.

Матрос пожертвовал обычной жизнью — возможностью быть на суше, завести семью, растить детей. На худой конец, шататься по портовым кабакам, таскать кошельки у беззаботных мещан или играть на скачках. В любом случае, теперь, если он когда-нибудь ступит на сушу, то умрет. К кораблю это, как ни странно, не относится.

Взамен Мившарту дала ему способность сколь угодно долго находиться под водой, не лишая и обычного дыхания, умение плавать на очень больших глубинах, огромную физическую силу и кое-что еще... боги, к сожалению, контрактов не составляют. А, по словам команды, Ойген так и не выяснил до конца, что еще умеет. Наверняка умеет многое, но Искру ему богиня моря так и не пробудила, а все прочее лежит за пределами моего понимания.

Он дважды, зимой, в ледяной воде выходил в океан в поисках рейдера. Не уверена, что смог бы хоть как-то навредить, но пытался и возвращался ни с чем. Один раз, взбешенный

бесплодными поисками, напал на торговое судно, ничего не взял кроме бутылки вида и скрылся в водной пучине. Кажется, у моряков скоро будет новая байка.

Обо всем команда узнала от него самого — Ойген, как привязанный, неизменно возвращался к «Храпящему». Холодный, мокрый, мерзнувший на воздухе и отлично чувствующий себя в воде с точно такой же температурой. Очередная смена стражи тепло относилась к соратнику, хоть он и приобрел зловещий вид. Ну, к страшным рожам им вообще не привыкать.

Маскировку Джад сотворил добротную. Если бы не знакомая линия берега, то шиш бы отличила, где корабль, а где просто скалы. Предоставила старпому поупражняться в уничтожении образов, вызванных его собственным разумом, и с задачей он справился на отлично. Вообще, можно и так зайти на корабль, однако мне хотелось его увидеть после долгой разлуки, да и ящики по узкому, качающемуся трапу таскать, не видя ничего — тоже не самое приятное занятие.

Эх... почти, как в день постройки. Только более светлое дерево у кормы выдает, что его ремонтировали, причем основательно. Сколько усилий им пришлось вложить — даже не представляю, но безмерно благодарна.

С борта свесился Деррек, одетый в кафтан невообразимо пурпурного оттенка. Явно не с его плеча, к тому же, но толстый и подбитый овчиной. Увидел, что я смотрю на него, помахал рукой:

— Э-ге-гей! Капитан, мы уж заждались совсем.

— Вы — это кто? — с интересом уточнила я. Деррек смутился:

— Ну... Ямми, Ойген и я.

— Уж мне-то известно, как моя команда несет вахту. Небось, дрыхли целыми днями и в карты дулись на деньги.

Помощник боцмана ухмыльнулся:

— Мы бедные моряки, капитан... какие уж у нас деньги.

Я легко взбежала по узкому трапу, спрыгнула на палубу, распорядившись:

— Показывай.

— Что?

— Рыбу нашу показывай... мне о нем уже все уши прожужжали. Хочу убедиться, что дело именно настолько безнадежно, насколько Джад описывал.

Деррек пробормотал:

— А... так вон он, сидит на носу.

Фигура, закутанная в черную шерстяную накидку, и правда красовалась у самого бушприта. Я осторожно, как будто подходя к пойманному в силки дикому зверю, поднялась на нос шхуны, оглядывая то, во что прекратился некогда светловолосый рослый здоровяк.

Увидев мое замешательство, он разлепил узкие бледные губы и проговорил:

— Да я это, я... можете не сомневаться, капитан.

Как сказать, любезнейший, как сказать.

Угольно-черные глаза без белков. Непонятно, куда он смотрит и смотрит ли вообще. Я такое только у некоторых монстров видела, и то лишь в книгах. Человеческая кожа превратилась в серебристую чешую, склизкую и очень прочную на вид. Черты лица видоизменились — волосы выпали начисто, череп удлинился, от носа только небольшой бугорок, в котором две ноздри, выступающие челюсти полны тонких, острых зубов.

На шее и плечах заметны туго сомкнутые щели. Жабры. Видимо, когда он погружается в

воду, ноздри перекрываются, а жаберные щели, наоборот, начинают гонять воду. Полностью двоякодышащее существо.

Между пальцев, что теперь стали похожи на птичьи или те, что у ящериц, полупрозрачная перепонка. На ногах, обмотанных в тряпки, готова спорить, точно такие же, но еще подлиннее. И обувь ему, конечно же, не подобрать, да и не нужна теперь вовсе. Зачем обувь человеку, которому предрекли смерть от шага на сушу?

— Не слишком похоже, здоровяк, — честно сказала я, затем уселась рядом и протянула бурдюк с вином. Ойген едва заметным движением головы отказался, я пожала плечами, зубами вытащила пробку и отхлебнула сама.

— Рассказывай.

— Да что тут рассказывать... кретин и есть, — развел руками он. — Конечно, в море много удивительных вещей. Целые затонувшие города, полные несметных сокровищ, древние полуразрушенные корабли, огромные существа, каждое из которых могло бы проглотить меня, как ветер одну-единственную пылинку. Но все это не стоило того, чтоб отказываться от жизни на суше.

— Ты тогда изрядно нажрался, наверное.

— Верите — ни капли не выпил. Все больше подливал Мехресу, следил, чтобы он ничего не заподозрил. А как лысый упал под стол и захрапел, понял — пора. Выбежал на улицу, оседлал коня и погнал к берегу. Я даже не помню, что тогда говорил, но вдруг почувствовал... зов. Призыв броситься в морские волны.

— Это и была Мив?

— Мив?

— Мившарату, балбесина, — криво усмехнулась я. Ойген внимательно посмотрел на меня, если я правильно истолковала направление его взгляда.

— Не стоит так... по-свойски. Я уловил частицу ее мощи. Не стоит, капитан, ради вашего же собственного блага.

— Опомнись, матрос. Я не собираюсь бодаться ни с богами, ни с их прислужниками. У нас хватает и более земных проблем, тебе так не кажется?

— Да. Да, конечно, вы правы. Как были и всегда, — отрешенно посмотрел он прямо перед собой. Попытавшись отвлечь его от тяжелых мыслей, я спросила:

— Но ты говоришь, там, в океане, затонувшие города. А есть еще что-то? Какие-то поселения существ, с которыми мы раньше не сталкивались? Вдруг ты не первый?

Ойген шумно втянул холодный воздух и выдохнул его. Горько сказал:

— Никого. Там, куда я смог добраться, я не нашел ни единого собеседника. Океан мертв, Тави. Совсем мертв.

Я поднялась на ноги и похлопала его по макушке. Чешуя действительно была склизкой на ощупь. Сказала:

— Теперь-то не совсем. Допустим, что совсем немного мозгов у тебя имеется, а ты, как ни крути, теперь житель океана.

— Это значит, что я больше не в команде? — глухо спросил он.

— Ха! Нет, дорогой, от этой должности тебя никто не освобождал. И не забудь — первую декаду на ваших с Мехресом мужественных плечах вся тяжесть по очистке гальюна!

На его рыбьем лице застыло непередаваемое выражение — то ли радости, то ли огорчения. А я пошла к собственной каюте, под нос бурча:

— Нет чтобы принести себя в жертву богу доблести — стал бы воином, которого не

видел свет. Моряк — он дурак уже по определению. За столько времени на открытой воде все мозги выдувает к демонам.

Хог, что тащил мимо один из ящиков, укоризненно заметил:

— Капитан, Корд не принимает подобных жертв. Да, он может вознаградить за уже проявленную доблесть, однако награда никак не будет выражаться в... превращении.

— Тогда какому-то еще богу, — фыркнула я. — Мало их на Кихча, что ли?

Саррус поморщился от моего ерничанья и потащил увесистую ношу на нос, где Сейтарр уже разложил чертежи, согнав Ойгена, и примеривался проделывать дырки в палубе для тщательного закрепления баллисты. Еще в городе он купил по дешевке несколько ярко-красных рыбацких буйков, с которыми и намеревался поупражняться в стрельбе. Прямо в открытом море, чтоб далеко не ходить.

Кроме того, через несколько часов должны прийти подводы с необходимыми продуктами — интендант нет-нет да и глянет через борт. Беспокоится, и, как обычно, хочет чтоб все было идеально.

Каждый при деле. Кто-то проверяет фалы, кто-то тащит к борту круг троса, брошенный под ногами, Ксам, болтая босыми ногами на высоте, разматывает тугой шнур, которым закрепили парус вместе с гафель-реем, Сорам придирчиво смазывает ось штурвала, заодно капая маслом в проемы управляющих рычагов. Ойген, пользуясь новообретенными силами, осматривает дно и рулевые тяги с внешней стороны, заодно обдирает всякие мелкие ракушки, что успели присосаться к кораблю.

Я... я уговариваю Графа.

Ульгем только отрицательно качает головой.

— Капитан, я не буду пользоваться ни единым способом облегчить бой, если он не относится к чистому искусству фехтования.

Следовало бы ожидать — он даже оружие отказывается менять на нормальное, предпочитая большую железяку под названием Гранадо Цвейхт. Но упрямство мечника начинает действительно раздражать.

— Мы отправляемся на охоту за кораблем с двумя сотнями человек на борту. Возможно, придется вступить в абордажный бой, причем без использования магии. Ты — наш лучший боец, и каждая уловка будет нам на руку.

— Я согласен с ходом вашей мысли, однако не стану портить собственное оружие, — упорствовал Граф. Старпом хохотнул, не отрываясь от карты:

— Как будто его можно испортить еще больше!

— Мастер Джад... — ледяным тоном сказал мечник, но я перебила его:

— Значит, не берешь?

— Ни за что.

— Ладно... кто у нас еще умеет держать меч в руке и согласен примерить к нему Призрачного Танцора?! — заорала я так, что даже ленивая птица в ужасе спорхнула с мачты.

— Ямми, — хохотнул с мачты один из матросов. Кажется, Турлей. С тех пор, как Ойген стал чересчур нелюдимым, он, кажется, рвется занять должность помощника боцмана по части идиотских шуток.

Ямми и меч в покалеченной руке с трудом держит, его главное оружие — щит с лезвиями. Так что подначка совершенно дурацкая.

— Могу попробовать, капитан, но я вряд ли гожусь для подобной чести, — отозвался с кормы белогривый лучник.

— А если он будет стрелять из лука мечами вместо стрел, то сможет считаться мечником?

— Заткнись, Ксам.

Мехрес крикнул с мачты:

— А к копьё его можно приладить?

— Думаю, можно, — кивнула я. — Ты сражаешься быстро, а Танзору только это и нужно, насколько я поняла. Только вот оружие у тебя...

— Этот вопрос можно решить, капитан, — проговорил он, спускаясь с мачты, ловко перебирая руками и ногами. — Если мы выживем, и останется парочка ваших чудных рунных копий, я просто возьму себе одно из них. И уж туда прикреплю артефакт.

Сощурившись, я нехотя произнесла:

— Бери сейчас. Только без метки на горле, те — разрывные.

— А сможете потом сковать что-нибудь еще? — хитро спросил смуглый матрос. Покачав головой, я ответила:

— Думаю, на полное обучение даже у меня ушел бы не один год. Научилась только делать копьё, и вне Хетжеба просто нет нужного оборудования, чтобы повторить процесс.

— А это и не понадобится, — рассмеялся боцман.

Как он может быть настолько уверен? Я вот ничуть не разделяю подобных убеждений, даже несмотря на то, что твердо считаю — мой экипаж самый лучший из тех, что вообще возможно собрать. И все равно прикидываю варианты, планирую, даже несколько абордажных схем криво нарисовала.

А у Ксама все просто — «не понадобится». Что ж... было бы неплохо.

Глава 13. Гроза океана Оси

Да... честно говоря, мы и есть та самая рыба со сломанной спиной. Понятное дело, что хребет чешуйчатой не перешибить, да вот только песня не о том. Даже не имея возможности действовать, мы куда-то плывем и что-то пытаемся делать. Как будто недостаточно смертельной угрозы.

В итоге мы, как и та рыба, куда-то приплывем. Либо дальше, к новым приключениям, либо на дно морское, что не самая плохая смерть для любого, кто любит море пуще собственной жизни.

Неужели отец был прав, и с новым судном действительно грядет целая эпоха нового, массивного флота, полностью сделанного из металла? И паровые двигатели, постепенно совершенствуясь и перерождаясь, позволят заменить такой удобный рунный? Счастье лишь в том, что в его мире все длилось едва ли не пару сотен лет. Зная, как развиваются магические миры, я с уверенностью могу сказать: у Кихча на такой рывок уйдет не менее пятисот.

Великолепная отвага, с которой мы прем навстречу, является лишь тщательно замаскированной глупостью. Да, подготовленной, отлично спланированной, но глупостью. Мысль даже не забегает вперед — хотя, по правде, рейдер еще и довольно уродлив по сравнению с парусными судами, и не хотелось бы, чтоб подобные монстры наводнили прибрежные моря и великий океан.

Получается, что мы сознательно противимся развитию механики?

Никогда не была слишком импульсивной, пыталась думать, прежде чем делаю. Однако сейчас, если развить мысль, получается, что я бросаюсь с копьем на паровую повозку, не задумываясь, насколько это опасно.

А и демоны с ним. Они забирают людей в рабство? Достойны смерти.

Думают, что стали повелителями океана? Достойны смерти.

Упиваются своей безнаказанностью? Ха, ведь то же самое делаем и мы. Все то же самое, пираты всегда пираты, неважно, отходят ли они от дел к закату жизни или качаются на дыбе, вывалив язык. Суть всегда одинакова. Но до тех пор, пока ненавистный корабль смеет забирать жизни моих людей, я не успокоюсь, пока не пушу его ко дну.

— Тревога десять! — истошным голосом донеслось снаружи.

Я вскочила, оставив посох у стены и на ходу начиная творить Невидимость Вициуса.

Мы выслеживали рейдер до самых берегов Аргентау и обратно почти месяц, четыре с половиной декады, и, кажется, на сей раз удача нам улыбнулась. Распахнув дверь, я увидела у горизонта точку, которая быстро приближалась. Закат был за прямо за нами, так что подробно рассмотреть «Храпящий» они никак не могли. А вот Линд, да еще и вооруженный подзорной трубой, отлично разглядел корабль, что дымом из высокой трубы коптил небо. И шел прямо на нас, рассчитывая застигнуть врасплох.

Что ж... недолго ему осталось.

«Тревога пять» на нашем языке — эскадра военного флота. Встреча с кораблем-убийцей, как сами понимаете, гораздо опаснее. Судя по всему, его гребные колеса оборудованы еще и рунами, поскольку судно несется вперед на сумасшедшей скорости, около тридцати узлов. Состязаться с ним не может даже «Храпящий».

Какое совпадение — мы и не собирались.

Закрыв всю шхуну невидимым полем, я стиснула зубы. Заклинание тянуло из тела не

меньше сил, чем в тот раз, а я уж было решила — получится гораздо легче. К счастью, подоспел Джад и опустил мне ладонь на основание шеи, помогая удерживать магию, стало немного легче.

Темная вода едва колышется. Все не так, как в первый раз, проливной дождь с ветром и почти полный штгиль имеют мало общего между собой. Рейдер сделал единственный выстрел туда, где мы находились, однако Сорам уже увел корабль в сторону.

— Так держать, — приказал Джад, лишая меня необходимости говорить. — Разойдемся с ним в борт. Сейтарр, целиться сзади и чуть выше колесной оси.

— Есть, — коротко ответил интендант, с легкостью повернув носовую баллисту в нужном направлении. Шарниры, сработанные мардскими механиками, вращаются настолько свободно, что баллисту сдвинул бы и ребенок. Между двумя дугами хищно поблескивает сложной формы наконечник.

Несмотря на то, что Сейтарр сам объяснял старпому, где размещен паровой котел, даже не одернул его. Команда в предельном напряжении, ночная вахта уже давно бодрствует. Ойген тоже с копьем, стоит у борта — если не получится подстрелить рейдер из баллисты, он попробует поразить его из воды. Нанести несколько сильных ударов сквозь морскую толщу новоявленному адепту Мившарату раз плюнуть.

Как только мы стали сближаться, цилиндрическая башня медленно повернулась в сторону и навела продолговатые трубы прямо на нас!

— Тави, — зло шепнул мне Джад. — Они нас видят.

— Невозможно. На таком расстоянии у них должен быть опытный маг, который сможет снять заклинание, — процедила сквозь зубы.

Да и если бы его сняли, я бы почувствовала.

С громовым звуком рейдер плюнул чугунными шарами, но они промчались выше и за кормой. Ксам хлопнул себя по лбу:

— Дерьмо! Они наводятся по кормовому следу! Капитан, как-то замаскировать его можно? Или скрыть...

— Я... не смогу... — хрипло произнесла я. Уже больше двух минут сохраняю поле незримости, если так продолжится дальше, то еще через минуту я не смогу и пальцем двинуть от слабости.

— Может, масло разлить по курсу?

— Тогда по масляному пятну они точно поймут, где мы! — одернул сообразительного матроса Джад.

— Дайте взрывное копьё! — крикнул Сейтарр. Линд довольно сноровисто затолкал другое, взамен вытащенного, в пасть мардского осадного арбалета. Интендант, закусив язык от напряжения, поправил очки.

Башня повернулась еще немного. Кажется, что теперь она смотрит прямо на нас, корабль затрепал, приняв два тяжелых выстрела прямо по корпусу. Судя по всему там, внутри, спешно готовились к новому залпу.

В этот момент со свистом вылетел блестящий снаряд, нырнув прямо в одну из труб. Внутри надстройки раздался оглушительный взрыв, у верхней части образовалось несколько трещин, из которых тут же повалил дым. Не знаю, какие повреждения получило «орудие второго класса», но Сейтарр хотя бы на время заставил его замолчать.

Вряд ли у них имеется запасная башня, хе-хе.

— Бей по гребному колесу! — крикнула я, когда заклинание спало с корабля. Между

нами меньше мили, сейчас, когда они не могут стрелять — пусть беснуются. А выстрел по гребному колесу...

... раздался скрежет, и рейдер беспомощно закружил на одном месте. Левое гребное колесо заклинило! С палубы по нам защелкали стальные баллисты, ничуть не менее смертоносные, чем наша, одна из них удачно попала в марсель и переломила его вместе с парусом. Стрела другой вонзилась в борт, проделав там солидную дыру прямо на ватерлинии. Глупо полагать, что боевой корабль оснащен только одним «орудием».

— Команда откачки, к помпам! — заорал боцман, прячась за мачтой с намотанным на руку фалом. Я, укрываясь за ящиком и фальшбортом, крикнула:

— Ойген!

— Да, капитан? — отозвался он.

— Продырявь им днище пару раз, так, чтобы убрали хотя бы часть людей от баллист!

— Есть! — и нырнул в черные воды океана. Хотело бы мне видеть, как эта серебристая стрела пронеслась под их кораблем и пронзила прочный металл, однако услышала лишь результат — едва слышимые крики и звук трубы, особый сигнал, не боевой, а очень и очень тревожный.

— Как бы он там не увлекся, — проорал Сейтarr, заслоняясь мощным корпусом носовой баллисты. — Мы на идеальной траектории выстрела!

Я заскрежетала зубами. Их корабль вертится на одном месте, как привязанный, но в то же время нас осыпают стрелами, каждая из которых может разорвать человека надвое.

Копья... сначала дать бы выстрел обычным, чтоб наверняка пробить борт, а потом туда же засадить взрывное. Но времени нет. Если рейдер каким-то чудом сумеет возобновить работу башни, нам хана.

Тысяча неназванных! Хватит сомнений — ты их делала, ты знаешь, на что они способны.

— Бей!

— Вы уве...

— Бей, кому говорят!

Интендант взялся за рогатую рукоять и совсем немного повернул произведение инженерной мысли. Быстро нажал левой рукой, остановив, и правой.

Тетива еле слышно зазвенела, отправив в полет добрых десять фунтов стали и дерева. Сверкающая в багровых лучах закатного солнца стрела преодолела все расстояние между кораблями, прошла через борт, как нож сквозь бумажный лист, и внутри раздался взрыв, а через секунду палуба раскрылась, словно распустившийся цветок.

Огромный клуб огня вырвался оттуда, труба распалась на несколько частей и рухнула вниз, давя и калеча уцелевших людей. Одна баллиста, на корме, все еще продолжала стрелять, однако Сейтarr перебежал к другой и быстро ее заткнул, оторвав храбрецу — или безумцу — руку метким выстрелом.

Вражеское судно все еще дрейфовало по кругу, все медленнее и медленнее, затем замерло, как истекающий кровью зверь, что наконец-то нашел свою смерть. К носу потащились несколько обгоревших фигурок в истерзанной одежде, одна из них поддерживала другую под руку, третий нес кусок светлой тряпки, обвязанной вокруг обломка доски.

— Как мило... белый флаг, — злобно проговорила я. Джад, тяжело дыша, спросил:

— Почему мило?

— А мне кажется, я его уже где-то видела. Не на мачте ли того купца, который они обнесли дочиста, угнав людей в рабство? Эй, Сорам, стоп двигатель!

— Капитан, — из-за спин появился насмешливо-угодливый интендант, подавая арбалет. — Если вы хотите отказать им в милосердии, я настойчиво советую сделать это с помощью моей красавицы. Ей все равно, а мне приятно будет.

— Красавицы? — приподнял бровь старпом. Я с ухмылкой забрала у Сейтарра арбалет, приложила к плечу — один из выживших покотился в агонии, пытаюсь закрыть живот. В центре окровавленного пятна торчал хвост арбалетного болта.

С сожалением произнесла:

— Не быть мне стрелком. Даже не насмерть.

— Так тоже ничего, — со зловещим оскалом проговорил Ксам. — Дайте я попробую.

Пока они с Дерреком спорили, кому следующий выстрел, на палубу вскарабкался Ойген и развалился на досках, измученно дыша. Копье валялось рядом. К нему подбежал один из ребят, помог подняться, тот кивком поблагодарил и направился к нам, возмущенно шлепая губами:

— Какого черта? Я едва отплыл, как вы шарахнули чем-то, что так по голове дало — до сих пор искры из глаз!

— Это все она, — с опаской указал на меня интендант. Ойген с укоризной посмотрел на меня. Глаза темные, словно за мной через его взгляд наблюдают океанские глубины. Спросил:

— Обязательно было... так?

— Прости, — развела я руками. — В тот момент это показалось хорошей идеей.

— Да и ты еще не дохлый, — ухмыльнулся Ксам, отдав арбалет помощнику. — Ойген, а вот скажи — если ты вдруг в море сдохнешь, то будешь брюхом вверх плавать? Или это у чистокровных рыбин только встречается?

Человек-рыба на несколько секунд застыл, осмысливая сказанное, потом угрожающе проревел:

— Да я тебя...

Боцман отлично понимал, что в воду прыгать от разъяренного матроса теперь бесполезно, посему полез на мачту, ловко цепляясь за такелаж.

— Слезай, трус! Демоны бы тебя побрали! — бесновался Ойген, пытаюсь вырвать фок-мачту с корнем.

— Осторожно, а то Шамашу разбудишь! — орал сверху Ксам.

Пока они сходили с ума, Джад опустил ладонь мне на плечо, привлекая внимание:

— Какие будут дальнейшие приказы, капитан?

— Насчет чего? — удивилась я.

— Насчет рейдера, — жестко сказал старпом. — Мы не решили проблему до конца.

Я задумчиво посмотрела на двух оставшихся человек, судно под которыми медленно разваливалось. Может, теперь они и безвредны, однако существует немалая вероятность — ублюдки выживут и донесут обо всем правителю Аргентау. А там уже и до войны недалеко.

— Дыру заделали?

Джад молча кивнул.

— Подплыть, обыскать корабль. Никакого милосердия. Всех выживших — добить. Этих, что машут белым флагом — тщательно допросить о количестве подобных кораблей и местах их постройки. После этого — убить, — приказала я.

Услышав приказ, Ойген обернулся ко мне:

— Капитан, я проверю, не попытался ли кто-то спастись вплавь.

— Только не ешь. Говорят, люди из Аргентау невкусные и в зубах застревают.

— И кто ж это вам мог такое говорить — собственный опыт? — ехидно произнес он, направляясь к борту.

* * *

— Я-я п-простой матрос, я ничего не знаю...

— Тем менее завидна твоя участь, — зло произнес Ксам и полоснул его ножом по горлу, одновременно переваливая тело через борт. Рачительный мужчина — палубу тоже нужно кому-то драить.

— Остается наша последняя надежда, — ледяным голосом проговорила я, уставившись на второго, раненого в ногу. Половину его лица укрывал пузырящийся багровый ожог, глаз чудом уцелел, на оставшуюся плаксиво свисали несколько мокрых прядей черных, как смоль, волос. Богатый изорванный костюм говорит о том, что вряд ли он входил в палубную команду — золотые галуны, фигурные пуговицы, штаны с оборочными манжетами у щиколоток, одна, чудом сохранившаяся туфля.

Сглотнув слюну, пленник зачастил:

— Не убивайте! Я все расскажу! Не убивайте, умоляю!

Я подошла к нему и поднесла к глазам лезвие мардского меча:

— Не ори. Кто ты?

— Ваша милость, я простой чиновник при дворце! Меня насильно включили в экипаж и отправили на верную гибель! Я бы ни за что не сел на это проклятое...

Пощечина, прямо по ожогу. Мужчина заорал от боли, из глаз обильно покатились слезы, всхлипывая, он попытался в мольбе обхватить мое колено, но я отшатнулась назад. Резко сказала:

— Меня не волнует, при каких обстоятельствах ты попал на рейдерский корабль, занимающийся работоторговлей. Ты на нем был. А вот от того, что ты о нем знаешь, может зависеть твоя жизнь.

— Я... я все расскажу... только не бейте, пожалуйста...

— Говори! — рявкнул Джад.

— Все началось с картины...

— Картины? Какой еще картины? — недоуменно спросила я. Он часто закивал, трясущимися руками вода в воздухе:

— Да, да, картины, прямоугольной такой, среднего размера. Вы знаете, я совершенно случайно прослышал — при дворе Мабары ходят разные слухи — что автором картины является В-варанг. Н-ну, тот самый В-варанг.

Джад остолбенело произнес:

— Я знаю только одного Варанга. Тот, что Пройдоха Величайший, нынешний император Грайрува. Но при чем тут картина?

Пленник забормотал:

— П-понимаете, среди искусствоведов принято по большой цене выкупать работы различных... сильных мира всего. Император любит рисовать... странные вещи, хоть и не

вполне умеет. Одна из таких вещей совершенно случайно попала на глаза нашему королю, властелину Аргентау, и он ее выкупил.

— И... на той картине был корабль? Чертеж корабля? — спросила я неверяще. Не может быть, чтоб хитрый и расчетливый Варанг сам предоставил подробный рисунок новейшего оружия кому бы то ни было.

— Нет, нет, нет... он был совсем не такой. Нарисован, причем очень призрачно, словно пожалели краски на холст. Но моему повелителю словно, п-простите, шилом в одном месте запал тот образ. И он приказал любой ценой создать подобное судно.

— Пытались сами?

— С-сразу обратились к мардам горы Рид.

Мы с Джадом переглянулись. Догадка старпома попала точно в цель.

— П-послушайте, если вы сможете доставить меня к моей семье, выкуп не заставит...

Я молча пнула носком сапога по раненой ноге, отчего он снова плаксиво взвыл.

— Сначала. Ты. Расскажешь. Нам. То. Что. Нас. Интересует. Ясно, идиот?!

— Да, — выдохнул он, опираясь руками о палубу, — да, я все с-сделаю...

— Отлично. И марды, вот так просто, за здорово живешь, сделали вам корабль?

— Н-нет. Сначала они выгребли две трети казны, затем заставили ждать почти год... у подземников, как оказалось, есть выход прямо к океану, где и испытывали сие произведение инженерного мастерства. П-правда, Его Величеству пришлось поднять налоги почти в два раза...

— Что за чертежи «орудия второго класса»? Зачем их везли в Грайрув?

— Не знаю, в-ваша милость, — не поднимая глаз, ответил чиновник. — Я не имел доступа к документам конструкции, но наблюдал своими глазами за некоторыми... этапами...

— Какими?

— Я видел, как делают снаряды к пушке... так они называли «орудие второго класса». Есть еще первый класс, однако он не исполнен в металле, есть только на бумагах... его строительство оказалось слишком дорогим. Для одного королевства.

— А как их еще делать? — удивился боцман, вопросительно глядя на нас. — Все же видели — это просто чугунный шар. Они даже рун на него не нанесли.

— На некоторые... наносили, — возразил мужчина в богатом камзоле, неотрывно смотря в палубу и тяжело дыша. — Но их очень мало в числе прочих. И секрет не в том. Секрет в комбинированной взрывной капсуле. Ее наливали до краев...

— Точно наливали? — перебила я, вспоминая рассказ отца о загадочном взрывном порошке. Пленник кивнул:

— Да, д-до краев такой вязкой жидкостью цвета красного золота... не металл, секрета самого состава я не знаю. Потом края капсулы схлопываются вокруг чугунного ядра. Все это подается в ствол орудия, а там, в задней крышке, поджигается специальный запал, который, когда захлопываешь ее, воспламеняет и взрывает смесь в капсуле. Ствол орудия рассчитан на то, чтоб выдержать множество подобных взрывов.

— Мудрено как-то, — заметил один из матросов, вертя в руках меч.

— Как есть, господин, — еще ниже поклонился чиновник. Или бывший чиновник, тут как сказать. — Я сам, своими глазами имел честь это видеть.

— На чем основана движущая мощь судна?

— На двух движителях, ваша милость. Первый — сила пара, что производится

забрасыванием сжигаемого продукта в огромную печь, которая нагревает котел с водой.

— Ну, устройство парового котла я и сам знаю, — отметил Сейтарр недовольно.

— Вторая — добавочные руны у оси самих колес.

Интендант посмотрел на меня и потрясенно сказал:

— То есть, как у нас... только два колеса, и вместо силы ветра сила пара. Да, он мог разгоняться даже до двадцати семи или двадцати восьми узлов, если учесть обтекаемость и высокую посадку. Правда, не знаю, как у них с распределением балласта.

— Сплавай, посмотри, — цинично предложил старпом. Ох, не любит он всю эту заумь.

Я присела на корточки, схватив его за копну волос. Пленник испуганно посмотрел на меня, стремясь, словно черепаха, упрятать шею вместе с головой куда-то в плечи.

— Сколько еще подобных есть или планируется к постройке?!

— Е... Его Величество хотел целый флот, но...

— Тави, — осторожно прикоснулся к моему плечу Сейтарр. Странно, уж он-то меня по имени раз в сто лет зовет. — То есть, капитан, его постройка — две трети казны. Которая накапливалась годами. Считаем: одна треть, две, три. Итого у них осталась всего треть казны, на которую никак нельзя купить еще один подобный корабль. И даже повышенными налогами ее не заполнить в одночасье.

Интендант обеспокоенно смотрел на меня, как будто я и сама разучилась проводить подобные расчеты. Я, прикрыв глаза, кивнула. Да, нужно хоть немного пользоваться этой штукой, которая на плечах. Из нее уши еще растут. Дли-и-инные.

— Хорошо, — вздохнув, отпустила его волосы и поднялась в полный рост. Чиновник, не смея поднять взгляд выше моих колен, трясся, словно промерз до костей. — Последний вопрос. У вас в руках оказалось судно, способное дать бой целой эскадре военных кораблей любой страны. Лучшие достижения величайших умов сплавились в нем воедино — крепкий металл, броня, ужасающее оружие, великолепная скорость, неуязвимость к магии...

— Все точно так, как вы сказали, — пробормотал он.

— И все, до чего вы смогли додуматься — пиратство?! — взревел Джад.

— «Мелинесс» был создан, чтобы стать королем морей и океанов... — прошептал мужчина, из его голоса вдруг куда-то исчезла дрожь. — Любой ценой.

Ксам злорадно усмехнулся:

— И торговать рабами? По любой цене! Кстати, стоило заглянуть в трюмы...

— Я никого не нашел. Все мертвы либо уже пошли ко дну, уплыть даже не пытались, — сообщил Ойген, тяжело переваливаясь через борт. Боцман хлопнул его по плечу: мол, все равно сработано дельно.

— Вы меня отпустите? — с надеждой произнес раненый. Я покачала головой:

— Об этом разговора не было.

— Но вы же сказали, что моя жизнь зависит от...

— Да, от вашего рассказа. Все очень просто. Чем дольше длится рассказ, тем больше секунд жизни вы себе выгадываете. Я много совершила откровенных глупостей, но давать кому-то такой шанс...

— К-какой еще шанс...

— Шанс рассказать своему королю о том, что разыскиваемая преступница пустила ко дну две трети его казны. Неужели вы и вправду думали, что я вас отпущу? — оскалилась я в зловещей ухмылке. Он весь побелел, и, словно околдованный, не смог выговорить и звука до того момента, когда я нанесла удар.

Тонкое лезвие пронзило шею прямо под кадыком, мужчина захлебнулся собственной кровью, попытался было поднять руки к оружию, но бессильно свесил их по сторонам. Ойген дождался, пока я выдерну меч и оботру его о золотистую ткань, затем без малейшего усилия швырнул тело в воду.

— Опять прибираться, — укоризненно сказал Ксам, наградив меня пронзительным взглядом.

Пожав плечами, мол, не царское это дело, я прислонилась спиной к мачте и едва заметно улыбнулась, наблюдая прекраснейшее в мире зрелище — как медленно, мучительно, разламываясь по линии переборок, догорает странный корабль, что осмелился забрать жизнь матроса с пиратской шхуны «Храпящий», Тумаса Жамсби.

Что ж... мы убили владыку синих вод, значит, трон теперь пустует. И хоть разорвись теперь между обустройством собственного лена с замком — и таким милым, то тихим, то бушующим, одновременно пугающим и прекрасным океаном.

Исполинское солнце медленно катилось за тонкую линию горизонта.

Больше книг на сайте - Knigolub.net